

**МЕЖПАРЛАМЕНТСКАЯ АССАМБЛЕЯ
ГОСУДАРСТВ — УЧАСТНИКОВ СОДРУЖЕСТВА
НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ**

ЦЕНТР ИСТОРИИ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

Таврические чтения 2021

**Актуальные проблемы парламентаризма:
история и современность**

Международная научная конференция

Часть первая

Санкт-Петербург
2022

УДК 328; 94(4)

ББК 67.400.6

T13

Научное издание

Печатается по решению оргкомитета
международной научной конференции

Под редакцией доктора исторических наук, профессора,
заведующего кафедрой русской истории (XIX–XXI вв.)
Института истории и социальных наук РГПУ имени А.И. Герцена,
заместителя председателя научно-методического совета
Центра истории парламентаризма МПА СНГ
А.Б. Николаева

Рецензенты: Гордеев Петр Николаевич, доктор исторических наук,
старший научный сотрудник кафедры русской истории (XIX–XXI вв.)
Института истории и социальных наук РГПУ им. А.И. Герцена; Сенин
Александр Сергеевич, доктор исторических наук, профессор Россий-
ского государственного гуманитарного университета.

T13 Таврические чтения 2021. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 9–10 декабря 2021 г. : Сборник научных статей. В 2 ч. / Под ред. А.Б. Николаева. — СПб.: Астерион, 2022. — Ч. 1. — 262 с.

ISBN 978-5-00188-250-3

ISBN 978-5-00188-251-0 (Часть 1)

ББК 67.400.6

© Центр истории парламентаризма
Межпарламентской Ассамблеи
государств — участников СНГ, 2022

ISBN 978-5-00188-250-3

ISBN 978-5-00188-251-0 (Часть 1)

СОДЕРЖАНИЕ

НИКОЛАЕВ А.Б. Предисловие.....	6
КОБИЦКИЙ Д.А. Приветственное слово Генерального секретаря — руководителя секретариата Совета Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ	11

РОССИЙСКИЙ ПАРЛАМЕНТАРИЗМ НАЧАЛА XX ВЕКА: ТЕОРИЯ, ИДЕОЛОГИЯ, ПРАКТИКА

АРОНОВ Д.В. Структура парламента в либеральных проектах Основного Закона начала XX в.....	13
НОВОСЕЛЬСКИЙ С.С. Споры о парламенте в 1905 г.: дискуссия о выборах в Государственную думу.....	21
КАРПЕНКО К.В. Писанные и неписанные правовые нормы в парламентской практике думской монархии 1906–1917 гг.	27
КИРЬЯНОВ И.К. Битвы на полях истории в Государственной думе позднеимперской России: кейс третьего созыва.....	35
СОЛОВЬЕВ К.А. Депутатские будни. Что делали и что не делали народные избранники Российской империи	43

ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

ЦИУНЧУК Р.А. Выборы в I Государственную думу в Степном крае	50
СОРОКИН А.А. Русская Православная Церковь и выборы в I Государственную думу (по материалам журнала «Церковный вестник»).....	55
ОМЕЛЬЯНЧУК И.В. Монархические организации Владимирской губернии на выборах в III Государственную думу	61
ТИМОХИНА Д.А. «Из октябристских щенков, как видно, крупной собаки не бывать»: московские довыборы в Государственную думу 1909 г. и их итоги	69
ЛАВРИНОВИЧ Д.С. Борьба политических партий и национальных групп на выборах в Государственную думу III–IV созывов в Виленской губернии.....	79

ПЛЕНКИН О.И. «Суд Божий» или «Перст судьбы»: к истории дополнительных выборов в Государственную думу от Ярославской губернии в 1913 году	89
--	----

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: СОСТАВ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

КУДАЙБЕРГЕНОВА Ж.А. Деятельность депутатов Государственной думы от Степного края по вопросам переселения и землеустройства.....	97
ОРЧАКОВА Л.Г. Вопросы просвещения и образования в деятельности IV Государственной думы (1912–1917).....	104
ЗЛАТИНА М.А. «Заявление пяти членов Госдумы»: рабочий момент или свидетельство неэффективности деятельности особого совещания по устройству беженцев (сентябрь 1916 г.).....	109

ПАРЛАМЕНТ, ПРАВИТЕЛЬСТВО, ОБЩЕСТВО: 1906–1917 гг.

АЛМАЗОВ М.Г. Образы Манифеста 17 октября 1905 г. и Государственной думы в риторике власти и «цензовой» общественности Москвы в период Декабрьского вооруженного восстания 1905 г.	116
ПОРТНЯГИНА Н. А. «Столица пережила вчера день незабываемых впечатлений»: Петербург 27 апреля 1906 года в освещении российской прессы	122
ТУМАНОВА А.С. Трансформация деятельности добровольных ассоциаций дореволюционной России в контексте созыва представительных учреждений	130
СЕЛЕЗНЕВ Ф.А. Николай II и П.А. Столыпин о месте монарха и Государственной думы в системе управления	138
ЕГОРОВ А.Н. Военный министр А.Ф. Редигер и законодательные органы Российской империи.....	150
ХОЛЯЕВ С.В. Было уже поздно. Безразличное отношение императора к Государственной думе сделало революционный процесс необратимым (1911–1914 гг.)	158
ГАЙДА Ф.А. Николай Маклаков: пределы правительственного антипарламентаризма в третьиюньский период	167
ДЁМИН В.А. Реформа правительствующего Сената 1916 г. и либеральная общественность	172
СЮТКИНА М.А. Личности и деятельность депутатов Государственной думы в переписке Александры Федоровны и Николая II в 1914–1917 гг.....	186

ДУМСКАЯ БИОГРАФИКА

МАРОВ М.Н. Документальные источники к биографии члена III Государственной думы А.М. Колюбакина в фондах ГА РФ	192
ЗАБЛОЦКАЯ М.В. Политический портрет А.П. Сапунова — члена III Государственной думы, историка, археографа, краеведа Витебской губернии (вторая половина XIX — начало XX вв.).....	203
СТОГОВ Д.И. Деятельность депутата-трезвенника М.Д. Чельшева в Третьей Государственной думе	213
НИКОЛАЕВ А.Б. А.А. Бубликов — комиссар Временного комитета Государственной думы в Министерстве путей сообщения	219
ИВАНОВ А.А. Правый депутат Н.Е. Марков в зеркале советской прессы 1920–1930-х гг.	249

ПРЕДИСЛОВИЕ

НИКОЛАЕВ АНДРЕЙ БОРИСОВИЧ,
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой русской истории
Института истории и социальных наук
РГПУ имени А. И. Герцена,
заместитель председателя НМС
Центра истории парламентаризма МПА СНГ,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: abnikolaev@herzen.spb.ru

Аннотация: В статье рассказывается о подготовке и ходе международной научной конференции «Таврические чтения», прошедшей 10–11 декабря 2020 г., а также дана краткая характеристика сборника «Таврические чтения 2020. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность».

Ключевые слова: Центр истории парламентаризма МПА СНГ, «Таврические чтения».

9–10 декабря 2021 года в Таврическом дворце в Санкт-Петербурге прошла пятнадцатая международная научная конференция «Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность» («Таврические чтения 2021»). По итогам каждой из них выходят сборники научных статей, которые высоко оцениваются специалистами¹ и востребованы учеными. Так, в РИНЦе на 5 сентября 2022 года выявлено 774 цитирования «Таврических чтений» за все время их издания (2008–2021).

Организатором «Таврических чтений 2021» выступил Центр истории парламентаризма МПА СНГ. В состав оргкомитета вошли директор Центра истории парламентаризма МПА СНГ Л.А. Крохина (председатель), доктор исторических наук, профессор, председатель научно-методического совета Центра истории парламентаризма МПА СНГ К.А. Пшенко (заместитель председателя), доктор исторических наук, профессор,

¹ Лопухова А.В. Рецензия на сборник: Таврические чтения 2020. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 10–11 декабря 2020 г.: сборник научных статей. В 2-х ч. / под ред. А.Б. Николаева. Санкт-Петербург: Астерион, 2021 // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 1. С. 187–197. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-1-187-197>; Мурашкина Н.Ю. Новые исследования по истории российского парламентаризма. Рецензия на: Таврические чтения 2020. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция. С.-Петербург, Таврический дворец, 10–11 декабря 2020 г.: сборник научных статей. В 2-х ч. / под редакцией А.Б. Николаева. Санкт-Петербург: Астерион, 2021. Ч. 1. 208 с., Ч. 2. 206 с. // Historia provinciae — журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 3. С. 1036–1061. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-3-9>.

заведующий кафедрой русской истории (XIX–XXI вв.) ИИСН РГПУ им. А.И. Герцена А.Б. Николаев (заместитель председателя), кандидат исторических наук, доцент Института истории Санкт-Петербургского государственного университета Е.А. Тарасова; кандидат исторических наук, заведующая кафедрой истории культуры, государства и права Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» имени В.И. Ульянова (Ленина) И.В. Узлова.

Научно-методический совет Центра истории парламентаризма МПА СНГ и оргкомитет конференции провел ряд заседаний и встреч, связанных с ее подготовкой. 17 мая 2021 г. было принято решение провести конференцию 9 и 10 декабря 2021 г. Кроме этого, был разработан план подготовки конференции. Оргкомитет создал рабочую группу, в которую вошли сотрудники Центра истории парламентаризма МПА СНГ Е.В. Копцева, Е.Ю. Никитина и Е.В. Пуминова. Организаторы конференции надеялись провести конференцию в очном формате. Вместе с тем в письме указывалось, что «в случае сложной эпидемиологической ситуации конференция будет проводиться в дистанционном формате». Заявки для участия в конференции принимались до 10 ноября 2021 г. Информационные письма, приглашения отдельным ученым, а также образцы заявок были отправлены с 26 по 30 августа 2021 г. На специализированные сайты информация о конференции была выложена со 2 по 6 сентября¹. 3 сентября 2021 г. оргкомитет вновь обсуждал темы дискуссии и круглого стола, а 20 октября — вопрос о проведении «Таврических чтений 2021» в смешанном формате. Но окончательного решения о порядке проведения конференции оргкомитет не принял.

Оргкомитет рассмотрел и утвердил 65 заявок, поданных для участия в конференции. Кроме этого, был решен вопрос о руководителях/модераторах круглого стола, дискуссий и секций. В дальнейшем члены оргкомитета и рабочей группы приступили к составлению программы «Таврических чтений 2021». В программу конференции, состоящую из двух частей, были включены 63 доклада, круглый стол, дискуссия и презентация двух монографий. Программа была выложена на сайте Центра истории парламентаризма².

¹ XV международная научная конференция «Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность» [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://vk.com/event206881748>; XV Международная научная конференция «Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность» (Таврические чтения 2021) [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://nauchniestati.ru/konferencii/xv-mezhdunarodnaya-nauchnaya-konferenciya-aktualnye-problemy-parlamentarizma-istoriya-i-sovremennost-tavricheskie-chteniya-2021/>; XV Международная научная конференция «Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность» (Таврические чтения — 2021) // Конференции.ru. — Открытый каталог научных конференций, выставок и семинаров [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://konferencii.ru/info/138668>

² Программа конференции «Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность» («Таврические чтения 2021») / Таврические чтения / Центр

26 ноября 2021 г. оргкомитет в связи с ухудшением эпидемиологической ситуации, связанной с распространением COVID-19, принял окончательное решение о проведении «Таврических чтений 2021» преимущественно в режиме видеоконференцсвязи, пригласив в Таврический дворец лишь некоторых участников конференции. 7 декабря 2021 информация о порядке проведения была доведена до сведения участников конференции.

«Таврические чтения» проходили 9 и 10 декабря 2021 года в смешанном формате в двух помещениях Таврического дворца — Читальном зале и зале № 9, а в залах № 6 и № 10 секции прошли очно. В этих залах присутствовали 35 участников конференции, директор Центра истории парламентаризма Л.А. Крохина и члены рабочей группы оргкомитета.

«Таврические чтения 2021» начались 9 декабря 2021 года в Читальном зале с пленарного заседания, в ходе которого участники конференции заслушали приветствие Генерального секретаря Совета МПА СНГ Д.А. Кобицкого и доклады народного депутата СССР Ю.В. Голика, старшего консультанта Секретариата Верховного Совета СССР П.А. Лаптева, народного депутата РСФСР С.Н. Бабурина и народного депутата СССР С.А. Цыпляева. Вслед за этим прошла презентация монографии В.И. Козодой «Алихан Букейханов: человек-эпоха»¹. После обеденного перерыва прошел круглый стол «Съезды народных депутатов в конце 80-х — начале 90-х годов XX века и судьба СССР (май 1989 — июнь 1990 гг.)», модераторами которого были А.Б. Николаев и Е.А. Тарасова. В ходе его выступили 6 участников событий и 6 исследователей. Подготавливая круглый стол, оргкомитет предполагал рассмотреть в ходе его следующие вопросы: 1. О правомерности принятия республиками, входившими в состав СССР, Деклараций о суверенитете. Вела ли суверенизация республик к распаду СССР? Можно ли было остановить процесс суверенизации? 2. Роль депутатских групп, фракций, конкретных народных депутатов СССР или народных депутатов РСФСР в сохранении/реформировании/распаде СССР. 3. С какой целью был принят Закон «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами Федерации» (26 апреля 1990)? Его последствия. 4. Мог ли Закон «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из состава СССР» (Закон СССР от 03.04.1990 № 1409-1) замедлить процесс распада СССР? 5. Решение о разработке нового союзного договора — шаг на пути к сохранению Советского Союза или к его распаду? Вместе с тем в полной мере изучены были первые два вопроса, а остальные были лишь затронуты участниками круглого стола. Заметим, что 9 декабря информация о пленарном заседании «Таврических чтений 2021» и круглом

истории парламентаризма // Межпарламентская Ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://parlament-history.ru/tavricheskie_chtenia/programm/

¹ Козодой В.И. Алихан Букейханов: человек-эпоха. Новосибирск, 2021.

столе, посвященном Съездам народных депутатов в 1989–1990 гг., была помещена на сайте МПА СНГ¹.

В этот же день, т.е. 9 декабря, прошли секционные заседания «Зарубежный парламентаризм» (руководители: С.И. Бугашев, Д.И. Портнягин, зал № 9 (ВКС)), «Съезды народных депутатов в конце XX века. Парламентаризм в Российской Федерации на современном этапе» (руководители: В.В. Калашников, И.В. Узлова, Читальный зал (ВКС)). Ряд секций работали очно и в формате ВКС: «Парламент, правительство, общество: 1906–1917 гг.» (руководители: А.С. Туманова, зал № 9 (ВКС); Ф.А. Селезнев, зал № 6), «Парламентские выборы в начале XX века» (руководители: И.В. Омелянчук, зал № 10; Д.С. Лавринович, зал № 9 (ВКС)).

Второй день «Таврических чтений 2021», 10 декабря, начался с презентации коллективной монографии «Нижегородцы и Государственная Дума: история и современность», которую представили постоянные участники «Таврических чтений» Ф.А. Селезнев и А.А. Сорокин².

Пожалуй, центральным событием второго дня конференции стала дискуссия «Государственная дума и крушение Российской империи», которую модерировал доктор исторических наук, профессор Института истории СПбГУ А.А. Иванов. Она развернулась вокруг доклада кандидата исторических наук, старшего преподавателя кафедры проблем междисциплинарного синтеза в области социальных и гуманитарных наук СПбГУ Д.А. Коцюбинского «Делегитимация императорской власти в эпоху думской монархии в контексте формирования антираспутинской фронды и освещение на страницах российской прессы думских дебатов вокруг фигуры старца в 1909–1916 годах». Дискуссия привлекла внимание участников «Таврических чтений 2021». Всего в ней приняли участие 12 человек.

В этот же день завершила свою работу секция «Зарубежный парламентаризм» (руководитель: Н.А. Власов, зал № 9 (ВКС)) и прошли секционные заседания «Источники по истории российского парламентаризма (1906–1907)» (руководитель: А.А. Иванов, Читальный зал (ВКС)), «Российский парламентаризм начала XX века: теория, идеология, практика» (руководитель: С.В. Куликов, зал № 9 (ВКС)), «Деятельность Государственной думы Российской империи» (руководитель: К.А. Соловьев, зал № 10).

Итоги «Таврических чтений 2021» были подведены на заключительном заседании, которое состоялось в зале № 10 Таврического дворца. Модераторы дискуссий и руководители секций дали высокую оценку прошедшей конференции и высказали слова благодарности в адрес ее

¹ Международная научная конференция «Таврические чтения — 2021» // Межпарламентская Ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: https://iacis.ru/meropriyatiya/meropriyatiya_mpa_sng/mezhdunarodnaya_nauchnaya_konferentciya_tavrisheskie_chteniya_2021

² Селезнев Ф.А., Евдокимов А.В., Сорокин А.А. Нижегородцы и Государственная Дума: история и современность: монография. М., 2021.

организаторов. Как и в 2020 году, они вновь высказали надежду, что следующие «Таврические чтения» пройдут в обычном формате.

Информация о прошедшей конференции была размещена на сайте Центра истории парламентаризма МПА СНГ, в группе Вконтакте Центра истории парламентаризма¹ и на Интернет-сайтах некоторых вузов², научного семинара по российско-германской истории Объединение-Vereinigung³ и Петровской академии наук и искусств⁴, преподаватели и члены которых в ней участвовали.

Всего в конференции приняли участие ученые из Санкт-Петербурга, Москвы и 8 других городов России, а также исследователи из Беларуси и Казахстана. Авторы докладов, прочитанных на конференции, переработали их в статьи, которые и публикуются в сборнике «Таврические чтения 2021».

Надеемся, что и пятнадцатый сборник «Таврических чтений» будет востребован специалистами, занимающимися изучением парламентаризма.

18 августа 2021 г.

¹ «Таврические чтения 2021» // Центр истории парламентаризма/Таврический дворец [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: https://vk.com/wall-49021071_586

² Участие в Международной научной конференции / Исторический факультет // Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://fhist.bspu.by/news/nauka/uchastie-v-mezhdunarodnoi-nauchnoi-konferencii>; «Таврические чтения — 2021» / Новости / Кафедра ИКГП // СПбГЭТУ «ЛЭТИ». Первый электротехнический [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://etu.ru/ru/fakultety/gumanitarnyy-fakultet/sostav-fakulteta/kafedra-istorii-kultury-gosudarstva-i-prava/novosti/tavricheskiye-chteniya>; Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Таврические чтения 2021 // ИСТИНА Интеллектуальная Система Тематического Исследования НАукометрических данных [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://istina.msu.ru/conferences/416408683/>; Сотрудники ИМОМИ приняли участие в «Таврических чтениях-2021» // Институт международных отношений и мировой истории. Университет Лобачевского: [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://www.imomi.unn.ru/about/press-tsentr/news/2325-sotrudniki-imomi-prinyali-uchastie-v-tavricheskikh-chteniyakh-2021>

³ Таврические чтения 2021 / Новости семинара / Семинар по российско-германской истории Объединение-Vereinigung [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://vereinigung.ru/ru/новости/новости-семинара/369-таврические-чтения-2021.html>

⁴ Таврические чтения 2021 / Новости // Петровская академия наук и искусств. Межрегиональная общественная организация [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://www.петрани.рф/новости/таврические-чтения-2021.html>

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ — РУКОВОДИТЕЛЯ СЕКРЕТАРИАТА СОВЕТА МЕЖПАРАЛАМЕНТСКОЙ АССАМБЛЕИ ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ СНГ

КОБИЦКИЙ ДМИТРИЙ АРКАДЬЕВИЧ,
Генеральный секретарь Совета
Межпарламентской Ассамблеи государств — участников
Содружества Независимых Государств,
руководитель Секретариата МПА СНГ,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: kanz@iacis.ru

Аннотация: Приветственное слово Генерального секретаря Совета МПА СНГ Д.А. Кобицкого к участникам международной научной конференции «Таврические чтения 2021».

Ключевые слова: Государственная дума Российской империи, Таврический дворец, МПА СНГ, Центр истории парламентаризма, «Таврические чтения».

Дорогие друзья и коллеги, думаю, у меня есть некоторые основания для того, чтобы называть вас коллегами, поскольку история и современная практика парламентаризма тесно связаны между собой.

В этот декабрьский день по уже устоявшейся традиции в Таврическом дворце собрались ведущие ученые России и других стран. Как всегда, темой «Таврических чтений» станет представительная законодательная власть в ее историческом развитии и сегодняшних реалиях.

Хочу напомнить, что в этом году чтения отмечают свое пятидесятилетие. С 2007 года в конференции приняло участие множество ученых из различных городов России, стран СНГ, а также Великобритании, Сербии, США, Польши. Наряду с историками в чтениях регулярно участвовали политические и общественные деятели, парламентарии, включая председателей Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации.

Традиционным для «Таврических чтений» стало проведение дискуссий, круглых столов, презентаций новых книг, а также выставок по тематике конференции. По итогам конференции ежегодно публикуются сборники ее материалов, благодаря чему повышается общественный интерес к истории парламентаризма. С 2012 года ежегодные сборники «Таврические чтения» стали двухтомными. Статьи, размещенные в сборниках, — огромное интеллектуальное достояние, которое востребовано как в научном сообществе, так и среди всех, кто интересуется темой парламентаризма.

Сборники «Таврические чтения» доступны в научной электронной библиотеке, с ними можно ознакомиться в библиотеках вузов и различных научных учреждений Санкт-Петербурга, Москвы и других городов

России, стран СНГ и ряда государств дальнего зарубежья. Полное собрание сборников с 2007 по 2020 год также представлено в Парламентской библиотеке Аппарата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации.

В настоящее время Центр истории парламентаризма занимается систематизацией и структурированием научных статей, опубликованных в сборниках «Таврические чтения». Итогом этой работы станет создание информационной базы, в которой можно будет легко найти конкретную статью в соответствии с заданными характеристиками поиска.

С 2017 года вместе с чтениями стали проводиться студенческие конференции «Встречи в Таврическом». Эти два мероприятия не случайно было решено устраивать одновременно: у молодых людей, начинающих свой путь в науке, появилась возможность не только выступить с докладами перед своими братьями-студентами, но и присутствовать при обсуждении научных проблем известными исследователями, принимать участие в круглых столах и дискуссиях. По итогам молодежной конференции стал публиковаться сборник «Встречи в Таврическом».

В этом году в чтениях принимают участие (как очно, так и в режиме видеоконференции) более 60 исследователей из России, Беларуси, Казахстана, Польши. На пленарном заседании будет поднята крайне важная научная проблематика, связанная с работой съездов народных депутатов СССР и РСФСР, а также дискуссией о судьбе Союзного государства, развернувшейся на съездах и в обществе на рубеже 1980-х и 90-х годов. Сегодня, через тридцать лет после распада Советского Союза, исследования, помогающие понять, как и почему это произошло, вызывают огромный интерес. А самим исследователям, думаю, будет не менее интересно услышать выступления непосредственных участников тех уже далеких от нас событий — народных депутатов СССР и РСФСР. Ученые-историки и бывшие народные депутаты также смогут обменяться мнениями в ходе круглого стола «Съезды народных депутатов в конце 80-х — начале 90-х годов XX века и судьба СССР». Как обычно, в рамках конференции в течение двух дней будут проходить секции по разным научным направлениям, дискуссии, презентации книг.

В завершение хочу подчеркнуть, что 30 лет назад произошло и другое важное историческое событие: образование Содружества Независимых Государств. В марте 2022 года свое тридцатилетие отметит и Межпарламентская Ассамблея государств — участников СНГ. В Думском зале Таврического дворца два раза в год проходят заседания Ассамблеи, рассматриваются и принимаются модельные законодательные акты, большинство из которых имплементируется в национальные законодательства государств Содружества. Эта деятельность позволяет сближать и гармонизировать наши национальные законодательства. Всего на сегодня Ассамблеей принято более 600 рекомендательных нормативных правовых документов.

От всей души желаю всем участникам «Таврических чтений» плодотворной работы на конференции, интересной научной полемики, новых идей и открытий!

РОССИЙСКИЙ ПАРЛАМЕНТАРИЗМ НАЧАЛА XX ВЕКА: ТЕОРИЯ, ИДЕОЛОГИЯ, ПРАКТИКА

СТРУКТУРА ПАРЛАМЕНТА В ЛИБЕРАЛЬНЫХ ПРОЕКТАХ ОСНОВНОГО ЗАКОНА НАЧАЛА XX В.

АРОНОВ ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории и истории государства и права
Орловского государственного университета
имени И.С. Тургенева, Орел, Россия;
e-mail: aronovdv@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются основные позиции российских либералов по выбору оптимального типа структуры парламента. Показано отражение теоретических дискуссий об оптимальной форме парламента в основных проектах либеральных законов начала XX в. Анализируется позиция российских либералов по вопросу о трансформации места и роли верхней палаты парламента в политической системе страны.

Ключевые слова: российский либерализм, либеральные проекты Основного закона, двух- и однопалатный парламента, либеральная модель реформирования страны.

Одной из общих проблем, которая встает перед любым общественно-политическим движением, ставящим перед собой в той или иной перспективе вопрос об участии в социально-политическом управлении государством, является проблема разработки оптимального варианта системы органов управления. Это связано с тем, что именно с их помощью оно предполагает воплощение в жизнь своих базовых теоретических постулатов.

Особую остроту данная проблематика принимает в период конституирования общественно-политического движения, его перехода к партийному формату, партийному периоду своего существования. Исключая варианты партий бланкистского типа, исповедующих некий волшебный рецепт одномоментной смены типологии власти, политическая партия уже в силу своей естественной природы ориентируется на получение политического влияния именно в представительной власти. Соответственно, если попытаться упростить данную проблему до простой

арифметической задачи, то мы получим ситуацию, когда власть, принадлежащая парламенту, может быть разделена на две части в двухпалатном парламенте, автоматически уменьшая призовой фонд партии, победивший в ходе избирательной гонки. Конечно, существует и политическая математика, в т.ч. и высшая, предполагающая массу весьма тонких моментов в организации системы органов представительной власти, но это, как говорится, уже другой вопрос. Мы ведем речь о ситуации, когда орган законодательной власти вообще впервые появляется в истории государства, что и было характерно для России начала XX в. Дополнительным фактором, оказывающим известное влияние на позицию российских либералов в вопросе об оптимальном типе структуры парламента и в случае двухпалатного парламента о распределении между ними соответствующих полномочий, была изначальная ориентация на государство, как главный инструмент реализации планов социального переустройства социума. Предложенная и обоснованная Б.Н. Чичериным концепция охранительного либерализма, приверженцами которой была значительная часть носителей либеральных идей в России, также ориентировала российских либералов на особое внимание к месту, роли и структуре парламента, нормам, определяющим объем власти, принадлежащей законодательному органу.

Отсюда, как нам представляется, и тот высокий градус теоретической дискуссии относительно оптимальной модели законодательной власти. Тем более, что эта дискуссия фактически не прекращалась и после начала работы Государственной думы и реформированного Государственного совета¹.

Однако теоретическая дискуссия развивается по своим законам, которые более чем отличны от принципов принятия решений даже на стадии разработки проектов Основного закона, становящегося в своем роде манифестом партии и уж тем более в том случае, если он готовится как реальный проект для принятия в качестве Конституции государства. Данный тезис будет положен нами в основу классификации имеющихся в нашем распоряжении либеральных проектов.

Собственно т.н. «освобожденческий» проект² изначально создавался, судя по воспоминаниям его составителей, в агитационно-пропагандистских целях. Относительно подробно о работе над текстом «освобожденческой»

¹ Аронов Д.В., Бухвостова Д.В. Перспективы исследования либерального конституционного законодательства в России // История государства и права. 2008. № 20. С. 7–9; Малышева О.Г. Развитие конституционных идей и зарождение парламентаризма в России. I и II Государственные думы: Дис. ... к. ист. н. М., 1994; Медушевский А.Н. Конституционные проекты русского либерализма и его политическая стратегия // Вопросы истории. 1996. № 9. С. 3–23; Пахоменко Н.Б. Из истории конституционных проектов в России. М., 2000 и др.

² Вышел под названием «Основной государственный закон Российской империи». См.: Освобождения союз // Словарь Брокгауза и Ефрона [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://be.sci-lib.com/article075133.html>. Также существовало, но не получило распространение наименование проекта «земский»: Кокошкин Ф.Ф. Биография [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://ibyu.narod.ru/kokosh.html>

конституции рассказывается в воспоминаниях В.В. Водовозова. «Конечно, — писал он, — никто не думал, чтобы проект когда-либо мог быть осуществлен; предполагалось, что он будет государственно-правовой основой „Союза Освобождения“ и явится агитационным средством»¹. Соответственно, степень его обязательности для либеральных политических сил России практически отсутствовала. Однако общие настроения либерально ориентированной части общества он отражал, а, исходя из ситуации возможного будущего политического торга с исторической властью, в нем логичен скорее завышенный, чем заниженный уровень притязаний на участие в управлении государством. Формально практически полной копией «Освободительного» проекта был ранее выявленный нами т.н. «харьковский» проект. Не входя в подробный текстологический анализ, результаты были ранее опубликованы². Однако практически эти два документа текстуально тождественны, что не означает полного совпадения смыслов. Полагаем, что Харьковское юридическое общество рассматривало данный проект уже в условиях начинавшегося революционного кризиса и становящейся все более злободневной проблемы политического выбора либералами определенного образа участия во власти в случае прихода к таковой. Соответственно отношение к проекту было несколько иным, чем отношение к тексту агитпропа, хотя и более чем аутентично исповедуемым политическим принципам.

По времени возникновения и общему характеру документа ближе к «харьковскому» мы можем поставить т.н. «герценштейновский» проект или проект Московской городской думы³. Вплоть до настоящего времени это наиболее «неизвестный» проект с точки зрения наличия у нас достоверной информации о его авторах и условиях его создания. Однако время и ситуация, когда он создавался, подсказывает нам, что это был период, когда либеральные политические силы отнюдь не исключали своего вхождения во власть. Соответственно и этот проект может быть расценен как разновидность политического манифеста либерального лагеря. Весьма ценно и то, что данный проект выражает взгляды той части российских либералов, которые тяготели к левому флангу этой части российского политического спектра.

Если же говорить об аналогичных трудах, относящихся к консервативному крылу российского либерализма, то, перед тем как охарактеризовать т.н. «екатеринославский» проект⁴, полагаем необходимым сказать

¹ Цит. по: Шацлло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. М., 1985. С. 225.

² Аронов Д.В., Шепарнева А.И., Леонова И.А., Кошелева С.В. Проект Основного закона Российской империи Харьковского юридического общества — место и роль в либеральном конституционном законодательстве начала XX века // История государства и права. 2017. № 1. С. 60–64.

³ См.: Проект Основного закона Московской городской думы // Право. 1905. 29 мая. № 21. Стб. 1735–1746.

⁴ См.: Проект Государственной думы, составленный Екатеринославским земством // Право. 1905. 29 мая. № 21. Стб. 1746–1750.

несколько слов о т.н. «гучковской конституции». Длительное время этот крайне редко упоминавшийся в отечественной историографии документ, хранившийся в ГАРФе в деле с названием «Проект Конституции Российской империи с разделами: государств[енное] устройство, права граждан, народное просвещение»¹, считался проектом закона правой части российского либерализма. В спор о принадлежности партии «Союз 17 октября» к либерализму, как к идеологии, так и соответствующему мировоззрению в настоящей статье мы не входим, принимая расширительный подход к пониманию либерального политического лагеря в России в начале XX в. Отдал этому дань и автор настоящей статьи, опубликовавший ряд статей, посвященных характеристике данного документа именно как разновидности текста основного закона, хотя и имеющего фрагментарный и явно незавершенный характер².

Однако дальнейшие исследования показали полную текстуальную тождественность данного текста с материалами промежуточной редакции программы политической партии «Союз 17 октября». Более подробно данное обстоятельство изложено в ряде соответствующих работ³. Соответственно в настоящем тексте мы к данному документу как тексту одного из конституционных проектов не обращаемся.

Соответственно наиболее отработанным и специально структурно модифицированным для его возможной инкорпорации в Основные законы России 23 апреля 1906 г. у нас выступает т.н. «муромцевский» проект⁴. Данный документ имеет две редакции, однако различия между ними имеют незначительный характер и фактически никак не касаются проблематики настоящей работы. Он имеет для нас особое значение не только в силу наибольшей обработанности, но и того статуса, а он де-факто выступал как базовый проект основного закона, выразившего как политическую догму российского либерализма, так и его «символ веры». Тем более, что представляется нам особенно важным, он содержал тот максимум притязаний российского либерализма, буквально вчера, по историческим меркам, вступивший в новый, парламентский, период своей истории.

В «освобожденческом» проекте предполагается парламент — Государственная дума (ст. 36), которая делится на две палаты: земскую и палату

¹ См.: Проект Конституции Российской империи с разделами: государств[енное] устройство, права граждан, народное просвещение // ГА РФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 5.

² См.: *Аронов Д.В.* «Проект конституции Российской империи с разделами: государств[енное] устройство, права граждан, народное просвещение» — из политико-правового наследия Александра Ивановича Гучкова // *История государства и права.* 2014. № 24. С. 49–53.

³ *Аронов Д.В., Жилыева С.К.* «Конституция А.И. Гучкова» — праволиберальный проект Основного закона или черновик партийной программы «Союза 17 октября» // *Конституция А.И. Гучкова — праволиберальный проект Основного закона Российской империи или черновик партийной программы?* // *Вестник Кемеровского государственного университета.* 2019. Т. 21. № 4. С. 890–897.

⁴ См.: Проект Основного и Избирательного законов в редакции С.А. Муромцева // *Сергей Андреевич Муромцев. М., 1911. С. 384–406.*

народных представителей. Соответственно земская палата (ст. 37) состоит из государственных гласных, которые избираются земскими собраниями губерний и городскими думами городов (с населением от 125 000). Значимой деталью выступает гарантия связи государственного гласного с соответствующей территорией (земством). Достигалось это, в частности, тем, что он избирался на тот же срок, на который избирались, соответственно, земское собрание или городская дума.

Палата народных представителей (ст. 40), по мысли авторов проекта, избиралась на три года и могла быть досрочно распущена императором (ст. 32). Голосование было (ст. 41) общим, равным, прямым и тайным всеми гражданами Российской империи, достигшими гражданского совершеннолетия, за исключением традиционного для ограничения избирательных прав ряда категорий.

Предполагалось, что сессии Палат начинались, прекращались, а при необходимости прерывались одновременно (ст. 47). Их заседания были публичны (ст. 48) и легитимны при участии не менее половины членов палаты. Закрытым голосованием палаты избирали одинаковое руководство в составе президента, вице-президента и секретарей (ст. 50). При этом Палаты самостоятельно разрабатывали свои Регламенты (уставы) (ст. 49). Одинаковой была процедура принятия решения — простым большинством голосов (ст. 52), кроме пересмотра Основного закона (ст. 78). Интересная деталь — в случае равенства голосов предлагалось предложение, вынесенное на голосование считать отвергнутым. Члены Государственной думы обладали равными правами в части реализации права думского запроса (ст. 55).

Соответственно мы можем говорить о том, что в данном случае верхняя палата, целесообразность которой достаточно интенсивно обсуждалась в рамках либерального направления общественной мысли России, выступает в качестве достаточно предсказуемого парламентского инструмента, предназначенного для нивелирования возможной радикализации нижней палаты. Данный подход характерен для консервативного крыла российского либерализма, опирающегося исторически на земское крыло, хорошо знающего цензовые механизмы выборов. Они, по мнению либеральных теоретиков, могли обеспечивать не только отстранение от выборов или недопущение неугодных власти персоналий, но и обеспечить действительную связь гласного с конкретным сообществом и территорией.

Как отмечалось выше, в непосредственной взаимосвязи с «освободенческим» находится т.н. «харьковский» проект¹. Как отмечалось в одной из наших статей², тексты данных проектов более чем тождественны. Однако характер внесенных изменений, сравнение уровня заимствования

¹ Протокол заседания юридического общества при Императорском Харьковском университете. 19 марта 1905 г. Харьков, 1906. С. 136–153.

² Аронов Д.В., Шепарнева А.И., Леонова И.А., Кошелева С.В. Проект Основного закона Российской империи Харьковского юридического общества — место и роль в либеральном конституционном законодательстве начала XX века. С. 60–64.

в процентах «муромцевским» законопроектом текста «харьковского» и «освобожденческого» говорят в пользу рассмотрения данного законопроекта как отдельного достижения либеральной политико-правовой мысли России.

Если говорить об интересующем нас аспекте либерального выбора типологии организации представительной власти, то здесь «харьковский» законопроект полностью совпадает с «освобожденческим». Соответственно, полагаем и этот текст классифицировать как принадлежащий к консервативному направлению либеральной политико-правовой мысли.

Проект Московской городской думы¹ достаточно эклектичен по своей структуре, но интересен целым рядом сюжетов, которые иные проекты, так или иначе, обошли стороной. О народном представительстве здесь говорится в разделе «О народном представительстве» второй части проекта. По объему он тяготеет к «освобожденческому» и «харьковскому», совпадая с ними и по названию «Государственная дума», и по двухпалатной структуре: Народное собрание и Государственное земское собрание. Общим является и трехлетний срок избрания депутатов Народного собрания всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием.

Что же касается Государственного земского собрания, то оно состояло из государственных гласных, избираемых губернскими или более крупными земскими и городскими думами городов, имеющих 50 тыс. и более жителей, что меньше чем в иных проектах (1 депутат от 125 тыс.). Вместе с тем в проект введен ценз оседлости без его конкретизации.

Отличием данного проекта в сторону делегирования большего объема полномочий нижней палате выступает процедура прохождения законов в Государственной думе. Если в иных проектах верхняя палата обладает блокирующими полномочиями, то в данном случае «при разногласии собраний для издания закона необходимо и достаточно, чтобы Народное собрание высказалось дважды в пользу издания закона, и чтобы второй вотум последовал в возобновленном составе. После второго вотума Народного собрания несогласие Государственного земского собрания не должно иметь решающего значения»². Указанное отличие в сочетании с иными особенностями проекта позволяет нам классифицировать данный проект как документ, представляющий взгляды, присущие скорее левому флангу российского либерализма начала XX в.

Отличным по форме от иных проектов является т.н. «Проект Государственной думы, составленный Екатеринославским земством»³. В интересующей нас части «екатеринославский» проект достаточно многословен, т.к. включает в себя не только некую результирующую,

¹ См.: Проект Основного закона Московской городской думы // Право. 1905. 29 мая. № 21. Стб. 1735–1746.

² Там же.

³ См.: Проект Государственной думы, составленный Екатеринославским земством // Право. 1905. 29 мая. № 21. Стб. 1746–1750.

структурированную в виде проекта нормативного акта часть, но и тяготеющее по стилю к политической публицистике обоснование выбора определенного варианта структуры органа законодательной власти.

Прежде всего позиционируется нежелательность однопалатного парламента, который в тексте назван «однопартийной системой», что потенциально, в случае радикализации голосования или депутатского состава, может привести «к особой близости власти и общественного мнения и повлечет за собой колебания в государственной жизни». Соответственно делался выбор в сторону двухпалатного парламента, верхняя палата которого «сделала бы более устойчивым и правильным ход государственной жизни».

Дополнительными средствами борьбы с потенциальной радикализацией будущего парламента выступало сохранение прежнего Государственного совета с небольшими изменениями. Так предполагалось, что треть его состава может назначаться главой государства, а две трети избираться на объединенных коллегиях дворянских и земских собраний, а также городских дум.

Нижняя палата, как ее называют в проекте «второе учреждение — Государственная дума», должна была избираться по весьма сложной системе, относящейся типологически к куриальной. Планировались т.н. «трудовые группы населения», каковых выделяли четыре: «земледельческое население, население городов, торгово-промышленный класс (предприниматели и рабочие) и представители науки и просвещения». Проект предлагал ценз, наличие земельного имущества, уплату квартирного налога (в городах) или наличие ученой степени. Последним, четвертым или пятым, смотря как считать, ограничением выступала двухстепенная система выборов¹.

Таким образом, можно говорить о том, то Екатеринославский проект стал в некоем роде лидером по количеству страховочных механизмов в отношении органа представительной власти, потенциально исключающих возможность трансформации избранного парламента в Учредительное собрание (Конституанту).

Итоговым проектом российского либерализма, в работах над которым принимали участие составители «освобожденческого», «харьковского» и с высокой долей вероятности «герценштейновского» проектов, стал проект Основного закона, персонифицированный в связи с участием в нем С.А. Муромцева.

Главное отличие этого проекта скорее в структуре, рассчитанной на инкорпорацию либеральных разработок в имперское законодательство, чем в принципиальном отличии предлагаемых конструкций законодательной власти. Мы вновь видим здесь двухпалатный парламента, в котором верхняя, земская палата, выступает гарантом стилистичности представительной власти в силу ее органической связи с формирующими ее

¹ 2000 избирателей выбирают первого (одного — Д.А.) выборщика, 100 выборщиков — одного депутата на каждые 200 000 душ населения.

земскими учреждениями. Небольшие отличия, типа выборов от городов с населением не 125, а 100 тысяч, а также несколько иная схема формирования избирательных округов на выборах в Думу вряд ли могут считаться принципиальными. Аналогично можно оценить и увеличение срока полномочий нижней палаты с трех до четырех лет.

Соответственно мы можем говорить о том, что «муромцевский» законопроект основывался на общетеоретических выводах о преимуществах двухпалатной системы в переходный кризисный период. Верхняя палата выступала в своем роде механизмом, способным компенсировать возможную радикализацию нижней палаты, избираемой всеобщим голосованием.

В ряде иных проектов мы встречаем дополнительные механизмы стабилизации органов законодательной власти, в основном тяготеющие к введению ряда цензов при формировании верхней палаты. Несколько особняком стоит «екатеринославский» проект, обладающий заметными отличиями в цензовой системе и куриальном подходе к формированию нижней палаты. Однако влияния на либеральное конституционное законодательство он не оказал. В итоге оно показало приверженность российского либерализма к поиску наиболее стабильных способов социальных преобразований, принципам охранительного либерализма при формировании органов законодательной власти. Свидетельство тому — присутствие во всех проектах Основного закона двухпалатного парламента. Идеи однопалатного органа законодательной власти обсуждались в рамках теоретической дискуссии, но до практических разработок дело не дошло.

СПОРЫ О ПАРЛАМЕНТЕ В 1905 г.: ДИСКУССИЯ О ВЫБОРАХ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ

НОВОСЕЛЬСКИЙ СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ,

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории и теории исторической науки
исторического факультета
Российского государственного гуманитарного университета,
Москва, Россия;
e-mail: novoselsky.rggu@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена обсуждению концепций народного представительства, которые проходили в российских правительственных и общественных кругах в 1905 г. Особое внимание уделено вопросу о принципах организации парламентских выборов. В статье показано, что отказ от введения всеобщего избирательного права, на котором настаивала общественность, был продиктован не идеологическими установками сановников, а стремлением по возможности безболезненно «встроить» парламент в систему государственного управления.

Ключевые слова: Первая русская революция, 1905 год, Государственная дума, народное представительство, общественно-политическая мысль, всеобщее избирательное право.

События Первой русской революции оказали решающее влияние на созыв российского парламента и определили его облик. Будущая конфигурация Государственной думы не была безальтернативной. В спорах о том, какой она должна стать, уже в 1905 г. отчетливо проявились две концепции народного представительства — корпоративное и всеобщее.

Многие известные проекты, рожденные в правительственных и общественных кругах, предполагали корпоративное представительство (не всего народа, а отдельных его групп). Это относится к идее реформы Государственного совета, которую в конце 1904 г. безуспешно отстаивал министр внутренних дел П.Д. Святополк-Мирский¹, проектам созыва Земского собора² и Булыгинской думы³. Да и Государственная дума, пер-

¹ См.: Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. СПб., 1991. С. 5–42.

² См.: Омелянчук И.В. Народное представительство в идеологии российских консерваторов начала XX века // Таврические чтения 2013. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 11–12 декабря 2013 г. Сборник научных статей. В 2-х ч. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2014. Ч. 1. С. 45–53.

³ См.: Новосельский С.С. «Действительная опора правительства и орган единения престола с народом»: высшая бюрократия об учреждении законосовещательной Государственной думы в 1905 году // Таврические чтения 2020. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 10–11 декабря 2020 г.: сборник научных статей. В 2-х ч. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2021. Ч. 1. С. 20–26.

вое заседание которой торжественно открылось в Таврическом дворце 27 апреля 1906 г., была корпоративным представительством. Выборы в нее проводились по куриям.

Общеземский съезд 6–9 ноября 1904 г. и последовавшая за ним «банкетная кампания» окончательно оформили ключевой тезис российской общественности — представительство должно быть законодательным. А.А. Кизеветтер вспоминал, как в дни «банкетной кампании» ходила шутка, «что и союз акушеров вынес резолюцию о невозможности принимать у рожениц детей при отсутствии конституции»¹.

В наиболее концентрированном виде идея законодательной Государственной думы была выражена в записке В.И. Ковалевского. Вместе с бывшим товарищем министра финансов над ее составлением работали будущие идеологи Конституционно-демократической партии: С.А. Муромцев, П.Н. Миллюков, И.В. Гессен, М.М. Ковалевский, Ф.А. Головин и Н.И. Лазаревский². 7 апреля 1905 г. записка была окончена и вскоре стараниями Д.Ф. Трепова попала к императору.

В.И. Ковалевский утверждал, что пойдя власть навстречу требованиям ноябрьского съезда, и страна избежала бы обострения внутривнутриполитического кризиса в самом его зародыше³. Манифест 18 февраля 1905 г., по словам автора записки, «произвел самое удручающее впечатление», а рескрипт А.Г. Булыгину, хоть и «прорезал эту тьму обещанием нетерпеливо ожидаемого всеми высшего блага для России», но также не достиг своей цели ввиду туманности выраженной в нем царской воли, допускавшей множество разноречивых толкований относительно характера предполагаемого органа народного представительства⁴. Но все еще можно было исправить. Достаточно лишь протянуть руку обществу, и доверие к власти вновь будет восстановлено. Для этого было необходимо особым Манифестом (его проект прилагался к записке⁵) возвестить об учреждении Государственной думы. Причем в Думу должны войти «избранники от всего населения без различия национальностей»⁶. Но вопрос о выборах был для В.И. Ковалевского и его соавторов явно второстепенным, техническим. Главное, чтобы никакой закон не мог вступить в силу без одобрения Государственной думы.

В то же время в течение 1905 г. среди как высшей имперской бюрократии, так и российской общественности неуклонно росло число сторонников всеобщего представительства. Это стало возможным благодаря заметной активизации земской оппозиции в конце 1904 г. Либералы явно были лидерами мнений, задавали тон. Их настроения стремительно передавались обществу. А требования становились более радикальными.

¹ Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. Воспоминания. 1881–1914 / Вст. ст. и коммент. М.Г. Вандалковской. М., 1997. С. 260.

² См.: Из архива С.Ю. Витте // Красный архив. 1925. Т. 4–5 (11–12). С. 107.

³ Там же. С. 110–111.

⁴ Там же. С. 111–112.

⁵ Там же. С. 114–115.

⁶ Там же. С. 114.

По подсчетам Н.С. Таганцева подавляющее большинство записок, направленных на рассмотрение Совета министров во исполнение Указа 18 февраля, содержали требование всеобщего избирательного права¹. Такие воззвания принимались не только земствами и городскими думами, но и крестьянскими сходами.

Разумеется, «четырёххвостка» была не более чем лозунгом, символом, мечтой. Выступая за всеобщие выборы, мало кто задумывался о том, как они будут происходить на практике. Об этом чаще рассуждали противники всеобщего избирательного права. Они считали, что парламент, сформированный на всеобщих выборах, будет состоять преимущественно из крестьян и потому окажется неработоспособным.

В качестве альтернативы всеобщему избирательному праву публицист и будущий депутат Государственной думы I и III созывов А.В. Еропкин предлагал устройство пропорциональных и многоступенчатых выборов². По его подсчетам при прямых выборах, если все избиратели будут голосовать исходя из интересов своей социальной группы, на долю «интеллигентных классов»³ будет приходиться лишь 27 из 600–700 депутатских портфелей⁴. В то же время А.В. Еропкин считал принципиально важным обеспечить широкое представительство в Думе тем, кто живо интересовался политикой и хотел ею заниматься. Речь, конечно, шла не столько о рабочих, сколько о представителях научных учреждений и профессиональных корпораций (членах Академии наук, профессуре, адвокатах, врачах и лицах творческих профессий). Только гарантия широкого представительства интеллигенции в Государственной думе, по мнению публициста, могла обеспечить легитимность народного представительства в глазах общественности⁵.

Ради соблюдения интересов политически активного меньшинства населения А.В. Еропкин предлагал проект организации народного представительства на основе земских и городских учреждений. Именно от них (в первую очередь, от земств) и исходила инициатива в возбуждении вопроса о народном представительстве. К тому же земцы и депутаты городских дум по роду своей деятельности были наилучшим образом знакомы с особенностями народной жизни⁶. Таким образом, логика формирования одной из ведущих либеральных партий дореволюционной России — «Союза 17 октября» — как партии земской отчетливо прослеживалась еще за полгода до того, как ее организаторы непосредственно приступили к партийному строительству.

¹ См.: Таганцев Н.С. Пережитое. Учреждение Государственной думы в 1905–1906 гг. Пг., 1919. Вып. 2. С. 107.

² См.: Еропкин А.В. Земство и народ. К вопросу о народном представительстве. М., 1905. С. 13.

³ К числу которых А.В. Еропкин относил представителей дворянства, духовенства, купечества, учителей и ученых, чиновников, врачей и юристов.

⁴ Там же. С. 16.

⁵ Там же. С. 18–19.

⁶ Там же. С. 17, 20.

За подобную систему выборов выступали и некоторые сановники. А.Н. Куломзин видел в ней гарантию лояльности Думы и успокоения общества. Став депутатами, земцы переключились бы с бесконечного оппонирования режиму на созидательную государственную работу¹. А поскольку в земствах не было большевиков и эсеров, то и в парламенте их не окажется.

Количество народных избранников в проекте А.Н. Куломзина было вдвое меньше, чем предлагалось в Булыгинской думе². Принципиальным вопросом являлось скорейшее объявление выборов. Хотя провозглашенное с высоты престола намерение созвать народных представителей частично способствовало снижению градуса революционных настроений в обществе, оно рождало поводы для новых волнений, ведь так до сих пор и не было исполнено правительством³. Отсюда — твердое убеждение А.Н. Куломзина в необходимости придерживаться уже существующих механизмов при организации как самого народного представительства, так и выборов в него, чтобы «переход к новому строю» совершился «спокойно и без каких-либо потрясений»⁴.

В Манифесте 17 октября не обозначался предел, до которого предполагалось расширить избирательное право. Это вызвало новую волну дискуссий о выборах. В новом составе Кабинета министров было немало сторонников всеобщего избирательного права. Некоторые из них приводили в защиту своих убеждений весьма специфические доводы. Д.А. Философов говорил, что идея всеобщего равенства настолько глубоко укоренилась в сознании народа, что даже крестьяне делят награбленное имущество помещиков поровну, а «те предметы, которые поровну распределить нельзя, либо совершенно уничтожают, либо дробят их на части, хотя бы части эти сами по себе уже не представляли никакой ценности»⁵.

Обозначенный подход в Совете министров открыто именовался «земским». Разделявшие его сановники, не будучи сторонниками всеобщих выборов в принципе, были убеждены, «что в данное время при данных обстоятельствах» подобная избирательная система является единственной, «которая может внести успокоение в общество»⁶.

Идее всеобщего избирательного права сочувствовал и С.Ю. Витте. Либералы знали о симпатиях председателя Совета министров и всячески пытались подтолкнуть его к решительным действиям. В.Д. Кузьмин-Караваев даже предлагал передать положение о выборах на утверждение земского съезда. По его мнению, таким шагом С.Ю. Витте убил бы одним

¹ РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 132. Л. 11.

² «Общее число представителей будет для земств 158, а для городов 62, всего — 220» (там же. Л. 12 об.).

³ Там же. ЛЛ. 5–5 об.

⁴ Там же. Л. 8 об.

⁵ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника / Подг. текста и коммент. Н.П. Соколова. М., 2000. С. 784.

⁶ РГИА. Ф. 727. Оп. 2. Д. 483. Л. 56.

выстрелом сразу двух зайцев: заручился бы поддержкой общественности и частично сложил бы с членов правительства ответственность за избирательный закон¹.

В конце ноября — начале декабря 1905 г. стол премьера был буквально завален телеграммами со всей страны. Городские думы, земские собрания, общественные организации требовали одного — всеобщих выборов². Казалось, до них действительно оставался один шаг.

На Царскосельских совещаниях компанию «земскому крылу» Совета министров составили лидеры общественного мнения во главе с Д.Н. Шиповым и А.И. Гучковым. Последний утверждал, что, не допустив к голосованию «стрелочников, сторожей, извозчиков, ремесленников и т.п.», правительство совершит колоссальный стратегический просчет, лишившись наиболее консервативного избирателя³. Даровать всеобщее избирательное право уже в конце 1905 г. означало раз и навсегда снять этот острейший вопрос с повестки дня.

И все же не решились. У противников всеобщих выборов нашлись весомые аргументы. Они соглашались с тем, что идея всеобщего избирательного права была весьма популярна «в среде большинства городского населения, многих земских деятелей и почти повсеместно в рабочем населении». Более того — утверждали, что причину этой популярности следует искать не только в агитационной работе революционеров, но и в демократическом по существу общественном строе Российской империи. Ввиду особенностей исторического развития в России не сложилось ни «сколько-нибудь заметной и имеющей значение аристократии», ни прочного класса, подобного западноевропейской буржуазии, а потому принцип равенства играл ключевую роль в российском общественно-политическом сознании⁴. Однако руководствоваться при созыве на постоянной основе представительного учреждения лишь целью борьбы с революционным настроением в обществе, «которое есть состояние переходящее, и сама степень которого, также как и глубина затронутых им общественных слоев, не представляются достаточно ясными»⁵, большинство министров полагало нецелесообразным.

Главная опасность всеобщих выборов заключалась в перспективе установления в России «деспотизма масс» — победы на выборах либо революционеров, либо, напротив, крайних реакционеров. Оба сценария представлялись к концу 1905 г. одинаково неблагоприятными для власти. В связи с этим Совет министров постановил рекомендовать Николаю II не вводить всеобщее избирательное право, советуя, однако, не исключать рассмотрение данного вопроса в будущем и предоставляя императору

¹ Там же. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 423. Л. 2.

² Там же. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 3. ЛЛ. 1, 8–9, 11–18, 20.

³ См.: Русский конституционализм: от самодержавия к конституционно-парламентской монархии: Сб. документов / Авт.-сост.: А.В. Гоголевский (вст. ст., коммент.), Б.Н. Ковалев (коммент., библи.). М., 2001. С. 45.

⁴ РГИА. Ф. 727. Оп. 2. Д. 48з. ЛЛ. 55 об.–56.

⁵ Там же. Л. 56 об.

инициативу в его возбуждении¹. Николая II долго уговаривать не пришлось. А С.Ю. Витте, хорошо знакомый с настроениями государя, примкнул к противникам всеобщего избирательного права.

Тут обычно говорят о нерешительности правительства. Отчасти это оправдано. Однако если немного «отмотать» назад, то становится очевидно, насколько сильно изменилась позиция власти в отношении народного представительства. Если в начале 1905 г. за переход к конституционализму высказывались лишь отдельные сановники, то к концу года в правительственных кругах многие уже не сомневались в грядущем провозглашении в России конституционного строя по британскому образцу. И хотя Государственная дума в итоге стала корпоративным представительством, уже в 1905 г. среди высшей бюрократии было немало сторонников всеобщего избирательного права. Главным препятствием реализации этой чрезвычайно радикальной идеи в условиях революции была чрезмерная поляризация общественного мнения. Она исключала достижение консенсуса в обществе и обозначала перспективу дальнейшей эскалации политической борьбы.

¹ Там же. ЛЛ. 57–57 об.

ПИСАННЫЕ И НЕПИСАННЫЕ ПРАВОВЫЕ НОРМЫ В ПАРЛАМЕНТСКОЙ ПРАКТИКЕ ДУМСКОЙ МОНАРХИИ 1906–1917 гг.

КАРПЕНКО КОНСТАНТИН ВИКТОРОВИЧ,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного права
Московского государственного института
международных отношений (МГИМО) МИД России,
Москва, Россия;
e-mail: kvk_1973@mail.ru

Аннотация: В статье предпринята попытка выявить и рассмотреть отдельные примеры неписанных правил (обычаев), начавших формироваться в парламентской практике Российской империи с 1906 г. Автор исходит из тезиса, что закон и обычай одинаково способны регулировать властные отношения, являются одинаково обязательными, но особенностью России стал тот факт, что закон породил обычай вследствие своего несовершенства. Неписанные правила поведения (обычай), выработанные депутатами в повседневной деятельности, были направлены на восполнение пробелов позитивного законодательства.

Ключевые слова: Российская империя, конституция, Государственная дума, Государственный совет, парламент, обычай, конвенционные нормы.

Обычай как источник права присущ скорее древнему и средневековому обществу, когда недостаточная урегулированность отношений вынуждает субъектов права опираться на складывающуюся помимо закона практику. Причин тому можно назвать немало: это и отсутствие полноценного парламента как собрания профессиональных законодателей, призванных решать общегосударственные задачи, и относительная простота древнего или варварского юридического быта, а также недостаточная централизация самого государства, состоявшего на тот момент из разрозненных частей, каждая из которых могла обладать собственной историей, происхождением и правилами поведения. Кроме того при феодализме, например, государство *per se* отсутствует в принципе. Вместо него исследователи обнаруживают военно-политический строй, при котором публичная власть становится объектом права собственности, и ее (власть) можно покупать и продавать как имущество. Неслучайно крупнейший английский конституционалист В. Энсон отмечал в свое время, что до Славной революции 1688 г. королевский трон (т.е. власть) рассматривался как недвижимая вещь, судьбой которой можно было распорядиться посредством гражданско-правовых сделок¹. Отсюда логично предположить, что обычное регулирование постепенно

¹ Энсон В. Английский парламент, его конституционные законы и обычаи. СПб., 1908. С. 24.

вытесняется законодательством, по мере того, как публичная власть сосредоточивает в своих руках все больше полномочий. В действительности так и происходит, и, например, древние *mores maiorum* квиритов уступают место сенатус-консультам и законам (*leges*), а местные средневековые обычаи систематизируются на основе римского права, образуя законодательные сборники (Саксонское Зерцало 1326 г., Каролина 1532 г.).

Вместе с тем мы отнюдь не склонны оценивать правовое регулирование на основе обычая как примитивное и устаревшее. Такой способ фиксации юридических норм может быть характерен для любого общества, на любой стадии его развития и в любой области общественной и государственной жизни. Пример той же Великобритании весьма показателен в этом смысле. Ее законодательство едва ли допустимо назвать неразвитым, однако правовое положение Короны до сих пор определяется преимущественно обычаями. Следовательно, обычай не всегда свидетельствует о слабой роли законодательства.

Россия как историческая (т.е. до 1917 г.), так и современная относится к романо-германской правовой семье, где обычай всегда выполнял вспомогательную функцию в правовом регулировании. Однако, историко-правовой науке хорошо известно его применение в юридическом быте крестьян (волостное гражданское судопроизводство после 1861 г.), в практике мировых судей (после 1864 г.), а также во внутренних отношениях инородцев Империи. В названных областях использование обычая легко объясняется сложившейся традицией, равно как и нежеланием правительства производить коренную ломку правопорядка. К слову сказать, в крестьянском быте обычаи просуществовали до начала 1930-х гг., и лишь большевистская коллективизация уничтожила (по всей видимости, навсегда) вековые устои народной жизни¹.

Вышеназванные примеры из отечественной истории показывают распространенность обычно-правового регулирования в частно-правовой сфере, даже если речь идет об отправлении правосудия. Ведь суд, хотя и государственное учреждение, на самом деле представляет собой всего лишь место, где субъекты права (частные лица) улаживают возникающие между ними конфликты. Государство только дает им такую возможность при помощи управомочивающих и диспозитивных правовых норм. Иное дело публично-правовые отношения, в которых встречаются либо заведомо неравные субъекты (граждане/подданные и государственные органы), либо сами государственные учреждения между собой. Поскольку последние обладают полномочиями, нередко очень объемными, риск злоупотреблений с их стороны возрастает многократно. Именно поэтому теория конституционализма, возникшая в XVIII в., требует выработки и принятия писаной конституции². Наглядно зафиксированные право-

¹ Исаев М.А. История российского государства и права. М., 2012. С. 462.

² Manitakis A. Fondement et légalité du contrôle juridictionnel des lois en Grèce // Revue international de droit comparé. 1988. Vol. 40. № 1. P. 42.

вые нормы, должным образом опубликованные и доступные для ознакомления всем, служат залогом соблюдения правопорядка. Ведь доказать при необходимости в том же суде нарушение любого писаного правила будет гораздо легче, чем обосновать отступление от некоего обычая, известного, быть может, лишь его пересказчикам. Тем не менее, в публичном праве, а именно в конституционном, обычай способен играть немаловажную роль.

Основные государственные законы в редакции 1906 г. (далее — ОГЗ) знаменовали собой завершение формирования правовой системы Российской империи. Нет сомнения в том, что это была первая русская конституция как в формальном, так и в материальном смысле. Она упорядочила отдельные взаимоотношения органов власти, закрепила перечень основных прав и свобод подданных, а также провозгласила ряд фундаментальных конституционных принципов, на которых должно строиться правовое государство (в частности, принцип законности, принцип обособления (разделения) властей, принцип верховенства конституции, принцип народного представительства, принцип разграничения предметов регулирования закона и подзаконного акта). Иными словами, тенденция дальнейшей демократизации России просматривалась довольно ясно, и едва ли уместно квалифицировать ОГЗ 1906 г. как противоречивый документ¹. Другое дело, что одно лишь наличие этих принципов в конституции не могло гарантировать безупречного функционирования обновленного государственного механизма. Претворение в жизнь принципов конституционализма требует политической воли властвующих субъектов и заинтересованности гражданского общества. А этого-то в России начала XX в. как раз и не хватало.

Основные государственные законы 1906 г. стали первым опытом практического воплощения конституционной формы правления. В этом, очевидно, заключается не только их достоинство, но и их слабость. Первая русская конституция явилась не до конца продуманным ответом на ситуативный кризис, спровоцированный неудачной войной с Японией. Конституция задумывалась как средство приспособления существующего режима к новым условиям, что, как нам кажется, объясняет пробельность многих ее положений. В России, в отличие от, например, Великобритании, не закон санкционировал существующий в веках парламентский обычай, а наоборот, обычай развился вследствие молчания закона. А молчание закона неизбежно заставляет субъектов права искать иные способы регулирования общественных отношений.

Обычай как неписаное правило должен отвечать некоторым требованиям, чтобы быть обязательным. Со времен римского права известно, что обычай должен быть долговременным, однородным в применении, удовлетворять разумную потребность, а сами субъекты права должны быть убеждены в его необходимости. Названные требования сообщают обычаю

¹ Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). М., 2011. С. 41.

юридическую силу, превращая его в норму права, т.е. в формально-определенное предписание. Эти требования, разумеется, приложимы к любому обычаю, независимо от времени его возникновения. Как нам кажется, излишне испытывать смущение по поводу того, что данные требования были сформулированы римскими юристами еще до новой эры. Если какое-либо явление (в нашем случае обычай) может быть осмыслено только в длительной перспективе, критерии, характеризующие это явление, не могут сами по себе меняться с течением времени. Кроме того, мы вряд ли ошибемся, если скажем, что представления об обычае, его понимание остаются неизменными уже многие тысячелетия.

Помимо вышеназванных требований, придающих обычаю действительность, он должен удовлетворять еще двум немаловажным качествам. Обычай не может противоречить закону, но одновременно не обязан вытекать из закона. Обычай всегда складывается в практике применения закона, когда последний недостаточно полон и/или ясен. Если же обычаем называется отклонение от закона, совершение действий, не только законом не предусмотренных, но и ему противоречащих, речь следует вести о нарушении установленного порядка, проще говоря о преступлении. Следовательно, соотношение обычая и закона весьма тонкое, в чем и заключается сугубая сложность его (обычая) квалификации. Обычай не предусмотрен законом, не вытекает из закона, но опирается на него¹. Лишь в этом случае обычай будет частью позитивного права, и его соблюдение или несоблюдение повлечет последствия.

Таким образом, обычай всегда оказывается в подчинении к закону, обычай не может отменить закон, наоборот, он может обеспечить применение закона там, где последний не содержит четкого правила поведения. Иными словами, как отмечал А. Дженнингс, обычаи (или конвенционные нормы) заставляют конституцию работать², без них она мертва. Отсюда ясно, что и законы, и обычаи являются двумя нормативными массивами, одинаково обязательными. При этом обычай позволяет модулировать применение закона, делать его гибким и более приспособленным для конкретной нестандартной ситуации. В этом смысле юридический обычай способен привести к политическому компромиссу, к преодолению кризиса³.

В Российской империи начала XX в. применение конституционных обычных норм можно обнаружить как во внутренней парламентской практике, так и во взаимоотношениях отдельных властных учреждений. Однако следует сразу оговориться, что термин «обычай» в этот период носит весьма условный характер. У тех конституционных обычаев, которые начали складываться в думской монархии, отсутствовал, пожалуй, наиболее яркий признак, а именно длительность применения. Скорее

¹ *Laferrière J.* La coutume constitutionnelle // *Revue de droit public.* 1944. T. LX. № 1. P. 24.

² *Jennings W.I.* The law and the constitution. London, 1959. P. 80–81.

³ *Antoine A.* Droit constitutionnel britannique. Paris, 2018. P. 63.

уместно говорить о неписанных правилах (нормах), порожденных пробельностью законодательства, которые могли бы стать обычаями в отдаленной перспективе. Лишь время было способно легитимировать их практику, чего, увы, не случилось.

Любопытные примеры неписанных правовых норм, сложившихся в I Государственной думе и касавшихся порядка ее работы, приводит С.А. Муромцев, очевидно, опираясь на собственный опыт парламентской работы¹. Так, по его мнению, роль председателя палаты должна быть не столько руководящей, сколько «удерживающей», нейтральной, способствующей инициативе народных избранников. Глава палаты следит за порядком на заседаниях, предоставляет слово выступающим, но при этом воздерживается от высказывания своей позиции по тому или иному вопросу. Такая роль председателя не записана в законе и не вытекает из него. Она скорее продиктована повседневной необходимостью обеспечить слаженную работу представительного органа. Это отчетливо видно из записи происходивших в Государственной думе прений². Презюмируемое С.А. Муромцевым положение председателя Государственной думы в известной степени напоминает такое же положение лорд-канцлера (с 2006 г. лорд-спикера) в британском парламенте, когда тот сидит на мешке с шерстью и руководит обсуждением. Считается, что в это время он физически отсутствует в палате и не может сам принимать участие в дебатах. Если же лорд-спикер желает высказаться по существу обсуждаемого вопроса, он должен подняться и ступить немного вперед и влево от мешка с шерстью. Тогда он «как бы» войдет в палату. В Великобритании это столетний обычай, сформулированный как юридическая фикция, т.е. как вымысел, существующий в праве и отсутствующий в реальности. Отметим мимоходом, что многие отечественные депутаты того времени смотрели на работу своих британских «собратьев» как на образец для подражания³. В этом наши законодатели вряд ли были оригинальны, учитывая, что британская модель парламента со времен Ш.Л. Монтескье почиталась идеальной. Говоря далее о роли председателя палаты, С.А. Муромцев отмечал, что его «пассивная» роль выдвигает на первый план в повседневной работе Думы лидеров фракций. Их функции также не урегулированы ни законом, ни Наказом и являются, следовательно, неписаными, но закону они ни в малой степени не противоречат. Наличие таких лидеров и их деятельность в полной мере отражают предназначение парламента, т.е. соответствуют его «духу».

Еще одним примером воспринятого, по мнению С.А. Муромцева, обычая стало правило внеочередных выступлений министров правительства

¹ Муромцев С.А. Наказ Государственной думы // Право. 1907. № 7. Стб. 506–514.

² Государственная дума. Первый созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1906. Т. I. С. 353.

³ Соловьев К.А. Российская Дума и английский образец // Таврические чтения 2020. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: сборник научных статей. В 2-х ч. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2021. Ч. 2. С. 21–27.

и докладчиков комиссий. Этот обычай был рецепирован из зарубежной практики парламентаризма.

А.А. Пиленко упоминает интересную и важную проблему определения момента кворума, с которой столкнулись депутаты¹. По закону, как известно, он должен был составлять не менее 1/3 от общего числа членов палаты, чтобы ее заседания считались правомочными. Но правомочность заседания имеет значение лишь для его результата, т.е. для принятого решения. Следовательно, треть народных избранников должна присутствовать в момент голосования, что и будет зафиксировано официально в протоколе. Однако, как отмечает А.А. Пиленко, в практике I Государственной думы бывали случаи, когда ее председатель призывал депутатов не покидать зала заседаний даже во время дебатов, чтобы не сократить кворума. Данный случай, по нашему мнению, наглядно иллюстрирует трудность формирования неписаного правила, когда, с одной стороны, закон не позволяет однозначно квалифицировать то или иное действие, а его единообразное толкование пока отсутствует.

Примером складывавшегося обычая во внутренней деятельности Государственной думы Империи может служить, по нашему мнению, так называемый сеньорен-конвент, более известный как Совет старейшин. В законодательстве эпохи он называется Совещанием, возглавляемым председателем палаты². Его появление относится к периоду деятельности II Думы и диктовалось потребностью организовать повседневную работу палаты. Как отмечает И.Х. Яшунский, правила, касающиеся состава русского Совета старейшин, заимствованы из практики Австрийского рейхсрата³. Особенностью же отечественного парламента стало участие в этом Совете всего президиума палаты, а не только ее председателя. По мнению И.Х. Яшунского, этот факт усиливает позиции думского большинства, в ущерб малочисленным фракциям. Со своей стороны мы бы добавили, что такое положение вещей еще и усиливает дискреционные полномочия главы Думы в области организационной и дисциплинарной. Совет старейшин представляет собой важный внутренний орган парламента (палаты), т.к. он сохраняет свои полномочия не только между его сессиями, но и между созывами. Поэтому нормы, регулирующие его деятельность, должны вырабатываться не только практикой, но и закрепляться в законодательстве. Напомним, кстати, что позднее Совет старейшин сыграл ключевую роль в событиях Февральской революции 1917 г., став источником создания Временного комитета членов Государственной думы⁴.

Как было отмечено выше, неписанные правила поведения могут складываться не только во внутренней деятельности парламента, но и в его

¹ Пиленко А.А. Русские парламентские прецеденты // Право. 1907. № 8. Стб. 593.

² Учреждение Государственной думы, ст. 12 // СЗРИ. СПб., 1912. Т. I. Ч. 2. С. 42.

³ Яшунский И.В. Вопросы думского Наказа // Право. 1908. № 15. Стб. 844.

⁴ Николаев А.Б. Думская революция: 27 февраля — 3 марта 1917 г. В 2 т. СПб., 2017. Т. I. С. 178–203.

взаимоотношениях с иными властными учреждениями. Одним из любопытных примеров таких правил явилась проблема проверки Наказов наших законодательных палат Правительствующим сенатом. Как известно, последний обязан был вообще проверять соблюдение процедуры принятия законов и распубликовывать их¹. Сенату же принадлежало и право опубликования Наказов как Государственной думы², так и Государственного совета³. Неясность закона была двойкой и заключалась в том, является ли Наказ палаты законодательным актом, и обязана ли палата во всяком случае подчиниться решению Сената. В 1906 и 1907 гг. Сенат последовательно отказался опубликовать оба Наказа на том основании, что некоторые их положения не соответствовали ОГЗ 1906 г. Позже опубликование состоялось, когда спорные статьи исчезли из текстов Наказов. В конституционной доктрине того времени высказывалось мнение, что Наказы не являются законодательными актами, и поэтому Сенат не должен их проверять на соответствие ОГЗ 1906 г.⁴ Более того, отказ Сената распубликовать их не имеет для палат юридических последствий, т.к. между этими учреждениями нет соподчиненности. Проще говоря, ни Государственная дума, ни Государственный совет не связаны его решением⁵. Для нашего рассуждения важно подчеркнуть, что эта проблема была на тот момент решена самой парламентской практикой, когда обе палаты рассматривали свои Наказы как действующее право, нимало не смущаясь того факта, что они не были приданы гласности. Действия наших парламентариев вполне допустимо квалифицировать как опирающиеся на неписанные правила, коль скоро в законе они не закреплены и даже не вытекают из него.

Со своей стороны заметим, что Регламенты (или Наказы) палат парламента действительно не являются законодательными актами, что, однако же, вовсе не исключает их проверки на соответствие Основному закону страны. Например, во Франции Регламенты парламентских палат подлежат обязательной проверке Конституционным советом. Аналогичное требование мы находим в испанском законе о Конституционном трибунале. В Германии Регламент Бундестага также может стать объектом проверки со стороны Федерального Конституционного суда. И это неслучайно, т.к. парламент, каким бы он ни был всемогущим, выступает, все же, органом учрежденным и как таковой не освобождается от обязанности подчиняться конституции. Регламенты (Наказы) его палат встраиваются в иерархию нормативных актов, «замком свода» которой выступает как раз конституция.

¹ Учреждение Правительствующего сената, ст. 5 // СЗРИ. Т. I. Ч. 2. Пг., 1915. С. 2.

² Учреждение Государственной думы, ст. 62 // СЗРИ. СПб., 1912. Т. I. Ч. 2. С. 46.

³ Учреждение Государственной думы, ст. 60 // СЗРИ. СПб., 1912. Т. I. Ч. 2. С. 34.

⁴ Пиленко А.А. Русские парламентские прецеденты // Право. 1907. № 6. Стб. 434–445.

⁵ Гримм Д.Д. Несколько замечаний по поводу отказа Пр. Сената в распубликовании Наказа Государственного совета // Право. 1907. № 22. Стб. 1570–1583.

Любой парламент гораздо чаще контактирует с правительством, чем с судебными учреждениями. Не стал в этом смысле исключением и отечественный представительный орган в начале прошлого столетия. Обычно правительство вносит большую часть законопроектов в парламент, а когда инициатива исходит от депутатов, то исполнять принятый ими закон будет опять-таки высший орган исполнительной власти. Отечественные законодательные учреждения были, как известно, сильно ограничены в их праве законодательной инициативы. Более того, они не всегда могли даже повлиять в должной мере на законопроект, разработанный министром. В такой ситуации депутаты выработали оригинальный способ взаимодействия с правительством, получивший наименование «формулы перехода». Как отмечают исследователи, такие формулы использовались главным образом для сообщения правительству мнений депутатов¹. Вместе с тем, поначалу формулы перехода отражали скорее резкость позиции Думы и не могли в этой связи способствовать диалогу властей². Важно отметить, что изначально такие формулы не были предусмотрены Наказом и получили относительную нормативную регламентацию лишь позднее. Поэтому, как нам кажется, применительно к I и II Думам уместно говорить о неписаных правилах, в рамках которых использовались различные формулы перехода.

Мы рассмотрели лишь некоторые примеры неписаных правовых норм, которые начали появляться в русском парламенте в начале XX в. Основная причина их появления состояла в недостаточной проработанности законодательства о представительных учреждениях. Соответственно депутаты вынуждены были самостоятельно искать способы регулирования отдельных отношений, опираясь при этом на собственный весьма кратковременный опыт. Некоторым подспорьем им могла служить парламентская практика зарубежных государств, на тот момент более развитая, чем российская. В любом случае приведенные примеры, по нашему мнению, показывают, что обычай как способ регулирования парламентской деятельности не исчерпал своего потенциала и способен восполнить пробельность закона. Поэтому данная проблематика заслуживает дальнейшего изучения.

¹ Вакунов С.С. Бюджетный вопрос и мотивировки в Государственной думе 3-го созыва (1907–1912) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2012. № 6. С. 91.

² Государственная дума. Первый созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1906. Т. I. С. 353.

БИТВЫ НА ПОЛЯХ ИСТОРИИ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ ПОЗДНЕИМПЕРСКОЙ РОССИИ: КЕЙС ТРЕТЬЕГО СОЗЫВА

КИРЬЯНОВ ИГОРЬ КОНСТАНТИНОВИЧ,

доктор исторических наук,
профессор кафедры
междисциплинарных исторических исследований
Пермского государственного национального
исследовательского университета,
Пермь, Россия;
e-mail: ikiryanov@yandex.ru

Аннотация: Предметом исследования стали сюжеты и практики использования исторического знания в третьем созыве Государственной думы поздней имперской России. Установлено, что парламентские сражения на полях истории разворачивались по следующим сюжетам: история национальных территорий до и после вхождения в состав Российской империи; историческая политика; исторические аспекты аграрного и рабочего вопросов в Российской империи. Выявлены следующие приемы применения «аргумента к истории»: привлечение исторических источников, исторических карт, исторической литературы, проведение самостоятельных исторических исследований, обвинение оппонентов в незнании истории или ее фальсификации.

Ключевые слова: поздней имперская Россия, Государственная дума, парламентские дебаты, политическое использование истории.

Историческая аргументация в парламентских дебатах привлекает в качестве предмета исследования внимание и историков, и политологов, и лингвистов¹. В частности, лингвистический анализ текстов думских стенографических отчетов позволил С.А. Громько определить место аргумента к истории в типологии риторической аргументации, характерной для депутатов консервативной ориентации в нижней палате отечественного парламента начала XX в. По его мнению, «сам произвольный выбор исторических параллелей и функционирование доводов к истории в думской дискуссии говорят о том, что мы имеем дело с аргументами

¹ См., напр.: *Faber K-G. The Use of History in Political Debate // History and Theory. 1978. Vol. 17. № 4. P. 36–67; Айзенштат М.П. Историческое знание в политической культуре Британии второй половины XVIII века. М., 2019; Репина Л.П. События прошлого в дискуссиях настоящего: история и политика в Британии «эпохи перемен» // Диалог со временем. 2020. Вып. 73. С. 438–444; Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М., 2015; *Dijk T.A.v. Knowledge in parliamentary debates // Journal of Language and Politics. 2003. № 2: 1. P. 93–129; Хазагеров Г.Г. Политическая риторика. М., 2002; Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М., 2004.**

к этосу (модель „так сложилось, так делали наши великие предки, поэтому и мы должны делать так“), а в ряде случаев и к пафосу (модель „это вызывает у оратора ужас, поэтому это плохо“, „это вызывает у оратора радость, поэтому это хорошо“)¹.

Проведенный автором настоящей статьи контент-анализ стенографических отчетов всех заседаний Государственной Думы позднеимперской России показал, что в ее третьем созыве категория «аргумент к истории» / «историческая справка» при обсуждении тех или иных вопросов, включая дебаты по законопроектам, по своей значимости прочно закрепилась на втором месте, вслед за юридическими обоснованиями, а в ряде случаев играла ведущую роль, в частности, при обсуждении Холмского вопроса. На это обратил внимание член подкомиссии по данному законопроекту националист И.Я. Павлович 16 января 1912 г.: «Если вы заходили случайно сперва в подкомиссию, а затем в комиссию законодательных предположений при рассмотрении нашего вопроса, вы не могли не обратить внимание на ту особенность, что обе стороны — и защитники законопроекта, и его противники — свои доводы за и против черпали прежде всего и больше всего из истории. Там не столько говорили о целесообразности законопроекта или его непригодности, о его пользе или вреде, сколько вдавались в тонкий анализ, в чисто научные историко-филологические толкования летописей, хроник, старинных авторов, словом, вели научные диспуты в буквальном смысле этого слова»².

Возросшая роль феномена *исторического* в парламентских практиках данного созыва в немалой степени была связана с рекордным количеством депутатов, получивших профессиональное историческое образование — не менее 15-ти (в первом созыве — 11; во втором — 5; в четвертом — 9)³, включая ординарных профессоров истории кадета И.В. Лучицкого и правого А.С. Вязигина, а также главного «думского историка» П.Н. Милюкова. Лидера кадетов признавали профессором истории даже его противники справа, хотя он не имел официальной аттестации профессором в академическом пространстве Российской империи. Основательную историческую подготовку, по крайней мере, по античной истории, получили выпускники историко-филологических факультетов и институтов по отделению классической филологии: националист С.Н. Алексеев, правые В.М. Пуришкевич и профессор

¹ Громыко С.А. Обращение к истории как риторический аргумент в русской парламентской речи (на материале выступлений депутатов-националистов в дореволюционной Государственной думе) // Международный научно-исследовательский журнал (Екатеринбург). 2017. № 7 (61). Ч. 1. С. 115. См. также: Громыко С.А. «Национальный аргумент» в русской парламентской риторике (на материале дискуссии в Государственной Думе Российской империи) // Вестник Томского университета. Филология. 2018. № 2 (56). С. 28–29.

² Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв третий. Сессия V. СПб., 1912. Ч. 2. Стб. 308–309.

³ Источник расчета: Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008.

словесности И.П. Созонович, представитель польского кола В.Ф. Грабский, выпускник историко-литературного факультета Сорбонны, а также националист В.А. Бобринский, завершивший высшее образование в Парижской школе политических наук.

Следует отметить и возросшее влияние историков в руководстве парламентских фракций: кадетов (председатель П.Н. Милоков и секретарь В.А. Харламов), октябристов (председатель в первую–третью и пятую сессии — А.И. Гучков), правых (председатели: в первую и вторую сессии — В.Ф. Доррер, во вторую–пятую — А.С. Вязигин).

Конфронтационный стиль политической коммуникации, свойственный в целом первому постреволюционному депутатскому корпусу, не мог не сказаться и на характере дискуссий по историческим сюжетам, придавая им характер войн на пространстве прошлого. Кстати, об этом говорили и сами думцы. Так, Ф.И. Родичев 30 мая 1909 г. в ходе дебатов по законопроекту об отсрочке выборов и о продлении полномочий членов Государственного Совета от землевладельцев губерний Западного края заявил: «Я должен прежде всего отказаться от возобновлений старых исторических споров (*голос справа*: вот оно куда пошло). Когда нам говорят о том, что сделали когда-то наш или наши предки, когда на основании деяний предков хотят узаконить или ограничить нынешние права существующего поколения, что это значит? Это значит восстанавливать все старые ненависти, это значит возобновлять все старые войны. Гг., зачем же было воевать, зачем же было в течение столетий враждовать и бороться, зачем же был длинный процесс государственного развития, для чего было доходить до признания прав 17 октября. Зачем? Чтобы вернуться к воспоминаниям XV и XVI столетий и возобновить всю прежнюю ненависть? Гг., история русская полна крови, полна преступлений. Надо прошлой истории объявить амнистию (*шум справа*)»¹. В свою очередь консервативная позиция в отношении исторических споров в Думе, особенно с представителями польского кола, нашла выражение в следующем заявлении октябриста А.В. Потулова (13 января 1912 г.): «Совершенно правильно говорит депутат Яблоновский, что выделением Холмщины мы вызываем поляков на борьбу, что мы готовим новое поле для этой борьбы. Да, мы это делаем, и мы, сторонники этого законопроекта, никогда этого не скрывали и скрывать причин не имеем; эта борьба вековая, она завещана нам историей, мы отказаться от нее не можем»².

Предметом настоящего исследования стало не столько содержание множества конкретных «боев столкновений» на полях истории, сколько практика инструментального использования исторического знания в парламентских дискуссиях. Источниковую базу исследования, проведенного с применением возможностей интернет-портала «Парламентская

¹ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв третий. Сессия II. СПб., 1909. Ч. 4. Стб. 2796.

² Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв третий. Сессия V. СПб., 1912. Ч. 2. Стб. 251.

история позднеимперской России»¹, составили стенографические отчеты заседаний Государственной думы третьего созыва.

Можно выделить следующие основные сюжеты сражений (не отдельных «выстрелов») на полях истории в думских дискуссиях исследуемого созыва:

– *имперская политика (русский национализм vs сепаратизм): история национальных территорий до и после вхождения в состав Российской империи* [10 «сражений», в том числе дебаты по: запросам, касающихся Финляндии (май 1908 г.); запросам о террористических актах на Кавказе («кавказском сепаратизме») (январь — февраль 1909 г.); законопроекту об отсрочке выборов и о продлении полномочий членов Государственного Совета от землевладельцев губерний: Виленской, Витебской, Волынской, Гродненской, Киевской, Ковенской, Минской, Могилевской и Подольской на один год (май 1909 г.); законопроекту о преобразовании местного суда (декабрь 1909 г.); объяснению МВД на запрос по поводу незаконных распоряжений Седлецкого губернатора в отношении римско-католического храма в с. Ополе (январь — март 1910 г.); законопроекту о порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения (май 1910 г.); законопроекту о применении Положения о земских учреждениях 12 июня 1890 г. к губерниям Витебской, Волынской, Киевской, Минской, Могилевской и Подольской (май 1910 г.); запросам по поводу принятия указа о земстве в Западном крае в порядке ст. 87 (март — апрель 1911 г.); законопроекту о производстве финляндскую казною платежей государственному казначейству взамен отбывания финляндскими гражданами личной воинской повинности (октябрь — ноябрь 1911 г.); обсуждению доклада комиссии по направлению законодательных предположений по внесенному министром внутренних дел законопроекту о выделении из состава губерний Царства Польского восточных частей Люблинской и Седлецкой губерний с образованием из них особой Холмской губернии (ноябрь 1911 г. — февраль 1912 г.)];

– *историческая политика: историческое образование и просвещение, патриотическое воспитание* [6 «сражений», в том числе дебаты по: докладом бюджетной комиссии по смете доходов и расходов Министерства народного просвещения на 1908 г. (июнь 1908 г.) и на 1909 г. (апрель 1909 г.); законопроекту об изменении законоположений, касающихся перехода из одного вероисповедания в другое (май 1909 г.); законопроекту о начальных училищах (октябрь — ноябрь 1910 г.); заявлению по спешности запроса о праздновании 50-летия отмены крепостного права (февраль 1911 г.); законопроекту о частных учебных заведениях, классах

¹ См.: Корниенко С.И. Научно-образовательный интернет-портал по парламентской истории позднеимперской России // Таврические чтения 2011. Актуальные проблемы истории парламентаризма. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 8 декабря 2011 г. Сборник научных статей / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2012. С. 214–222.

и курсах (май 1912 г.); законопроекту о мерах к охранению памятников древности (июнь 1912 г.);

– *социальная политика: исторические аспекты аграрного и рабочего вопросов в Российской империи* [4 «сражения», в том числе дебаты по: законопроекту об изменении и дополнении некоторых постановлений, касающихся крестьянского землевладения и землепользования (октябрь — ноябрь 1908 г.); заявлению о запросе по поводу залога в кредитных установлениях посессионных земель на Урале (октябрь 1909 г.); докладу бюджетной комиссии по смете Переселенческого управления (март 1911 г.); законопроекту об обеспечении рабочих на случай болезни (ноябрь 1911 г.)].

Анализ стенографических отчетов позволил выявить следующие приемы инструментального использования исторического знания в думских дискуссиях:

– *привлечение исторических источников, критика источников* [среди прочих выделяется эпизод, связанный с внутренней критикой источника, точнее, с его политическим редактированием, предпринятым националистом Д.Н. Чихачевым по отношению к «Повести временных лет» при подготовке доклада думской комиссии по Холмскому вопросу. Об этом сначала поведал 25 ноября 1911 г. польский депутат Л.К. Дымша: «В комиссии попытались отрицать значение 981 г., т.е. того положения, что поляки обитали в этих краях раньше, чем пришли туда русские. Министр внутренних дел согласился с этим, но указал, что раньше, в 907 г., Олег, идя в Константинополь, привлек в свои ряды дулебов и хорватов. Пусть так, я против этого не возражаю, но я только укажу, что это не доказательство против моего исторического утверждения. Дулебы всегда жили, как мы знаем это по Нестору, на правой стороне Буга, а не на левой. Следовательно, они к ляхам принадлежать не могли. Далее Министр внутренних дел упустил из вида, что под понятием хорватов разумеется весь обширный край вплоть до Галиции, а не только те края, которые прилегают к Бугу. Я, со своей стороны, прибавлю, что те попытки, которые были сделаны в комиссии, чтобы опорочить эти указания Нестора, не выдерживают критики (*ep. Евлогий, с места*: это наука отрицает). Если вы будете отрицать Нестора, то будете отрицать всю древнюю русскую историю, тогда у нас нет источников, нет данных, на основании которых можно доказывать то или другое. Летопись Нестора признана с научной точки зрения самым твердым историческим материалом и от нее отступать нельзя»¹. 13 января 1912 г. к этой истории вернулся социал-демократ И.П. Покровский: «Чтобы доказать, что в Холмщине 30–50% населения русского, авторам доклада пришлось раскопать тысячелетнюю историю этого края. Мало того, пришлось не согласиться с летописью, с Нестором, и рукою Чихачева внести поправку в русскую летопись. Правда, министр Макаров не согласился с этой поправкой,

¹ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв третий. Сессия V. СПб., 1911. Ч. 1. Стб. 2626.

но зато ему уже пришлось перейти за летописную историю и обратиться к преданиям, искать подкрепления в рассказе о том, что еще Щек охотился на медведей в Холмском крае»¹];

– *работа с историческими картами* [о том, что националисты приносили на заседание подкомиссии по Холмскому вопросу «старые карты» для доказательства своих доводов, упомянул 16 января 1912 г. В.А. Бобринский²];

– *ссылки на историческую литературу, историографические оценки* [в своих выступлениях думцы часто ссылались на труды многих историков, в том числе древнеримских: Плутарха и Тацита, французского — И. Тэна, немецкого — Т. Моммзена, российских: Н.И. Костомарова, С.М. Соловьева, А.А. Шахматова и даже П.Н. Миллюкова. В частности, 16 января 1912 г. В.А. Бобринский заявил: «<...> когда я приводил выдержку из Костомарова, то член Государственной думы Шингарев с обычной ему развязностью выходил и говорил, что я читал страницу из Иловайского; поэтому теперь, когда я буду давать историческую справку, прошу вас запомнить, что я вам даю справку из Соловьева»³. Порой сама личность и взгляды историка вызывали полемику. Чаще всего это касалось В.О. Ключевского. Например, попытка И.С. Ключева сослаться на мнение данного ученого: «Вот что говорит наш историк Ключевский в своем труде...», — была встречена колкой репликой И.П. Созоновича: «Этот вздор сказал Ключевский, сошлитесь на другого»⁴. Аналогичную реакцию вызвала ссылка Н.С. Чхеидзе на В.О. Ключевского: «<...> по выражению историка Ключевского (*голос справа: плохой историк*)»⁵];

– *проведение исторических исследований, публикация полученных результатов* [обсуждение Холмского вопроса, с одной стороны, сподвигло Л.К. Дымшу в стремлении противопоставить «исторической неправде», «фактическим неверностям» и «несуществующим фактам» правительственного законопроекта издать развернутый очерк истории Холмского края и Подлясья⁶, с другой стороны, текст доклада думской комиссии, с которым выступил 25 ноября 1911 г. Д.Н. Чихачев, правым флангом был воспринят как «целая ученая монография о Холмщине», «целый исторический трактат», «в высшей степени почтенный труд»⁷, а сам Чи-

¹ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв третий. Сессия V. СПб., 1912. Ч. 2. Стб. 238.

² Там же. Стб. 354.

³ Там же. Стб. 353.

⁴ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв третий. Сессия IV. СПб., 1910. Ч. 1. Стб. 424.

⁵ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв третий. Сессия IV. СПб., 1911. Ч. 3. Стб. 2978.

⁶ *Дымша Л.* Холмский вопрос. СПб., 1910.

⁷ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв третий. Сессия V. СПб., 1911. Ч. 1. Стб. 2650; Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв третий. Сессия V. СПб., 1912. Ч. 2. Стб. 263, 341.

хачев рассматривал историческую часть своего доклада в качестве ответа на книгу Дымши¹];

– обвинения в фальсификации истории политическими противниками [трудовик И.Я. Сагателян: «Депутат от Бессарабской губ. заставляет меня, хотя бы краткими данными, гг., восстановить историческую истину, которая от него так пострадала, если только история может от кого-либо пострадать. Я поставлю депутата Пуришкевича на очную ставку с историей и буду просить вашего суда» (4 февраля 1909 г.)²; И.П. Созонович при оглашении заявления фракции правых по мотивам голосования: «Выслушав ряд речей, направленных против единств русского языка в судебных установлениях, ввиду страстных призывов инородческих представителей Государственной думы к ограничению роли русского языка в суде, заслушав, в частности, доводы фракции к.-д., якобы, научные, но, в сущности, искажающие исторические факты и клонящиеся к разрушению единства государства, фракция правых <...> постановила поддерживать ст. 11 законопроекта судебной комиссии в ее чистом виде и голосовать против поправки» (9 декабря 1909 г.)³; К.М. Петров по мотивам голосования трудовой группы: «Принимая во внимание: 1) что ссылка на то, что Холмский край на заре истории был русским, не соответствует исторической истине, <...> трудовая группа высказывается против обсуждаемого законопроекта и будет голосовать против перехода к постатейному чтению» (20 января 1912 г.); епископ Евлогий: «<...> наши противники: сначала они зачеркивают подлинную историю Холмского края и вместо нее представляют свою особенную, выдуманную фальсифицированную историю» (20 января 1912 г.)⁴];

– указания на незнание истории оппонентами [В.М. Пуришкевич: «Мало того, блестящее знакомство с историей Польши, которое может быть предметом зависти для нас, русских, к стыду нашему, не знающих часто страниц прошлого, говорю это партии кадетской <...>» (18 ноября 1907 г.)⁵; С.Н. Максудов: «Член Государственной думы г. Пуришкевич, по-видимому, довольно хорошо осведомлен в древней истории, но он совершенно не знает новейшей истории. Это видно по всем тем выступлениям, которые он делает в Государственной думе» (2 марта 1910 г.)⁶; И.В. Лучицкий, обращаясь к правому думскому флангу: «Ну, эти ваши

¹ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв третий. Сессия V. СПб., 1912. Ч. 2. Стб. 703.

² Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв третий. Сессия II. СПб., 1909. Ч. 2. Стб. 873.

³ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв третий. Сессия III. СПб., 1909. Ч. 1. Стб. 3082.

⁴ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв третий. Сессия V. СПб., 1912. Ч. 2. Стб. 609, 660.

⁵ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв третий. Сессия I. СПб., 1907. Ч. 1. Стб. 379.

⁶ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв третий. Сессия III. СПб., 1910. Ч. 3. Стб. 2828.

исторические знания очень плохи» (10 мая 1910 г.)¹; Ф.И. Родичев: «Вы думаете, что я стану, как министр внутренних дел, ссылаться на древнюю историю (*голос справа*: да вы ее не знаете), которую вы, может быть, и не знаете? (24 мая 1910 г.)²; Н.Е. Марков, обращаясь к левому флангу: «Советую слушать внимательно, ибо вы истории, конечно, не знаете» (25 мая 1910 г.)³; Е.П. Гегечкори, с места реагируя на выступление Д.Ф. Машкевича: «<...> историю плохо знает батюшка»⁴].

Проведенное исследование позволяет констатировать то, что в Государственной думе третьего созыва сформировалась практика инструментального использования исторического опыта при решении современных проблем. В рамках конкурентной публичной политики конкретный репертуар исторической аргументации (события и исторические деятели, их интерпретации и оценки) способствовал развитию групповой идентичности думских объединений, наполнял конфронтационную модель парламентского взаимодействия новым содержанием.

¹ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв третий. Сессия III. СПб., 1910. Ч. 4. Стб. 1027.

² Там же. Стб. 2218.

³ Там же. Стб. 2356.

⁴ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв третий. Сессия V. СПб., 1911. Ч. 1. Стб. 1263.

ДЕПУТАТСКИЕ БУДНИ. ЧТО ДЕЛАЛИ И ЧТО НЕ ДЕЛАЛИ НАРОДНЫЕ ИЗБРАННИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

СОЛОВЬЕВ КИРИЛЛ АНДРЕЕВИЧ,

доктор исторических наук,
профессор Школы исторических наук факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»,
главный научный сотрудник Института российской истории РАН,
Москва, Россия;
email: kirillsol22@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена значению повседневных практик законотворчества в ходе становления политического класса в России начала XX столетия. Автор делает акцент преимущественно на его корпоративных интересах, тесной близости с представителями высшей бюрократии, а также различными группами влияния. Обычно разговор о депутатском корпусе, так или иначе, сводится к вопросу политической программатике. Однако такой взгляд далеко не единственно возможный и не всегда оправданный. В условиях каждодневной рутинной законотворческой деятельности программные установки неизменно заслоняются многочисленными «торговыми» интересами участников политического процесса.

Ключевые слова: Государственная дума, депутаты, Совет министров, политическая система, законотворческий процесс.

В России начала XX в., до созыва Первой Думы, практически ни у кого не было опыта участия в публичной политике: ни у столичного профессора, ни у высокопоставленного чиновника, ни у сельского обывателя. Соответствующие навыки приходилось приобретать в ходе практической деятельности. Бытовавшие в обществе априорные представления о депутатской работе строились на юридической догме и отвлеченной фантазии. Это было характерно для публицистов начала XX столетия — это свойственно некоторым современным авторам. Такая «оптика» отчасти объясняет преимущественный интерес исследователей к пленарным, а не комисионным заседаниям, гипертрофированное внимание к фракционным группам и др. В рамках стереотипного представления депутат — это, прежде всего, деятельный законодатель, носитель частички народного суверенитета. Его задача — вносить законы, обсуждать их и голосовать. Складывавшаяся же практика разочаровывала и удручала и современников, и потомков. Депутаты не спешили на пленарные заседания¹, вносили в Думу законопроекты в разы меньше,

¹ Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва. 1907–1912 гг. СПб., 1912. Ч. 1. Общие сведения. С. 20, 22–26; Неманов Л. Итоги сессии // Речь. 1911. 15 мая; Около Думы // Русские ведомости. 1908. 19 декабря. Член фракции кадетов Л.А. Велихов писал брату 23 января 1914 г.: «В Государственной думе — кабак. 85 депутатов взяли отпуск. В комиссиях нет кворума, в общем собрании

чем правительство. Лишь ничтожная часть из них получила дальнейший ход¹. Один из членов фракции октябристов в феврале 1909 г. с сожалением констатировал: «В работе Думы совершенно не видно плана — разбирают законы, которые подваливает правительство. Не Дума ведет свою линию, а правительство»². Это объяснялось не только безудержной «тиранией» министров, но и беспомощностью самих депутатов, часто не склонных к рутинному законотворчеству, требующему каждодневных усилий, а не только эмоций. 6 мая 1911 г. состоялось специальное (и очередное) совещание октябристов, посвященное проблемам дисциплины внутри фракции. «Это полное неуважение к нашей работе, — возмущался Н.А. Хомяков, — полнейшее невнимание к самой фракции, а через нее и к Думе. Нехорошо вообще, когда члены не посещают фракционные собрания, но еще хуже, когда они проводят это время за картами тут же, в следующей комнате, чуть не рядом»³. За время работы депутатов таких слов было сказано много. Газетчики не досчитывались депутатов в Таврическом дворце и обвиняли их в лени и легкомыслии. Значит ли это, что Дума действительно работала недостаточно эффективно? Нет, не значит.

Конечно, среди депутатов лишь меньшинство трудилось на ниве законотворчества, что, скорее, следует признать нормой, а не ее противоположностью⁴. Однако в данном случае речь все же идет совсем о другом: депутаты начала XX столетия отвечали не только на выдуманные, но и на реальные вызовы времени. У наиболее деятельных из них не было времени сидеть на пленарных заседаниях Думы. Они должны были в ежедневном режиме осуществлять лоббистскую деятельность, представляя интересы собственных избирателей. Проще всего это было делать в канцелярии министерств, где проводили «досуг» многие народные избранники. Наконец, фракции тесно взаимодействовали с банковскими группами⁵, биржевыми комитетами⁶, отдельными категориями промышленников (например, с нефтяниками⁷ или специализировавшими-

болтают вздор...» (Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.: Материалы перлюстрации Департамента полиции. М., 2014. С. 386).

¹ Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. СПб., 1910. Т. 1. С. 611.

² Письмо «Владимира» В.П. Ариндаренко 6 февраля 1909 г. // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 369. Л. 72.

³ Дневник И.С. Ключева // РГИА. Ф. 669. Д. 8. Л. 25.

⁴ Соловьев К.А. Работоспособное ядро Третьей Государственной думы: численность и состав // Таврические чтения 2015. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, Санкт-Петербург, Таврический дворец, 10–11 декабря 2015 г. Сборник научных статей / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2016. Ч. 1. С. 126–136.

⁵ Селзнев Ф.А. Выборы и выбор провинции: партия кадетов в Нижегородском крае (1905–1917). Нижний Новгород, 2001. С. 74.

⁶ Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.: Материалы перлюстрации Департамента полиции. М., 2014. С. 212–213.

⁷ Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 — февраль 1917 // Вопросы истории. 1999. № 6. С. 5.

мися на железнодорожном строительстве¹). Конечно, особая роль в III и IV Думе принадлежала земцам, которые «солировали» на всех этапах подготовки решений². Свой голос был у представителей сословных корпораций: например, у Постоянного совета Объединенного дворянства³.

Депутаты в меру своих сил пытались защищать интересы избирателей. Порой они выступали посредниками между министрами. Например, нередко военный министр искал поддержки у Думы от нападков Министерства финансов⁴. Таврический дворец становился центром консолидации различных общественных кругов, которые придавали думскому обсуждению особый вес и способствовали изменению самой процедуры законотворчества. Диалог в Думе осуществлялся поверх партийных границ, а иногда даже и вопреки им. Депутаты из конкурировавших, а подчас враждебных фракций учились сотрудничеству. Князь А.Д. Голицын вспоминал, что работа в комиссии по реформе местного самоуправления «шла под председательством Юрия Глебова в столь же дружном общении, как и в переселенческой. В нее вошли в подавляющем количестве земцы от правых и до трудовиков. Царивший в ней дух вполне соответствовал нашим обычным земским собраниям, где каждый отстаивал свою точку зрения в зависимости от своих взглядов, уважая в то же время чужое мнение и оспаривая его в приличной и выдержанной форме. Благодаря работе в этой комиссии у нас создался дружный кружок единомышленников, тесно сплоченный не только в пределах думских и фракционных работ, но и вне их»⁵. В этом кружке были депутаты разных фракций. Октябристы удивлялись способности кадетов к диалогу. Все тот же Голицын впоследствии писал: «Я должен удостоверить, что в комиссии земского самоуправления тот же Шингарев ничем не обнаруживал своей принадлежности к оппозиции ради оппозиции и принимал участие в общих прениях, выражая свое мнение так же точно, как это обычно имело место в заседаниях наших земских учреждений»⁶.

Порой даже стороны стеснялись своей договороспособности, играли в непримиримость и бескомпромиссность. «Эти переговоры оставляют на нашей <...> одежде трудно выводимые пятна», — писал Д.Д. Протопопов лидеру кадетов П.Н. Милюкову 6 июня 1907 г., говоря о встрече представителей правого крыла конституционных демократов с П.А. Столыпиным

¹ Николаев А.Б. Марков (Марков 1-й) Николай Львович // Государственная дума Российской империи, 1906–1917: Энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2008. С. 359.

² Дневник И.С. Ключева // РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 5. Л. 14.

³ Корелин А.П. Объединенное дворянство как политическая организация (1906–1917) // Политические партии в российских революциях в начале XX века. М., 2005. С. 50–51; Могилевский К.И. Столыпинские реформы и местная элита: Совет по делам местного хозяйства (1908–1910). М., 2008. С. 298; Korros A.S. The landed nobility, the State Council and P.A. Stolypin (1907–1911) // The politics of rural Russia, 1905–1914. Bloomington; L., 1979. P. 132.

⁴ Письмо А.И. Гучкова А.А. Поливанову 18 июня 1910 г. // РГВИА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 28. ЛЛ. 140–141.

⁵ Голицын А.Д. Воспоминания. М., 2008. С. 295.

⁶ Там же. С. 296.

накануне роспуска II Думы¹. Так рассуждали многие в Партии народной свободы. Однако это не отменяло того факта, что в итоге все вели переговоры со всеми. Когда же народные избранники выступали на пленарном заседании с грозными речами, они имели в виду не столько оппонентов, сколько представителей прессы, а значит — общественное мнение.

Примеров на сей счет можно приводить много. Все они свидетельствуют, в сущности, об одном: в России складывался политический класс, объединявший бюрократию, депутатский корпус, круги, за ним стоявшие. К этому предпосылки были и прежде. Министров и многих депутатов связывали родственные узы. Они были одноклассниками, однокурсниками, друзьями, коллегами, соседями. Узкий круг российского общества был довольно тесный. Он включал в себя и государственных служащих, и их оппонентов, которые друг друга хорошо знали и volens volens должны были поддерживать деловые контакты. Это было характерно и для дореволюционных времен. С учреждением Думы процесс только набирал ускорение. Депутаты регулярно приглашались министрами на «рауты»², или «чашку чая»³. Об этих встречах потом часто вспоминали. «Большое значение в деле сближения Столыпина с членами палат имели его известные приглашения „на чашку чая“, которые привлекали в квартиру премьера огромное число лиц — членов Думы и Совета, министров и ближайших их сотрудников, представителей ученого мира, видных общественных деятелей. Принимал он с истинно русским радушием. Представители разных лагерей объединялись у столов, заваленных обильным угощением, знакомились друг с другом и вели деловую беседу, которая содействовала выяснению многих вопросов»⁴. Встречаться можно было и частным порядком, пользуясь своими давними товарищескими связями. Следствием всего этого становились неписанные правила игры, так или иначе регламентировавшие законотворческий процесс. Причем речь идет не о российской специфике, характерной для начала XX столетия, а, напротив, о норме, общем правиле функционирования любой политической системы (например, английской): неписанные

¹ Письмо Д.Д. Протопопова П.Н. Милюкову 6 июня 1907 г. // ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 5479. Л. 6. 25 октября 1907 г. на V съезде конституционно-демократической партии А.И. Шингарев так вспоминал реакцию ЦК партии на поездку С.Н. Булгакова, В.А. Маклакова, П.Б. Струве, М.В. Челнокова к П.А. Столыпину: «Я свидетельствую, что этот факт произвел впечатление неожиданно <...> взорвавшейся бомбы. Комитет дал этим лицам такую суровую и тяжкую отповедь, что один из четырех тут же немедленно подписал свою отставку и тут же убежал» (Съезды и конференции конституционно-демократической партии: В 3 т. М., 1997. Т. 1. 1905–1907. С. 614).

² П.А. Столыпин глазами современников. М., 2008. С. 83–84.

³ См.: Соловьев К.А. За «чашкой чая». Взаимодействие законодательной и исполнительной власти в 1906–1914 гг.: неформальные практики // Таврические чтения 2012. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, Санкт-Петербург, Таврический дворец, 19 октября 2012 г. Сборник научных статей / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2013. С. 131–150.

⁴ [Тимашев С.И.] С.И. Тимашев: Жизнь и деятельность. Тюмень, 2006. С. 118.

правила заметно важнее писаных. Политическая система существует согласно нормам обычного, прецедентного права¹.

Однако тогда, в 1906–1908 гг., прецеденты только складывались. Учреждение Думы было своего рода политическим и социальным экспериментом, который способствовал скоротечному становлению нового политического класса, который в себя включал и высшую бюрократию, и депутатский корпус. Принципиально менялась не только процедура принятия, но и круг лиц, в ней участвовавших. Дума обростала экспертными сообществами, которые все активнее включались в законотворческий процесс²: это весьма влиятельный Совет по делам местного хозяйства³, регулярно созываемые правительством съезды предводителей губернского дворянства, съезды представителей промышленности и торговли⁴, местные отделения партий и союзов⁵, экспертные советы при фракциях и др. Депутаты III и IV Думы Н.В. Савич и А.И. Звегинцев проводили совещания с офицерами военно-морского флота, а также представителями Морского министерства, что явно плохо вписывалось в Основные государственные законы 23 апреля 1906 г.⁶. В итоге этого интуитивного поиска наиболее быстрого пути принятия решений политическая система заметно усложнялась.

Причем речь идет не о той сложности, которая была предусмотрена проектными особенностями конституционной монархии. Дума была встроена в бюрократический порядок империи, который во многих своих особенностях оставался прежним, дореволюционным⁷. Явное свидетельство тому: сохранение прежних законосовещательных учреждений⁸, прежнего «календаря» утверждения бюджета⁹ и т.д. Политическую систему России, даже в обновленном после 1905–1906 гг. виде, отличала бросавшаяся в глаза правовая архаика.

Стремительность становления новых институтов была чревата политической акселерацией. В России имелись представительные

¹ Лоу С. Государственный строй Англии. М., 1910. С. 54, 69.

² Соловьев К.А. Думское законотворчество в 1906–1914 гг.: организация экспертизы // Таврические чтения 2013. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, Санкт-Петербург, Таврический дворец, 11–12 декабря 2013 г. Сборник научных статей. В 2-х ч. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2014. Ч. 1. С. 138–145.

³ Могилевский К.И. Столыпинские реформы и местные элиты: Совет по делам местного хозяйства: Структура, функции, деятельность (1908–1910). М., 2008. С. 70–195.

⁴ П.А. Столыпин: Биохроника. М., 2006. С. 312.

⁵ Письмо Ф.Ф. Кокоскина П.Н. Милюкову // ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 4654. Л. 29.

⁶ Савич Н.В. Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 38–39.

⁷ Соловьев К.А. Российская Дума и английский образец // Таврические чтения 2020. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 10–11 декабря 2020 г.: Сборник научных статей. В 2-х ч. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2021. Ч. 2. С. 21–27.

⁸ Труды Юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. 1909. СПб., 1911. Т. 2. С. 218.

⁹ Фридман М.И. Наше законодательство о бюджете // Вопросы государственного хозяйства и бюджетного права. СПб., 1907. С. 13.

учреждения, но были слабо развиты механизмы, способствующие организации их работы. В частности, это можно сказать о партийной системе, оставшейся в наследство от Первой русской революции и не вполне отвечавшей новым задачам. Политические партии в России формировались как революционные или контрреволюционные. Это вполне соответствовало повестке 1905–1906 гг., но с очевидностью устарело к моменту созыва III Думы. Партии крошились на части, утрачивали массовую поддержку, но держались за старое, сопротивлялись обстоятельствам. По мнению прогрессиста С.П. Мансырева, само признание «Союза 17 октября» партией свидетельствовало об отсутствии сложившейся партийной системы в России: «В общем, октябристы лишь в силу русской политической незрелости могли считаться партией; это была только обывательская группа, по преимуществу земских и городских деятелей, связанных между собой чисто деловыми интересами. С этой точки зрения и следует оценивать их участие в голосовании по общим вопросам. Не колебания справа налево, как это всегда утверждалось, имели здесь место, а совершенно безразличное отношение ко всем вопросам, выходящим из сферы деловой работы. Что им было, например, до вопроса об общем избирательном праве, о свободе печати и т.д.? И по принципиально-политическим вопросам они голосовали с правым крылом»¹. Предпринимавшиеся скромные попытки переформатировать партийную систему (в этой связи следует рассматривать образование Всероссийского национального союза или же Партии прогрессистов) оказались не слишком успешными.

Более сложная система оказывается более совершенной далеко не во всем. Несомненно, сильная ее сторона — складывающаяся модель балансировки интересов отдельных ведомств, депутатских групп, лоббистских объединений².

В то же самое время управление формирующимся политическим классом требует освоения новых навыков, выстраивания институтов, причем без каких-либо гарантий на достижение искомого результата. Организационная рыхлость партий и фракций оказывалась настоящим вызовом для правительства. Переговоры с руководством думских объединений ничего не гарантировали. Решения депутатов оставались мало предсказуемыми, что заметно затрудняло работу министерств. Немало зависело от случайных раскладов, имевших место в данный конкретный момент. 24 ноября 1911 г., в Екатеринин день, многие депутаты променяли думские будни на именины супруги. В основном это были представители центра и левого крыла, что неожиданно обеспечило доминирование правым. Они этим, конечно, воспользовались³. В июне 1913 г. депутаты «прогрессивного направления» не явились на заседание бюджетной комиссии. В неожиданном выигрыше оказался националист В.Я. Демченко, который

¹ Мансырев С.П. Мои воспоминания о Государственной думе // Историк и Современник. Историко-литературный сборник. Берлин, 1922. Кн. II. С. 13.

² Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). М., 2011. С. 69–71.

³ Дневник И.С. Ключева // РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 8. Л. 70 об.

провел нужные ему решения¹. Это были единичные случаи, из которых складывалась закономерность. Правительство не могло полагаться только на договоренности с фракционными лидерами, руководством Думы. Надо было выстраивать отношения и с отдельными депутатами. В итоге шаг за шагом складывалась система «сетевых связей», в которую были интегрированы и «рядовые» народные избранники.

Политический класс был не только плохо управляем, но и в житейском смысле весьма консервативен. Неизменно держался за status quo, благодаря которому он и сложился. Сам факт существования политического класса создает сопротивление материала правительственным мероприятиям, заметно большее, нежели имело место прежде. Весьма характерно, что процесс законотворчества был чрезвычайно долгим. Далеко не всегда он способствовал повышению качества нормативной базы — очень часто дело обстояло прямо наоборот. Депутаты — по самым разным мотивам (и корыстным, в том числе) — не стеснялись блокировать правительственные инициативы². Наконец, депутаты очень быстро привыкли к своему привилегированному положению. Они знали, что в приемных министров им чаще всего не нужно было сидеть в очереди³. Народных избранников принимали раньше губернаторов и прочих высокопоставленных чиновников. Они знали, что в министерских канцеляриях к их голосу неизменно прислушиваются. Да и сами министры внимают депутатам, от которых многое зависит хотя бы при обсуждении государственной росписи доходов и расходов. «С политическими деятелями правее кадет я веду дело лично, конечно, могу на них влиять тысячью путями, но делаю это лично. Это не всегда легко — партию не закроешь, как газету!» — признавался П.А. Столыпин министру иностранных дел А.П. Извольскому 1 июля 1910 г.⁴. Иными словами, правительство видело в депутатах сложных партнеров, которые, в свою очередь, извлекали разнообразные выгоды из своей роли. Коррекция этих уже устоявшихся правил игры в условиях Первой мировой войны была довольно болезненной.

Политический класс — это, в первую очередь, социальный организм, чье существование обусловлено привычками, бытовым укладом, алгоритмами поведения. Сфера ментального (а в данном случае идеологического, программного, партийного) имеет вторичное значение.

Участие такого класса в политических процессах снимает вопрос о соотношении стихийного и рукотворного в событиях изучаемого времени. Ведь речь идет о сравнительно ограниченной по численности группе лиц, в которой запущены механизмы самоорганизации. Для синхронных реакции и мобилизаций усилий им не нужен никакой определенный центр. В этом сообществе коммуникации осуществляются быстро, взаимодействия неплохо налажены, интересы участников довольно близки вне зависимости от партийной принадлежности.

¹ Там же // РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 14. Л. 64 об.

² П.А. Столыпин: Программа реформ: В 2 т. М., 2002. Т. 1. С. 707–708, 717–718, 736, 743–745.

³ П.А. Столыпин глазами современников. М., 2008. С. 127.

⁴ П.А. Столыпин: Переписка. М., 2004. С. 369.

ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

ВЫБОРЫ В I ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ В СТЕПНОМ КРАЕ

ЦИУНЧУК РУСТЕМ АРКАДЬЕВИЧ,
доктор исторических наук,
профессор кафедры международных отношений,
мировой политики и дипломатии
Казанского федерального университета,
Казань, Россия;
e-mail: rciunchuk@mail.ru

Аннотация: В статье раскрываются этно-конфессиональные аспекты политической борьбы на выборах в I Государственную думу в областях Степного края.

Ключевые слова: Российская империя, Государственная дума, Степной край, инородцы.

Окраинным национальным регионом Российской империи, где выборы в I Государственную думу были проведены по отдельным правилам, стал Степной край. Эта территории имели в основном мусульманское население, принадлежащее к различным этносам, при незначительном количестве русского и христианского населения. Как отмечал в своих воспоминаниях член I Государственной думы от Семипалатинской области А.Н. Букейханов, «во всех киргизских (казахских и киргизских — *Р.Ц.*) степях выборы были назначены в последнюю очередь»¹. Действительно, выборы на южной периферии азиатской части империи проводились уже после 27 апреля 1906 г., когда начала работать Государственная дума, что, возможно, также повлияло на партийно-политическую ориентацию избирателей, в том числе и национальных.

К так называемому Степному краю принадлежали Акмолинская, Семипалатинская, Тургайская и Уральская области. Двумя пограничными регионами с заметным русским и казачьим населением были лишь Акмолинская и Уральская области (каждая из них избрала одного депутата от казаков, другого — от русского неказачьего населения,

¹ Букейханов А. Выборы в Степном крае // К 10-летию 1-й Государственной думы: 27 апреля 1906 г. — 27 апреля 1916 г.: Сб. ст. переводумцев. Пг., 1916. С. 48.

и третьего — от инородцев-казахов). Мусульмане Казахстана и Средней Азии, где выборы проходили в то время, когда первый российский парламент уже начал свои заседания, связывали с Думой большие ожидания. Депутат I Думы, член конституционно-демократической и мусульманской фракций А.Н. Букейханов¹ свидетельствовал, что в Акмолинской и Семипалатинской областях казахи «съезжались на большие и малые съезды <...> читали манифест, комментировали его, обсуждали вопросы о будущих выборах в Государственную думу», и даже жители «самых отдаленных волостей массами поехали в степные города, где принимали участие в городских митингах», на которых «русские, татары, сарты (узбеки — Р.Ц.), киргизы (казахи — Р.Ц.) слились в одну братскую семью»².

В среде мусульманских выборщиков популяризировались не только социально-экономические требования (объявление степных казахских земель и водных ресурсов казахской общинной собственностью, отмена закона о переселенцах), но и политические задачи (реорганизация суда и упразднение института земских начальников, организация четырехступенчатого самоуправления и учреждение для казахов всех областей одного большого земства для обсуждения общенациональных вопросов, отмена религиозных притеснений и т.д.). В городах Акмолинской области, в том числе в административном центре Степного генерал-губернаторства — Омске, политическая борьба развернулась между кадетами, социал-демократами и октябристами. Выборы происходили в период развернувшегося противостояния Думы с властью, а также в условиях действовавшего военного положения, которое, по мнению местной либеральной печати, «отпугнуло от выборов 80% избирателей из чиновников, евреев, поляков и мусульман», являвшихся главной опорой кадетской партии³. Обострение политического положения привело к неудаче кадетов на областном выборном съезде, где депутатами были избраны от русского оседлого населения врач, социал-демократ В.И. Ишерский⁴, от казачьего населения — податный инспектор И.П. Лаптев (беспартийный кандидат, близкий к партии демократических реформ)⁵, а голосами казахских избирателей от инородческого населения прошел мулла Ш. Кошегулов, чьи выборы оспаривались в избирательной комиссии по статье о незнании русского языка⁶.

¹ Усманова Д.М. Букейханов Алихан Нурмухамедович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 70.

² Букейханов А. Выборы в Степном крае. С. 32.

³ Сидельников С.М. Образование и деятельность первой Государственной думы. М., 1962. С. 181.

⁴ Ишерский Владимир Иванович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 224.

⁵ Лаптев Иннокентий Иванович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 318. Избирался также во II Государственную думу, где был членом казачьей фракции.

⁶ Памятная книжка Первой Государственной думы. СПб., 1906. Вып. III. С. 40; Ш. Кошегулов не числился в официальном списке членов I Думы, но на выборах во II Думу вновь прошел в депутаты от Акмолинской области, принимал участие

В Уральской области также активно действовала кадетская партия, в местном руководстве которой был выходец из семьи казахских султанов, выпускник юридического факультета Петербургского университета Б.Б. Каратаев (будущий депутат II Думы)¹. На выборах была заметна также «татарская партия» в Уральске. Кадеты действовали в союзе с местной мусульманской интеллигенцией: так ряд студентов «был командирован в степь», где «объясняли кочевникам программу партии и вербовали членов»².

Наказной атаман Уральского казачьего войска генерал-лейтенант Н.В. Родзянко, рассчитывая на казачий консерватизм и цесаризм, так напутствовал казачьих выборщиков: «В члены Государственной думы от войскового сословия должен быть выбран прежде всего казак, способный отстаивать все те казачьи вольности и исключительные права и привилегии, которыми пользуется казачество. Затем выборный член Государственной думы от казаков должен сознавать, что казачество мыслимо только при самодержавии: Царь и казачество неразделимы, казачеству предстоит еще сослужить большую службу»³. Однако избранным от казаков области оказался казачий интеллигент, член кадетской партии, журналист и издатель газет «Уралец» и «Вестник казачьих войск» Н.А. Бородин⁴ (в Думе активный член кадетской фракции). Выборщики от инородческого казахского населения в количестве свыше 100 человек «оказались примыкающими преимущественно к конституционно-демократической партии» и избрали советника Временного совета по управлению Киргизской (казахской) ордой, титулярного советника «управителя Эмбенской волостью Темирского уезда» А.К. Кальменева (в Думе — член мусульманской фракции)⁵. От неказачьего русского населения Уральской области депутатом был избран помощник присяжного поверенного, бывший редактор газеты «Уралец», «примыкавший к левым партиям», В.В. Недоносков (в Думе стал трудовиком)⁶.

В Тургайской области к кадетской партии «примыкало большинство» горожан и инородческого кочевого киргизского (казахского) населения. В Кустанае на городском избирательном съезде из 2538 избирателей

в заседаниях и был членом Мусульманской фракции (Усманова Д.М. Коцегулов Шаймардан // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 296).

¹ Мусульманские депутаты Государственной думы России. 1906–1917 гг. Сб. документов и материалов / Сост. Л.А. Ямаева. Уфа, 1998. С. 290; Усманова Д.М. Каратаев Бахиджан Бисалиевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 239.

² ОР РНБ. Ф. 1072. Т. 15. Л. 271.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 273; Щелоков О.В. Бородин Николай Андреевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 64.

⁵ ОР РНБ. Ф. 1072. Т. 15. Л. 273; Усманова Д.М. Кальменев Алпыспай Кальменович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 230.

⁶ ОР РНБ. Ф. 1072. Т. 15. Л. 273. Недоносков Владимир Васильевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 402.

присутствовало 1076, из десяти выборщиков оказалось 7 русских, сторонников кадетов, трое татар, из них один мулла, тоже поддерживающие кадетов. От Тургайского уезда также был избран выборщиком мусульманин Исхаков, сторонник кадетов. Если в Иргизском и Актюбинском уездах большинство выборщиков оказались неграмотными скотоводами, то в Кустанайском и Тургайском уездах выборщики были «преимущественно грамотными», а в Кустанайском и «отчасти занимающиеся хлебопашеством». Однако на съездах местные жители обыкновенно прислушивались не только к традиционным местным авторитетам, но и к кандидатам, имеющим образование. Таким в Кустанайском уезде оказался имеющий высшее юридическое образование судебный следователь Троицкого уезда А. Балгожин, в Тургайском — бывший мировой судья Актюбинского уезда будущий депутат А. Беремжанов, окончивший Красноуфимское реальное промышленное училище С. Кабаков и учитель А. Рахметов. Отмечалось, что «большинство киргизских (казахских — *Р.Ц.*) выборщиков, сочувствующих программе Конституционно-демократической партии и даже сознательно к ней примыкающих», голосовали за кадетские кандидатуры¹. От инородческого населения был избран бывший мировой судья и судебный следователь А.К. Беремжанов² (в Думе — член конституционно-демократической и мусульманской фракций), а от русского — крестьянин-переселенец из Таврической губернии и церковный староста Н.Е. Дыхнич³ (в Думе входил в конституционно-демократическую фракцию).

В Семипалатинской области (где выборы также проходили в начале июня 1906 года) активная деятельность кадетов, в том числе казахских либеральных деятелей, также привела к успеху списка конституционно-демократической партии. Перед выборами Семипалатинский губернатор генерал А.С. Галкин пригласил выборщиков на встречу и «давал слушателям наставление, кого следует выбирать и кого не следует выбирать в депутаты», а на следующий день члены избирательного съезда 175 голосами из 175 избрали инженера, сотрудника газеты «Семипалатинский листок», кадета А.Н. Букейханова, который незадолго до того, став выборщиком, был освобожден из Омской тюрьмы⁴. От русского населения был избран также поддержанный кадетами частный поверенный Н.Я. Коншин⁵.

¹ ОР РНБ. Ф. 1072. Т. 15. Лл. 269–271 об.

² Там же. Л. 271 об.; *Усманова Д.М.* Беремжанов Ахмет Кургамбекович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 51. Избирался также во II Думу, где был членом мусульманской фракции.

³ ОР РНБ. Ф. 1072. Т.15. Л. 271 об.; Дыхнич Никифор Емельянович // Государственная дума Российской империи Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 178.

⁴ *Букейханов А.* Выборы в Степном крае // К 10-летию 1-й Государственной думы. С. 50. А. Букейханов прибыл в Петербург в день роспуска Думы и, отправившись в Выборг, там подписал Выборгское воззвание, за что подвергался судебным преследованиям.

⁵ Коншин Николай Яковлевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 290; Памятная книжка Первой

Выборы от казахского кочевого населения Астраханской и Ставропольской губерний (официально не входивших в Степной край) дали депутатские мандаты также кандидатам кадетской ориентации, местным аристократам: казахскому нойону Д.Ц. Тундутову¹ (входил в конституционно-демократическую фракцию) и чиновнику Б.А. Кулманову² от казахской Внутренней орды Астраханской губернии.

В связи с роспуском Думы выборы в Думу в областях Средней Азии (Семиреченской, Закаспийской, Самаркандской, Сыр-Дарьинской и Ферганской) практически не были произведены. По свидетельству А. Букейханова в Семиреченской области «ко дню роспуска I Государственной думы выборы даже не успели состояться»³.

Таким образом, выборы в Степном крае из 10 мест дали положенные по выборным квотам два места для казаков и по четыре для русского и инородческого населения. Большинство выбранных входило в число кадетского списка. Так, практически все инородческие и казацкие депутаты были кадетами или поддерживались ими, а среди 4 депутатов от русского неказацкого населения, кроме двух, поддержанных кадетами, оказалось по одному социал-демократу и трудовику. Такой состав депутатов Степного края I Думы (и оппозиционный состав членов II Думы от Степных областей) от Степного края не мог устроить власть, что в дальнейшем послужило причиной ликвидации их представительства в третьинюньской системе (кроме места от уральских казаков).

Государственной думы. Вып. III. С. 41. Н.Я. Коншин в официальных списках Думы не числился, но был избран от Семипалатинской области во II Думу, где входил в социал-демократическую фракцию.

¹ Тундутов Давид Цанджинович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 631.

² Усманова Д.М. Кулманов Бахтигирей Ахметович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 311. Б.А. Кулманов до роспуска Думы в Петербург прибыть не успел, а в 1907 году был избран также во II Думу и входил там в мусульманскую фракцию.

³ Букейханов А. Выборы в Степном крае // К 10-летию 1-й Государственной думы. С. 48.

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И ВЫБОРЫ В I ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛА «ЦЕРКОВНЫЙ ВЕСТНИК»)

СОРОКИН АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ,

кандидат исторических наук,
доцент кафедры зарубежного регионоведения
и локальной истории

Национального исследовательского Нижегородского
государственного университета имени Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия;
e-mail: a.a.sorokin@imomi.unn.ru

Аннотация: Статья посвящена изучению позиции журнала «Церковный вестник» по участию православного духовенства в выборах в I Государственную думу Российской империи. Анализируется эволюция представлений о роли и возможностях духовенства в избирательной борьбе. Показано отношение авторов журнала к различным партиям и возможной миссии духовенства в Государственной думе.

Ключевые слова: выборы, I Государственная дума, духовенство, Русская Православная Церковь, «Церковный вестник».

Различные аспекты проведения выборов в Государственную думу Российской империи являются предметом значительного количества исследований. Особый интерес представляет вопрос о роли и участии в избирательных кампаниях Русской Православной Церкви. Эта проблема неоднократно становилась предметом специальных исследований¹, однако отражение избирательных кампаний на страницах церковной периодической печати по-прежнему остается «белым пятном» в историографии.

Накануне и в ходе выборов в I Думу значительную активность проявлял журнал «Церковный вестник», выходящий при Санкт-Петербургской духовной академии. Первоначально, до окончательного перехода на реформистско-обновленческую платформу, состоявшегося к началу 1906 г., он открыто заявлял о нежелании видеть в России парламентаризм по европейскому образцу. Представительство должно было быть организовано, по мнению издания, преимущественно на сословно-национальном начале, причем ведущая роль должна была отводиться русскому крестьянству².

¹ Гайда Ф.А. Вокруг думских выборов 1912 г.: государство, оппозиция, духовенство // Ортодоксия. 2021. № 1. С. 111–124; Мальшева О.Г. Избирательная система и практика России в период думской монархии 1905–1917. М., 2018; Цысь В.В. Выборы в I Государственную Думу на Тобольском Севере и участие в них православного духовенства (1906–1912 гг.) // Православие. Наука. Образование. 2018. № 2 (6). С. 33–39.

² Летопись церковной и общественной жизни в России // Церковный вестник. 1905. № 16. С. 506.

Возникшая в 1905 г. внутри духовенства дискуссия о роли Церкви в предстоящих выборах была обусловлена двумя факторами, внутренним (разные политические взгляды внутри самого духовенства) и внешним (попытки вовлечь Церковь в избирательную борьбу со стороны отдельных периодических изданий и т.д.). «Церковный вестник», комментируя это обстоятельство, отмечал, что будет невозможно устранить от участия в выборах духовенство, что, в свою очередь, порождает проблему: «Но можно ли согласиться с тем, чтобы храм обратился в политическую трибуну, и Церковь унизилась до роли политической партии, отстаивающей определенную политическую, хотя бы и самую святую — „исконно-русскую“ — программу? Может быть, желательна и неизбежна „православная“ политическая партия, но пусть она организуется помимо Церкви, которая должна стать выше всяких партий»¹.

«Церковный вестник» полагал, что духовенство должно войти в состав Думы «свободным»: «Если же по-прежнему оно останется верным слугою бюрократии, на что, очевидно, и рассчитывает реакция, то такое участие не принесет пользы: представители Церкви внесут в Думу не всеобъемлющую правду Христову, а одностороннюю правду политических партий старого порядка». Распоряжения консисторий об участии духовенства в выборах были встречены настороженно и с опаской, что затем последуют и рекомендации о том, за какие именно партии следует голосовать. Нежелание нести из-за этого репутационные издержки породило следующий тезис: «Лучше духовенству совсем отказаться от участия в Думе, чем вступать в нее со связанными руками»².

В разделе «Летопись церковной и общественной жизни» было наглядно продемонстрировано, что в разных городах и губерниях как у рядового духовенства, так и у епархиального начальства были различные мнения на этот счет. Например, в октябре 1905 г. на пастырских собраниях омского духовенства было принято решение, что духовенство не должно принадлежать ни к одной политической партии, а «служить проводником в широкую массу вечного Христова учения». Особо подчеркивалось, что пастыри могут придерживаться каких угодно политических взглядов, но «отнюдь не проводить их с церковной кафедры»³.

В Нижнем Новгороде, напротив, на пастырских собраниях с участием мирян было одобрено участие духовенства в политических митингах. Отдельные участники также предлагали духовенству активно разоблачать муссировавшуюся в среде левых идею о том, что сам Иисус Христос был первым социалистом⁴.

Херсонское епархиальное начальство, в свою очередь, дало прямые рекомендации ориентироваться на выборах на партию правового порядка,

¹ Духовенство и Церковь в предстоящих выборах народных представителей // Церковный вестник. 1905. № 28. С. 870–871.

² К вопросу об участии духовенства в Государственной Думе // Церковный вестник. 1905. № 42. Стб. 1320.

³ Летопись церковной и общественной жизни // Церковный вестник. 1906. № 1. Стб. 22.

⁴ Там же. Стб. 22–23.

объясняя это следующим образом: «Многие, конечно, не найдут в этой программе соответствия своим принципам; таким она может послужить подспорьем в выработке по образцу ее своей собственной программы. Но нам кажется, в общем, эта программа отчасти может удовлетворить сельское духовенство и наше крестьянство»¹.

В Новгородской епархии священник К. Георгиевский предлагал «объединиться ради общего благополучия и забыть вероисповедные, племенные и иные разности» на платформе «Союза 17 октября»².

Этой проблеме была посвящена опубликованная в «Церковном вестнике» статья «Священник и политика», автор которой, рассуждая на тему взаимоотношений «партийных» священников с мирянами, задавался вопросом: «Легко ли им поддерживать душевное общение с пастырем, принадлежащим к иному политическому лагерю?» При этом подчеркивалось, что от священника требуются «широта взгляда, беспристрастие, способность войти в настроение другого», что, очевидно, проблемно при наличии противоречий на политической почве³.

Что касается Церкви как института, то автор отмечал, что она «отныне в особенности должна дорожить своею свободою»⁴. Это объяснялось тем, что ранее судьбы Церкви «оказались роковым образом связанными с судьбами бюрократической власти». Последствия этой связи оказались печальными: «Ответ налицо: образованное общество в большей своей части живет вне Церкви; простой народ — чем дальше, тем больше — уходит в сектанство или даже впадает в атеизм (последнее особенно нужно сказать о рабочем пролетариате); духовенство далеко не пользуется тем почетом и влиянием, которые должны бы принадлежать ему по высокому положению в Церкви, ни среди интеллигенции, ни среди простого народа...»⁵.

Статья вызвала разные отклики. В марте 1906 г. в рамках дискуссии в журнале была опубликована статья «Православное духовенство и выборы в Государственную думу», автор которой утверждал, что отсутствие духовенства в Думе станет еще большей опасностью для Церкви. Подчеркивалось, что Церковь должна иметь в Думе достаточное количество голосов, чтобы защищать свои интересы и «оказать свое пастырское влияние в христианско-православном духе на появление того или иного закона»⁶. В качестве прецедента отмечался опыт ряда европейских стран, в частности, Бельгии, в которой «служители культа имеют право на три голоса как избиратели», а также Франции и Нидерландов⁷.

Немалая часть духовенства примкнула к позиции Союза ревнителей церковного обновления (группа петербургских священников), которая

¹ Там же. Стб. 23.

² Там же.

³ Кудрявцев П. Священник и политика // Церковный вестник. 1906. № 2. Стб. 38.

⁴ Там же. Стб. 39.

⁵ Там же. Стб. 38–39.

⁶ Дьяков Ав. Православное духовенство и выборы в Государственную думу // Церковный вестник. 1906. № 9. Стб. 262.

⁷ Там же. Стб. 263.

заклучалась в следующем: «... пастырю, именно как духовному руководителю всех лиц данного прихода или общества, доступного его воздействию, лучше не связывать себя с определенной политической партией и ее программой настолько, чтобы вступать в ряды ее борцов, подчиненных партийной дисциплине»¹.

На страницах «Церковного вестника» авторы старались всячески отмежеваться от монархических партий. В частности, заявлялось, что манифест 17 октября 1905 г. разорвал связь между Церковью и «реакционным строем». При этом с сожалением констатировалось, что церковные иерархи в большинстве своем остались на прежних идейных позициях: «Они легче готовы были мириться с проявлениями вольномыслия в области религии, чем в области политических и общественных убеждений»².

Что касается отношения к консерватизму, то было отмечено, что в России в сущности его как такового нет: «Современные консерваторы всего чаще реакционеры; в крайних же консервативных партиях, например, в монархической партии Грингмута или в Союзе русского народа, консерватизм граничит с человеконенавистничеством и изуверством». В вопросе о партийности духовенства предлагалась оригинальная формула — Церковь должна быть в партиях, «но должна быть выше партий»³.

В опубликованном в журнале письме пожелавшего остаться анонимом сельского священника отмечалось, что духовенство в Думе должно отстаивать интересы Церкви, но эти интересы не должны быть тождественны с «интересами ведомства православного вероисповедания»⁴. В письме также звучал призыв отказаться от союза как с реакционными, так и с социалистическими партиями: «Последние, хотя и искренне стремятся к осуществлению благ народа, но решают вопросы о народном благе слишком уж радикально и односторонне»⁵. Автор письма предлагал ориентироваться на выборах на кандидатов «той партии, которая главной своею задачею в Госуд. Думе ставит немедленное и возможно полное удовлетворение нужд рабочего и сельского люда»⁶.

Однако партийность продолжала проникать в церковную среду. Ректор одной из могилевских духовных семинарий, архимандрит Митрофан, прямо заявлял: «Осветить с точки зрения христианского учения современное положение — для пастыря не только позволительно, но и обязательно по долгу его служения»⁷. Священник Киевской епархии

¹ Об отношении Церкви и священства к современной общественно-политической жизни: «Записка Союза ревнителей церковного обновления» (группы петербургских священников) // Церковный вестник. 1906. № 11. Стб. 326.

² Мнения и отзывы // Церковный вестник. 1906. № 9. Стб. 269.

³ Там же. Стб. 267.

⁴ Сельский священник. Голос сельского священника в виду выборов в Государственную думу // Церковный вестник. 1906. № 10. Стб. 296.

⁵ Там же. Стб. 296–298.

⁶ Там же. Стб. 297.

⁷ Летопись церковной и общественной жизни // Церковный вестник. 1906. № 3. Стб. 86.

П. Линчевский предлагал оценивать «пригодность партий» с церковно-религиозной точки зрения. Так, например, конституционные демократы им характеризовались как «люди безразличные в делах веры». Отмечалось, что «этой, как и другим подобным партиям, духовенство нужно только для пополнения численного состава; по миновании надобности оно будет выброшено, как ненужный балласт»¹.

К началу 1906 г. новгородское духовенство частично присоединилось к октябристам (причем один из протоиереев был избран представителем в состав комитета Новгородского отдела партии). К местной народной партии 17 октября было близко духовенство Екатеринославской губернии. Оренбургские священники выражали «сочувствие и содействие» партии правового порядка. В Тифлисе местный священник Гордцев был выдвинут кандидатом от русской патриотической партии².

Возможно, именно различие в политических взглядах духовенства в отдельных городах стало причиной невнесения священников в списки избирателей. Такая ситуация, в частности, сложилась в Орле, где многие духовные лица не были включены городской избирательной комиссией в число избирателей, «как не получающие в настоящее время пенсии или жалованья, или не имеющие недвижимой собственности, или не имеющие квартир на свой счет, но живущие в церковных домах». Схожая ситуация сложилась и в Симферополе. Там такое положение вещей нашло резкое неприятие со стороны епископа Таврического Алексия, который заявил: «Такое умолчание о целом сословии, даже если оно непреднамеренное, может породить большие недоумения не только в духовенстве, но и в народе»³.

Успех духовенства на выборах уполномоченных вызывал и опасения у отдельных политиков. Так, неназванный член Государственного совета в своем интервью заявлял: «Я боюсь за такую Думу. Сумеют ли попы, — а их, по полученным сведениям из разных мест России, выбрано уже очень много, — сумеют ли они выразить народные нужды и желания?»⁴

«Церковный вестник», в свою очередь, парировал: «Народ, безмолвный и темный, без всяких уговоров и предварительных съездов, выдвинул этот общественный слой»⁵. Подчеркивалось, что в Думе не будет реакционного и черносотенного духовенства. Напротив, духовенство противопоставлялось «реакции» и объявлялось главным союзником простого народа в Думе: «В Думе же народ постигнет, кто его друзья и враги,

¹ Летопись церковной и общественной жизни // Церковный вестник. 1906. № 6. Стб. 181.

² Летопись церковной и общественной жизни // Церковный вестник. 1906. № 3. Стб. 85; Летопись церковной и общественной жизни // Церковный вестник. 1906. № 8. Стб. 244.

³ Летопись церковной и общественной жизни // Церковный вестник. 1906. № 8. Стб. 243–244.

⁴ Летопись церковной и общественной жизни // Церковный вестник. 1906. № 11. Стб. 344.

⁵ Мнения и отзывы // Церковный вестник. 1906. № 12. Стб. 362.

поймет правду прогрессивных политических партий. В Думе же и духовенство — единственное из сословий, питающееся соком почвенной России, — сознательно, плодотворно и вместе с тем окончательно разорвет свой союз с реакцией, которым омрачено его прошлое»¹.

«Церковный вестник», став фактически органом церковных реформистов, в ходе избирательной кампании в I Думу постепенно наращивал резкость своей риторики по отношению к участию Церкви в выборах. Если изначально выражалось сомнение в возможности такого участия, обоснованное наличием пастырского долга и нежеланием приносить партийность в отношениях с паствой, то по ходу выборов (и во многом в связи с действиями епархиального начальства, становившегося, как правило, частью административного ресурса) журнал стал придавать этому характер движения за освобождение Церкви от реакции.

¹ Там же. Стб. 363.

МОНАРХИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ НА ВЫБОРАХ В III ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ

ОМЕЛЬЯНЧУК ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ,
доктор исторических наук,
профессор кафедры Отечественной истории
Московского городского педагогического университета,
Москва, Россия;
e-mail: omeliyanchuk@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается участие монархистов Владимирской губернии в третьей думской избирательной кампании. После двух разгромных поражений на предыдущих выборах правые добились, наконец, позитивного для себя результата, проведя в Думу двух своих кандидатов из шести — священника А.Г. Знаменского и крестьянина И.И. Бурлакова. Правда, оба они в итоге оказались в Думе на скамьях умеренно-правых. Успеху правых, пусть и относительному, способствовали новый избирательный закон и использование властью административного ресурса, направленного, прежде всего, против оппозиционных партий. Добиться большего монархистам помешали старые проблемы: отсутствие «интеллигентных сил» и слабость правой печати. Свою роль сыграл и отказ правых от популизма в ведении избирательной кампании, чем злоупотребляли их политические оппоненты.

Ключевые слова: Владимирская губерния, правые партии, монархисты, III Государственная дума, избирательная кампания.

Участие во Второй думской избирательной кампании не принесло правым успеха: все члены Государственной думы от Владимирской губернии принадлежали к оппозиционным и революционным партиям (четыре кадета, трудовик и большевик). И хотя «Владимирские епархиальные ведомости» указывали, что «неуспех союза русского народа на выборах, нам кажется, зависел от того, что образ мыслей и действий союза не встретил сочувствия у большинства избирателей»¹, сами монархисты свое поражение объяснили скорее популизмом своих политических оппонентов и несовершенством законодательства о выборах, чем собственными ошибками. Поэтому роспуск II Государственной думы («Думы народного невежества») монархисты встретили с восторгом², а сопровождавшее его изменение избирательного закона вселило в них

¹ Владимирские епархиальные ведомости. 1907. 10 февраля. № 6. Отдел неофициальный. С. 86–87.

² В Шуе «манифест о роспуске Думы... встречен русскими людьми с величайшей радостью. Однако слышно глухое шипение, как ядовитых змей, крамольников, которых манифест ошпарил как кипятком» (Ивановский листок. 1907. 9 июня). На собрании Иваново-Вознесенской самодержавно-монархической партии также было выражено удовлетворение «ропуском крамольной Думы» (Ивановский листок. 1907. 14 июня).

определенные надежды на успех в предстоящей избирательной кампании. Кроме того, правительство П.А. Столыпина не стеснялось вмешиваться в ход выборов для достижения желаемого результата. Так товарищ министра внутренних дел С.Е. Крыжановский раздавал деньги местным властям «на выборы» без отчетности об их расходовании¹.

На выборах в III Думу владимирские монархисты уже не пытались блокироваться с октябристами. Причиной этого стал не только неудачный опыт предыдущей кампании, но и строжайший циркуляр Главного Совета Союза русского народа (СРН), в котором говорилось, что «ни один Отдел Союза не имеет права вступать в блок ни с какими партиями, стремящимися к ограничению царского самодержавия (от Партии правового порядка и левее)», и подчеркивалось, что «решение это бесповоротно и, ввиду партийной дисциплины Союза, не может быть нарушено ни одним отделом Союза». В циркуляре также содержался призыв дистанцироваться от правительства, «расходуя на выборы только средства, специально пожертвованные частными лицами, но отнюдь не пользуясь средствами, предоставляемыми правительством, так как правительство не имеет нравственного права тратить народные деньги, дабы создать при помощи Союза русского народа октябристскую Думу»².

Эта избирательная кампания сопровождалась значительным снижением активности рядовых членов правых партий, не видевших смысла в продолжении политической деятельности после победы правительства над «революционной смутой». Так 8-го августа на собрание Владимирского отдела СРН явились 25 союзников (т.е. членов Союза русского народа) и 15 посторонних³. А 9-го сентября, в самый разгар избирательной кампании, назначенное собрание вовсе не состоялось, так как на него явились ... 12 человек⁴. Иная ситуация была, если приезжали столичные политики. Например, на собрании 19-го августа «было много публики», да и союзников явилось 40–50 человек. Причина — приезд известных правых деятелей — В.А. Грингмута, одного из лучших правых ораторов Б.В. Назаревского «и их поддужного, недавно выступающего на политических подмостках союза студента Швецова. Того самого Швецова, бывшего два года назад социал-демократом, затем кадетом и в настоящее время истинно-русским союзником»⁵.

Правда, выступления столичных ораторов на этом собрании «Владимирец» оценил довольно скептически: «...на трибуну влез какой-то высокий чернородый тип и, заявляя, что теперь крестьяне, напуганные революционерами, не хотят идти в союз, тогда как раньше „валом валили“, просил интеллигенцию (которую предыдущие ораторы так усердно ругали) разъяснить темному народу всю пользу от вступления в союз. Его поддержал Грингмут, подтвердив комментариями достоверность

¹ Джунковский В.Ф. Воспоминания М., 1997. Т. 1. С. 243.

² ГА РФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 1. ЛЛ. 11, 11 об.

³ Владимирец. 1907. 8 августа.

⁴ Владимирец. 1907. 11 сентября.

⁵ Владимирец. 1907. 21 августа.

заявления, и, выкликнув несколько причитаний, предложил оставшимся [после перерыва. — *И.О.*] на прощанье устроить патриотическую манифестацию. С особым восторгом это было исполнено союзниками...»¹. Последняя фраза наталкивает на мысль, что все же впечатление, произведенное выступлениями столичных гостей на этом собрании, было довольно сильным и вызвало у присутствующих неподдельный энтузиазм.

Кандидатами в выборщики от Владимирского отдела СРН стали некто Ильин и проживавший ранее в Екатеринославе активист Союза А.А. Шипов (оба по 2-й курии). «Владимирец» сообщал, что везде «по городу расклеены сажены афиши от союза русского народа с фамилиями их кандидатов»². Кроме того, возмущалась газета, «владимирским жителям рассылается воззвание от „союза р. нар.“. Рассылается без разбора всем, даже заведомым, не скажу врагам союза — это уж слишком много чести для „патриотов“, — а людям, надлежаще оценивающим его»³.

Однако ни поддержка столичных «ораторов», ни «саженные афиши» не смогли, говоря современным языком, «разогнать рейтинги» правых кандидатов. Избирательное собрание по 2-й городской курии проходило по двум отделениям. На выборах по 1-му отделению Ильин получил 72 записки, а его оппонент прогрессист Г.Г. Козлов — 110⁴. Но так как победитель получил менее половины голосов, то была назначена перебаллотировка, в результате которой Г.Г. Козлов одержал более убедительную победу — 99 голосов из 155. В пользу Ильина было подано всего 45 записок. По 2-му отделению второго городского съезда также убедительную победу одержал ветеран избирательных кампаний от кадетской партии К.К. Черносивов — 442 записки против 141 у кандидата союзников А.А. Шипова. По первой городской курии было избрано три октябриста: городской голова Н.Н. Сомов, потомственный почетный гражданин Г.А. Пышкин (ранее весьма близкий к правым) и купец М.П. Бабушкин⁵. По курии землевладельцев Владимирского уезда одно из трех мест занял уездный предводитель дворянства А.А. Протасьев, ранее также весьма близкий к СРН (в свое время ему даже предлагали должность председателя Владимирского отдела Союза⁶), но в это время уже начавший дистанцироваться от крайне правых, что в конечном итоге к следующим выборам привело его в лагерь националистов⁷.

Шуйские монархисты начали свою избирательную кампанию в начале июля. «Владимирец» сообщал, что «местный союз „православных“ после роспуска 2-й Думы стал вести усиленную агитацию. Несколько дней тому назад по городу были расклеены длинные воззвания к русским людям сплотиться и выбрать в 3-ю Думу людей достойных»⁸. В Ивано-

¹ Владимирец. 1907. 21 августа.

² Владимирец. 1907. 26 сентября.

³ Владимирец. 1907. 14 октября.

⁴ Владимирец. 1907. 28 сентября.

⁵ Владимирец. 1907. 28 сентября.

⁶ Клязьма. 1906. 16 февраля.

⁷ Владимирец. 1907. 28 сентября.

⁸ Владимирец. 1907. 6 июля.

во-Вознесенске же настроение было совсем иное. «Все прошлые выборы велась усиленная агитация всеми партиями, ныне же этого ничего не было», — постфактум констатировал тот же «Владимирец»¹.

К выборам в III Государственную думу обе «черносотенные» партии Шуйского уезда — Иваново-Вознесенская самодержавно-монархическая партия (ИВСМП) и Шуйский союз русских православных людей (ШСРПЛ)² — подошли с грузом прошлых неудач и поэтому решили изменить тактику и объединить усилия, выставив общего кандидата. Выбор пал на председателя ШСРПЛ М.К. Петрова, выставленного по 2-й городской курии. На его поддержку решено было бросить силы обеих партий. Однако в Иваново-Вознесенске не все согласились с таким решением. «У истинно-русских людей полнейший раскол. Ивановские монархисты хотят подавать голоса не за Петрова, а за Бочарова [товарища председателя Иваново-Вознесенской самодержавно-монархической партии. — *И.О.*]. И все это после широковещательных реклам о кандидатуре Петрова...», — писала либеральная пресса³. Поэтому в день выборов председатель ИВСМП И.П. Борисов «бегал по площади перед управой и напоминал „своим“ о кандидатуре Петрова»⁴. Но последний хотя и набрал 331 голос⁵ (из них Шуя дала ему только 30, остальные — Иваново-Вознесенск⁶), победить не сумел, уступив занявшему первое место В.А. Невскому более 500 голосов⁷.

Ставка ИВСМП на влиятельных в городе представителей деловых кругов также себя не оправдала. И хотя шедшие на выборы под знаменами монархистов П.Н. Дербенев и Н.И. Куражев прошли в выборщики, но оба они явно тяготели к октябристам. Н.И. Куражев даже открыто заявил об этом, уточнив, что беспартийным он называется лишь по причине отсутствия в городе отдела «Союза 17 октября». Более того, в случае, если на губернском съезде перед Н.И. Куражевым станет выбор: правые или прогрессисты, то голосовать он будет «конечно — за прогрессистов!»⁸

В Коврове от крупных землевладельцев союзники выдвинули Н.М. Манькова. По 1-й городской курии вновь баллотировался А.А. Апарин. По 2-й городской курии союзники определились с кандидатом лишь в середине сентября. На одном из собраний после многословных выступлений секретаря отдела П.С. Шитова, московского оратора «Ивана Сергеевича», приехавшего вместо заболевшего В.А. Грингмута, кассира станции Новки и «недавно командированного из Москвы» рабочего железнодорожных мастерских Селезнева «вдруг из толпы раздается голос «Скоро ли кандидата намечать?» Тогда слово вновь взял П.С. Шитов,

¹ Владимирец. 1907. 3 октября.

² К этому времени обе партии вошли в состав Союза русского народа на правах отделов, сохранив свои названия и уставы. — *И.О.*

³ Владимирец. 1907. 26 сентября.

⁴ Владимирец. 1907. 3 октября.

⁵ Владимирец. 1907. 29 сентября.

⁶ Старый Владимирец. 1912. 25 сентября.

⁷ Владимирец. 1907. 29 сентября.

⁸ Владимирец. 1907. 26 сентября.

«предложивший о. Иоанна (илиодорствующего священника Парвицкого)», который и прошел без возражений¹. Надеялись монархисты и на реванш после поражения в предыдущей кампании в железнодорожных мастерских, насчитывавших 1792 рабочих и избравших одного уполномоченного².

Выборы принесли победу по 1-й курии кандидату от СРН А.А. Апарину³. Для определения победителя по 2-й городской курии потребовалась перебаллотировка. Прогрессисту врачу М.А. Воину, набравшему наибольшее количество голосов (210 из 426), не хватило 3 записок до победы. И. Парвицкий немного уступил ему, получив 178 голосов⁴. В результате перебаллотировки М.А. Воинов все же победил, набрав 198 голосов против 163 у И. Парвицкого⁵. На съезде крупных землевладельцев земский начальник Н.М. Маньков не сумел составить конкуренцию фабриканту П.Т. Шорыгину и купцу В.Ф. Швецову, а на съезде уполномоченных от мелких землевладельцев и настоятелей церквей был избран кадет Д.М. Шорыгин, бывший земский агроном⁶, не преуспевший в предыдущей избирательной кампании. Все трое избранных придерживались либеральных взглядов, хотя П.Т. Шорыгин не возражал и против существования отдела СРН на своей фабрике в с. Горки (возможно, исключительно из практических соображений, так как члены СРН всегда препятствовали забастовкам на предприятии). А вот по крестьянской курии в Ковровском уезде правым сопутствовал успех — в выборщики прошел волостной старшина деревни Сергейцево Эдемской волости и по совместительству председатель Эдемского отдела СРН Т.Н. Жуков⁷.

В Муроме по 1-й городской курии прошел городской голова «заводчик» И.П. Мяздриков, числившейся правым⁸. По 2-й курии выборы признаны несостоявшимися «за получением менее половины голосов против поданных записок». Тем не менее, большинство голосов в «первом туре» получил товарищ председателя Муромского отдела СРН, владелец колбасного магазина Н. Яковлев — 126. Его соперник от прогрессистов приказчик К.И. Зворыкин уступил ему один голос⁹. Во втором туре победу все же одержал К.И. Зворыкин¹⁰.

Успех ждал правых в Александрове. Там кандидатами от монархистов были выдвинуты уездный предводитель дворянства С.С. Стромиллов и бывший земский начальник А.П. Коробов. Оба они были избраны, правда, С.С. Стромиллов победил уже на довыборах. «Многие

¹ Владимирец. 1907. 18 сентября.

² Владимирец. 1907. 6 сентября.

³ Владимирец. 1907. 25 сентября.

⁴ Владимирец. 1907. 28 сентября.

⁵ Владимирец. 1907. 7 октября.

⁶ Владимирец. 1907. 28 сентября.

⁷ Владимирец. 1907. 25 сентября.

⁸ Владимирец. 1907. 25 сентября.

⁹ Владимирец. 1907. 28 сентября.

¹⁰ Владимирец. 1907. 14 октября.

прогрессивные голоса уехали, оставшиеся 9 человек правых единогласно избрали Стромиллова», — объяснял «Владимирец»¹.

В Суздале правый кандидат С.С. Рагозин уступил в напряженной борьбе священнику П. Харизоменову, в конечном итоге «избранному единогласно»².

В Судогде кандидат правых по второму городскому съезду податной инспектор Покровский, получив всего 15 записок на предварительном голосовании, отказался баллотироваться, и победу подавляющим большинством голосов (77 против 20) одержал кандидат прогрессивной группы земский врач А.Н. Поспелов³.

В целом же итоги первого этапа выборов были неутешительными для монархистов. Из 74 выборщиков всего двое принадлежали к Союзу русского народа, и обоих дал Ковровский уезд. Казначей Ковровского отдела СРН А.А. Апарин прошел по 1-й городской курии, а председатель Эдемского отдела СРН Т.Н. Жуков — от крестьянской. Еще 14 выборщиков газетой «Владимирец» были отнесены к правым⁴. Но надо отметить, что, по мнению этой газеты, граница, отделяющая «правых» от «центра», проходила где-то посередине «Союза 17 октября». Больше всех правых выборщиков во Владимирской губернии дала землевладельческая курия — 11 из 33. Еще 3 (из 16) дала городская. Показательно, что все шесть выборщиков от рабочих принадлежали к социал-демократам⁵. А ведь их избирали от Иваново-Вознесенска и от Покровского уезда, где действовали весьма многочисленные правые организации: ИВСП и отделы СРН.

Накануне губернского избирательного собрания для правых пришла радостная весть из Юрьева-Польского: «Постановлением Юрьевской уездной по делам о выборах в Государственную думу комиссии выборы от съезда уездных землевладельцев Юрьевского уезда выборщика священника Воскресенского Аркадия Павловича отменены, и на новых выборах от означенного съезда избран свящ[енник] Знаменский Александр Георгиевич⁶, проживающий в г. Юрьеве, кандидат Духовной академии»⁷. Именно А.Г. Знаменский и был избран в члены Государственной думы⁸. Газета «Владимирец» отнесла его к правым, но в стенах Таврического дворца А.Г. Знаменский занял место на скамьях умеренно-правой фракции, которая в 1909 г. объединилась с фракцией националистов.

От крестьянской курии членом Думы стал крестьянин села Большие Всегодичи Ковровского уезда, волостной старшина И.И. Бурлаков⁹,

¹ Владимирец. 1907. 30 сентября.

² Владимирец. 1907. 28 сентября.

³ Владимирец. 1907. 28 сентября.

⁴ Владимирец. 1907. 29 сентября.

⁵ Владимирец. 1907. 29 сентября.

⁶ Знаменский Александр Георгиевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 212–213.

⁷ Владимирец. 1907. 14 октября.

⁸ Владимирец. 1907. 20 октября.

⁹ Бурлаков Иван Иванович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 73.

«прогрессивного направления», как утверждал «Владимирец»¹. Однако, «Русское знамя», перечисляя правых членов Третьей Думы, назвало среди них и представителя Владимирской губернии И.И. Бурлакова, правда, ошибочно написав его фамилию как «Бурзаков»². В Думе И.И. Бурлаков, как и его коллега А.Г. Знаменский, вошел в умеренно-правую фракцию, а с 3-й сессии стал членом русской национальной фракции³, весьма далекую на тот момент от прогрессистов. А спустя полтора года «Старый Владимирец» писал, что на родине И.И. Бурлакова в селе Большие Всегодичи «в союз русского народа запишут только сельских старост, десятских, сотских и т.п. чинов, да еще разве т.н. „крикунов“, или „бурлаковцев“»⁴. Вероятно, понятие «крикуны-бурлаковцы» связано с сыном члена Государственной думы И.И. Бурлакова, тоже Иваном Ивановичем, который, однако, в отличие от своего отца, «благонамеренным» поведением не отличался и был известен односельчанам своими многочисленными драками и другими нарушениями общественного порядка⁵. Тем не менее, если бы отец придерживался «прогрессивного направления», вряд ли бы он позволил записывать своего сына в СРН.

Избранный от землевладельцев врач Л.Н. Зубков являлся октябристом⁶. По 1-й городской курии победил Переславльский городской голова мирнообновленец Л.С. Павлов, вошедший во фракцию прогрессистов⁷, по 2-й — кадет К.К. Черносивов⁸. От рабочих в Думу прошел социал-демократ С.А. Воронин⁹, рабочий бумаго-ткацкой и ситцевой фабрики товарищества Н. и А. Гандуриных¹⁰. Однако Л.С. Павлов вскоре отказался от депутатских полномочий, и вместо него был избран прогрессист А.М. Кобяков¹¹.

Таким образом, после двух сокрушительных поражений на предыдущих думских выборах в третьей избирательной кампании владимирские

¹ Владимирец. 1907. 20 октября.

² Русское знамя. 1907. 25 октября.

³ Бурлаков Иван Иванович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 73.

⁴ Старый Владимирец. 1909. 6 февраля.

⁵ Старый Владимирец. 1909. 1 февраля.

⁶ Зубков Леонид Николаевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 213.

⁷ Павлов Леонид Сергеевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 438.

⁸ Николаев А.Б. Черносивов (Черносивитов 1-й) Кирилл Кириллович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 675–676.

⁹ Воронин Семен Александрович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 104.

¹⁰ Владимирец. 1907. 20 октября.

¹¹ Члены Государственной Думы (портреты и биографии). Третий созыв 1907–1912 гг. / Сост. М.М. Боиович. М., 1913. С. 33. См. также: Кобяков Александр Михайлович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 255.

монархисты наконец добились приемлемого электорального результата, проведя в Таврический дворец двух своих представителей — священника А.Г. Знаменского и крестьянина И.И. Бурлакова (компанию им составили октябрист, кадет, прогрессист и социал-демократ). Правда, в Думе оба избранных по спискам монархистов депутата пересели на скамьи умеренно-правых (возможно, в их выборе сыграли роль прагматические соображения — в этот момент умеренно-правые и националисты пользовались наибольшими предпочтениями со стороны правительства П.А. Столыпина).

Относительный успех монархистов на выборах оппозиция объясняла поддержкой со стороны властей. По словам депутата II Государственной Думы, кадета Н.М. Иорданского, «новый избирательный закон и полицейские мероприятия, принятые во время третьей избирательной кампании, были таковы, что не только левые, но и к[онституционные] д[емократы] не сохранили и третьей части своих депутатов»¹. Однако, следует отметить, что к этому моменту союз правых и правительства распался, и П.А. Столыпин отнюдь не стремился получить в парламенте правое большинство («революционеров справа»), связывая свои надежды на формирование в стенах Думы «партии власти» с блоком октябристов, умеренно-правых и националистов. Именно им и была адресована поддержка правительства. Но меры, принятые против кандидатов от оппозиции, безусловно, облегчили монархистам прохождение в Думу.

Электоральные достижения монархистов в третьей думской избирательной кампании (в том числе и во Владимирской губернии) объясняются, в первую очередь, широким использованием властью административного ресурса, что значительно уменьшало шансы на победу оппозиционных политических сил. Еще одним «ситом» для нелояльных к власти кандидатов стал новый избирательный закон. И, наконец, поражение Первой русской революции и усталость от сопровождавших ее экономических и политических потрясений сделали популярным лозунг правых «стабильность и порядок» и способствовали росту консервативных настроений в обществе. Однако для победы правым организациям Владимирской губернии по-прежнему не хватало, в первую очередь, «интеллигентных сил» и финансовых ресурсов (например, в Иваново-Вознесенке правые в свой избирательный список вынуждены были включить фабрикантов с октябристско-прогрессистскими убеждениями). Свою роль сыграли умеренность избирательной платформы монархистов, не обещавшей населению немедленных улучшений, а также слабость региональной правой печати.

¹ *Иорданский Н.М.* Кое-что из пережитого // Отечественная история. 1998. № 1. С. 145.

«ИЗ ОКТЯБРИСТСКИХ ЩЕНКОВ, КАК ВИДНО, КРУПНОЙ СОБАКИ НЕ БЫВАТЬ»: МОСКОВСКИЕ ДОВЫБОРЫ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ 1909 г. И ИХ ИТОГИ

ТИМОХИНА ДАРЬЯ АРКАДЬЕВНА,

кандидат исторических наук,

ответственный редактор

Некоммерческого партнерства

«Издательское, исследовательское и просветительское
содружество „Посев“»,

Москва, Россия;

e-mail: darktimokhina@gmail.com

Аннотация: В статье на основе документов партийного делопроизводства, источников личного происхождения и материалов периодической печати анализируется ход внеочередной предвыборной кампании. Выборы принесли сенсационный успех кадетам. Недовольство электората работой фракции «Союза 17 октября» в Государственной думе, разобщенность в партийных рядах и отсутствие авторитетного кандидата с политическим опытом, популизм политических оппонентов привели октябристов к провалу в Москве, считавшейся их цитаделью.

Ключевые слова: Н.Н. Щепкин, Н.В. Щенков, А.С. Шмаков, Третья Государственная дума, конституционно-демократическая партия, «Союз 17 октября», кадеты, октябристы, выборы, агитация, электорат.

23 декабря 1908 г. скончался от атеросклероза депутат III Государственной думы от 1-й курии г. Москвы октябрист Ф.Н. Плевако¹. «Премник» мог быть избран еще до окончания текущей думской сессии, однако новые выборы состоялись лишь 9 (!) месяцев спустя.

Неожиданные итоги московских выборов 1909 г. неоднократно анализировались в литературе, прежде всего, в контексте «полевления буржуазии»². Однако непосредственно к опыту организации и проведения избирательной кампании исследователи ранее не обращались.

¹ С сентября 1908 г. Плевако почти не вставал с постели, а в октябре был вынужден ходатайствовать перед своим соратником по партии, председателем Государственной думы Н.А. Хомяковым о предоставлении полуторамесячного отпуска без содержания. См.: Ф.Н. Плевако — Н.А. Хомякову, 17 октября 1908 г. [Телеграмма] // РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 613. Л. 5; *Дорофеев В.* Ф.Н. Плевако // Голос Москвы. 1908. 24 декабря; *Кончина Ф.Н. Плевако* // Русское слово. 1908. 24 декабря.

² См., напр.: *Вдовин С.* Николай Николаевич Щепкин: «Мнение о неготовности народа к свободе порождается нежеланием выпускать из рук привилегии и власть...» // *Российский либерализм: Идеи и люди: в 2 т. / под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы.* М., 2018. Т. 2: XX век. С. 488–489; *Дякин В.С.* Самодержавие, буржуазия

Зимой 1908 — весной 1909 г. состав депутатского корпуса претерпел существенные изменения¹. Замещение вакантных мандатов проходило в самых разных регионах империи. Обыденность и интенсивность проведения выборов обусловили некоторую распыленность партийных сил, внимания прессы и избирателей, куда более увлеченных происходящим непосредственно в думских стенах.

Московская пресса в преддверии голосования в Первопрестольной проявляла сдержанный скептицизм: по мнению «Русского слова», выборы во второй столице среди прочих пройдут «тише всего», «первая курия даже на общих выборах не разливала вокруг себя никакого возбуждения»². Член фракции октябристов А.В. Еропкин на страницах «Голоса Москвы» утверждал, что избрание одного нового депутата «не повлияет на партийный состав, не склонит чашу весов в сторону оппозиции или думского большинства»³.

Сразу было понятно, что выборы в Москве состоятся не раньше весны, т.к. на составление избирательных списков ушло бы по опыту предыдущих думских кампаний не менее двух месяцев⁴. Заведующий статистическим отделом городской управы Г.А. Поздняков рассчитывал, что выборы пройдут не позднее 15 марта: «Отнесение выборов на осень представляется... нежелательным, т.к. на весеннюю сессию Государственной думы намечены доклады, имеющие для Москвы существенное значение... законопроект о введении попутного сбора [с грузов, перевозимых через город]»⁵. Но уже вскоре выяснилось, что выборы состоятся все-таки не раньше осени⁶. Окончательная дата проведения дополнительных выборов — 27 сентября — была определена высочайшим указом лишь 25 июля 1909 г.⁷

Согласно сенатскому разъяснению дополнительные выборы считались продолжением основных и должны были проводиться по спискам избирателей, составленным в 1907 г. Новый депутат должен был представлять тех же избирателей, что и депутат заменяемый⁸. Однако по сравнению с «большими» выборами число избирателей 1-й курии

и дворянство в 1907–1911 гг. / под ред. Р.Ш. Ганелина. Л., 1978. С. 153, 160; *Седова Я.А.* Октябрьский режим [в 2 т.]. М., 2018. Т. 2. С. 3–4; *Шелохаев В.В.* Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. М., 1991. С. 54.

¹ Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва. 1907–1912. СПб., 1912. Ч. 1. С. 68–70.

² Дополнительные выборы // Русское слово. 1909. 14 августа.

³ Еропкин А. За кого голосовать // Голос Москвы. 1909. 22 сентября.

⁴ Московская жизнь // Голос Москвы. 1908. 24 декабря.

⁵ Московская жизнь // Голос Москвы. 1909. 1 января.

⁶ Московская жизнь // Голос Москвы. 1909. 9 января.

⁷ Именной высочайший указ, данный Сенату, о производстве избрания одного члена Государственной думы от первого разряда городских избирателей городов Москвы и Одессы // ПСЗ-3. СПб., 1912. Т. XXIX. Отд. 1. № 32348. С. 646; Именные высочайшие указы // Голос правды. 1909. 31 июля.

⁸ Указ его императорского величества самодержца всероссийского из Правительствующего сената министру внутренних дел от 27 мая 1909 г. № 771 [Копия] // ЦГА Москвы. Ф. 179. Оп. 21. Д. 2690. Л. 23–24.

сократилось на 20% (с 6772 до 5206)¹. Через бюрократическое сито Положения о выборах не прошли, в первую очередь, обладатели нескольких цензов: те, кто голосовал в 1907 г. не в Москве и/или не по 1-й курии². Все те, кто приобрел ценз после основных выборов, в списки избирателей включены не были. «Будет меньше шума и меньше возбуждения», — констатировало «Русское слово»³.

Раз не нужно было составлять новые списки, городская управа рассчитывала, что на организацию выборов потребуется немного времени и денег⁴. Так, в целях экономии ввиду сравнительно небольшого числа избирателей 1-й курии выборы было решено проводить по шести участкам вместо 17⁵. Однако проверка цензов (особенно выявление голосовавших по другим куриям и избирательным съездам), обход избирателей и рассылка опросных карт вместе с другими обязательными предвыборными расходами обошлись городской казне в 21 500 руб., что лишь на 1 000 руб. меньше расходов на основные выборы 1907 г.⁶.

Раньше других с кандидатом определились кадеты. С января 1909 г. вопрос об участии в будущих выборах рассматривался в городском комитете и ЦК партии. Если «горожане» намеревались выставить непременно партийного кандидата, то руководящий орган признавал желательной баллотировку любой «проходимой» кандидатуры прогрессивного направления, включая лиц, в партии не состоявших, например, Е.Н. Трубецкого, Д.Н. Шипова или В.М. Голицына⁷: «по партийным соображениям не столь важно иметь лишнего к.-д. в Думе, сколько именно организовать поражение октябристов»⁸. В качестве потенциальных партийных кандидатов рассматривались знатоки городского хозяйства, известные по своей деятельности в городской думе, Н.Н. Щепкин и Н.И. Астров⁹. Кадеты пошли на риск, и в итоге городской комитет утвердил кандидатуру

¹ Московские вести // Русские ведомости. 1909. 27 августа.

² Как проголосовавший в Московском уезде и уже реализовавший свое избирательное право по принципу «один человек — один голос» был исключен из списков депутат Государственной думы М.В. Челноков. Он неудачно пытался обжаловать свое исключение в губернской по выборам в Государственную думу комиссии (Московская хроника // Речь. 1909. 1 сентября; Московские вести // Русские ведомости. 1909. 20 сентября).

³ Дополнительные выборы // Русское слово. 1909. 14 августа.

⁴ Выборы в Гос[ударственную] думу // Голос Москвы. 1909. 12 июня.

⁵ Городские дела // Новое время. 1909. 16 июля.

⁶ Дополнительное заключение финансовой комиссии по докладу городской управы об ассигновании кредита на расходы, связанные с производством выборов члена Государственной думы от гор. Москвы взамен покойного Ф.Н. Плевако № 186, 10 июня 1909 г. // ЦГА Москвы. Ф. 179. Оп. 21. Д. 2690. Л. 29.

⁷ К предстоящим выборам // Голос Москвы. 1909. 12 апреля; К выборам в Гос[ударственную] думу // Новое время. 1909. 7 августа.

⁸ Протокол заседания Центрального Комитета к.-д. партии 25 января 1909 г. // Протоколы Центрального Комитета и зарубежных групп конституционно-демократической партии 1905 — середина 1930-х гг. / Сост. Д.Б. Павлов. М., 1994. Т. 1. 1905–1911. С. 331.

⁹ Московская жизнь // Голос Москвы. 1909. 13 августа.

Щепкина, потерпевшего поражение на основных выборах. Это сыграло партии на руку: возможный успех нельзя было бы объяснить удачной заменой кандидата¹. «Доволен ли я? — писал Щепкин жене о своем выдвижении. — Должен признать, что с положением депутата связаны такой общий почет и столько разнообразия, что есть основания и быть довольным, но вместе с тем с этим связано столько неудобств и неприятных обязанностей, что пойду я все-таки без особого удовольствия»².

Ожидалось, что быстрее всего в избирательную борьбу в своей негласной столице включатся октябристы, не без труда, лишь при перебаллотировке, но одержавшие победу в 1907 г. 1-я курия по-прежнему считалась октябристской, тем более что именно по ней избрался в Думу лидер партии А.И. Гучков. Однако октябристы не спешили с выдвижением кандидатуры, тем более, что к концу 2-й думской сессии у них наметились разногласия с председателем Совета министров П.А. Столыпиным, и шла борьба групп и влияний внутри самой фракции «Союза 17 октября» («голобобовский инцидент» и пр.)³.

Летом 1909 г. партийное руководство активно вело переговоры с потенциальными кандидатами (преимущественно представителями торгово-промышленного мира), причем не только с членами «Союза 17 октября». Для благоприятного исхода выборов нужно было найти кандидата с политическим опытом, который бы объединил вокруг своего имени помимо непосредственно членов партии большинство умеренных избирателей. Так, рассматривались А.И. Геннерт, А.Ф. Дерюжинский, М.В. Живаго, А.И. Коновалов, С.И. Печкин, Н.И. Прохоров и др.⁴. Но все они в итоге баллотироваться отказались. Кроме того, Коновалов и Прохоров были исключены из избирательных списков. Ходили слухи, что побороться за депутатский мандат предлагали даже члену Государственного совета по назначению В.И. Герье и московскому городскому голове Н.И. Гучкову⁵.

На фоне такого безлюдья октябристы смогли определиться с кандидатом на соединенном заседании ЦК и московского городского совета «Союза 17 октября» с участием А.И. Гучкова лишь 14 сентября (т.е. за две недели до выборов). Им стал гласный городской думы, шелковый магнат Н.В. Щенков⁶. Октябристский «Голос правды», представляя своим читателям кандидата, отмечал, что Москва — центр торговли

¹ Н.Н. Щепкин — кандидат в депутаты весте // Русское слово. 1909. 28 августа.

² Цит. по: Николай Николаевич Щепкин / сост. М. Станюлис. М., 2009. С. 28–29.

³ Демин В.А. «Голобобовский инцидент» // Государственная дума Российской империи. 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 134–135; Дякин В.С. Указ. соч. С. 126–152.

⁴ В Союзе 17 октября // Голос правды. 1909. 22 июля; К выборам в Гос[ударственную] думу // Новое время. 1909. 6 августа; Московские весте // Русские ведомости. 1909. 10 сентября; Московские весте // Русские ведомости. 1909. 23 августа.

⁵ Московские весте // Русские ведомости. 1909. 25 августа.

⁶ Щенков Николай Владимирович (1868–?) // Барышников М.Н. Деловой мир России: Ист.-биограф. справочник. СПб., 1998. С. 377. Московские весте // Русские ведомости. 1909. 16 сентября; Н.В. Щенков (кандидат в члены Г[осударственной] думы от г. Москвы) // Голос Москвы. 1909. 16 сентября.

и промышленности, поэтому Щенков, который «в области этих интересов обладает практической осведомленностью» ... «может быть в Думе очень полезным работником»¹. Однако еще несколько дней шли внутривнутрипартийные дискуссии, да и сам новоявленный кандидат раздумывал, не отказаться ли от баллотировки². В этой непростой ситуации А.И. Гучков писал председателю петербургского городского совета Ю.Н. Милютину: «По Москве есть большие шансы победы, но полной уверенности нет... Перебираюсь в Москву, чтобы руководить борьбой»³. Позже лидер партии признался на одном из предвыборных собраний, что кандидатура Щенкова появилась «после долгих поисков и очень мучительного раздумья»⁴.

За депутатский мандат решили побороться и правые. В прессе в качестве возможных кандидатов озвучивались имена И.А. Лебедева и А.Д. Самарина⁵. Лишь 11 сентября была утверждена кандидатура от монархических организаций — А.С. Шамаков⁶. Он также пробовал свои силы на «больших» выборах и был хорошо известен благодаря своим сочинениям по еврейскому вопросу как «рабочец, идущий всегда с открытым забралом» против инородцев⁷.

Октябристы сетовали на то, что выставление кандидатуры Шамакова принесет монархистам в лучшем случае несколько сотен голосов, что на деле могло «оказать услугу» кадетам. «Голос Москвы» призывал московских монархистов отказаться от самостоятельного участия в выборах: в борьбе с «кадетским засильем» они должны были поддержать Н.В. Щенкова — «русского кандидата, убежденного националиста и неупотребимого работника»⁸.

Таким образом, выборы проходили под партийными знаменами, не было «диких» кандидатов.

Основной формой предвыборной агитации стали предвыборные собрания. Стоит отметить их интенсивность. Начиная с 14 сентября, состоялось 14 собраний (кадеты организовали четыре, октябристы — 8, правые — 2), из них 11 пришлось на последнюю неделю перед выборами, когда избирательная кампания достигла апогея. Так, только 20 сентября кадеты и октябристы провели в общей сложности четыре встречи с избирателями разных участков, 22 сентября — две, причем на разных этажах одного дома Чеблакова близ Смоленского рынка. Кадеты рассчитывали на успех в 1-м (Городская, Сретенская, Тверская и Мясницкая части)

¹ К выборам в Гос[ударственную] думу // Голос правды. 1909. 14 сентября.

² К выборам в Госуд[ударственную] думу / Московская хроника // Речь. 1909. 19 сентября.

³ А.И. Гучков — Ю.Н. Милютину, 17 сентября 1909 г. // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1389. Л. 16.

⁴ Предвыборное собрание // Русское слово. 1909. 24 сентября.

⁵ Кандидат союзников в Думу // Речь. 1909. 6 сентября; Кандидаты в Гос[ударственную] думу от Москвы вместо умершего Ф.Н. Плевако // Земщина. 1909. 22 июля.

⁶ К выборам в Гос[ударственную] думу // Речь. 1909. 13 сентября.

⁷ А.М. Выбирайте... // Вече. 1909. 20 сентября.

⁸ Московским монархистам // Голос Москвы. 1909. 27 сентября.

и 4-м (Сущевская и Пресненская) участках. Октябристы, учитывая итоги основных выборов, — во 2-м (Замоскворечье), 5-м (Яузская, Басманная и Рогожская части) и 6-м (Мещанская и Лефортовская) участках. Лефортово считалось вотчиной Гучковых. По 3-му участку (Арбатская, Пречистенская и Хамовническая части) силы были примерно равны, поэтому за голоса местных избирателей и шла основная борьба¹.

Кадеты признавали, что ведут избирательную кампанию «без особой энергии»², однако первыми начали устную агитацию. Согласно циркуляру МВД «в охранение свободы собраний» были разрешены собрания, устроителями которых были лица, «хотя и принадлежащие к партиям, в легализации коих было отказано, когда они действуют как частные лица, а не от имени партии»³. Между тем, в прессе активно обсуждали якобы появившуюся инструкцию МВД, согласно которой в предвыборных собраниях могли участвовать лишь лица, внесенные в избирательные списки по данному участку: смогут ли выступать на собраниях сами кандидаты?⁴

«Штатным» оратором на всех кадетских собраниях был Н.Н. Щепкин, выступали и его соратники по партии — бывшие и нынешние депутаты Государственной думы от г. Москвы и Московской губернии: Ф.А. Головин, А.А. Кизеветтер, Ф.Ф. Кокошкин, М.В. Челноков. Лейтмотивом большинства выступлений партийных ораторов стала критика политики правительства и деятельности думской фракции октябристов, которые «робки и податливы» и «слепо шли и идут за премьер-министром»⁵. Грядущие выборы кадеты рассматривали в качестве своеобразной политической демонстрации: торгово-промышленные круги, «тот класс Москвы, на который больше всего хочет опереться правительство», должны выразить недовольство свертыванием реформ, провозглашенных Манифестом 17 октября 1905 г., и деятельностью «октябристской» Думы⁶. Щепкин убеждал избирателей, используя жесткую риторику, более подходящую для собраний курии 2-й, в том, что «в стране господствуют произвол и политика устрашения, народ разорен и доведен до нищеты», «сколь угодно крупного закона, кроме тех, которые были изданы правительством в порядке 87-й статьи

¹ Московские вести // Русские ведомости. 1909. 29 августа.

² Литовцев С. К московским выборам // Речь. 1909. 2 октября.

³ Циркуляр о предвыборных собраниях // Речь. 1909. 4 сентября.

⁴ Москва, 30 августа // Русские ведомости. 1909. 30 августа. Подобная мера рассматривалась ст. 79 Положения о выборах 1905 г., когда выборы в городах еще были двухступенчатыми. Ст. 77 нового Положения говорила лишь об участии в предвыборных собраниях избирателей данного разряда. См.: Положение о выборах в Государственную думу [11 декабря 1905 г.] // Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг.: сб. законов, манифестов, указов Правительствующему сенату, рескриптов и положений Комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России / под ред. Н.И. Лазаревского; введ. В.А. Дёмина. М., 2010. С. 600; Высочайше утвержденное Положение о выборах в Государственную думу [3 июня 1907 г.] // ПСЗ-3. СПб., 1910. Т. XXVII. Отд. 1. № 29242. С. 329.

⁵ Собрания к.-д. // Русские ведомости. 1909. 16 сентября; Собрания к.-д. // Русские ведомости. 1909. 22 сентября.

⁶ Предвыборные собрания // Речь. 1909. 15 сентября.

[Основных законов], они [октябристы] не провели»¹. Выразительные речи М.В. Челнокова отличались образностью метафор: «Говорят, дитя не плачет, мать не понимает. Пусть же поймут, где следует, что дитя — Москва — уже заплакала от теперешнего положения и ведения дела»².

Октябристы, долго определявшиеся с кандидатурой, провели первое предвыборное собрание лишь 20 сентября. «Если партия к.-д. и победит в Москве..., то этим мы будем обязаны в значительной мере тому, что октябристы проспали эти выборы. Ведь нельзя же предлагать всего за десять дней до выборов совершенно неизвестного кандидата, не познакомив с ним своевременно избирателей на предвыборных собраниях», — недоумевал председатель кадетского ЦК П. Д. Долгоруков³. Причем, если кадетские собрания были открытыми для всех желающих избирателей, то октябристские проводились по повесткам; если октябристы не посещали кадетских собраний, то кадеты же напротив. Для сравнения, на собраниях «Союза 17 октября» кроме А.И. Гучкова, принимавшего участие во всех встречах с избирателями, из московских депутатов никто не выступал, октябристы «выписали» ораторов из Петербурга: В.К. фон Антрепа, А.В. Еропкина и А.В. Бобрищева-Пушкина. Все они пытались представить противников в негативном свете. Отвечая на кадетскую критику тактики думской фракции «Союза 17 октября», октябристы рассчитывали нейтрализовать обвинения, познакомить публику с истинными взглядами партии, «идущей к солнцу правды»⁴, проиллюстрировать неспособность кадетов к серьезной государственной работе⁵.

На одном из собраний А.И. Гучков сравнил кадетов и октябристов с героями басни И.А. Крылова «Стрекоза и муравей». М.В. Челноков находчиво парировал: «У нас, где каждый старший дворник — начальство, и муравей может несдобровать»⁶. Политическим провалом оказалось выступление лидера октябристов, в котором он сделал оммаж премьеру: «Мы во многом с ним расходимся, но такого мудрого, мужественного и рыцарского вождя Россия давно не имела»⁷.

Изыскный словесный пинг-понг кадетов и октябристов не мог оставить публику равнодушной. Врач В.В. Величко записал в дневнике: «На [предвыборном] собрании [„Союза 17 октября“] было интересно.

¹ Собрания к.-д. собрания // Русские ведомости. 1909. 22 сентября.

² У к.-д. // Русские ведомости. 1909. 23 сентября.

³ Беседа с кн. П.Д. Долгоруковым // Русское слово. 1909. 20 сентября.

⁴ Собрания октябристов // Русские ведомости. 1909. 22 сентября.

⁵ Предвыборные собрания 20 октября // Голос Москвы. 1909. 22 сентября. Кадеты использовали эффектный прием и предоставили публике «вещественные» доказательства того, что «наравне с другими участвуют во всех работах думских комиссий»: телеграммы от Н.А. Хомякова, товарищей председателя Думы А.Ф. Мейердорфа и В.М. Волконского, председателя бюджетной комиссии М.М. Алексеенко и секретаря этой комиссии И.В. Годнева (У октябристов // Русские ведомости. 1909. 26 сентября).

⁶ Октябристское предвыборное собрание // Речь. 1909. 26 сентября.

⁷ М. Предвыборное собрание 25-го сентября // Голос Москвы. 1909. 26 сентября; Пушистов Н.С. О том, как г. Гучков зарезал г. Щенкова // Вече. 1909. 3 октября; Депутаты о победе оппозиции // Биржевые ведомости. 1909. 29 сентября (утр. вып.).

Сначала почти полтора часа важно вещал Гучков, смакуя свои воспоминания о Плеваке. Потом говорил кандидат от партии „17 октября“ Щенков, совсем еще желторотый птенец. Не знаю, как можно выставлять таких кандидатов. Затем говорили о деятельности III Думы... о народном образовании с сильнейшими нападками на кадетов. Потом просили слово от кадетов: Ф.Ф. Кокошкин, болезненный, нервный субъект, говорил горячо, не совсем разборчиво, пришепетывая; затем Челноков, Кизеветтер. Публика горячо приняла к сердцу партийные нападки. Разделилась также на партии, и чуть было не дошло до драки. Ругались между собой площадными словами. Окончилось все это около часу ночи»¹.

На двух известных предвыборных собраниях (еще два не состоялись за малолюдностью²) правых ругали октябристов и кадетов, начавших «поход против всего русского», говорили о «необходимости борьбы с еврейской опасностью», о «еврейском нашествии»³. А.С. Шмаков честно признался, что в силу возраста «идти в Государственную думу он никакого желания не имеет», но подчиняется воле «русских людей», «испортить фасон евреям, отравить им существование — о, это другое дело»⁴.

Помимо устной агитации проводилась и печатная. Основные конкуренты «обменялись» воззваниями. В обращении Московского городского совета «Союза 17 октября» к избирателям подчеркивалось значение выборов для настоящего момента: «От вас зависит указать России, дорого ли вам неуклонное и постепенное проведение в жизнь начал, возвещенных государем в Манифесте 17 октября, сознательное и полное развитие всех сторон государственной и общественной жизни России, или же вы стоите за оппозицию ради оппозиции, с ее безграничным словоизвержением, дешевою и бесплодною критикой?» О кадетском кандидате рассказывалось подробнее, чем о своем собственном, в критическом тоне, как о «человеке, который в своих общественных выступлениях не стесняется беззастенчиво уклоняться от истины, лишь бы сорвать лишний хлопок, скazać красивое словцо и получить одобрительный отзыв от левых газет»⁵.

Кадеты в своем воззвании подробно осветили деятельность Н.Н. Щепкина в городском самоуправлении⁶.

Полемика между кадетами и октябристами развернулась и на страницах прессы. Оппоненты публиковали как аналитические статьи, так и интервью с кандидатами и их биографии⁷.

¹ Дневник доктора В.В. Величко, 20 сентября 1909 г. // Домашний архив [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.domarchive.ru/chronica/289/2>

² Московская жизнь // Русские ведомости. 1909. 26 сентября; Опереточный кандидат в депутаты // Русское слово. 1909. 27 сентября.

³ Собрание монархистов // Русские ведомости. 1909. 16 сентября.

⁴ Предвыборные собрания // Речь. 1909. 15 сентября; Собрание «союзников» // Русское слово. 1909. 16 сентября.

⁵ От московского городского совета «Союза 17 октября». Граждане-избиратели! // ГА РФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 8. ЛЛ. 287–287 об.

⁶ Николай Николаевич Щепкин / сост. М. Станюлис. М., 2009. С. 28; Литовцев С. К московским выборам // Речь. 1909. 2 октября.

⁷ Л-в. У Н.В. Щенкова // Голос Москвы. 1909. 26 сентября; Спино С. У Н.Н. Щепкина // Русское слово. 1909. 17 сентября.

Кадеты упрекали правительство в отсутствии необходимой смелости и размаха в проведении реформ. Остро звучала критика октябристов, «показавших себя в Думе и свою программу забросивших»¹.

Мирнообновленец Е.Н. Трубецкой прозорливо отмечал в своем «Московском еженедельнике»: «Если первая курия по Москве пошлет прогрессивного кандидата вместо октябриста, это будет значить, что даже *легальная* [курсив авторский] страна полевела; для правооктябристского большинства это будет тяжким нравственным ударом, а соответственно с этим повысятся надежды оппозиции на четвертую Думу»².

Октябристы обвиняли «политических иезуитов», «торговцев достоинством и честью России, беззастенчивых политических аферистов» кадетов, в 1905 г. «протянувших дружескую руку анархии и террору», в «прислуживании перед революцией» в первых двух думах³. Не обошлось и без «перехода на личности»: кадетскому кандидату Н.Н. Щепкину припомнили «театральное» происхождение⁴.

В правой печати доставалось и кадетам, и октябристам: «обе хуже», октябристы виделись даже опаснее «откровенных бунтарей» кадетов, «как прилично одетые и обладающие известными манерами и лоском проходимцы опаснее наглого и оборванного хитрованца»⁵. Использовались и традиционные антисемитские мотивы: жене Щепкина припомнили сиротское детство, заподозрив в том, что у нее есть еврейские корни⁶.

Работа в день выборов октябристского «Бюро скорой избирательной помощи» в трактире Егорова в Охотном ряду и агитатора-монархиста с 1000 экз. воззваний у здания Московской практической академии коммерческих наук, где проходило голосование по 5-му участку, не помешали Н.Н. Щепкину одержать победу в пяти участках из шести, включая Лефортово⁷. Он набрал 1520 голосов. Второе место занял Н.В. Щенков (1129 голосов), оставив далеко позади А.С. Шмакова (273 голоса). Перевес в пользу Щепкина в 400 голосов при 2926 признанных действительными бюллетенях немалый.

Явка составила всего 56,5%. Дата выборов была выбрана крайне неудачно, не все избиратели вернулись в Москву после летних вакаций: «большие» выборы в 1907 г. проходили в конце октября, и явка была на 7,5% выше. Кадеты улучшили свои позиции по сравнению с прошлыми выборами на 11%

¹ Нервный день // Русское слово. 1909. 27 сентября.

² Трубецкой Е. К предстоящим выборам // Московский еженедельник. 1909. № 3. Стб. 3.

³ Зазывают... // Голос правды. 1909. 2 августа; Сегодня выборы // Голос Москвы. 1909. 27 сентября.

⁴ Перед выборами // Голос Москвы. 1909. 16 сентября.

⁵ Москва, 23 сентября // Вече. 1909. 23 сентября.

⁶ В пылу безумия // Земщина. 1909. 30 сентября.

⁷ Известно, что Щепкина поддержали еврейские и польские избиратели (Протоколы совещания парламентской фракции партии народной свободы с представителями местных групп партии 14–15 ноября 1909 г.) // Съезды и конференции конституционно-демократической партии: В 3-х тт. / Сост., автор предисл. и прим. Н.И. Канищева. М., 2000. Т. 2. 1908–1914 гг. С. 155.

(51,94% у Щепкина vs 40,89% у лучшего кадетского кандидата Павла Д. Долгорукова при перебаллотировке), но по абсолютным показателям из-за уменьшения числа избирателей потеряли 19%. Октябристы не досчитались соответственно 17 и 56%, что позволило кадету П.Б. Струве утверждать, что «Н.Н. Щепкин прошел в Москве голосами октябристов, — на этих выборах они проявили и свою силу, и свое настроение»¹.

Жаркая полемика после выборов развернулась между В.М. Пуришкевичем и А.И. Гучковым. Лидер «Союза Михаила Архангела», находясь в Москве на монархическом съезде, послал сначала лидеру октябристов «поздравительную» телеграмму: «Из октябристских щенков, как видно, крупной собаки не бывает. <...> Выборы в Москве и Петербурге показали, что октябристская партия — миф, и она вся в Думе»². Затем он опубликовал развернутое открытое письмо в газете «Вече»³. Ответ А.И. Гучкова не заставил себя ждать: «Я всегда считал, что в вашем походе против укрепления у нас политической свободы лучшими вашими союзниками являются кадеты»⁴.

На совещании ЦК партии октябристов с думской фракцией А.И. Гучков поражение Н.В. Щенкова объяснил абсентеизмом избирателей, равнодушием обывательской массы к политике вообще и деятельности Государственной думы в частности. Ему возражали, что равнодушие обывателей к Думе не может истолковываться иначе, как недовольство октябристской фракцией, которая несет ответственность за направление и результаты ее деятельности⁵.

По мнению кадетов, «курс правительства и правительственного большинства признан негодным и неудачным теми самими, чьи интересы этот курс претендовал защищать», выборы стали «вотумом недоверия правительству и его слугам»⁶.

Таким образом, дополнительные выборы в Москве стали очередной «проверкой на прочность» партийных лозунгов и программ. Они послужили индикатором общественных настроений и показали, что, несмотря на наметившийся организационный кризис, за партией кадетов пошла не только разночинная Москва 2-й курии, но и зажиточная торгово-промышленная и домовладельческая Москва курии 1-й. Октябристам не удалось удержать позиции в «своей» 1-й курии, несмотря на большое количество предвыборных собраний и «заезжих гастролеров» из Петербурга: сказались и неудачный выбор кандидатуры, и внутрипартийный кризис, и потеря избирателями доверия к политике успокоения П.А. Столыпина.

¹ Протокол заседания Центрального Комитета к.-д. партии 7 ноября 1909 г. // Протоколы Центрального Комитета и зарубежных групп. Т. 1. С. 379.

² Победа оппозиции // Биржевые ведомости. 1909. 29 сентября (веч. вып.). На это указывал незадолго до выборов и «Киевлянин» (Савенко А. Заметки. DCCLXXXIX // Киевлянин. 1909. 12 сентября).

³ Пуришкевич В. Открытое письмо А.И. Гучкову // Вече. 1909. 29 сентября.

⁴ Отповедь Пуришкевичу // Голос Москвы. 1909. 30 сентября.

⁵ Среди октябристов // Речь. 1909. 30 сентября; Речь П.С. Чистякова // Русское слово. 1909. 6 октября.

⁶ Санкт-Петербург, 29 сентября // Речь. 1909. 29 сентября.

БОРЬБА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ГРУПП НА ВЫБОРАХ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ III–IV СОЗЫВОВ В ВИЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ

ЛАВРИНОВИЧ ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ,
доктор исторических наук, профессор,
первый проректор УО «МГУ имени А.А. Кулешова»,
Могилев, Республика Беларусь;
e-mail: lavrin-dmitrij@yandex.ru

Аннотация: Избирательные кампании в Виленской губернии проходили в условиях сложных межнациональных отношений, усиленных конкурентной борьбой общероссийских и национальных партий. В сельской местности проживало в основном белорусское и литовское население, но ключевые позиции в аграрном секторе занимали польские помещики. Правительство, считаясь с оппозиционностью польских политических элит, по избирательному закону от 3 июня 1907 г. установило заниженную норму представительства для землевладельцев в Виленской губернии: помещики выбирали 48% выборщиков на губернское избирательное собрание. Кроме того, в Виленской губернии была создана особая «русская» курия, благодаря которой в Думу было гарантировано прохождение двух представителей от православного населения (в т.ч. белорусского). Всего от губернии избиралось 7 депутатов. Несмотря на введенные ограничения, польский избирательный комитет, представлявший интересы аграриев и костела, смог провести своих кандидатов в Государственную думу как третьего, так и четвертого созывов. От русского населения Виленской губернии в III и IV Думы прошли представители местных крайне правых. Ни одного представителя от еврейского и литовского населения Виленской губернии в Государственной думе не оказалось.

Ключевые слова: Государственная дума, Виленская губерния, политические партии, национальные группы, польский избирательный комитет, Русский окраинный союз, Всероссийский национальный союз, «Белорусское общество».

Избирательные кампании в Виленской губернии проходили в условиях сложных межнациональных отношений, усиленных конкурентной борьбой общероссийских и национальных партий. Главный город губернии, Вильно, был центром генерал-губернаторства, культурной столицей земель, входивших ранее в состав Великого княжества Литовского. В городе жило многочисленное еврейское население, он считался одним из важнейших еврейских культурных и образовательных центров в «черте оседлости». Кроме того, в Вильно традиционно были сильные поляки, для которых он был, по сути, столицей «восточных кресов». В сельской местности проживало в основном белорусское и литовское население.

Ко времени начала выборов в III Государственную думу общероссийские правые партии в Виленской губернии были представлены отделами

«Русского собрания» и Союза русского народа (СРН). Их поддерживала в основном православная часть населения губернии. Чиновничья элита, представители администрации и преподавательского состава учебных заведений Вильно входили в отдел «Русского собрания», насчитывавший 51 члена. Но эта организация находилась уже в состоянии полураспада: спустя год в отделе осталось 2 человека¹. Более многочисленным и демократичным по составу был Виленский отдел СРН, в который записалось около тысячи человек, в том числе православные купцы, мещане, крестьяне окрестных сел и представители православного духовенства. Лидером союзников был А.А. Шмидт, издававший и редактировавший в 1907–1910 гг. газету «Морская волна» — одно из самых крайне правых изданий на территории Российской империи². Кроме губернского отдела СРН в Вильно были открыты и активно действовали отделы СРН в местечках Глубокое, Гольшаны, Докшицы, а также в нескольких селах, располагавшихся в юго-восточной части губернии, населенной в основном белорусами³.

Довольно близки к крайне правым были местные организации «Союза 17 октября» в Вильно и Вилейке. Их социальный состав: чиновники, служащие, учителя и представители православного духовенства. Хотя сами по себе октябристы и не были многочисленны (чуть больше сотни человек), они пользовались поддержкой губернской администрации, а их лидер инженер Н.Ю. Мацон был одной из самых заметных фигур на местной политической сцене. Именно октябристы составили ядро Русского окраинного союза (РОС) — коалиции местных правых и консервативных организаций, созданной для «защиты интересов русского населения» и участия в выборах Государственной думы⁴.

Близким по духу местным октябристам было общество «Крестьянин», действовавшее в Вильно и издававшее одноименный журнал. «Крестьянин» поддерживали зажиточные крестьяне, чиновники, православное духовенство, часть интеллигенции. Численность организации составляла около тысячи человек. Ее председателем был преподаватель Виленской первой гимназии С.А. Ковалюк⁵.

Общероссийские либеральные партии были представлены отделом Конституционно-демократической партии в Вильно во главе с братьями Г.Д. и И.Д. Роммами. Кадетов поддерживала, в основном, еврейская демократическая интеллигенция. Поэтому в ходе выборов местные конституционные демократы, как правило, возглавляли Еврейский избирательный комитет. Также интересы еврейских избирателей защищали сионисты. Хотя в Российской империи сионистские организации и сообщества были запрещены, ЦК Всероссийской сионистской организации разослал во все свои

¹ Бондаренко К.М. Правые партии и их организации в Беларуси (1905–1917 гг.). Могилев, 2010. С. 178.

² Там же. С. 299.

³ Там же. С. 178–181.

⁴ Лавринович Д.С. Деятельность общероссийских либеральных партий на территории Беларуси (1905–1918 гг.). Могилев, 2015. С. 184.

⁵ Там же. С. 201.

провинциальные организации циркуляр, в котором предписывал, не прерывая и не ослабляя текущей работы сионистского характера, принять одновременно деятельное участие в избирательной кампании. ЦК призывал еврейских избирателей к урнам, имея в виду, где это окажется возможным, провести еврейских депутатов или содействовать победе тех кандидатов, которые выражали готовность защищать интересы еврейского населения¹.

Из польских партий наибольшую активность проявляла национально-демократическая. Кроме того, большой поддержкой среди местных аграриев пользовалось Виленское общество сельского хозяйства. Менее заметной была деятельность Краевой партии Литвы и Беларуси.

Избирательная кампания в III Государственную думу проходила в условиях реакции на революцию 1905–1907 гг., при активном вмешательстве власти в выборы. Правительство, считаясь с оппозиционностью польских политических элит, по избирательному закону от 3 июня 1907 г. установило заниженную норму представительства для землевладельцев в Виленской губернии: помещики выбирали 48% выборщиков на губернское избирательное собрание. Кроме того, в Виленской губернии была создана особая «русская» курия, благодаря которой в Думу было гарантировано прохождение двух представителей от православного населения (в т.ч. белорусского). Всего от губернии избиралось 7 депутатов.

Как и на выборах в Государственную думу первого и второго созывов, в Виленской губернии борьба по-прежнему велась в основном между национальными группами. Летом 1907 г. в Вильно образовался русский внепартийный избирательный комитет, слившийся затем с местным отделом РОС, который с этого момента стал представлять значительную часть православного населения Виленской губернии². В своем предвыборном обращении союз позиционировал себя как главного защитника русской культуры на западных окраинах: «Далекий от всякой мысли о русификации остальных проживающих на окраинах народностей, Союз признает за ними право на сохранение их национальной самобытности, настаивая только на безусловной необходимости общегосударственного языка как в школе, так и во всех проявлениях общественной жизни. Но вместе с тем Союз ставит себе задачей отстаивать равноправие местного русского населения, не допуская даже и мысли о возможности мириться со случаями преследования или гонения русских на религиозной или национальной почве»³. Особо подчеркивалась угроза для русских со стороны поляков: «...коренному русскому населению [т.е. и белорусам. — Д.Л.] грозит потеря того, что дорого всякому — веры и языка, а, следовательно, и национальности; русскому же государству грозит, в случае осуществления польских планов, отторжение громадной области (т.е. всего

¹ Из жизни других партий // Вестник народной свободы. 1907. 2 августа. № 29–30. С. 1479.

² Обозрение событий и окраинная жизнь. Вильно // Окраины России. 1907. 1–8 сентября. С. 519.

³ Там же. С. 518.

Северо-Западного края. — *Д.Л.*) с 80% русского и в подавляющем большинстве православного населения и образование вместе с тем на западной границе исторически враждебного ему польского государства»¹. Русский окраинный союз приобрел по сути антипольский характер. При этом местные октябристы постепенно утрачивали в союзе главенствующую роль. Так, 15 сентября 1907 г. состоялось собрание представителей Русского окраинного союза, «Союза 17 октября», общества «Крестьянин», Виленского Свято-Духова братства, Общества ревнителей исторического просвещения в память императора Александра III для определения кандидатов в выборщики депутатов в III Государственную думу². Ни один октябрист в список кандидатов не попал.

РОС наладил сотрудничество с Союзом русского народа. 25 сентября 1907 г. состоялось общее собрание РОС, «Союза 17 октября», общества «Крестьянин» с участием представителей СРН. Собрание наметило общих кандидатов на выборы на паритетной основе³.

Блоку РОС и СРН противостоял «Комитет прогрессивных русских избирателей», действовавший в союзе с Еврейским избирательным комитетом в Вильно⁴. Последний выставил кандидатуру присяжного поверенного О.О. Грузенберга, уже баллотировавшегося во II Государственную думу, но проигравшему выборы виленскому городскому голове М. Венславскому.

Местные власти стремились ослабить позиции либералов, и прежде всего Еврейского избирательного комитета, пользовавшегося наибольшей поддержкой городских избирателей. Так, 14 июля 1907 г. Виленская городская управа отказалась принимать заявления 500 евреев, имевших по закону право участвовать в выборах Думы, хотя срок подачи заявлений истекал только на следующий день. В ответ И.Д. Ромм собрал целых 1215 заявлений, согласованных с полицией, и подал их в Городскую управу для включения в список избирателей. Последняя направила заявления в уездную по выборам в Государственную думу комиссию⁵. Таким образом, 1215 еврейских избирателей были переведены из числа городских выборщиков в уездные, где их голос уже не мог иметь решающего значения. Ослабленные сторонники О.О. Грузенберга решили пойти на союз с поляками, однако из-за позиции И.Д. Ромма, выступавшего против такого соглашения, союз не состоялся⁶.

¹ Там же.

² Обзорные события и окраинная жизнь // Окраины России. 1907. 15–22 сентября. С. 541.

³ Обзорные события и окраинная жизнь // Окраины России. 1907. 6 октября. С. 579.

⁴ Обзорные события и окраинная жизнь. Вильно // Окраины России. 1907. 1–8 сентября. С. 519.

⁵ Провинциальный отдел. Вильно // Вестник народной свободы. 1907. 2 августа. С. 1474.

⁶ Письма И.Д. Ромма к П.Н. Милюкову (1907–1909 гг.) // ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 5572. Л. 1; Провинциальный отдел. Вильно // Вестник народной свободы. 1907. 27 сентября. С. 1688.

В польском лагере было образовано два избирательных комитета. Центральный избирательный комитет, претендовавший на общую координацию действий польских выборщиков, представлял, по сути, интересы аграриев и костела. Он придерживался решений Киевского съезда представителей польских губернских избирательных комитетов, состоявшегося в начале сентября 1907 г.: равноправия наций и конфессий, снятия ограничений с польского землевладения, неприкосновенности частной собственности, децентрализации управления и предоставления права решать все вопросы, в т.ч. и земельный, на краевом уровне¹.

Польские демократы, ранее ориентировавшиеся на кадетов, создали альтернативный Демократический комитет, выставивший кандидатуру присяжного поверенного Т. Врублевского в депутаты от населения Вильно. Последнего поддержала и группа белорусских общественных деятелей, объединившихся вокруг редакции газеты «Наша ніва»². Но большинство польских выборщиков Вильно поддержало кандидатуру С. Мацеевича, законоучителя в реальном училище и женской гимназии, ректора костела Святой Екатерины в Вильно, редактора журнала «Dwutygodnik Djecezalny», представлявшего польскую национально-демократическую партию. За С. Мацеевича отдали голоса 5703 выборщиков, за Т. Врублевского — 1479³.

Депутатами стали и другие кандидаты, поддержанные польским Центральным избирательным комитетом: С. Ванькович, крупный помещик, имевший около 1,5 тыс. десятин земли, вице-президент Виленского общества сельских хозяев, один из руководителей Краевой партии Литвы и Беларуси⁴; Ю. Монтвилл, директор Земельного банка в Вильно⁵; Г. Свенцицкий, член Правления Русско-Персидского горнопромышленного товарищества, владевший землей в Виленской губернии и доходным домом в Санкт-Петербурге⁶. Обязательным крестьянским депутатом был избран поддержанный польским комитетом литовец М. Циунелис, имевший 30 десятин собственной и 20 десятин наделной земли в Свенцяном уезде Виленской губернии, католик по вероисповеданию⁷. Все польские депутаты и М. Циунелис вошли в думскую группу западных окраин, выступавшую, как правило, в блоке с польским колом.

От русского населения Виленской губернии в III Думу прошло два представителя Союза русского народа. Депутатами стали заместитель

¹ Смалянчук А.Ф. Паміж краевасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864 — люты 1917 г. СПб., 2004. С. 215.

² Там же. С. 216.

³ Там же.

⁴ Ванькович Станислав Александрович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 80.

⁵ Монтвилл Иосиф Станиславович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 380.

⁶ Николаев А.Б. Свенцицкий Генрих Ипполитович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 550–551.

⁷ Николаев А.Б. Циунелис Матвей Егорович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 668–669.

прокурора Виленской судебной палаты, член СРН Г.Г. Замысловский¹ и священник Березвечского женского монастыря, председатель Глубокского отдела СРН А.С. Вераксин². Оба вступили в думскую фракцию правых.

Ни одного представителя от еврейского населения Виленской губернии в III Государственной думе не оказалось.

В 1911 г. депутат Ю. Монтвилл умер. На его место был избран Л. Охотницкий, секретарь Земельного банка в Вильно, гласный Виленской городской думы, имевший недвижимость в городе. Он заменил вышедшего Монвилла в Группе западных окраин³.

К 1912 г. расклад политических сил в Виленской губернии претерпел несущественные изменения. Из правых партий по-прежнему наибольшим количеством отделов располагал Союз русского народа. Но ко времени выборов в IV Государственную думу в его рядах произошел раскол. Большая часть правых в Виленской губернии осталась верна прежнему лидеру СРН А.И. Дубровину и перешла в созданный им Всероссийский Дубровинский Союз русского народа (ВДСРН). Новых лидеров СРН в лице Н.Е. Маркова и Э.И. Коновницына поддержала меньшая часть союзников. Дроблению правых сил способствовало и отвлечение их части в состав Русского народного союза имени Михаила Архангела (РНСМА), отделы которого с 1908 г. начали открываться в Виленской губернии. В результате пертурбаций на территории губернии оказалось 4 отдела ВДСРН, 3 отдела СРН-обновленческого и 3 отдела РНСМА⁴.

Виленские октябристы во главе с Н.Ю. Мационом и общество «Крестьянин» примкнули к Всероссийскому национальному союзу (ВНС). В Вильно был открыт отдел партии русских националистов, председателем которого стал С.А. Ковалюк⁵. Влиятельной организацией, ориентированной в политическом плане на правых и русских националистов, было виленское Свято-Духово братство.

Либеральный лагерь был представлен отделом конституционно-демократической партии в Вильно, который отражал и интересы еврейского населения города. В 1911–1912 гг. активность либеральной оппозиции возросла в связи с приближавшимися выборами в IV Государственную думу. Еще 20–21 ноября 1911 г., на совещании кадетской фракции с делегатами местных групп, И.Д. Ромм заявил о необходимости образования в белорусских губерниях предвыборного блока различных национальных групп на основе общей прогрессивной платформы. При этом он считал,

¹ Николаев А.Б., Ромов Р.Б. Замысловский Георгий Георгиевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 202–203.

² Ромов Р.Б. Вераксин Александр Сергеевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 86.

³ Охотницкий Людвиг Антонович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 437.

⁴ Бондаренко К.М. Указ. соч. С. 120.

⁵ Русские избиратели! // Библиотека Литовской Академии наук. Ф. 21. Д. 2231. Л. 151.

что местные организации партии должны иметь определенную свободу по программным вопросам¹. На свою сторону кадеты пытались привлечь демократическую часть польского лагеря. Очередная конференция КДП подтвердила, что достижение автономии Польши должно быть по-прежнему одной из целей кадетской фракции в Государственной думе. Правда, при этом конституционные демократы стремились установить «пределы польскому национализму, направленному к подавлению других партий в Западном крае»².

В решающую стадию избирательная кампания вошла осенью 1912 г. В сентябре виленские либералы совместно начали издавать «Вечернюю газету». Ее фактическим редактором был один из лидеров Белорусской социалистической громады А.И. Луцкевич³. Политическая платформа издания, опубликованная в первом номере, по сути, базировалась на программе КДП. Однако в ней нашли отражение и местные особенности, в частности «краевая» идеология. Редакция «Вечерней газеты» писала: «Поддерживая стремление народной массы к развитию своей внутренней, культурной мощи, к поднятию своего благосостояния и созданию прочных экономических основ, мы не будем забывать об особенностях нашего края. Здесь никоим образом нельзя исходить исключительно из интересов какой-либо одной национальной группы: при разнообразии национального состава населения необходимо все время иметь в виду интересы края как целого. Только тогда может правильно развиваться и каждая отдельная народность»⁴. Политическая программа газеты заканчивалась словами: «Сознание, что мы, живя на этой земле, станем гражданами края, — вот наша исходная точка при выяснении нужд различных групп его населения»⁵. В Вильно был образован комитет русских прогрессивных избирателей, выставивший кандидатами в выборщики присяжных поверенных Л.И. Паволоцкого, К.Д. Зегница и дворянина Б.Л. Даниловича⁶.

Как самостоятельная политическая сила на выборах решило выступить «Белорусское общество», либеральная организация, созданная в 1908 г. группой белорусских общественных деятелей, стоявших на позициях западнорусизма. Его лидеры Л.М. Солоневич и П.В. Коронкевич считали, что свои интересы на политической арене белорусы должны отстаивать сами. В программной статье «К белорусской интеллигенции»,

¹ Съезды и конференции конституционно-демократической партии: В 3 т. М., 2000. Т. 2. 1908 — 1914 гг. С. 338.

² О Конституционно-демократической партии // ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1910 г. Оп. 240. Д. 27. ЛЛ. 47, 47 об.

³ Антон Луцкевич: материалы следственного дела НКВД БССР / подгот. к печати, введение и комментарии В.Н. Михнюка, Н.М. Климовича и А.Н. Гесь. Мн., 1997. С. 34.

⁴ От редакции // Вечерняя газета. 1912. 18 сентября.

⁵ От редакции // Вечерняя газета. 1912. 18 сентября.

⁶ От русских прогрессивных избирателей города Вильны // Вечерняя газета. 1912. 29 сентября.

опубликованной в 1909 г. в газете «Белорусская жизнь», они риторически вопрошали: «...будем ли мы, белорусы, на разных славянских съездах, в Государственном совете и в Государственной думе говорить сами за себя, от своего имени, или же от нашего имени будут долго еще говорить великорусские чиновники, каковы Замысловский, Тычинин и Павлович, духовные отцы, вроде священника Вераксина и ксендза Мациевича, или же польские магнаты, вроде Монтивилла и Потоцкого» (все перечисленные — депутаты III Государственной думы. — *Д..Л.*)¹.

Осенью 1912 г. «Белорусское общество» активно включилось в избирательную кампанию в IV Государственную думу. В новом печатном органе организации, газете «Белорусский вестник», которая начала выходить в Вильно в 1912 г., деятельность депутатского корпуса предыдущей Думы по отношению к Беларуси оценивалась негативно: «Законодательное собрание... забыло о существовании белоруса, и девятимиллионная народность оставалась безгласной в течении пяти лет»². В конторе газеты разместился Русский внепартийный избирательный комитет, образованный сторонниками «Белорусского общества». Последнее на период выборов стремилось заручиться поддержкой влиятельных официальных лиц. В частности, 16 сентября на праздник в Белорусское общественное собрание были приглашены чиновник особых поручений при Совете министров А.А. Кон, управляющий канцелярией губернатора Д.Л. Новицкий, старший ревизор губернского акцизного управления А.П. Петров, редактор «Виленского вестника» В.В. Теплов. В своем выступлении А.А. Кон отметил, что миссия русского чиновничества в крае заключается в том, чтобы выдвинуть белоруса на поприще культурной и общественной работы³.

23 сентября по инициативе комитета состоялось первое общее собрание русских избирателей Вильно, на котором присутствовало до 500 человек. Председательствовал преподаватель Виленской женской гимназии В.П. Любарский⁴. На собрании выяснилось, что составление единого списка кандидатов в выборщики депутатов Государственной думы от русского населения города невозможно по причине острых политических разногласий между группой «прогрессистов», с одной стороны, и русскими националистами — с другой. В список внепартийного комитета вошли В.П. Любарский, Н.А. Бовдзей (редактор «Белорусского вестника») и А.А. Кон.

Самостоятельно решил выступить на выборах член «Белорусского общества» М.С. Вруцевич, известный литератор. Однако своих средств на избирательную кампанию у него не было, не могло помочь и «Белорусское общество», само нуждавшееся в деньгах. Тогда М.С. Вруцевич

¹ К белорусской интеллигенции // Белорусская жизнь. 1909. 9 февраля.

² Вильно, 15 июля // Белорусский вестник. 1912. 15 июля.

³ Празднование годовщины Белорусского общественного собрания // Белорусский вестник. 1912. 23 сентября.

⁴ Общее собрание русских избирателей // Белорусский вестник. 1912. 1 октября.

обращается за помощью к лидеру Конституционно-демократической партии П.Н. Милюкову¹. Пытаясь получить необходимую сумму, Вруцевич обрисовал предвыборную ситуацию в городе, указав на слабость позиций местных либералов и возможную победу правых. Но, видимо, нужных средств, по неизвестным причинам, он так и не получил и в результате не смог участвовать в избирательной гонке.

Таким образом, в 1912 г. православное население (русское, белорусское) Виленской губернии оказалось перед выбором среди множества партий, избирательных комитетов и списков кандидатов в депутаты: правых, Всероссийского национального союза, Свято-Духова братства, комитета русских прогрессивных избирателей, Русского внепартийного избирательного комитета. В данной ситуации, благодаря административному ресурсу, чаша весов неизбежно должна была склониться в пользу кандидатов, которых поддерживала власть. В конечном итоге, депутатами стали представители правого лагеря: Г.Г. Замысловский (во второй раз)² и В.П. Юзьвюк, настоятель церкви в Гольшанах Ошмянского уезда, председатель местного отдела СРН³. Был забаллотирован даже бывший лидер октябристов Н.Ю. Мацон, набравший всего 42 голоса и уступивший представителю СРН⁴. В IV Государственной думе не оказалось депутатов и от белорусской «партии».

Польский Центральный избирательный комитет начал свою работу с декабря 1911 г. Как и прежде, он объединил польских общественных деятелей умеренно-либерального направления, сторонников Национально-демократической партии, представителей католической церкви⁵. Тогда же польские демократы заявили, что национальный и религиозный факторы для них не являются препятствием для сотрудничества с деятелями непольского происхождения. На выборах, как и в 1907 г., они решили выступать самостоятельно, образовав Временный демократический избирательный комитет⁶. Кандидатами в депутаты от польского ЦИК стали крупные землевладельцы и предприниматели края, повторно была выдвинута кандидатура ксендза С. Мацевича. Т. Врублевский, бывший главным кандидатом на выборах от польских демократов в 1906–1907 гг., на этот раз отказался от выдвижения. Вместо него согласился участвовать в избирательной борьбе виленский адвокат Б. Крыжановский. Для агитации за своего кандидата польские демократы наладили издание газеты «Голос Виленский»⁷.

¹ Письмо Вруцевича Михаила Сафроновича к П.Н. Милюкову (б/д) // ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 4004.

² Николаев А.Б., Ромов Р.Б. Замысловский Георгий Георгиевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 202.

³ Николаев А.Б. Юзьвюк Владимир Порфирьевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 718.

⁴ Нравственная победа // Вечерняя газета. 1912. 7 октября. С. 1.

⁵ Смалянчук А.Ф. Указ. соч. С. 265.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 266, 267.

На выборах, состоявшихся осенью 1912 г., победу, как и в 1907 г., одержали кандидаты, поддержанные польским Центральным избирательным комитетом. Б. Крыжановский смог набрать только 541 голос, значительно уступив своему оппоненту — С. Мацеевичу, за которого проголосовало 5397 избирателей¹. Помимо С. Мацеевича повторно депутатами стали Г. Свенцицкий², М. Циунелис³, а также Л. Путткамер, крупный землевладелец в Виленской и Минской губерниях, член Совета Виленского общества сельских хозяев, сторонник Национально-демократической партии, бывший депутатом II Государственной думы⁴. Первый раз в Думу прошел В. Баньковский, гласный Виленской городской думы, богатый домовладелец⁵.

Попытка виленских евреев выставить своего кандидата О.О. Грузенберга (в третий раз с 1906 г.) не удалась. Опасаясь, что евреи смогут договориться с польскими демократами о взаимной поддержке, власти распорядились не вносить фамилию Грузенберга в избирательные списки, а все жалобы его сторонников игнорировать⁶. В итоге, в очередной раз еврейское население Виленской губернии осталось без своего представителя в Государственной думе.

Подводя итоги, отметим, что основная борьба за депутатское кресло велась между русской (православной) и польской национальными группами, представленными различными политическими партиями и объединениями. Национальные интересы ставились выше политических предпочтений. Несмотря на введенные ограничения, польский избирательный комитет, представлявший интересы аграриев и костела, смог провести своих кандидатов в Государственную думу как третьего, так и четвертого созывов. От русского населения Виленской губернии в III и IV Думы прошли представители местных крайне правых. Ни одного представителя от еврейского и литовского населения Виленской губернии в Государственной думе не оказалось.

¹ Там же. С. 269.

² Николаев А.Б. Свенцицкий Генрих Ипполитович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. С. 550–551.

³ Николаев А.Б. Циунелис Матвей Егорович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 668–669.

⁴ Николаев А.Б. Путткамер (Путткамер) Лаврентий Станиславович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. С. 512.

⁵ Николаев А.Б. Баньковский Витольд Иосифович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. С. 35–36.

⁶ Смалянчук А.Ф. Указ. соч. С. 263.

«СУД БОЖИЙ» ИЛИ «ПЕРСТ СУДЬБЫ»: К ИСТОРИИ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ВЫБОРОВ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ ОТ ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1913 ГОДУ

ПЛЕНКИН ОЛЕГ ИГОРЕВИЧ,
независимый исследователь,
Владимир, Россия;
e-mail: o.plenkin@mail.ru

Аннотация: В статье анализируются ход и результаты дополнительных выборов в Государственную думу от Ярославской губернии в 1913 г. Отмечается, что основная интрига выборов заключалась в противостоянии правых, представленных, главным образом, духовенством, на которое делало ставку правительство, и оппозиционных кандидатов («прогрессистов»). Это противостояние было подогревано признанием несостоявшимися новых выборов выборщиков по г. Ярославлю, что сделало невозможным участие в избрании члена Думы сразу нескольких представителей городской интеллигенции, принадлежавших к демократической оппозиции, и достигло пика на губернском избирательном собрании при повторной баллотировке, когда священник Н.В. Вознесенский и кадет К.К. Черносвитов набрали равное число голосов. Победителя определил жребий. Победа К.К. Черносвитова в драматичной борьбе была воспринята в обществе как символическая.

Ключевые слова: Н.В. Вознесенский, Государственная дума Российской империи, губернское избирательное собрание, дополнительные выборы, Н.П. Дружинин, духовенство, жребий, прогрессисты, К.К. Черносвитов, Ярославская губерния.

Провести дополнительные выборы в Ярославской губернии потребовалось вследствие отказа кн. Д.Д. Урусова 24 мая 1913 г. от мандата члена Государственной думы¹. Решение уважаемого в губернии деятеля, прогрессиста, и ни много ни мало товарища председателя Думы стало полной неожиданностью для ярославцев и произвело на многих из них тяжелое впечатление. Мотивы отказа кн. Д.Д. Урусов публично так и не озвучил, оставив место «для догадок и предположений о положении Думы, во всяком случае, невеселого свойства»².

Кампания по довыборам проходила в условиях неприкрытого административного давления, что побуждало представителей оппозиции неоднократно подавать жалобы на действия избирательных комиссий. Партийные противоречия, как правило, не заострялись, поскольку партийная система в губернии находилась на недостаточно высоком организационном уровне. Вперед вышла «классовая» политическая борьба,

¹ См.: Николаев А.Б. Урусов (Урусов 2-й) Дмитрий Дмитриевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1907: Энциклопедия. М., 2008. С. 638–639.

² Дружинин Н. Отклики // Голос. 1913. 2 (15) июня.

хотя некоторыми избирателями она и подвергалась критике. Обладатели пассивного избирательного права оказались прочнее связаны с определенной группой населения как выразительницей свойственных ей политических взглядов: городской интеллигенцией, духовенством, дворянами-землевладельцами, торгово-промышленным классом.

Для избрания одного члена Думы было недостаточно устроить губернское избирательное собрание. Требовалось предварительно вновь избрать семь выборщиков от ярославской городской курии (по 1-му съезду и 1-му и 2-му отделениям 2-го съезда), не допущенных к основным выборам. Ожидалось, что эти выборщики смогут оказать решающее влияние на исход дополнительных выборов, изменив соотношение сил в прежнем составе собрания (как позже выяснилось, в свете занятой Правительствующим сенатом позиции, это ожидание было напрасным), а некоторые из них — побороться за место в Думе.

В 1912 г. в Государственную думу от Ярославской губернии были избраны один правый, вошедший в Думе во фракцию центра, два октябриста, из которых один прежде примыкал к кадетам, и два прогрессиста¹. Сдача мандата прогрессистом давала шанс правым на реванш, с одной стороны, и ставила перед демократическими силами задачу удержания места в Думе — с другой.

Как известно, в ходе четвертой думской избирательной кампании правительство сделало крупную ставку на православное духовенство в расчете на то, что оно пополнит ряды сторонников власти на правых скамьях Государственной думы². Однако в 1912 г. ярославскому духовенству провести своего кандидата не удалось. Год спустя духовные пастыри поначалу без особенного энтузиазма восприняли новый шанс. Когда одного батюшку, интересовавшегося выборами, спросили о планах духовенства, он ответил: «Оплешивели раз и довольно! У нас до сих пор остается неразрешенным общий, более важный вопрос: наше ли дело заниматься политикой, насколько совместимо это с нашим христианским служением?»³ Позже выяснилось, что в тактике духовенства по сравнению с 1912 г. существенных изменений не произошло, оно рассчитывало на тех же лиц, которые выдвигались ранее: мышкинского протоиерея И.К. Богоявленского, священника села Лаврентьев Холм Ярославского уезда Н.В. Вознесенского и священника собора в Мологе А.К. Рождественского⁴. Уже 27 июня 1913 г. на выборах по 1-му отделению 2-го съезда в Ярославле

¹ См., напр.: Члены Государственной думы. (Портреты и биографии.) Четвертый созыв. 1912–1917 г. / Сост. М.М. Боиович. М., 1913. С. 399–403.

² См. об этом, напр.: *Гайда Ф.А.* Вокруг думских выборов 1912 г.: государство, оппозиция, духовенство // Ортодоксия. 2021. № 1. С. 116–118.

³ Предвыборное интервью. Духовенство // Голос. 1913. 26 июня (10 июля).

⁴ В 1912 г. все трое баллотировались от общего состава губернского избирательного собрания. Ближе всех к победе был Н.В. Вознесенский, которого отделили пять голосов от избранных кн. Д.Д. Урусова и Н.Н. Тучкова. См.: РГИА. Ф. 1278. Оп. 8. Д. 91. ЛЛ. 6 об., 10; Наши выборы в Госуд[арственную] думу / Выборы членов Государст[венной] думы // Голос. 1912. 21 октября (3 ноября).

обозначилось повторение прошлогоднего противостояния духовенства и оппозиции. Несмотря на мобилизацию православных клириков путем распространения предвыборным епархиальным комитетом воззваний, призывавших голосовать за соборного протоиерея А. Сестренцевича, убедительную победу одержал прогрессист И.А. Кангин¹.

В предвыборную гонку активно включилась торгово-промышленная группа, обозначившая в качестве своего кандидата в Думу председателя Ярославского биржевого комитета Н.Н. Вахрамеева, которого политические единомышленники считали октябристом и во всяком случае «не правее октябриста»². 25 июня 1913 г. Н.Н. Вахрамеев не смог пройти в выборщики по 1-му съезду городских избирателей³. Однако торгово-промышленники не думали сходить с дистанции, тем более что выборы по этому съезду были сначала отменены, а затем вновь назначены на 15 сентября. К осени торгово-промышленная группа лишь скорректировала тактику: собирала силы и вела скрытую агитацию, не оставляя намерения провести своего кандидата не только в выборщики, но и в члены Думы, и при этом публично заявляя, что к выборам относится безразлично⁴. Впрочем, 15 сентября на очередных городских перевыборах в Ярославле и уезде все ее лидеры провалились⁵.

Особое оживление наблюдалось в рядах т.н. «прогрессистов» (таким «мягким» названием были наделены представители ярославской демократической оппозиции, которые фактически выступали на выборах единым фронтом). Наиболее вероятным их претендентом на место в Думе считался Н.П. Дружинин — «кандидат коммерции, писатель», как он значился в избирательных бюллетенях. На состоявшихся 1 июля 1913 г. вторичных выборах по 2-му отделению 2-го съезда городских избирателей в Ярославле он вновь, как и в 1912 г., одержал победу⁶. В предвыборном интервью Н.П. Дружинин, однако, заявил: «Но те, кто прочат меня в Думу, забывают, что есть кандидат, которого следовало бы выдвинуть, скорей всего, как и более опытного в думских делах, что так важно, и преданного идее, и яркого, и устраненного с нарушением, так сказать, божеских и человеческих законов... Я говорю о Кирилле Кирилловиче

¹ См.: Выборы в Государственную думу / Ярославль // Русские ведомости. 1913. 28 июня; 29 июня; Выборы в Государственную думу // Голос. 1913. 29 июня (13 июля).

² См.: К выборам в Государственную думу // Голос. 1913. 22 июня (6 июля); Предвыборные интервью. П.П. Шапов // Голос. 1913. 22 июня (6 июля); К выборам в Государственную думу / Ярославль // Русские ведомости. 1913. 23 июня; Предвыборные интервью. Н.В. Адольфов // Голос. 1913. 25 июня (9 июля).

³ Ярославль, 27 июня // Голос. 1913. 27 июня (11 июля); К выборам в Госуд[арственную] думу // Голос. 1913. 27 июня (11 июля).

⁴ См.: *Не-избиратель*. Выборы в Гос[ударственную] думу // Голос. 1913. 14 (27) сентября.

⁵ См.: Выборы в Гос[ударственную] думу / Победа вновь осталась за прогрессистами // Голос. 1913. 17 (30) сентября.

⁶ Выборы в Государственную думу / Выборы по 2-му отделению 2-го съезда // Голос. 1913. 3 (15) июля.

Черносвитове...»¹. К.К. Черносвитов был убежденным сторонником конституционно-демократической партии, бывшим членом I, II и III Государственной думы от Владимирской губернии². В 1912 г. его отстранили от выборов во Владимире, а для избрания на финишном этапе ярославских выборов в том же году ему не хватило всего нескольких голосов³.

Есть основания полагать, что к осени 1913 г. прогрессисты еще не вполне определились с основным кандидатом в члены Государственной думы. За две недели до открытия губернского избирательного собрания К.К. Черносвитов отправил Н.П. Дружинину письмо, в котором изъявлял готовность оказать помощь на предвыборных собраниях, если таковые состоятся⁴. В ответном письме Н.П. Дружинин отметил, что в предвыборной борьбе участие К.К. Черносвитова «как организатора, как опытного, стойкого и популярного деятеля в высшей степени необходимо»⁵. Одновременно он давал понять, что в сложившейся обстановке именно он, Дружинин, должен быть избран в Думу. Он доказывал, что политическая борьба была развернута губернской администрацией, прежде всего, против него и приняла личный характер, а потому его кандидатура должна быть поддержана как ставшая более популярной после этих гонений. Ввиду того, что в 1912 г. Ярославль был лишен представительства в губернском избирательном собрании, Н.П. Дружинин считал желательным поддержать выборщика, представлявшего именно губернский город⁶.

Упомянутая переписка потеряла актуальность уже через несколько дней. 27 сентября Ярославль был потрясен известием об отмене всех городских перевыборов, как не основанных на законе вследствие мнения Правительствующего сената о неизменности первоначального состава губернского избирательного собрания⁷. Вновь, как и в 1912 г., семь лиц, избранные в выборщики от губернского города (причем по 1-му съезду — в третий раз), утратили этот статус. Среди них оказался и Н.П. Дружинин. В сложившейся ситуации его могли заменить К.К. Черносвитов и бывший член III Думы от Ярославской губернии кадет С.К. Эльтеков⁸, который был восстановлен в правах выборщика уже после того, как

¹ Дружинин Н. Как меня интервьюировали как кандидата в выборщики // Голос. 1913. 30 июня (13 июля).

² См.: Николаев А.Б. Черносвитов (Черносвитов 1-й) Кирилл Кириллович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 675–676.

³ См.: РГИА. Ф. 1278. Оп. 8. Д. 91. ЛЛ. 6 об., 10; Наши выборы в Госуд[арственную] думу / Выборы членов Государст[венной] думы // Голос. 1912. 21 октября (3 ноября).

⁴ ОР РНБ. Ф. 266. Ед. хр. 570. Л. 3 (письмо от 17 сентября 1913 г.).

⁵ Там же. Ед. хр. 172. ЛЛ. 1–2 (копия письма от 19 сентября 1913 г.).

⁶ Там же. ЛЛ. 2–5.

⁷ См.: Дополнительные выборы в Гос[ударственную] думу по г. Ярославлю полностью вновь отменены указом Сената / Ярославль остался опять без выборщиков // Голос. 1913. 28 сентября (11 октября).

⁸ См.: Эльтеков Сергей Кузьмич // Государственная дума Российской империи: 1906–1907: Энциклопедия. М., 2008. С. 715.

состоялось прошлогоднее Ярославское губернское избирательное собрание, и потому в нем участия не принимал. Кандидатура К.К. Черносвитова в свете результатов предыдущей избирательной кампании, по-видимому, выглядела менее «проходимой»: в 1912 г. духовенство и дворянская группа заявили о неприемлемости его кандидатуры¹.

Дополнительные выборы в Государственную думу от Ярославской губернии были назначены на 3 октября 1913 г.² Предвыборных собраний не устраивалось. Тем не менее накануне выборов в Ярославле состоялось собрание выборщиков, организованное губернским предводителем дворянства кн. И.А. Куракиным. На собрании окончательно стало ясно, что основная борьба развернется между служителями культа и кандидатами оппозиции. Священник А.К. Рождественский выразил сожаление, что в 1912 г. никто из духовенства не был избран в Думу. Ему возразила группа прогрессистов, отвергнувшая «классовый» подход в выборе кандидата и настаивавшая на том, чтобы это был такой кандидат, который мог бы представлять интересы более широкого круга избирателей и заботиться о «нуждах всего отечества»³. По словам ярославского губернатора, на этом собрании К.К. Черносвитов вел среди выборщиков усиленную агитацию, выступив с горячей речью о необходимости объединения оппозиционных сил и проведения в Думу представителя конституционно-демократической партии⁴. Предпринятая тут же попытка разрешить политические противоречия не увенчалась успехом: предложение кн. И.А. Куракина наметить записками желательного кандидата в Думу было отклонено усилиями прогрессистов⁵.

Из 70 выборщиков⁶ на губернское избирательное собрание прибыло 627. 21 выборщик (т.е. более трети от принявших участие в собрании) принадлежал к православному духовенству. Этот «церковный» отряд при ожидаемой поддержке правых дворян был внушительной силой для того, чтобы повлиять на исход выборов.

При подаче записок к баллотировке были намечены любимский уездный предводитель дворянства Г.В. Макаров (10 записок), Н.В. Вознесенский (восемь записок), К.К. Черносвитов, С.К. Эльтеков (по семь записок), А.К. Рождественский (шесть записок), еще два выборщика

¹ См. об этом: Наши выборы в Госуд[арственную] думу / Выборы членов Государст[венной] думы // Голос. 1912. 21 октября (3 ноября); Наши выборы // Голос. 1912. 23 октября (5 ноября); Разные понятия // Голос. 1912. 24 октября (6 ноября); Наши выборы в Госуд[арственную] думу / Как происходили у нас выборы. (Впечатления выборщика) // Голос. 1912. 25 октября (7 ноября).

² См.: ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 4241. ЛЛ. 8, 9.

³ См.: К избранию члена Гос[ударственной] думы / С предвыборного собрания // Голос. 1913. 3 (16) октября.

⁴ ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 4241. Л. 101 об.

⁵ См.: К избранию члена Гос[ударственной] думы / С предвыборного собрания // Голос. 1913. 3 (16) октября.

⁶ ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 4241. ЛЛ. 44–44 об.; Оп. 1А. Д. 154. ЛЛ. 14–14 об.

⁷ РГИА. Ф. 1278. Оп. 8. Д. 91. ЛЛ. 30–32.

получили по четыре записки¹. За отказом от баллотировки остальных выборщиков в борьбу с С.К. Эльтековым (28 голосов за, 33 против) вступили священники Н.В. Вознесенский (29 за, 32 против) и А.К. Рождественский (18 за, 43 против)². Баллотировка результата не дала, поскольку ни один кандидат не набрал абсолютного большинства голосов.

Была назначена вторая баллотировка, в которой победителем должен был оказаться тот, кто наберет относительное большинство голосов. Теперь при подаче записок претендентов на место в Государственной думе оказалось гораздо больше. Вероятно, К.К. Черносвитов включился в борьбу, поскольку увидел шаткое положение С.К. Эльтекова по результатам первой баллотировки. И тот и другой повторно были намечены семью записками. Та же причина, по-видимому, побудила А.К. Рождественского (шесть записок) отказаться от баллотировки и уступить место И.К. Богоявленскому (три записки). 10 записок вновь получил Г.В. Макаров, восемь — Н.В. Вознесенский, по четыре записки было подано за трех выборщиков, двое из которых отказались от баллотировки, еще восемь выборщиков, не считая И.К. Богоявленского, получили по три записки, и трое из них отказались баллотироваться³.

Лишение незадолго до выборов нескольких ярославских прогрессистов статуса выборщиков, неявка на губернское избирательное собрание члена Государственной думы крестьянина А.Т. Беляева, который был избран при содействии прогрессистов, и на помощь которого они теперь рассчитывали, а также результаты первой баллотировки делали положение прогрессивных кандидатов достаточно уязвимым. Несмотря на это, вторая баллотировка дала равное число голосов за Н.В. Вознесенского и К.К. Черносвитова (30 за, 31 против)⁴. Результат голосования пресса объясняла изменениями общественного мнения и полевением некоторых правых выборщиков, видимо, подавших голоса за К.К. Черносвитова⁵.

Из-за равенства голосов исход выборов должен был определяться жребием. Жребий тянул Н.В. Вознесенский, и в его руках оказалась

¹ Там же. ЛЛ. 33–34.

² Там же. ЛЛ. 34, 42.

³ Там же. ЛЛ. 34 об.–35.

⁴ Там же. ЛЛ. 34 об.–35, 42 об. Следует обратить внимание на одно обстоятельство, которое при другом развитии событий, вероятно, стало бы ключевым для юридической оценки результатов голосования. Незадолго до выборов скончался выборщик от Мышкинского уезда священник И. Розов, и уездная по делам о выборах в Государственную думу комиссия приняла решение заменить его подбалльным (следующим по большинству полученных голосов) священником А.А. Пятницким, который, надо полагать, солидарно с другими духовными пастырями 3 октября 1913 г. голосовал за Н.В. Вознесенского. Решение комиссии было обжаловано. Примечательно, что Правительствующий сенат, признав (правда, лишь в 1915 г.) такое решение противоречащим избирательному законодательству, оставил жалобу без последствий, поскольку в деле не было указано, что такая замена как-то повлияла на исход выборов. См.: ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 4241. Л. 88; Оп. 1А. Д. 154. Л. 4.

⁵ Торжество справедливости // Голос. 1913. 5 (18) октября.

пустая записка. На другой записке, доставшейся К.К. Черносвитову, было написано: «избран». В зале губернского избирательного собрания раздались аплодисменты¹.

Вместо того, чтобы праздновать победу, К.К. Черносвитов уже через два дня вместе с группой выборщиков подал жалобу в Государственную думу с требованием об отмене выборов, как проведенных с нарушениями². Ярославская газета «Голос» восторженно писала об этом поступке, подчеркнув, что не в интересах Черносвитова требовать отмены выборов, и все же он настаивает на их отмене³.

Для современников избрание К.К. Черносвитова стало символическим, а его поведение после выборов добавило ему симпатии избирателей. Некоторые выборщики, уходя с губернского избирательного собрания, не без иронии говорили: свершился суд Божий⁴. Духовенство, по-видимому, предпочло публично не высказываться об итогах выборов. Надо полагать, что оно вновь, как и после основных выборов 1912 г., посчитало себя обманутым правыми дворянами⁵. Правительство, конечно, не могло быть довольным избранием в Думу (уже четвертым) кадета К.К. Черносвитова; в прессу просочилось сообщение о том, что ярославский губернатор гр. Д.Н. Татищев был вызван в Петербург для объяснений⁶.

Результаты ярославских дополнительных выборов были прокомментированы и с думской трибуны. На заседании 27 ноября 1913 г. кадет

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 8. Д. 91. ЛЛ. 35, 43; Ярославские выборы в Гос[ударственную] думу // Речь. 1913. 4 (17) октября; Торжество справедливости // Голос. 1913. 5 (18) октября.

² РГИА. Ф. 1278. Оп. 8. Д. 91. ЛЛ. 49–51; ОР РНБ. Ф. 266. Ед. хр. 26. ЛЛ. 1–9; К выборам в Гос[ударственную] думу / Жалоба в Гос[ударственную] думу от участников в выборах 3 октября // Голос. 1913. 6 (19) октября. Поступок К.К. Черносвитова не был эффектным жестом. Принципиальное отношение к соблюдению законности при производстве выборов он выразил еще в 1907 г. в рамках третьей думской избирательной кампании. После его избрания членом Государственной думы он подал жалобу с требованием отменить результаты выборов во Владимирском губернном избирательном собрании. См.: РГИА. Ф. 1278. Оп. 3. Д. 10. ЛЛ. 17–18; Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1907–1908 гг. Сессия первая. Ч. I. СПб., 1908. Стб. 718. Тогда в местных политических кругах этот факт, однако, не получил такого живого отклика, который наблюдался в ярославском обществе в 1913 г. В то же время как опытный политик К.К. Черносвитов не мог не знать практику отделов Государственной думы, в работе которых сам принимал активное участие и которые при проверке выборных производств крайне неохотно шли на отмену выборов, а потому наверняка понимал, что вероятность удовлетворения жалобы невелика.

³ О жалобе неустрашенных выборщиков // Голос. 1913. 6 (19) октября.

⁴ Выборы члена Гос[ударственной] думы / Членом Думы избран к[онституционный] д[емократ] Кир[илл] Кир[иллович] Черносвитов // Голос. 1913. 4 (17) октября; *Вирский Вл.* Суд Божий // Голос. 1913. 6 (19) октября.

⁵ См.: Наши выборы в Госуд[арственную] думу / После выборов // Голос. 1912. 21 октября (3 ноября).

⁶ Жизнь в провинции // Речь. 1913. 11 (24) октября.

Ф.И. Родичев с удовольствием констатировал: «Господа, если бы я был суеверен, я бы сказал, что тут перст судьбы, потому что в ярославской недостаточной курии в среде ярославских выборщиков, где от Ярославля выборщиков, благодаря сенатскому разъяснению, не было, Черноsvитов был избран и попал в Думу благодаря жребию. Это указание судьбы, и с ним ничего не поделаешь». Правые, конечно, думали иначе. На слова Ф.И. Родичева об «указании судьбы» Н.Е. Марков 2-й выкрикнул с места: «Божье наказание»¹.

По драматургии и накалу страстей ярославская избирательная кампания 1913 г. может считаться одной из самых ярких страниц в истории до-революционных думских выборов. Развязку ярославских выборов обеспечил случай, вынеся ее за пределы рационального объяснения. Однако можно назвать обстоятельства, приведшие к созданию ситуации, при которой два кандидата набрали равное число голосов. Несмотря на то, что прогрессисты использовали все имевшиеся в их распоряжении ресурсы, перспективы победы духовенства при условии его поддержки правыми дворянами выглядели предпочтительнее. Тем не менее сложившийся на губернском избирательном собрании паритет, вероятно, и обеспечили выборщики-дворяне, часть из которых могла склониться в пользу К.К. Черноsvитова. Нельзя недооценивать и того, что в отличие от демократической оппозиции в среде православного духовенства не оказалось ярких лидеров. Общество посчитало исход выборов однозначно справедливым, поскольку голоса, которые оппозиция потеряла в результате отмены ярославских городских перевыборов, наверняка не оставили бы шансов креатурам правительства уже при первой баллотировке.

¹ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1913–1914 гг. Сессия вторая. СПб., 1914. Ч. I. Стб. 1475.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: СОСТАВ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДЕПУТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ОТ СТЕПНОГО КРАЯ ПО ВОПРОСАМ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ И ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВА

КУДАЙБЕРГЕНОВА ЖАНАР АДЕЛХАНОВНА,
доктор исторических наук,
доцент кафедры истории Казахстана
Казахского Национального университета имени Абая,
Алматы, Казахстан;
e-mail: zhanaradoc@gmail.com

Аннотация: На протяжении всего XX века тема взаимоотношений между Казахстаном и Россией оставалась одной из самых приоритетных в исследованиях казахстанских историков. Она сохранила свою актуальность и сегодня, когда Казахстан и Россия стали суверенными государствами. В связи с установлением взаимоотношений двух стран на новой основе внимание историков России и Казахстана привлекли такие сюжеты, которые ранее находились на обочине магистрального развития исторической науки. К ним, в частности, можно отнести историю избирательных кампаний и деятельность депутатов Степного края в Государственной думе России. Приоритетными для депутатов от Степного края, консолидировавшихся в мусульманскую фракцию, были идеи защиты прав казахских шаруа в аграрном вопросе, защиты своей исконной территории от захвата и давления со стороны имперского центра. Достижение этих целей мыслилось ими в рамках конституционного строя, укрепления закона и правопорядка в масштабах всего государства.

Ключевые слова: Столыпинское переселение крестьян в Степной край; аграрный вопрос в решениях I, II Государственной думы; умеренно-либеральные взгляды членов мусульманской фракции.

Растущее в Российской империи движение за демократическое обновление общества, в особенности Первая русская революция, вынудили царское самодержавие в начале прошлого столетия пойти на некоторые уступки. В политической сфере они выразились в учреждении Государственной думы. Аграрный вопрос стал испытанием на прочность едва

народившегося российского парламентаризма. В ответном адресе Думы, предложенном от имени комиссии депутатом от Санкт-Петербурга В.Д. Набоковым от 2 мая 1906 г. на тронную речь царя, аграрный вопрос выдвинут в качестве ближайшей задачи Государственной думы. В частности, говорилось, что «наиболее многочисленная часть населения страны — трудовое крестьянство — с нетерпением ждет удовлетворения своей острой земельной нужды, и I Государственная дума не исполнила бы своего долга, если бы она не выработала закона для удовлетворения этой насущной потребности путем обращения на этот предмет земель казенных, удельных, кабинетских и принудительного отчуждения земель частновладельческих»¹.

Согласно точке зрения правых партий имперская политика принуждения в отношении кочевников была морально оправданной, т.к., лишь опираясь на нее, возможно было покончить с их первобытной культурой и отсталым образом жизни. В свете рассуждений о цивилизаторской миссии России на Востоке колонизация новых территорий преподносилась не столько как захват чужих земель, сколько как культурная экспансия, благодаря которой отсталые кочевники приобщались к высокой культуре пришельцев, перенимали их систему хозяйствования и образ жизни. Они были сторонниками аграрной политики П.А. Столыпина, защищали интересы частновладельческой собственности.

Однако следует отметить, что отдельные депутаты высказывали мысль, что «аграрный вопрос решается не расширением площади, а интенсификацией хозяйства». История показала и показывает научную обоснованность этой мысли. Поддерживая переселенческую политику правительства, они в то же время обращали внимание Переселенческого комитета на методы проведения этого важнейшего компонента аграрной политики. Предстоящую реформу, или, вернее, расселение, отдельные депутаты считали делом очень щекотливым, требующим крайней осторожности. Депутат граф И.И. Капнист считал своевременным обратить внимание Переселенческого управления на особенности переселения в Туркестан: «Надо помнить, — говорил он, — что Туркестан — культурная страна в некоторых отношениях; что в Азии появляются другие взгляды; что Азия просыпается; что азиатские народы не смотрят теперь на Россию только как на сильное государство, и беда будет, если эти соседи встретят на своем пути плохо организованное, с отжившими формами земледелия бедное население, перешедшее из России. Вот почему я думаю, что при рассмотрении вопроса о переселении в Туркестан следовало бы обратить внимание на вопрос, какой элемент должен туда быть переселяем, <...> возбудить вопрос не о наделении переселившихся землей даром, а о продаже ее на самых льготных условиях»².

¹ Государственная дума. Первый созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1906. Т. I. С. 75.

² Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. СПб., 1907. Т. II. С. 162.

Эти взгляды депутатов Государственной думы, несомненно, мы считаем прогрессивными, ибо они в какой-то мере учитывали интересы местного коренного населения; при их осуществлении снимались бы социальная напряженность, конфликтная ситуация во взаимоотношениях кочевников и переселенцев. К сожалению, переселение в Казахстан со стороны правительства, Переселенческого комитета проводилось основным методом — методом насилия по отношению к «чужим».

4 июля 1906 г. был сделан запрос 41 депутата I Государственной думы на имя председателя Совета министров о незаконности продолжающихся работ по образованию переселенческих участков и лесных дач в Киргизской степи. Данный запрос подписали члены I Государственной думы А. Беремжанов, З.С. Джантюрин, А. Кальменов. В запросе отмечалось, что «за 13 лет существования временных партий по образованию переселенческих участков в Степных областях изъято уже более 3-х миллионов десятин киргизских „излишних“ земель, не считая тех 17 миллионов десятин, которые были отняты под казачьи поселения».

Общий принцип мотивов, относящихся к статьям 120, 122, 125 и 126 Степного положения, заключается в том, что «переход в распоряжение правительства земель, признаваемых для кочевников излишними, может последовать лишь в будущем, когда будет произведено размежевание Степных областей и выяснится в точности то количество земли, которое окажется необходимым для удовлетворения хозяйственных потребностей кочевого населения». Как отмечалось в запросе, «размежевание между казной и киргизами к настоящему времени не только не закончено, но и совсем еще не начато»¹.

Часть депутатов, в числе которых был и А. Букейханов, отреагировала на роспуск парламента 9 июля 1906 г. Выборгским воззванием, содержащим призыв к пассивной оппозиции правительству. Однако в этом акте гражданского неповиновения власть усмотрела угрозу для себя. По распоряжению органов внутренних дел, юстиции А. Букейханов не был допущен к избранию во II Государственную думу.

Большую активность проявил в работе II Государственной думы депутат от Уральской области Б.Б. Каратаев. 14 апреля 1907 г., выступая при обсуждении аграрного вопроса, депутат подверг критике правительство в отклонении от статей Степного положения и даже прямо нарушении интересов отдельных лиц киргизского населения. Он привел примеры принудительного сноса для переселенцев, например, 136 домов в Уральской области, в их числе 2 молитвенных дома, две школы и, кроме того, лесное насаждение и арыки. «В Уральской области, — отметил Б.Б. Каратаев, — 23 ½ миллиона десятин земли, из них 18 миллионов (в Гурьевском, Лабинском и Южной части Темирского уезда) неудобной земли. Там киргизы кочуют круглый год и земледелием не занимаются, там солонцы, барханы, безводье. На лето оттуда киргизы со своими

¹ Государственная дума. Первый созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1906. Т. I. С. 156.

стадами отходят дальше на север. Около 132 тысяч жителей должны на лето откочевать из одного только Лабинского уезда, 128 тысяч из Темирского и т.д. И все эти киргизы идут на плодородные и обильные водой и пастбищами пространства уездов Уральской и Тургайской областей, где проводят около 6 месяцев. Лишение киргизов возможности кочевать обрекает их на вымирание».

В своей речи Б.Б. Каратаев обратился ко всем русским с просьбой о защите киргизов. «Мы вовсе не хотим отпасть от России. Земли у нас много, но в них много неудобных земель. Пятью миллионами десятин не утолить земельного голода русского крестьянства. Мы бы хотели поправить землеустройство. Если правительство отберет теперь от киргизов обводненные пространства, то киргизам придется вымирать»¹. На вопрос, следует ли образовать общий фонд, Б.Б. Каратаев высказался за предоставление земли областным самоуправляющимся единицам в постоянное пользование. Общий фонд он считал отвлеченным понятием, практического значения не имеющим. Таким образом, приведенные в выступлениях доводы против насильственных переселений и смелое заявление Б.Б. Каратаева о том, что «переселение, не согласованное с интересами местного населения, во всяком случае, не может считаться справедливостью, оно может считаться насилием сильного над слабым», свидетельствуют о гражданской мужественности депутата.

По мнению А. Байтурсьнова, казахи продемонстрировали известную политическую зрелость, избрав в состав Государственной думы первого и второго созывов достойных представителей народа, способных защитить его интересы². Согласно точке зрения М.Б. Олкот «самым главным результатом участия казахов в Думе было то, что оно помогло укрепить казахское единство и поднять их политический уровень»³.

Как известно, наряду с представителями коренного народа, среди депутатов I и II Государственных дум России были представители других национальностей. Они также отстаивали и защищали интересы Степного края. В частности, депутаты Н.А. Бородин (Уральская область), В.И. Ишерский (Акмолинская область), Н.А. Коншин (Семипалатинская область), И.И. Космодамианский (Уральская область) в своих выступлениях выражали недоверие правительству в положительном решении аграрного вопроса, они цифрами и фактами доказывали отсутствие свободных земель для переселения, требовали право пользоваться кабинетскими, войсковыми землями. Например, депутат от Уральской области И.И. Космодамианский, выступая 16 мая 1907 г. на заседании Думы, говорил: «Правительство, переселяя на киргизские земли, забывает то священное право собственности, о котором оно так часто любит говорить. Киргизские земли с 1868 г. объявлены национальной собственностью,

¹ Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. СПб., 1907. Т. II. С. 235.

² Байтурсьнов А. Еще раз о народном суде // Айкап. 1911. № 2. С. 67.

³ Олкот Б. Казахи. М., 1983. С. 76.

объявлены собственностью государства, но при условии постоянного и безвозмездного пользования ими. И вот теперь, переселяя крестьян из голодающих местностей на киргизские земли, правительство не считается с этим священным правом собственности».

Таким образом, можно подчеркнуть, что депутаты Степного и Туркестанского края действовали в тесной связке и единодушии при решении главных принципиальных вопросов, не разделяя себя на казахов и русских представителей.

Избранники от кочевого населения казахской степи (казахские и неказахские депутаты) активно выступали в защиту земельных прав своих соплеменников, о которых писалось выше. Они действовали в Думе не изолированно, а в составе мусульманской фракции. Ее образование явилось закономерным результатом консолидации мусульманских народов Российской империи для совместной борьбы против политики национальной дискриминации и угнетения, за политическое, культурное и религиозное равноправие.

Самое активное участие мусульманские депутаты приняли в обсуждении аграрной проблемы.

В защиту прав казахов при обсуждении сметы Переселенческого управления на 1908 г. выступил от имени мусульманской фракции Х.Б. Хас-Мамедов, депутат от Бакинской, Елисаветпольской и Эриванской губерний. Он полагал, что переселенческое дело, являясь государственным предприятием, должно преследовать две главные цели. «Во-первых, необходимо, чтобы переселенцы устраивались хорошо на новых местах, и, во-вторых, чтобы переселение их в эти места не затрагивало и не нарушало бы земельных прав и интересов местного коренного населения. Само собой, разумеется, — отмечал оратор, — эти две задачи должны быть сопровождаемы правильными техническими приемами передвижения и другими мероприятиями». Обращаясь к действительности, он с грустью констатировал, что у правительства в этом отношении не было определенной или ясной политики. Правительство знало и преследовало только одно — желание поскорее избавиться от малоземельных и безземельных крестьян в центральных губерниях, нисколько не заботясь ни о судьбе этих переселенцев, ни об участии коренных жителей тех местностей, куда оно направило переселенцев. Правительство наскоро создавало и образовывало переселенческие участки и передвигало, направляло переселенцев туда. Образовывались участки с явным нарушением земельных прав и интересов коренных жителей, часто с отбиранием у них земли с обработанными полями, садами и подземными канавами <...> Нигде так не отразилось в тяжелом смысле переселенческое дело, как в Киргизии. Следуя распространившимся слухам, что много земель в этих областях, Правительство двинуло туда переселенческую волну, не разбирая, много ли там земель годных или негодных. <...> И вот во имя справедливости, вековых прав киргизского населения на земли, находящиеся в его пользовании, и гуманности должно быть

немедленно приостановлено переселенческое движение в Киргизию. Сначала там на рациональных началах должно быть удовлетворено киргизское население, и после того, как киргизы будут удовлетворены в своих земельных нуждах, может туда двинуться переселенческая волна.

В заключение Х.Б. Хас-Мамедов зачитал заявление мусульманской фракции следующего содержания: «Принимая во внимание:

1) что переселенческое дело, будучи тесно связано с разрешением общего аграрного вопроса, не может быть правильно организовано впредь до выработки в законодательном порядке основных положений разрешения аграрного вопроса;

2) что без таких основных положений невозможен правильный и справедливый отвод земель под переселенческие участки;

3) что как показывает опыт и практика Переселенческого управления, отвод земель для переселенцев из внутренних губерний ведет к лишению и ограничению землепользования местного коренного населения;

4) что такого рода лишение и ограничение прав местного населения, без обеспечения последнего землей в достаточной мере, происходило и сейчас имеет место в киргизских областях, Закавказье и Туркестане;

5) что ввиду этого вся постановка переселенческого дела в степных областях, Закавказье и Туркестане и деятельность переселенческих учреждений в названных районах вызывают лишь отрицательное отношение, лишая местное население их естественного и законного права на землю, и потому не может и не должно быть поощряемо в дальнейшем»¹.

Эта инициатива депутатов-мусульман как выражение стремления учесть интересы всех вовлеченных в переселенческий процесс вызвала однозначно негативную реакцию у правых. Это в очередной раз доказывало нежелание правого крыла Думы заняться действительным землеустройством коренного населения во имя снятия конфликтной ситуации.

Таким образом, мы видим, что приоритетными для депутатов мусульманской фракции были идеи национальной консолидации, защиты своей этнической и культурной идентичности, своей исконной территории от давления со стороны имперского центра. Достижение этих целей мыслилось в рамках конституционного строя, укрепления закона и правопорядка в масштабах всего государства. Насильственный передел всей земли в пользу трудящихся не был для них актуальным в качестве непосредственного руководства к практическим шагам. Освоив язык и культуру русской нации, находясь под очень сильным влиянием западной системы ценностей, они, тем не менее, не порвали с традиционной культурой, уходящей корнями в ислам. Вместе с тем мусульманские депутаты осмысливали свое единство в большей степени «по-светски». Ведь большинство из них получили светское образование и воспитание. У многих из них было высшее юридическое образование. Вот несколько примеров: Хас-Мамедов Халил-Бек Гаджи-Баба-оглы, азербайджанец, дворянин,

¹ Малтусынов С.Н. Аграрный вопрос в Казахстане и Государственная дума в России (1906–1917). Социокультурный подход. Алматы, 2006. С. 290.

окончил юридический факультет МГУ; Максудов (Максуди) Садретдин (Садри) Низаметович, татарин, в 1901–1906 гг. учился на юридическом факультете Парижского университета, кандидат права; Хойский Хан Фатали Искандер-оглы, тюрк, военное юридическое образование, товарищ прокурора; Каратаев Бахытжан Бисалиевич, казах, высшее юридическое образование; Беремжанов Ахмед Курганбекович; казах, высшее юридическое образование, и другие.

В период активизации политической жизни Империи, открытия перспектив демократизации ее основ россияне мусульмане еще острее осознавали корни своего культурного родства и консолидировались для совместных действий. Сплачивающим фактором была также неудовлетворенность мусульманских народов своим социально-правовым статусом «людей второго сорта» в империи. Именно «комплекс неполноценности» подталкивал нерусские народы к совместной борьбе за свои национальные права и свободу вероисповедания.

Большинство членов мусульманской фракции придерживались умеренно-либеральных взглядов: им были понятны и близки ценности западной демократии, идеи верховенства закона и правового государства. Это объясняет, почему в ходе избирательной кампании в Государственную думу мусульманская политическая элита заявляла о целесообразности сближения с кадетами как наиболее последовательными выразителями идеологии либерализма в России. Именно в рамках общероссийского умеренно-либерального движения мусульманская элита надеялась претворить в жизнь свои программные положения о полном уравнивании мусульман с имперской нацией в политических, гражданских и религиозных правах. Их отношение к правительству, критикуемому за аграрную политику, — скорее, как к оппозиционной силе, чем как к враждебной. Отсюда признание необходимости ведения диалога с властью, поиска правового решения назревших проблем.

ВОПРОСЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ IV ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ (1912–1917)

ОРЧАКОВА ЛАРИСА ГЕННАДЬЕВНА,
доктор исторических наук,
профессор Института гуманитарных наук
Московского городского педагогического университета,
Москва, Россия;
e-mail: luchlg@yandex.ru

Аннотация: В статье анализируется правотворческая деятельность IV Государственной думы в сфере образования. Раскрывается преемственность работы парламента в реформировании этой сферы, показаны новые направления в правовом регулировании образования и просвещения.

Ключевые слова: IV Государственная дума, деятельность депутатов, профессиональное образование, реформы образования, педагогическое образование.

В деятельности дореволюционной Государственной думы начала XX века вопросы просвещения и образования были неотъемлемой частью ее повестки. Безусловно, это отвечало тем модернизационным процессам, которые происходили в стране. Введение новых гражданских прав, деятельность парламента и политических партий изменяли сознание россиян, формировали новый уровень общественных отношений, который требовал дальнейших перемен в системе образования. Кроме того, программы всех крупных политических партий начала XX века и общественно-политических движений содержали положения о перспективах развития российского образования. Безусловно, в этом видится понимание значимости этой сферы для будущего страны. Но в просвещении и образовании думские партии видели и инструмент политической борьбы (политическое и правовое воспитание, расширение социальной базы и электората), инструмент формирования новой политической элиты¹.

При всей недоразработанности темы истории образования в начале XX века фокус имеющихся немногочисленных исследований сосредоточен, прежде всего, на анализе законотворчества III Думы, давшей заметный импульс развитию российского образования и получившей эпитет — Думы народного просвещения². В отношении изучения вопросов просвещения и образования в деятельности Государственной думы четвертого созыва историки не проявляли научного интереса, концентрируя

¹ Феномен российской интеллигенции конца XIX — начала XX века: монография / авт: В.В. Рябов, Е.А. Токарева, Т.В. Ершова, В.А. Исаков, Л.Г. Орчакова; науч. ред. В.В. Кириллов. М., 2020.

² Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1908. Ч. II. С. 408.

свое внимание, прежде всего, на вопросах войны и развивающегося революционного движения.

А вместе с тем Четвертая Дума продолжила интенсивную работу по созданию правовой основы и содействию финансированию реформирующегося, более точно модернизирующегося российского образования, что видится как цель данной публикации. Кроме того, автор в изучении обозначенного вопроса опирался на более ранние собственные исследования, в которых достаточно подробно освещена историография проблемы¹. Основными источниками, которые содержат достаточно информации для аргументации, остаются стенографические отчеты, обзоры отделов и комиссий Думы четвертого созыва начала XX века.

Об интенсивности правотворчества говорят за себя статистические данные. За время работы IV Государственной думы комиссией по народному образованию рассмотрено около 200 законопроектов, дано заключение еще на 30 законопроектов. В том числе, в первую сессию — 34 законопроекта, во вторую — 66, и четвертую — 76 законопроектов и 13 законодательных предложений². Вопросы просвещения и образования входили в пятерку наиболее обсуждаемых на заседаниях Думы, что является дополнительным доказательством их значимости и важности.

Сама комиссия по народному образованию оставалась одной из самых многочисленных (66 чел.)³. Однако, партийный состав претерпел изменения. В сравнении с Третьей Думой комиссия изрядно поправела.

Председательствовал в комиссии В.А. Бобринский⁴ (умеренно-правый, националист); 13 депутатов представляли националистов и умеренно-правых и 11 депутатов вошли от правых. Таким образом, 32% членов комиссии представляли консервативные круги. Октябристы, которые в III Думе составляли большинство комиссии, сохранили в четвертой должности товарищей председателя (Е.П. Ковалевский⁵, А.Г. Лелюхин⁶),

¹ Орчакова Л.Г. Законодательная деятельность Третьей Государственной думы в сфере образования (1907–1912) // Таврические чтения 2018. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция. Сборник научных статей. В 2-х ч. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2019. Ч. 1. С. 74–79.

² Подсчеты автора. Данные взяты: Сборник законоположений постановлений, относящихся к деятельности Государственной думы, и установлений, при ней состоящих. Государственная дума. Четвертый созыв. Издание первое. СПб., 1912; Обзор деятельности комиссий и отделов. Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия 2. СПб., 1915; Обзор деятельности комиссий и отделов. Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия 4. СПб., 1915.

³ Обзор деятельности комиссий и отделов. Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия 1. СПб., 1913. С. 213.

⁴ Николаев А.Б., Ромов Р.Б. Бобринский Владимир Алексеевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 58–59.

⁵ Николаев А.Б. Ковалевский Евграф Петрович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 256.

⁶ Николаев А.Б. Лелюхин Александр Георгиевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 324.

и еще 13 депутатов были от этой фракции. Остальные фракции делегировали в Комиссию по народному образованию по 1–2 человека. В итоге в ней была представлена полная палитра политических сил, имеющихся в Думе¹. Данное обстоятельство видится важным для анализа законопроектов в области образования и просвещения.

Важно еще одно обстоятельство. IV Государственная дума в начале своей работы учредила комиссию по вопросу преемственности законодательных работ Государственной думы III созыва². В комиссии по народному образованию проведена ревизия на этот счет, прошли совещания, выявлены те законопроекты, которые требуют своей доработки и принятия. В организации работы Думы такое было впервые. И резонно было бы ожидать, что первым законопроектом, над которым будет продолжена работа в сфере образования, станет закон о Всеобщем начальном образовании.

Действительно, §§ 64 и 67 Наказа³ закрепили возврат к законопроекту «О введении всеобщего начального образования». В соответствии с собственнo установленным регламентом следовало для предварительной разработки конкретного закона закрепить его за отдельным докладчиком, «а разработки более сложных законопроектов (к которым относился и закон о Всеобщем начальном образовании — *прим. Л.Г.*) — особо избранными для сей цели совещаниями»⁴. Такая комиссия для продолжения работы над этим законом образуется лишь ко второй сессии (15.10.1913–14.06.1914), но обсуждение в полном объеме и предметно так и не состоялось. Хотя продолжилось принятие разовых решений: выделение ассигнований в размере 2 млн руб. на низшее образование, усиление штатов Министерства народного просвещения, на нужды начального народного образования для «прибавки к жалованию учителей по 60 руб. в год в ближайшие 5 лет» общей суммой 8 млн руб.⁵, а также многочисленные законопроекты, которые касались подготовки «учащего персонала для низших учебных заведений»⁶.

И все же. Из всех подобных законопроектов стоит обратить внимание на учреждение в Министерстве особого постоянного департамента по делам низшего образования⁷, назначение которого определялось осуществлением этого уровня образования в России.

В общем, финансирование традиционно занимало весомую, если не преобладающую долю всей деятельности Четвертой Думы в вопросах

¹ Государственная дума. Справочник. Четвертый созыв. Сессия 1. СПб., 1913. Вып. 6. С. 222–223.

² Обзор деятельности комиссий и отделов. Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия 1. СПб., 1913. С. 442.

³ Там же. С. 233.

⁴ Обзор деятельности комиссий и отделов. Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия 2. СПб., 1915. С. 224.

⁵ Обзор деятельности комиссий и отделов. Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия 1. СПб., 1913. С. 43, 214, 216–217.

⁶ Там же. С. 175–177.

⁷ Там же. С. 234.

образования. Но стоит отметить, что Думой был регламентирован и упорядочен этот процесс. Законопроекты подавались Министерством народного просвещения в бюджетную комиссию. Думская же комиссия по образованию давала свое заключение о целесообразности выделения таких ассигнований и кредитов. При соответствующем одобрении законопроект выносился на «общее собрание». Изменения произошли и в структуре выделяемых средств. Если Дума первых трех созывов выделяла небольшие суммы по запросам депутатов для решения частных вопросов (стипендии, открытие учреждений, на учебный процесс, покупку лабораторного оборудования), то решения IV Думы, касались капитальных вложений: на нужды по подготовке учительских преподавательских кадров; на улучшение материального положения и устройство страховых касс, обществ и пенсионных фондов (преподавателей — Л.Г.); строительство школ, училищ; на покупку земли под строительство образовательных учреждений. Законом от 22 июня 1912 года Дума под расширение капитального строительства создает «Школьно-строительный фонд Министерства народного просвещения» с обеспечением¹. По замечанию самих же депутатов народное образование входило в пятерку сфер, на которую выделялись дополнительные средства.

Вопросы подготовки учительских кадров оставались в повестке Думы предметом особого внимания. Правовое закрепление получило равенство мужских и женских преподавательских кадров, были открыты новые педагогические институты. Наказ обозначал и необходимость «реформы учительских институтов». Комиссия обсуждала реформу средней школы, на повестке стояла и выработка плана среднего и высшего профессионального образования.

Развитию последнего IV Дума уделяла особое внимание, что стало ее отличительной особенностью. «Общее собрание» своим решением открывает медицинский факультет Петербургского университета, ряд политехнических, сельскохозяйственных, коммерческих институтов и др. Императорское Московское инженерное училище преобразовано в Институт путей сообщения. Укрепляя высшее образование, было открыто не менее 20 учебно-вспомогательных отделений и институтов, которые кроме образовательной деятельности становились площадками перспективных научных разработок. Основанием для этого, как считали думцы, было положение дел в науке, которая «за последнее время, особенно в области технических знаний, делает такие быстрые шаги вперед», что требует открытие новых специальностей и серьезное усовершенствование старых². Одним из основных принципов подготовки специалистов по техническим специальностям должно стать «наиболее полное сообщение студентам основ их будущей специальности, которое позволило бы им быстро освоиться с технической стороной их деятельности на практике»³.

¹ Там же. С. 173.

² Обзор деятельности комиссий и отделов. Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия 2. СПб., 1915. С. 253.

³ Там же. С. 224–225, 238.

Законопроекты, регулирующие специальное высшее образование, готовились и обсуждались не только в комиссии по народному образованию. Кроме уже упомянутой бюджетной комиссии комиссия по военным и морским делам определяет нормы военного образования, а регламентированием агрономического образования занимается сельскохозяйственная комиссия. Ее инициативы по открытию сельскохозяйственных учебных заведений, землемерных училищ Думой облечены в закон и привели к институализации агронома как профессии. Без сомнения, мы видим вклад депутатов в создание собственного слоя квалифицированных специалистов в разных областях экономики, интеллектуального капитала развития России как передовой страны мира.

Пожалуй, с полной уверенностью можно выразить мнение, что IV Дума не оставила без внимания ни один сегмент образования. К единому правовому знаменателю попытались привести члены особого совещания, созданного комиссией по делам Православной Церкви, деятельность церковно-приходских школ. Круг вопросов и предложений, обсуждаемых в ходе предварительного рассмотрения соответствующего законопроекта, был аналогичен тем, которые принималась в отношении светских образовательных учреждений¹. И в этом вопросе, конечно, Дума входила в конфронтацию с Синодом, который считал систему церковно-приходского образования областью своего контроля и влияния.

Анализ отчетов деятельности комиссий IV Думы всех пяти сессий выявил еще одну существенную особенность — законопроекты в области высшего специального образования и просвещения вносили, кроме собственно комиссии по народному образованию и Министерства, отраслевые министерства и профильные думские комиссии.

В заключение необходимо отметить, что, несмотря на внутривнутриполитические и внешнеполитические вызовы, нарастание революционных процессов, тяготы участия России в Первой мировой войне, Государственная дума продолжала модернизацию российского образования, которое видится весомым и заметным. Необходимо выразить сожаление, что и эта Дума не приняла закон о всеобщем начальном образовании. Принятые же законы были направлены на формирование российского образования как непрерывного, системного, отвечающего запросам экономического развития и общественного переустройства России.

¹ Обзор деятельности комиссий и отделов. Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия 1. СПб., 1913. С. 176–177; Обзор деятельности комиссий и отделов. Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия 2. СПб., 1915. С. 224–225.

«ЗАЯВЛЕНИЕ ПЯТИ ЧЛЕНОВ ГОСДУМЫ»: РАБОЧИЙ МОМЕНТ ИЛИ СВИДЕТЕЛЬСТВО НЕЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ ПО УСТРОЙСТВУ БЕЖЕНЦЕВ (СЕНТЯБРЬ 1916 г.)

ЗЛАТИНА МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры русской истории (XIX–XXI вв.)
Института истории и социальных наук
РГПУ имени А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: zlatinamariaal@herzen.spb.ru

Аннотация: В статье исследуется вопрос результативности работы Особого совещания по устройству беженцев в аспекте сближения и налаживания связей между общественными представителями и государственными должностными лицами для совместной деятельности по оказанию помощи жертвам войны. Для этого анализируется заявление пяти депутатов Государственной думы, входивших в состав Особого совещания по устройству беженцев, сделанное на очередном заседании Совещания 1 сентября 1916 года и адресованное министру внутренних дел.

Ключевые слова: беженцы, выселенцы, эвакуация, Особое совещание по устройству беженцев, Государственная дума, Первая мировая война.

К середине лета 1915 года под давлением намечающейся социальной катастрофы, вызванной массовым потоком беженцев вглубь страны, и запросов о финансовой государственной поддержке со стороны многочисленных разобщенных общественных организаций помощи жертвам войны правительство наконец-то осознало, что необходимо создать некий объединяющий орган подобного профиля. Точнее, отсутствовавшее ранее общероссийское учреждение, которое бы решало для государства две важнейшие в сложившихся условиях задачи. Во-первых, именно оно, объединив представителей большей части имевшихся обществ содействия пострадавшим от войны, стало бы своего рода площадкой для координации работы всех подобных учреждений под эгидой государства, что возвращало бы правительству контроль над этой сферой. Во-вторых, являясь платформой для совместной работы представителей государства и общества, оно позволило бы разделить с общественностью ответственность за положение дел в беженском движении.

Такой организацией стало Особое совещание по устройству беженцев, созданное, согласно ст. 8 и 9 «Положения об обеспечении нужд беженцев» от 30 августа 1915 года, как высшее государственное установление «для обсуждения и объединения всех мер по обеспечению нужд

беженцев, а равно для общего наблюдения за целесообразным применением означенных мер»¹. Исходя из вышеназванных задач, с одной стороны, возглавить Особое совещание и определять повестку его работы должен был министр внутренних дел, а в состав войти представители соответствующих государственных ведомств. С другой стороны — членами Особого совещания становились выборные от законодательных органов власти (Государственной думы и Государственного совета), а также от различных благотворительных обществ помощи жертвам войны. Таким образом, и для общественных деятелей (в том числе депутатов Думы) появлялась возможность практически напрямую общаться с представителями главных ведомств страны, поднимая волнующие их вопросы соответствующей тематики.

Однако в отечественной и зарубежной литературе по истории беженского дела и благотворительности либо редко упоминается о роли членов Государственной думы в работе Особого совещания по устройству беженцев: все внимание уделяется решениям, которые принимало Совещание², либо подчеркивается недостаточно эффективное использование думцами данной платформы. Так, например, А.В. Ильин в своей статье отмечает, что «на заседании 1 сентября 1916 г. пять депутатов Думы — единственный раз! — решились заочно изложить свои претензии министру внутренних дел. Но их фронда не возымела последствий»³. При этом перечень претензий к работе Особого совещания по устройству беженцев, расписанный в вышеозначенной статье, в большой степени дублирует пункты обвинений в том самом «Заявлении пяти членов Госдумы».

Остановимся подробнее на том, что это было за заявление, почему оно появилось, какой на самом деле дало результат.

В конце заседания Особого совещания по устройству беженцев от 1 сентября 1916 года член Государственной думы кн. И.С. Васильчиков (от Ковенской губ., земец-октябрист)⁴ сделал заявление от своего имени

¹ Положение об обеспечении нужд беженцев. 30 августа 1915 г. № 1842 // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. Пг., 1915. Отд. 1. С. 2424.

² См., напр.: *Курицев А.Н.* Беженцы Первой мировой войны в России (1914–1917). // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 106; *Суржикова Н.В.* Проблема беженцев в конфликтах и компромиссах властей и общественности России в годы Первой мировой войны (по материалам периодической печати) // Вестник Пермского университета. 2016. № 1 (32). С. 122–133; *Суржикова Н.В., Михалев Н.А., Пьянков С.А.* Российское беженство: центры и периферии, процессы и структуры, индивиды и массы (1914–1922 гг.). Екатеринбург; Челябинск, 2021; *Туманова А.С.* Организационно-правовое обеспечение беженства в годы Первой мировой войны // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2013. № 1 (11). С. 50–59; *Gatrell P.* A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I. Bloomington; Indianapolis, 1999.

³ См.: *Ильин А.В.* Об Особом совещании по устройству беженцев (1915 — февраль 1917 г.) // Известия высшей школы. Серия «Правоведение». СПб., 1991. № 5. С. 53.

⁴ *Николаев А.Б.* Васильчиков Илларион Сергеевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 82.

и от имени еще четырех думцев (Я.Ю. Гольдмана от Курляндской губ., прогрессист¹, Н.М. Фридмана от Ковенской губ., кадет², Я.С. Гарусевича от Ломжинской губ., Польское коло³, И.П. Залита от Риги, прогрессист⁴), входивших в состав Особого совещания⁵. Также он попросил председательствующего на заседании В.П. Энгельгардта представить озвученное обращение в форме записки министру внутренних дел для соответствующего ответа. Вадим Платонович обязался передать запрос по назначению. Претензии, изложенные в заявлении, были следующие⁶. Во-первых, было отмечено, что министр внутренних дел не исполняет возложенные на него функции, прописанные в Положении об обеспечении нужд беженцев — не председательствует на общих заседаниях Особого совещания по устройству беженцев. Со времени издания закона от 30 августа 1915 года из сменившихся четырех управляющих МВД на собрании был только один (кн. Н.Б. Щербатов), и только один раз, на первой встрече. В дальнейшем в роли председательствующего выступали товарищи министра внутренних дел. Как следствие, министр обвинялся в недостаточной осведомленности в делах беженцев в связи со своим отсутствием на заседаниях, поскольку доклады подведомственных ему чинов могли быть неполными случайно или специально.

Во-вторых, было обращено внимание на то, что в последнее время пленарные заседания почти не созывались. Основной массив работы был переброшен на Кредитную комиссию при Особом совещании. В итоге прозвучало обвинение в том, что нередко делались распоряжения, которые вовсе не были предметом обсуждения Особого совещания. В качестве примера была приведена проблема эвакуации беженцев из Петрограда.

В-третьих, было заострено внимание на затягивании рассмотрения смет, поданных организациями помощи жертвам войны для получения государственного ассигнования. Как следствие, обвинение в том, что происходили перебои со снабжением означенных учреждений, страдали беженцы.

В-четвертых, было подчеркнуто, что МВД демонстрирует неспособность ввести в единое русло работу губернских совещаний, губернаторов и местных органов самоуправления в деле помощи жертвам войны. Министерство было обвинено в том, что оно не может повлиять на губернаторов, чтобы они не трактовали принятые указы о беженцах по своему усмотрению.

¹ Николаев А.Б. Гольдман (Гольдманис) Ян (Янис) Юрьевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 136.

² Николаев А.Б. Фридман Нафталъ Маркович // Государственная дума Российской империи: 1906–1907: Энциклопедия. М., 2008. С. 652.

³ Николаев А.Б. Гарусевич Ян Семенович // Государственная дума Российской империи: 1906–1907: Энциклопедия. М., 2008. С. 122.

⁴ Николаев А.Б. Залит (Залтис) Иван (Янис) Петрович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 201.

⁵ РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 3. ЛЛ. 411, 415 об.

⁶ Там же. Л. 415 об.

Наконец, МВД обвинялось в том, что многие проекты, касающиеся беженцев, давно разработанные Особым совещанием, оставались долгое время без движения в кабинетах Совета министров, а о судьбе некоторых из них до сих пор Совещанию неизвестно (например, проект правил об изменении порядка выдачи вознаграждений за реквизированное и уничтоженное по распоряжению военных властей имущество)¹.

Набор обвинений выглядел достаточно серьезным; при поверхностном ознакомлении с ним возникает впечатление, что этим заявлением члены Государственной думы вскрыли нарыв, выявили чуть ли не кризисное положение Особого совещания по устройству беженцев и провал идеи успешного сотрудничества представителей общества и государства, реализуемой в форме совместной работы в составе Особого совещания. Но не все было так страшно, как кажется на первый взгляд.

Стоит разобраться, какая из вышеназванных претензий была для заявителей наиболее важной, став отправной точкой для появления данного запроса членов Государственной думы. Для этого обратимся к журналам заседаний Особого совещания, предшествовавших собранию от 1 сентября 1916 года. Анализируя черновики и напечатанные записи, выясняем, что одна из проблем, зафиксированная в записке думцев под пунктом номер два: обвинение в том, что делаются распоряжения, которые не были предметом обсуждения Особого совещания, с приведенным примером на тему эвакуации беженцев из Петрограда, уже ранее затрагивалась на общих собраниях.

Так, на заседании Особого совещания от 21 июня 1916 года председательствующий В.П. Энгельгардт сообщил о том, что Совет министров принял решение о разгрузке Петрограда от избытка населения, в том числе от беженцев, прибывших в столицу². Причем он подчеркнул, что сведения эти были предоставлены не для обсуждения вопроса, но для принятия к сведению, и чтобы представители общественных национальных организаций были заранее подготовлены. Реакция на данное сообщение последовала от члена Государственного совета А.Б. Нейдгардта, отметившего, что желательнее было бы ознакомиться с суждениями по данному вопросу Совета министров, а также от авторов заявления членов Государственной думы Я.Ю. Гольдмана и Я.С. Гарусевича. Но на том заседании они лишь выразили пожелание получить возможность высказаться по данному вопросу в Особом совещании. На что Энгельгардт ответил, что решение уже принято, надо обдумать, как выполнить³.

Затем, на заседании Особого совещания от 1 августа 1915 года, управляющий делами Особого совещания А.Н. Неверов вновь вернулся к теме выселения беженцев из Петрограда, поясняя, что некоторые организации

¹ См.: Там же. ЛЛ. 410–411.

² См.: Особый журнал Совета министров. 13 мая и 3 июня 1916 г. по вопросу о разгрузке Петрограда от избытка населения // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1916 год. М., 2008. С. 234–240.

³ РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 3. Л. 372 об.

не так поняли происходящее, и что выселению подлежали не все, а только те беженцы, которые получали казенные продовольственные и квартирные пайки. И то насильственно выселять их не планировали, но те, кто останется в столице на 1 сентября 1916 года, будут сняты с пайков. В то же время на эвакуацию таковых правительство должно было выделить деньги и сопровождение до места нового жительства¹. И вот тут-то Я.С. Гарусевич сначала подчеркнул, что Особое совещание находится на стадии исследования вопроса и ждет данные о том, скольких готовы выселить, от беженских комитетов. А затем он попросил председательствующего В.П. Энгельгардта довести до сведения министра внутренних дел, являющегося по закону председателем Особого совещания, что Совет министров поступил неправильно, разрешив этот вопрос самостоятельно, хотя, опять же, по закону должен был сначала его обсудить в общем собрании Особого совещания². В ответ Энгельгардт заявил, что Совет министров поручил министру внутренних дел выяснить у Особого совещания, сколько беженцев без ущерба для дела может быть вывезено из Петрограда. Не более того. И Совещание вообще не вправе подвергать обсуждению деятельность Совета министров, а потому просил больше не касаться этого вопроса³.

Действительно, согласно ст. 14 Положения об обеспечении нужд беженцев, на рассмотрение Особого совещания поступали дела, вносимые председателем, то есть министром внутренних дел или тем, кому он делегировал эти полномочия. Возникшие по почину членов Совещания вопросы восходили на обсуждение Совещания не иначе как по предложению председателя. И раз министр не хотел обсуждать заявленную тему, то вопрос должен был быть закрыт. Однако в Положении от 30 августа 1915 года была еще ст. 9, согласно которой министр внутренних дел как председатель Особого совещания был обязан сообщать Государственному совету и Государственной думе сведения и разъяснения в порядке, предусмотренном статьями 33 и 40 Учреждения Государственной думы⁴, то есть в том случае, если Государственная дума обращалась к министрам с запросами по поводу таких последовавших с их стороны действий, которые представляются незакономерными. Правда, для подачи думского заявления требовалось соблюсти особую процедуру, прописанную в ст. 58–60 Учреждения Государственной думы⁵.

И вот на следующем заседании Особого совещания по устройству беженцев, уже упомянутом нами, от 1 сентября 1916 года, члены Государственной думы, входившие в состав Совещания, подали некое подобие думского запроса (хоть и не отвечающего букве прописанных

¹ Там же. ЛЛ. 382–382 об.

² Там же. ЛЛ. 382 об.–383.

³ Там же. Л. 383.

⁴ Положение об обеспечении нужд беженцев. 30 августа 1915 г. № 1842 // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. Пг., 1915. Отд. 1. С. 2424–2425.

⁵ Учреждение Государственной думы. 20 февраля 1906 г. № 27424 // ПСЗ-3. СПб., 1909. Т. 26. Отд. 1. С. 152, 154.

процедурных правил) о соответствии действий министра внутренних дел и Совета министров Положению об обеспечении нужд беженцев, перечислив в своем заявлении все, что вызывало на тот момент недовольство у общественной части состава Особого совещания, и, в том числе, упомянув ту проблему с выселением беженцев, которая, как можно предположить исходя из последовательности событий, и послужила катализатором, спровоцировавшим появление данного заявления пяти думцев.

Суждение А.В. Ильина, что «их фронда не возымела последствий», в итоге выглядит ошибочным, так как, напротив, уже на следующем заседании Особого совещания, которое состоялось 15 сентября 1916 года (обратим внимание: до этого собирались раз в месяц), первым же пунктом в повестке дня был ответ на заявление думцев. В.П. Энгельгардт сообщил, что записка была доложена министру внутренних дел, и он, в свою очередь, председателствующему разрешил представить переданные объяснения по содержанию записки¹.

Ответы министра, надо отдать должное, были вполне аргументированными, но мы не будем на всех из них подробно останавливаться, кроме одной темы, касающейся правомочности решать вопрос о выселении беженцев из Петрограда в обход Особого совещания по устройству беженцев. Поскольку только данный пункт спровоцировал последующее активное обсуждение, это опять же подтверждает гипотезу, что запрос думцев, прежде всего, был вызван именно этой проблемой.

Председателствующий В.П. Энгельгардт, зачитывая ответ министра, указал, что Совет министров пришел к выводу о необходимости вывоза беженцев, пользующихся казенным пайком, из Петрограда в рамках решения общего вопроса о необходимости разгрузить столицу от избытка населения. И под эту статью попали не только беженцы, но и раненые, и больные воины, и часть войск. Мерой, подталкивающей к выезду, стало бы лишение пайка с 1 сентября 1916 года. Разработка этого средства была возложена на министра внутренних дел, который и довел о том до сведения Особое совещание. Но с тех пор, с 3 июня 1916 года, прошло 3 месяца, и о мерах, принятых в этом отношении, организациям ничего не известно. Поэтому на обсуждение был поставлен вопрос: сообщить Совету министров, что исполнить эту меру невозможно, либо пойти на исполнение предписания и с 1 сентября лишить таких беженцев пайков².

Обмен мнениями в итоге привел к общему заключению Особого совещания, что намеченную Советом министров меру — выселение беженцев из Петрограда — провести в крупном масштабе невозможно, следует ограничиться тем, что в этом отношении уже сделано национальными организациями. Причем Особое совещание просило председателствующего представить это заключение министру внутренних дел для доклада Совету министров³.

¹ РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 3. Л. 443.

² См.: Там же. ЛЛ. 444–448.

³ См.: Там же. ЛЛ. 448–451.

Остальные ответы министра внутренних дел на замечания думцев просто были признаны обстоятельными и приняты к сведению¹.

Таким образом, можно констатировать, что эта «фронда» членов Госдумы все-таки удалась. И обвинение думцев в том, что они в недостаточной степени использовали площадку Особого совещания, не в полной мере истинно, так как изучение материалов заседаний Особого совещания по устройству беженцев и комиссий, при нем образованных, наглядно подтверждает активную роль членов Государственной думы в рассмотрении тех или иных вопросов, касающихся положения жертв войны, и даже более. Просто до этого момента, осени 1916 года, не было необходимости при решении вопросов позиционировать себя именно как членов Думы, а не только общественных деятелей, участвующих в деле оказания помощи пострадавшим от войны. Но накопившиеся к лету 1916 года попытки государства перетянуть одеяло на себя в ряде вопросов по беженскому делу вынудили прибегнуть к подобному способу. И применение этой меры при решении вопроса, который особо остро беспокоил членов Совещания и спровоцировал написание заявления, дало положительный для общественных сил результат. На тот момент вопрос с эвакуацией беженцев из Петрограда был спущен на тормоза. Более того, думцы добились права обсудить эту проблему, вынести свой вердикт и довести его до сведения Совета министров. Была ли эта записка именно свидетельством неэффективности деятельности Особого совещания по устройству беженцев, учитывая перечень обвинений, или нет. Ведь и после Совещание продолжило работать и решать немаловажные задачи. Скорее это было проявление накопившихся противоречий между общественными представителями, продвигавшими свои идеи через Особое совещание с упором на сохранение особой роли общественных сил в беженском деле правительством, довольно успешно пытавшемся перехватить инициативу. Но в итоге этот конфликт был нивелирован, стороны поговорили, поняли позиции друг друга. Это не стало концом Особого совещания как площадки для обсуждений и совместной работы общества и государства. И депутаты Государственной думы сыграли в этом не последнюю роль.

¹ См.: Там же. ЛЛ. 443, 444, 451–461.

ПАРЛАМЕНТ, ПРАВИТЕЛЬСТВО, ОБЩЕСТВО: 1906–1917 гг.

ОБРАЗЫ МАНИФЕСТА 17 ОКТЯБРЯ 1905 г. И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ В РИТОРИКЕ ВЛАСТИ И «ЦЕНЗОВОЙ» ОБЩЕСТВЕННОСТИ МОСКВЫ В ПЕРИОД ДЕКАБРЬСКОГО ВООРУЖЕННОГО ВОССТАНИЯ 1905 г.

АЛМАЗОВ МИХАИЛ ГРИГОРЬЕВИЧ,
кандидат исторических наук ассистент кафедры
истории России XIX века — начала XX века
исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова,
Мытищи, Россия;
e-mail: vnm128@mail.ru

Аннотация: В статье исследуется использование образов Манифеста 17 октября 1905 г. и будущей Государственной думы в риторике московских властей и «цензовой» общественности в период Декабрьского вооруженного восстания. Автор рассматривает ход дискуссий в Московской городской думе (в рассматриваемый период ставшей фактическим центром политической жизни для «цензовых» кругов) и на заседаниях партийных органов, содержание воззваний к населению, выпущенных политическими партиями и московским генерал-губернатором, а также сопоставляет сделанные заявления с практическими шагами их авторов. Для исследования заявленных сюжетов в статье привлекается широкий круг источников (стенографические отчеты о заседаниях городской думы, документация политических партий, материалы делопроизводства, воззвания генерал-губернатора и их черновики, воспоминания современников), часть которых отложилась в РГАВМФ, РГИА и ЦГА Москвы. В результате анализа данных материалов автор приходит к выводу о том, что и власть, и представители московской «цензовой» общественности использовали в своей риторике образы Манифеста и Государственной думы, но интерпретировали их в соответствии с собственной политической позицией.

Ключевые слова: генерал-губернатор, Московская городская дума, Н.И. Гучков, Ф.В. Дубасов, А.С. Шмаков, Н.М. Кишкин, Манифест 17 октября 1905 г., Государственная дума.

Настоящая статья посвящена изучению использования образов Манифеста 17 октября 1905 г. и будущей Государственной думы представителями власти и «цензовой» общественности Москвы в публичных выступлениях и обращениях периода декабрьского восстания 1905 г.

В историографии данная тема специально не рассматривалась, фрагментарно она поднималась лишь в работах, посвященных городскому головному Н.И. Гучкову и позиции Московской городской думы в декабрьские дни¹. Исследование данной темы позволяет получить более широкое представление о позиции ведущих политических сил страны в наиболее сложный период революции 1905–1907 гг. и об используемых ими средствах политической борьбы.

Предметами изучения в статье являются: ход дискуссий в Московской городской думе (в период восстания она стала фактическим центром политической жизни для «цензовых кругов» в силу затруднения коммуникации между районами города из-за выстроенных революционерами баррикадных заграждений, стрельбы на улицах и последовавшего 13 декабря запрещения властью любых общественных собраний, кроме заседаний «правительственных, городских и земских учреждений»²) и на заседаниях партийных органов, содержание воззваний к населению, выпущенных политическими партиями и московским генерал-губернатором, а также сопоставление сделанных заявлений с практическими шагами их авторов.

Основными источниками при работе над статьей послужили материалы делопроизводства (стенографические отчеты о заседаниях Московской городской думы³, протоколы заседаний ЦК конституционно-демократической партии⁴), воззвания московского генерал-губернатора Ф.В. Дубасова⁵ (причем были задействованы черновики данных обращений, отложившиеся в личном фонде вице-адмирала в РГАВМФ)⁶, городской Думы и политических партий цензовой «общественности», делопроизводственная документация канцелярии московского генерал-губернатора⁷, материалы личного происхождения (воспоминания А.А. Татищева⁸, В.Ф. Джунковского⁹, дневники Н.П. Вишнякова¹⁰ и В.Г. Глазова¹¹).

¹ Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в Первой русской революции. М., 1970; Вдовин С.Е. Деятельность партийно-политических групп гласных Московской городской думы: Дисс. ... к. ист. н. М., 2002. С. 181–184; Воробьева Ю.С. Н.И. Гучков — московский городской голова. М., 2009. С. 42–43.

² Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании в Москве // Власть и общество в Первой российской революции 1905–1907 гг. Документальные свидетельства. М., 2017. С. 52.

³ Стенографические отчеты о заседаниях Московской городской думы за 1905 г. Январь — декабрь. М., 1906–1907.

⁴ Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии. М., 1994. Т. 1.

⁵ Революция без ретуши. 17 документов из фондов Центрального исторического архива Москвы. Декабрь 1904 — май 1905 г. // Московский архив. Историко-краеведческий альманах. М., 2000. Вып. 2. С. 446–448.

⁶ РГАВМФ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 448.

⁷ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 261, 523.

⁸ «Объезд сатрапа»: Записки А.А. Татищева о карательной экспедиции Дубасова в Черниговской губернии // Красный архив. 1935. Т. 2–3 (69–70). С. 40–55.

⁹ Джунковский В.Ф. Воспоминания (1905–1915). М., 1997. Т. 1.

¹⁰ ЦГА Москвы. Ф. 1334. Оп. 1. Д. 18.

¹¹ РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 10.

В обстановке, когда в городе шла борьба между войсками и полицией, с одной стороны, и группами революционеров-дружинников — с другой (с применением самых жестких мер — вплоть до расстреливания правительственными силами «толп» и жилых домов из артиллерии), ряд городских районов испытывал перебои со снабжением продовольствием и дровами, а изданные властью обязательные постановления редко доходили до своего адресата — жителя Москвы¹; местная общественность сочла нужным дать оценку сложившейся ситуации и предложить способы ее преодоления. В первую очередь это касалось городской думы, члены которой очень скоро перешли от обсуждения конкретной ситуации к масштабным политическим обобщениям.

Представители либеральных партий в городской думе во время дискуссий на ее заседаниях утверждали о связи московских «беспорядков» с отказом власти от своевременного выполнения положений Манифеста. Однако оценки оптимальных путей выхода из политического кризиса, данные ими, были различны.

Группа думских гласных, которая может быть условно обозначена как «октябристы» (члены или сторонники «Союза 17 октября», Торгово-промышленной партии, Партии правового порядка и Умеренно-прогрессивной партии), в духе основных считала революционное движение, организовавшее вооруженное восстание в Первопрестольной столице, деструктивной силой, которая может поставить под угрозу предстоявшее реформирование существовавшего политического строя, обещанное в Манифесте 17 октября. Так, А.И. Гучков, один из лидеров партии и брат московского городского головы, утверждал, что развитие революционного движения ведет к росту анархии и разорению страны². Поэтому октябристы и их союзники призывали к сотрудничеству с администрацией в деле борьбы с восстанием (во имя чего добились принятия думой воззвания к населению прекратить «кровопролитие»)³. Но, по их мнению, поддержка власти не должна была быть безусловной: лидер данной группировки городской голова Н.И. Гучков, А.И. Геннерт и др. считали оптимальным выходом из сложившейся ситуации реализацию обещаний, провозглашенных в Манифесте 17 октября (особенно — скорейший созыв Государственной думы)⁴. В качестве первоочередной практической задачи эти гласные считали необходимым создание совещательного

¹ Стенографические отчеты. С. 996–1007; Алмазов М.Г. Реализация обязательных постановлений московской власти во время Декабрьского вооруженного восстания 1905 г. // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды. Сборник статей участников V Всероссийской научно-практической школы-конференции молодых ученых (9 ноября 2017 г.). М., 2018. С. 149–156.

² Стенографические отчеты о заседаниях Московской городской думы за 1905 г. Ноябрь — декабрь. М., 1906. С. 1033–1034.

³ Высший подъем революции 1905–1907 гг. Вооруженные восстания. Ноябрь — декабрь 1905 г. Документы и материалы. М., 1955. Ч. 1. С. 687.

⁴ Стенографические отчеты. С. 1007, 1010.

органа при генерал-губернаторе, идея формирования которого была озвучена членом Союза 17 октября графом П.А. Гейденом на земско-городском съезде в ноябре 1905 г.¹ и была доведена делегацией гласных Московской городской думы до сведения председателя Совета министров С.Ю. Витте 15 числа)². В представлении А.И. Гучкова «только через этот Совет» (в который бы вошли представители городского самоуправления) до московского генерал-губернатора «будет доходить... правда»³.

Данные мысли представители «умеренных партий» транслировали московскому населению и в воззваниях уже от собственных организаций, причем в более определенной форме. В совместном обращении вышеозначенных партий заявлялось о двух путях, которыми может пойти русский народ: «низвержение государя императора» (к чему якобы призывают революционеры) или «сохранение единой и нераздельной Руси с главой ее государем и Государственной думою», созыв которой, по мнению составителей, «водворит спокойствие в стране»⁴. Данная риторика на практике вполне сочеталась с действиями гласных «октябристского направления» по поддержке администрации. Наиболее зримыми проявлениями этого стали превращение Н.И. Гучкова в неофициального советника генерал-губернатора Ф.В. Дубасова по социальным и политическим вопросам (так, 17 декабря он добился согласия вице-адмирала на эвакуацию с Пресни — последнего района восстания, «зачищаемого» в тот день прибывшим в Москву Семеновским полком, — женщин и детей⁵) и участие городского головы и гласных-«октябристов» (А.И. Гучкова, А.И. Геннерта, Н.М. Перепелкина) в работе Совета, созданного при главе Москвы⁶.

Меньшинство гласных Думы, принадлежавших к числу кадетской партии, напротив, демонстрировали оппозиционность по отношению к существовавшему порядку в целом и к действиям московской власти — в частности. Хотя оценка ими характера революционного движения несколько различалась (и на собрании думы, и на заседании ЦК своей партии кадеты спорили о широте его социальной базы и самом характере декабрьских событий)⁷, в качестве рецепта они предлагали широкую демократизацию страны на основе положений Манифеста 17 октября. При этом их проекты часто страдали недостатком реалистичности: Н.Н. Щепкин наделял будущую Государственную думу функциями верховного суда⁸, а С.А. Левицкий призывал к скорейшему созыву Учре-

¹ Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М., 2001. С. 440.

² Стенографические отчеты. С. 1007; ЦГА Москвы. Ф. 1334. Оп. 1. Д. 18. Л. 57.

³ Стенографические отчеты. С. 1009.

⁴ Москва в декабре 1905 г. 2-е изд. М., 2018. С. 229–230.

⁵ Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании в Москве. С. 66.

⁶ Высший подъем. С. 689; ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 261. Л. 461.

⁷ Стенографические отчеты. С. 1017, 1027; Протоколы Центрального комитета. С. 45, 483. См. также: Шелохаев В.В. Конституционно-демократическая партия в России и в эмиграции. М., 2015. С. 144–145.

⁸ Стенографические отчеты. С. 1012.

дительного собрания¹. Н.М. Кишкин выдвинул масштабную программу немедленной демократизации московского управления, включая создание Совета при генерал-губернаторе, без участия которого последний не мог бы ничего предпринять (эта мысль отстаивалась кадетами еще на ноябрьском земско-городском съезде 1905 г.), формирование вооруженной милиции из числа обывателей города под контролем Городской думы, учреждение при Городской управе «справочного бюро», куда бы все жители сообщали сведения о происходивших «беспорядках» и т.д.² Подобные широкомасштабные предложения не были новыми для гласных — «кадетов»: один из лидеров этой группировки В.В. Пржевальский еще на майском коалиционном земском съезде 1905 г. выступил с инициативой убедить население отказаться от уплаты податей в случае отказа императора принять адрес с просьбой образовать представительное учреждение³, а мысль об избрании Думы (и даже Учредительного собрания) на основаниях всеобщего избирательного права в качестве рецепта по борьбе с «анархией» рассматривалась многими участниками ноябрьского земско-городского съезда 1905 г.⁴ В условиях же вооруженного восстания данные предложения, вне зависимости от воли их авторов, приобретали чисто политический характер. Таковыми следует признать и другие инициативы гласных — «кадетов», внешне выглядевших вполне конструктивно, но не подготовленных практически (например, предложение П.А. Столповского и В.В. Пржевальского об оказании помощи населению продовольствием)⁵. Учитывая поведение в Совете при Дубасове в видного деятеля кадетской партии — председателя Московской губернской уездной управы Ф.А. Головина, демонстрировавшего боязнь ответственности за действия власти⁶, можно сделать вывод, что эти проекты были одним из средств демонстрации партией оппозиционности и непричастности к мерам по подавлению восстания накануне выборов в Думу.

Представитель правых, наиболее ярко проявивший себя в декабрьские дни, известный юрист и публицист А.С. Шмаков оценивал революционное движение однозначно негативно и выступал за безоговорочную поддержку администрации (что доказал делом, устроив в Хамовниках вооруженную стражу)⁷. Однако во время дискуссий в Думе и ему пришлось учитывать дух времени: 14 декабря он также выразил обеспокоенность угрозой наступления «суровой и беспощадной» реакции в случае невыполнения обещаний, зафиксированных в Манифесте 17 октября⁸.

¹ Там же. С. 1027.

² Там же. С. 1019.

³ Либеральное движение в России. С. 228.

⁴ Там же. С. 442–443, 473–474.

⁵ Стенографические отчеты. С. 1052.

⁶ *Джунковский В.Ф.* Указ. соч. С. 127; РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 10. Лл. 375 об.–376.

⁷ Стенографические отчеты. С. 1022–1023, 1060.

⁸ Там же. С. 1024.

Наконец, местная власть также апеллировала в своей риторике к Манифесту и предстоявшему созыву Государственной думы. По свидетельству А.А. Татищева, родственника московского генерал-губернатора Ф.В. Дубасова, последний, будучи ярким противником «либерализма» и «выборного начала», понимал, что «этот новый порядок завоевал себе известные права гражданства»¹. В итоге в воззвании к населению от 12 декабря Дубасов провозгласил, что целью правительства являлось обновление существовавшего строя на основе положений Манифеста 17 октября, чему, однако, помешало вооруженное восстание. Гарантией восстановления «правового порядка» для генерал-губернатора становилась безусловная поддержка населением действий власти². Нужно отметить, что в первоначальном проекте воззвания пассаж о Манифесте отсутствовал, а понятие «правовой порядок» было внесено на завершающем этапе редактуры³. Учитывая близость приведенных выше положений с риторикой октябристов и тесное сотрудничество Дубасова с Н.И. Гучковым, можно предположить, что данный пассаж появился под влиянием городского головы. Уже в период восстания генерал-губернатор на практике приступил к действиям по подготовке выборов в будущую Думу, разрешив партии октябристов проводить предвыборные собрания⁴.

Таким образом, и представители «цензовой» общественности, и власть апеллировали к Манифесту 17 октября 1905 г. и будущему созыву Государственной думы, однако определяли их значение в зависимости от собственной позиции. Данная риторика, с одной стороны, способствовала установлению взаимодействия между администрацией, правыми и октябристами, с другой — наращиванию кадетами «политического капитала», пригодившегося на выборах в Думу.

¹ «Объезд сатрапа». С. 42.

² Революция без ретуши. С. 444–446.

³ РГАВМФ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 448. ЛЛ. 5–9 об., 11–12.

⁴ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 523. Л. 5, 7, 8.

«СТОЛИЦА ПЕРЕЖИЛА ВЧЕРА ДЕНЬ НЕЗАБЫВАЕМЫХ ВПЕЧАТЛЕНИЙ»: ПЕТЕРБУРГ 27 АПРЕЛЯ 1906 ГОДА В ОСВЕЩЕНИИ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ

ПОРТНЯГИНА НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА,

кандидат исторических наук,
доцент, независимый исследователь,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: nap.spb@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена проблеме освещения российской прессой жизни Санкт-Петербурга в день начала работы I Государственной думы. Автор приходит к выводу, что день открытия Думы оказался праздником лишь для образованной части общества, в то время как рабочие окраины столицы остались равнодушны к этому событию. Праздничные торжества в Петербурге стали очередным поводом для продолжения информационной войны против власти со стороны левой и либеральной прессы. Правительственная и правая пресса ограничилась лишь кратким описанием официальных мероприятий, прошедших в столице 27 апреля. Источниковой базой исследования стали петербургские и провинциальные газеты.

Ключевые слова: 27 апреля, газеты, корреспонденты, Санкт-Петербург, I Государственная дума, Зимний дворец, Таврический дворец.

27 апреля 1906 г. начала свою работу I Государственная дума Российской империи. Это событие широко освещалось в столичной и провинциальной прессе страны. Десятки газетных корреспондентов с раннего утра и до позднего вечера 27 апреля находились на улицах Петербурга, чтобы передать потом в своих статьях настроения различных слоев общества в этот день, их отношение к началу работы парламента, а также рассказать широкой публике о санкционированных и несанкционированных властью мероприятиях, связанных с открытием Думы, которые прошли в этот день в городе. Так, корреспондент «Петербургского листка» М. Федоров писал, что столичные газетчики понимали выпавшую на их долю ответственность, поскольку именно они должны были «описать этот навеки памятный день со всевозможной подробностью»¹. Сотрудники этой газеты накануне открытия Думы собрались, чтобы точно определить «кому — что наблюдать»: кто-то должен был отправиться в Зимний дворец, кто-то — в Государственную думу, кто-то — в храмы и различные общественные места. М. Федоров выбрал для себя улицу. Он вышел из дома в 10 утра и пробыл на улицах столицы до вечера². Именно газетные корреспонденты дали самый информативный срез новостей этого знаменательного дня. О том, что происходило в Петербурге 27 апреля 1906 г., мы знаем

¹ Федоров М. На улице // Петербургский листок. 1906. 28 апреля.

² Там же.

в основном по воспоминаниям современников, написанных позже и зачастую уже не вполне точно передавших события. Так, А. Тыркова-Вильямс, вспоминая день открытия Думы, явно преувеличивала радость, охватившую все слои населения столицы, и значение этого дня для ее жителей¹. Именно статьи газетных корреспондентов позволяют нам более верно оценить события и настроения жителей Петербурга 27 апреля 1906 г. В данной работе мы попробуем показать, как правительственная, левая, правая и либеральная пресса осветили жизнь Санкт-Петербурга в этот день, насколько разнились их описания настроений и поведения столичной публики, действий власти в зависимости от политического направления их изданий. Источниковой базой для нашего исследования стала как петербургская, так и провинциальная пресса.

Внешнюю жизнь города 27 апреля 1906 г. газеты описывали примерно одинаково. В этот день стояла нетипичная для Петербурга жара, температура была выше нормы по всей России², было солнечно, а в саду перед Думой распустились липы и цветы³. Власти решили заранее город не украшать, а от иллюминации вообще отказаться; еще 26 апреля нигде не было флагов⁴. Декорировать город начали с утра 27 апреля: приколачивали флаги⁵, на Невском и Литейном проспектах, Большой Морской улице на балконах домов выставили бюсты государя и государыни, устраивали транспаранты с изображением Государственной думы⁶. К 10 часам город принял праздничный облик.

Практически все газеты отмечали, что рабочие районы остались без «добровольных украшений», улицы имели будничные вид, на заводах рабочие по приказу полиции вывешивали флаги лишь у ворот. На Петергофском шоссе, например, флагами были украшены не более 10 домов⁷. На улицах города продавали национальные флажки, открытки с портретами членов Государственной думы; публика охотно покупала изображения крестьян-депутатов⁸. Еще утром 27 апреля продолжалась подготовка Таврического дворца к принятию депутатов: рабочие окапывали клумбы, дорожки, подкрашивали решетки, вывозили лишнее из сада⁹.

В 10 утра начались торжественные богослужения в соборах. В 12 часов из домика Петра I в Зимний дворец к началу торжественного молебствования, которым открылись официальные мероприятия, перевезли чудотворную икону Спаса Нерукотворного¹⁰. Николай II с семьей прибыл

¹ Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. М., 2007. С. 245–246.

² Санкт-Петербургские ведомости. 1906. 27 апреля.

³ Торгово-промышленная газета. 1906. 29 апреля.

⁴ Биржевые ведомости. 1906. 27 апреля (утр. вып.).

⁵ Биржевые ведомости. 1906. 27 апреля (веч. вып.).

⁶ Новый путь. 1906. 30 апреля.

⁷ Биржевые ведомости. 1906. 27 апреля (веч. вып.); Торгово-промышленная газета. 1906. 29 апреля; Двадцатый век. 1906. 28 апреля.

⁸ Биржевые ведомости. 1906. 27 апреля (веч. вып.).

⁹ Наша жизнь. 1906. 28 апреля.

¹⁰ Биржевые ведомости. 1906. 27 апреля (веч. вып.); Русские ведомости. 1906. 28 апреля.

в столицу из Петергофа, вначале он посетил Петропавловскую крепость, а в 10.20 был уже у схода против Иорданского подъезда Зимнего дворца¹. Депутаты также приходили и приезжали к Иорданскому подъезду, а чины всех министерств, дипкорпус, представители иностранных посольств подъезжали к главному подъезду с Дворцовой площади. У входа в Иорданский подъезд знаменитые фотографы Петербурга К. Булла и П.А. Оцуп перехватывали членов Государственной думы, уводили на набережную и снимали группами в 5–6 человек². В 3-м часу дня, после приема в Зимнем, члены Государственной думы сели на пароходы Финляндского общества и поплыли к Таврическому дворцу, а в 15.15 дворец покинули царь и члены императорской фамилии³.

«Биржевые ведомости» писали, что решение перевозить депутатов пароходами «Финляндского легкого пароходства» было принято потому, что Шпалерная улица почти на всем своем протяжении была изрыта ухабами, что затрудняло проезд. Однако у пароходства не оказалось пристани близ Таврического дворца, ее взялся устроить конкурент Финляндского пароходства купец А.Я. Щитов, который выразил, однако, желание за свою любезность «видеть членов Думы и на своих пароходах»⁴. Именно к пристани, выстроенной А.Я. Щитовым, и причалили пароходы с депутатами, от нее через узкий переулок они прошли к Таврическому дворцу. Некоторые депутаты прибыли во дворец в экипажах⁵.

Все газеты уделили много внимания беспрецедентным мерам безопасности, которые приняла власть, опасаясь беспорядков. Были разведены Дворцовый и Николаевский мосты, все пароходы и ялики стояли у пристаней. С 7 часов утра началось распределение войск и полиции, были оцеплены район Дворцовой площади, Дворцовая и Английская набережные. После 8 утра к зданию Зимнего дворца позволялось пройти только пешком, на извозчике можно было доехать до определенных мест. На улицах и переулках, ведущих к Зимнему дворцу, были расставлены рогатки, иногда в два и три ряда. Рогатками была загорожена и Исаакиевская площадь⁶. Через рогатки можно было пройти только лицам, имеющим особые пропускные билеты от градоначальника: белый билет давался пешеходам, а зеленый — пассажирам экипажей. Если обладатель белого билета ехал в экипаже, то полицейские при проверке ссаживали его и заставляли идти пешком⁷. Некоторые депутаты от трудовой группы решили идти в Зимний дворец пешком и едва успели прийти туда вовремя⁸. Все-

¹ Торгово-промышленная газета. 1906. 28 апреля; И.Р. На улицах // Речь. 1906. 28 апреля.

² *Зритель*. Из впечатлений дня // Наша жизнь. 1906. 28 апреля.

³ Слово. 1906. 28 апреля.

⁴ Биржевые ведомости. 1906. 27 апреля (веч. вып.).

⁵ *Зритель*. Из впечатлений дня // Наша жизнь. 1906. 28 апреля.

⁶ Биржевые ведомости. 1906. 27 апреля (веч. вып.); И.Р. На улицах // Речь. 1906. 28 апреля; *Полтавец*. Письма из Петербурга II // Полтавщина. 1906. 3 мая.

⁷ Торгово-промышленная газета. 1906. 29 апреля; Слово. 1906. 28 апреля.

⁸ *Жилкин И.* Первый день // Наша жизнь. 1906. 28 апреля.

го, по сообщению газет, в районе Зимнего дворца были размещены 2 батальона и 20 эскадронов разного рода войск¹. Войска и полиция находились также у Таврического дворца², во дворах домов и магазинов на Невском проспекте, на Васильевском острове³, много войск разместили в рабочих районах⁴. Войска старались прятать во дворах домов, где это было возможно, чтобы не раздражать публику. В больнице св. Магдалины на Васильевском острове, а также в клиническом институте в.к. Елены Павловны на Кировной улице шли приготовления на случай поступления раненых с улиц⁵.

Однако вопреки ожиданиям властей никаких беспорядков в этот день в городе не было. В основном войска и полиция ограничивались опросом подозрительных граждан. Так, корреспондент «Слова» зашел в ворота одного из домов в районе улиц Мошкова и Миллионной: он хотел записать свои впечатления. Во дворе оказался отряд конной полиции, полицейские допросили журналиста и тут же отпустили его⁶.

Основные события проходили в Зимнем дворце, где Николай II принимал депутатов парламента, и в Таврическом, где состоялось первое заседание Государственной думы, сюда и стремились попасть петербуржцы. Большое оживление царило на улицах, соседних с Зимним дворцом⁷. Однако больше всего публики оказалось на Университетской набережной близ Дворцового моста и у Биржи, поскольку оттуда можно было увидеть, что происходит у дворца, коль скоро к самому Зимнему было не попасть. Народ облепил даже ростральные колонны, устроившись на коленях статуй. В основном это была интеллигенция, часть которой приехала из провинции, рабочих было мало⁸. Набережная перед дворцом тоже не пустовала, но там находилась специально отобранная публика в очень незначительном количестве, в основном это были представители правых партий⁹.

Во второй половине дня множество людей стянулось к Таврическому дворцу, некоторые залезли на забор дворца, другие стояли на окнах соседних домов, на крышах, кто-то смог прорваться во двор Думы, возле дворца стоял «могучий гул». Либеральные газеты акцентировали внимание на том, что за порядком вокруг Таврического с согласия полиции следила сама публика¹⁰.

¹ Слово. 1906. 28 апреля.

² Голос. 1906. 28 апреля.

³ Биржевые ведомости. 1906. 27 апреля (веч. вып.); *И.Р. На улицах // Речь*. 1906. 28 апреля; *Полтавец*. Письма из Петербурга II // *Полтавщина*. 1906. 3 мая.

⁴ Голос. 1906. 28 апреля.

⁵ Биржевые ведомости. 1906. 27 апреля (веч. вып.); Дума. 1906. 27 апреля.

⁶ Слово. 1906. 28 апреля.

⁷ Биржевые ведомости. 1906. 27 апреля (веч. вып.).

⁸ Биржевые ведомости. 1906. 27 апреля. Экстренное прибавление к вечернему выпуску; Слово. 1906. 28 апреля; Торгово-промышленная газета. 1906. 29 апреля.

⁹ Слово. 1906. 28 апреля; *Жилкин И.* Первый день // *Наша жизнь*. 1906. 28 апреля; *Жилкин И.* Первый день // *Товарищ*. 1906. 28 апреля; Страна. 1906. 28 апреля.

¹⁰ *И.Р. На улицах // Речь*. 1906. 28 апреля; Голос. 1906. 28 апреля; *Наша жизнь*. 1906. 28 апреля.

Однако интерес к открытию Думы проявила лишь образованная часть населения столицы, рабочие в целом остались равнодушны к этому событию. Рабочие кварталы выглядели в этот день буднично и резко контрастировали с центральными районами города. Несмотря на то что 27 апреля был объявлен праздничным днем, а администрация некоторых заводов собиралась даже выплатить рабочим вознаграждение за этот день, трудящиеся под влиянием левых партий решили 27 апреля работать как в будний день. На некоторых заводах работали, правда, не до 18, а до 14 часов.

Несмотря на запрет в Петербурге все же состоялось два митинга. Один стихийно возник у кадетского клуба после окончания заседания в Государственной думе¹. Второй был организован левыми партиями столицы. Они собрали рабочих на одном из огородов по Косой линии Васильевского острова. Позже рабочие с революционными песнями пошли к Большому проспекту. Красных флагов никто не нес, однако впереди шел рабочий в красном. Казаки стянули сюда силы, но, увидев, что толпа мирно идет к Галерной гавани, ничего не предприняли².

Торговля в городе в этот день шла своим чередом, и «во многих частях города магазины, закрывшиеся с утра, вскоре начали торговать»³.

Если внешняя сторона жизни Петербурга в день 27 апреля освещалась всеми изданиями примерно одинаково, их оценочные суждения весьма различались. Правительственные газеты скупно освещали события дня, не давая им оценок. Они сосредоточили все свое внимание на речи царя перед депутатами, подробно описали церемониал во дворце, проезд депутатов к Думе и ее открытие⁴. Лишь «Торгово-Промышленная газета» посвятила этому дню несколько страниц, довольно подробно осветив события 27 апреля, назвав этот день «днем политического возрождения страны», сблизившего Россию с европейским западом, подобно деятельности Петра I, который вступил на престол именно в этот день 224 года назад. Газетчики хвалили власть за «праздничный вид» столицы⁵, толпа на улице виделась им исключительно «восторженной»⁶.

Умеренно-консервативные газеты, такие, например, как «Санкт-Петербургские ведомости» под редакцией князя Э.Э. Ухтомского, который в начале работы Думы надеялся на сплочение общества⁷, «Россия», «Русская земля», не замечали большого количества войск на улицах

¹ И.Р. На улицах // Речь. 1906. 28 апреля; *Полтавец*. Письма из Петербурга II // Полтавщина. 1906. 3 мая.

² Биржевые ведомости. 1906. Экстренное прибавление к вечернему выпуску. 27 апреля; Речь, 1906. 28 апреля; Торгово-промышленная газета. 1906. 29 апреля; Русские ведомости. 1906. 28 апреля.

³ Русские ведомости. 1906. 28 апреля.

⁴ Правительственный вестник. 1906. 28 апреля; Русское государство. 1906. 28 апреля.

⁵ Торгово-промышленная газета. 1906. 28 апреля.

⁶ Торгово-промышленная газета. 1906. 29 апреля.

⁷ *Суворов В.В.* Политические убеждения Э.Э. Ухтомского // Известия Саратовского университета. 2011. Т. 11. Серия История. Международные отношения. Вып. 2. Ч. 2. С. 33.

города, отмечая, что войска — это лишь элемент праздничного церемониала. Они слово в слово вторили друг другу: «Во дворец шли с музыкой карауль»¹. «Санкт-Петербургские ведомости» и «Русская земля» возлагали на Думу большие надежды, поэтому писали об ее открытии как о «великом событии»².

Для крайне правых газет этот день не стал, разумеется, особенным. Публикаций о событиях, связанных с открытием Думы, на страницах этих изданий практически нет, они лишь коротко осветили прием депутатов царем в Зимнем дворце³. Исключением стали «Московские ведомости», давшие более подробный отчет о дне, в который «на Руси появилось совершенно чуждое ей учреждение»⁴.

Корреспонденты левых газет народнической ориентации резко критиковали власть за обилие войск в городе в этот день⁵. Одна из популярных газет этого направления «Полтавщина», принадлежащая кружку, близкому В.Г. Короленко⁶, 3 мая опубликовала статью писателя, который 27 апреля провел в Петербурге, объехав разные части города. В.Г. Короленко писал, что множество войск в городе лишь питает тревожные слухи и настроения горожан. Город с утра казался ему мрачным, на его перекрестках собирались небольшие кучки людей и сразу же расходились, поскольку боялись «выстрелов без предупреждения». Статья пронизана ощущением тревоги за будущее страны и Думы⁷. Однако в том же номере «Полтавщины» были опубликованы статьи депутата А.Е. Тесли и Г. Старицкого, которые видели в городе с раннего утра лишь «оживление и далеко необыкновенные настроения»⁸, «подъем духа», праздничные улицы с толпами народа, «радостное возбуждение, полное надежд и уверенности в победе»⁹.

Для социал-демократов, как и для правых, открытие Думы не стало праздником. Их корреспонденты отметили, что героем торжеств 27 апреля стал вовсе «не народ», которого и «не было на этой пышной демонстрации оружия всякого рода»¹⁰: они не увидели на улице ни «праздничного оживления», ни «радостных лиц»¹¹. Газеты основное внимание уделили проявлению хотя бы малейшего сопротивления населения власти, усмотрев в этом рост революционных настроений¹².

¹ Санкт-Петербургские ведомости. 1906. 27 апреля; Россия. 1906. 28 апреля.

² Санкт-Петербургские ведомости. 1906. 27 апреля; Русская земля. 1906. 28 апреля.

³ Русское знамя. 1906. 29 апреля; Русский народ. 1906. 30 апреля; Киевлянин. 1906. 28 апреля.

⁴ Русские ведомости. 1906. 28 апреля.

⁵ Зритель. Из впечатлений дня // Наша жизнь. 1906. 28 апреля.

⁶ Короленко С.В. Книга об отце. Ижевск, 1968. С. 161.

⁷ Полтавец. Письма из Петербурга II // Полтавщина. 1906. 3 мая.

⁸ Тесля А. Вести из Петербурга (письмо дорогим землякам Полтавщины) // Полтавщина. 1906. 3 мая.

⁹ Старицкий Г. Исторический день // Полтавщина. 1906. 3 мая.

¹⁰ Деснянец А. Маленький фельетон. 27 апреля // Волна. 1906. 28 апреля.

¹¹ Волна. 1906. 29 апреля.

¹² Каменев Ю. 17 октября — 27 апреля // Волна. 1906. 27 апреля; Волна. 1906. 28 апреля.

Наиболее подробное описание этого «великого исторического дня»¹ дали либеральные газеты. День открытия Думы они называли «третьим крещением Руси», сравнивая это событие по значимости с принятием христианства и отменой крепостного права². Газетчики полагали, что этот «день незабываемых впечатлений»³ ознаменовал начало новой «эры демократического равенства и политической свободы»⁴, когда люди утром вышли из дома обывателями, а вернулись назад гражданами⁵. Однако и либеральным газетам было свойственно двойственное описание настроений горожан, иногда также в одном номере. Например, праволиберальное «Слово» на первой странице сообщало об отсутствии праздничного настроения в городе 27 апреля⁶, а на третьей и пятой — писало о праздничной толпе, стремящейся запечатлеть в памяти красивое зрелище, о том, что набережная напротив Зимнего дворца усыпана народом, а «настроение у публики пасхальное»⁷.

Подобные заметки были и у левых либералов. На одной странице они могли написать о пустынных улицах, поскольку обыватель «чужал что-то недоброе, порохом пахло в воздухе»⁸, а на другой странице отметить «приподнятое настроение» населения Петербурга, вышедшего на улицу 27 апреля, близкое к настроениям 17 октября 1905 г.⁹. «Гнетущие настроения»¹⁰ жителей леволиберальная пресса связывала с действиями власти, которая живой пульс истории «взяла под усиленную и чрезвычайную охрану»¹¹, разместив в городе невероятное количество войск, не даровав ожидаемой амнистии¹².

Леволиберальная пресса противопоставляла два центра власти в Петербурге. У старой власти, находящейся в Зимнем дворце, и новой, поселившейся в Таврическом, 27 апреля оказалась «своя» публика. Немногочисленная публика, состоящая из дам, военных, детей, учащихся, собравшаяся напротив Зимнего дворца, вела себя сдержанно, мало говорила о Думе, в основном «жаловалась на жару», но возле Таврического собрались совершенно другие люди, там «шпалерами стояла густая беспокойная толпа с преобладанием рабочего и студенческого элемента»¹³,

¹ Биржевые ведомости. 1906. 27 апреля (утр. вып.); Речь. 1906. 27 апреля; Дума. 1906. 27 апреля.

² Биржевые ведомости. 1906. 27 апреля (утр. вып.).

³ Речь. 1906. 27 апреля; Реформа. 1906. 28 апреля.

⁴ Речь. 1906. 27 апреля.

⁵ Азов Вл. Маленький фельетон. На улице // Речь. 1906. 28 апреля; Азов Вл. Маленький фельетон. На улице // Реформа. 1906. 28 апреля.

⁶ Бельский С. Неудавшийся праздник // Слово. 1906. 28 апреля.

⁷ Симбирский. Первый день // Слово. 1906. 28 апреля; День открытия Государственной думы // Слово. 1906. 28 апреля.

⁸ Речь. 1906. 28 апреля.

⁹ Азов Вл. Маленький фельетон. На улице // Речь. 1906. 28 апреля.

¹⁰ С. А-чь. Первый день Думы. Вчера и сегодня // Двадцатый век. 1906. 28 апреля.

¹¹ Азов Вл. Маленький фельетон. На улице // Речь. 1906. 28 апреля.

¹² Орловец П. Первый день Думы // Двадцатый век. 1906. 28 апреля.

¹³ Петербургский листок. 1906. 28 апреля.

у нее не было «ни апатии, ни скуки», она обсуждала важные политические проблемы¹.

Либеральные корреспонденты с пренебрежением писали о символах государственности Империи. «Речь» упомянула о продаже на улицах «каких-то флажков национальных цветов»², «Голос» отметил безрезультатность призывов мальчишек-газетчиков купить национальные флаги в память об этом дне³, «Биржевые ведомости» заметили, что в отличие от портретов крестьянских депутатов национальные флажки покупались редко, а те, кто их покупал, вызывали насмешки прохожих. Некогого господина, купившего национальный флажок, прохожие со смехом называли «юродивым», «в ожесточении он разорвал флажок и под смех окружающих продолжил путь дальше»⁴. Лишь «Дума», редактором которой был П.Б. Струве, написала, что флажки раскупались в большом количестве⁵.

Общим местом леволиберальной печати была жесткая критика власти. Прежде всего, за ее военные приготовления, более предназначенные, с ее точки зрения, для «отражения вражеского нашествия, чем для ознаменования великого торжества первого дня народного представительства»⁶. Власть критиковалась и за «убогое убранство» города по сравнению с коронацией. Либеральные газеты полагали, что прилично украшены лишь Английская и Дворцовая набережные, куда не было доступа широкой публике, а на многих знаковых домах, даже таких, например, как дом К.П. Победоносцева, вместо «русских национальных флагов вывешены грязные рваные тряпки»⁷.

Таким образом, анализ прессы показал, что день открытия Думы был праздником лишь для образованной части общества, в то время как рабочие окраины столицы остались равнодушны к этому событию. Праздничные торжества в Петербурге лучше всего осветила либеральная пресса, вместе с тем они стали очередным поводом для продолжения информационной войны против власти с ее стороны, а также со стороны левой печати. Правительственная и правая пресса ограничилась лишь кратким описанием официальных мероприятий, прошедших в столице 27 апреля. Все это показывало крайнее размежевание общества в начале работы I Государственной думы.

¹ Страна. 1906. 28 апреля.

² Азов Вл. Маленький фельетон. На улице // Речь. 1906. 28 апреля.

³ Голос. 1906. 28 апреля.

⁴ Биржевые ведомости. 1906. 27 апреля (веч. вып.).

⁵ Дума. 1906. 27 апреля.

⁶ Речь. 1906. 27 апреля; С. А-чъ. Первый день Думы // Двадцатый век. 1906. 28 апреля; Русские ведомости. 1906. 28 апреля.

⁷ Биржевые ведомости. 1906. 27 апреля (веч. вып.); Двадцатый век. 1906. 28 апреля; Страна. 1906. 28 апреля.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДОБРОВОЛЬНЫХ АССОЦИАЦИЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ СОЗЫВА ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ¹

ТУМАНОВА АНАСТАСИЯ СЕРГЕЕВНА,
доктор исторических и юридических наук, профессор,
профессор факультета права
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия;
e-mail: anastasija13@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается проблема воздействия созыва представительных учреждений на трансформацию публичного пространства дореволюционной России. Фокусом исследования являются добровольные организации неополитического плана и модификация их деятельности ввиду созыва представительных учреждений. Будет показано, как в преддверии и в начальный период функционирования нового политического института, во время созыва первых двух Государственных дум, видоизменялась «повестка дня» добровольных ассоциаций, и устанавливались формы их взаимодействия с представительной властью.

Ключевые слова: представительная власть, общественные организации, публичное пространство позднеимперской России.

В начале XX в. в Российской империи активно формировалась публичная сфера. Представительные учреждения были важным ее элементом. Однако не менее значимой частью публичной сферы являлись добровольные ассоциации неополитического плана, достигавшие в ходе своей деятельности многообразные общеполезные цели просвещения и оздоровления населения, благотворительной помощи и др.

Фокусом исследования станут добровольные общества и модификация их деятельности ввиду созыва представительных учреждений. Будет показано, как лидеры добровольных обществ видели свою миссию в условиях появления представительного органа, и как они мыслили возможное взаимодействие с Думой. Речь пойдет преимущественно о начальном этапе функционирования нового политического института, т.е. о периоде первых двух Дум.

Большое число ассоциаций ответило на грядущий созыв Государственной думы созданием новой общественно-политической повестки. Между тем повестка эта начала вырабатываться не в апреле 1906 г.,

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2022 г.

когда появилась Дума, а заметно раньше, еще в канун Первой русской революции.

В 1904–1905 гг. неполитические общества переживали период увлечения конституционной идеей и ее заявления в различных формах. Многие видные ассоциации — научные, просветительские и др. — участвовали в этот период в движении за установление конституционного строя и демократических свобод. Неполитические по своим уставным задачам общества сыграли заметную роль в подготовке общественного мнения к конституционным реформам, важнейшими из которых были созыв представительного органа власти и разработка избирательного закона.

Курс в поддержку конституционных реформ был взят легальными организациями после прошедших в Петербурге 6–9 ноября 1904 г. совещаний земских деятелей. Солидарность с резолюциями земских деятелей высказало Московское общество сельского хозяйства (далее — МОСХ). В заявлении членов этого Общества указывалось, что беспрепятственное проявление общественной инициативы и самодеятельности является прочным залогом успешной работы в области сельскохозяйственной промышленности. Заявление завершалось призывом, чтобы свободное развитие общественной самодеятельности стало правом, освященным законом¹. Педагогические общества выступили с критикой действий бюрократии по отношению к средней школе и призвали общественность к участию в демократизации школьного режима². Требования конституции и гражданских свобод прозвучали осенью 1904 г. на заседаниях юридических обществ (Харьковского, Одесского и Курского), а также ряда обществ литературы и искусства, учительских обществ взаимопомощи.

С началом революции лидеры крупных либеральных обществ перешли от слов к действиям, к открытым политическим акциям. Центром легальной оппозиции правящей власти становится в 1905 г. Вольное экономическое общество (ВЭО). В ту пору президентом ВЭО являлся видный общественный деятель граф П.А. Гейден, а членами правления были земские деятели Ф.И. Родичев, П. Д. Долгоруков и Д.И. Шаховской. В ответ на расстрел безоружной рабочей демонстрации в Петербурге 9 января ВЭО устроили совместное с МОСХ заседание, где подвергли порицанию действия правительства. МОСХ издало постановление тиражом 15 тыс. экземпляров, где признало действия правительства преступным произволом и призвало к немедленному созыву Учредительного собрания³.

Вечером 9 января 1905 г. в помещении ВЭО состоялось многолюдное, собравшее восемьсот человек, заседание по поводу мирного шествия народных масс с петицией и их расстрела. Собравшиеся там писатели, адвокаты, врачи, инженеры, студенты подвергли резкой критике действия правительства и призвали к организации самообороны. Здесь же было положено начало созданию Союза союзов и было создано ядро

¹ ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1904. Д. 1250. Т. 2. ЛЛ. 33–35.

² Там же. ЛЛ. 1–5

³ Там же. 1906. Д. 194. Ч. 2. Л. 268 об.; Ф. 102. 4 дел-во. 1908. Д. 102. ЛЛ. 8 об., 26

организации. Большинство членов примкнуло к возникшим тогда профессиональным союзам инженеров и техников, писателей, присяжных поверенных и др. В помещении ВЭО устраивались собрания Совета рабочих депутатов¹.

В 1905 г. на заседаниях ВЭО обсуждались доклады о постигшем многие губернии России неурожае и необходимости широкого общественного участия в борьбе с надвигающимся бедствием. Здесь анализировался характер аграрного движения в разных регионах страны. По словам общественников, Россия нуждалась в широких политических реформах: без них нельзя было уберечься от систематических периодических голодовок. Следовало гарантировать права человека и гражданина, улучшить государственный строй. ВЭО активно участвовало в организации продовольственной помощи голодающим, командировало уполномоченных в неурожайные губернии для устройства народных столовых².

С момента издания указа 18 февраля 1905 г., разрешавшего петиции, деятели юридических обществ активно включились в кампанию по созданию политико-правовой повестки дня. «Власть желает опереться на народ, — писал юридический еженедельник „Право“, — следовательно, все внимание надо сосредоточить на правильной организации представительства»³. Свою задачу они видели, прежде всего, в том, чтобы предложить способы избрания населения в представительный орган власти.

Юридические общества Петербурга, Казани, Харькова и других городов вплотную занялись обсуждением вопросов организации народного представительства. Структуре представительного органа власти были посвящены доклады члена Петербургского общества В.Д. Кузьмина-Караваева и лидера Казанского общества И.А. Ивановского. Караваев — депутат первой и второй Государственных дум от Тверской губернии, сделал яркое выступление против смертной казни. Ивановский предлагал избирать депутатов по четырем куриям: рабочих, земледельческого класса (от крупных земельных собственников до общинников), торгово-промышленной группы и лиц «свободных профессий» (артисты, художники и др.). Критериями при этом должны были служить размеры поземельной ренты, капитала и заработной платы. Планировалось, что каждая группа избирателей будет располагать равным числом голосов, за исключением второй группы, получающей ввиду ее большой численности двойное превосходство. В прениях звучали предложения юристов-общественников о введении в России всеобщего избирательного права и свобод слова, печати, союзов и собраний⁴.

Лидеры юридических обществ С.А. Муромцев, В.А. Маклаков, И.В. и В.М. Гессены, А.А. Кизеветтер были, как известно, избраны в Думу

¹ Там же. Ф. 102. ОО. 1906. Д. 194. Ч. 2. Л. 268 об.

² Из истории Императорского Вольного экономического общества. Копии документов. 1894–1906 гг. СПб., 1906. С. 204, 206.

³ Право. 1905. № 7. Стб. 175.

⁴ *Миридонова В.С.* Юридические общества в России (1865–1917 гг.): Дисс. ... к. ист. н. Нижний Новгород, 2002. С. 199–200.

(исключая Муромцева, спикера I Думы, все они были депутатами Думы второго созыва в 1907 г.), принадлежали к думской фракции партии народной свободы и играли видную роль в думских комиссиях и заседаниях. В самих обществах активно обсуждались положения программы кадетской партии. Так, в заседании Ярославского юридического общества дискутировались программные положения кадетов по вопросу об отношении к церкви, и был зачитан указ об укреплении начал веротерпимости 17 апреля 1905 г.

Представительный орган власти, его созыв и активная работа предполагали определенный уровень правовой культуры российского общества. Ввиду подготовки конституционной реформы и созыва Государственной думы в различных группах населения России появляется запрос на профессиональное юридическое знание. Удовлетворялся он не только юридическими обществами. При Учебном отделе Московского общества распространения технических знаний в сентябре 1905 г. была создана Комиссия по законоведению, призванная служить популяризации среди населения правовых понятий, в отношении которых страна, как отмечалось, «находилась в крайней бедности». Законоведческая комиссия Русского технического общества (РТО) была ориентирована преимущественно на крестьян как на категорию населения, ощущавшую нехватку юридических знаний наиболее остро¹.

Нередкими были обращения лидеров добровольных обществ к Думе с предложениями реформ. Так, Общество российских писателей обратилось в апреле 1906 г. к только что созванной I Думе с петицией об организации народовластия и всеобщего избирательного права.

С появлением представительного органа власти и избранием туда многих лидеров добровольных обществ у них появилась легальная трибуна для работы: политической, экспертно-аналитической и пр. Лидеры добровольных обществ вообразили себя экспертами-аналитиками, способными формировать повестку дня для думских дискуссий. Так, РТО в 1906 г. поставило перед собой целью «стать компетентным техническим экспертом для членов Государственной думы» и «получить значение высшего технически-хозяйственного арбитра для всей страны». В январе 1907 г. в рамках РТО возник отдел содействия труду, призванный осуществлять аналитическую работу в сфере организации труда. Он занялся изучением экономических и правовых условий жизни отдельных групп рабочих, и его возглавили экономист С.Н. Прокопович и горный инженер народный социалист Л.И. Лутугин. Активисты Московского отделения РТО инициировали в 1907 г. исследование по вопросу введения восьмичасового рабочего дня².

Лидеры съездов русских врачей памяти Н.И. Пирогова также стремились быть полезными Думе. В конце апреля 1907 г., когда депутаты

¹ См. подробн.: Туманова А.С. Общественные организации в России: правовое положение, 1860–1930-е гг. М., 2019. С. 262.

² Комиссия по законоведению // Биржевые ведомости. 1905. 18 сентября.

II Думы после пасхальных праздников возвращались к своей работе, в Москве проходил очередной съезд русских врачей. Его повестка дня была необычной. Наряду с традиционными докладами на медицинские темы перед участниками съезда была поставлена задача — готовить реформу врачебно-санитарного дела ввиду предстоящего перехода России к конституционному строю.

Докладчики отмечали, что русское общество охватил «новый цикл идей». Доминирующее значение получили вопросы политические, правовые и социальные. Идеи конституционализма и избирательного права сделались достоянием широких кругов, до деревни включительно, где в избах вместо святцев и псалтири стали храниться брошюры об учении Маркса, а также воззвания Крестьянского союза. В крестьянском словаре появились словосочетания: «политическая партия», «аграрный вопрос», «принудительное отчуждение земли», социализация и муниципализация земли. Докладчик врач Н.А. Кабанов, делая сообщение о мерах борьбы с вырождением и вымиранием населения, предложил съезду составить комиссию для разработки в общих чертах проектов коренных реформ: фабричной, аграрной, народного образования, местного самоуправления. Проекты эти надлежало, по его словам, своевременно передать в «русский парламент в качестве материалов для парламентских законопроектов». По этому вопросу развернулась дискуссия. Ряд пироговцев высказались, что доклад Кабанова носит митинговый характер, и на предшествовавшем холерном съезде врачей в мае 1905 г. близкие вопросы уже рассматривались. Но присутствовавший на съезде член Думы Н.И. Долгополов¹ поддержал докладчика, признал его доклад серьезным и содержащим ценный материал для Думы. «Положения докладчика, — говорил Долгополов, — подтверждаются массой научных доказательств и совпадают с мнениями, высказанными в Государственной Думе»².

Заведующий Самарским санитарным бюро доктор М.М. Гран сделал на медицинском съезде 1907 г. сообщение о положении дела помощи голодающим в Самарской губернии. Докладчик представил яркую картину продовольственной кампании в губернии и деятельности различных ее акторов-участников: МВД, местной администрации, Красного Креста, комитета общественной помощи голодающим. Гран пришел к выводу, что голод исчезнет лишь с устранением условий, которые его порождают и коренятся в общественно-политическом и народно-хозяйственном строе России. Борьба с голодом могла быть продуктивной, по его мнению, только при участии в ней населения в лице продовольственных

¹ Долгополов Н.И. — депутат II Государственной думы от Нижнего Новгорода с февраля 1907 г. Состоял в думских комиссиях: продовольственной и аграрной и комиссии о неприкосновенности личности. Избран секретарем распорядительной комиссии Думы. Участвовал в обсуждении вопросов оказания продовольственной помощи населению (Селезнев Ф.А. Долгополов Нифонт Иванович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 169).

² X Пироговский съезд // Русские ведомости. 1907. 27 апреля.

организаций центра и периферии. Миссию Государственной думы Гран видел в том, чтобы положить эту точку зрения в основу разрешения продовольственного вопроса, а «долг и повинность съезда» представлялись ему в том, чтобы восполнить непростительный долг в деле всестороннего изучения голода как общественного бедствия в связи с санитарными условиями¹. Таким образом, врачи-общественники занялись выработкой для Государственной думы программы действий борьбы с голодом.

По итогам медицинского съезда 1907 г. Пироговское общество русских врачей высказало пожелание, что его работа послужит материалом для народных представителей на пути к обновлению страны. Участники съезда планировали также предложить Думе законопроекты по рабочему вопросу: о социальном страховании и восьмичасовом рабочем дне, говорили об экспертной роли общественных организаций и о том, что выработанные организациями специалистов законопроекты должны стать исходным пунктом работы парламентских комиссий, готовивших реформы в различных областях. Докладчиком по данному вопросу выступил социалист Н.А. Вигдорчик².

Медицинские съезды были также примером того, как отлаживались механизмы взаимодействия добровольных обществ с представительными учреждениями. Так, медик и земский деятель Д.Н. Жбанков в ходе сообщения о борьбе с голодом по материалам Московского комитета общественной помощи голодающим предложил Думе сделать представление о нуждах комитетов общественной помощи. Жбанков сделал также предложение продовольственной комиссии Думы. Он полагал, что не только контроль и выработка законодательных предположений, но и практическое осуществление немедленной помощи голодающим должны были стать задачей избранной Думой продовольственной комиссии. «Нужда не ждет, — говорил Жбанков, — страдания голодающих требуют облегчения, на очереди обсеменение полей, и Дума должна удовлетворить эти неотложные нужды; иначе, кроме страшных страданий населения в настоящем, стране угрожает новый искусственный неурожай». Пути решения этой задачи виделись следующие. Думе предстояло, как считал Жбанков, командировать депутатов в пострадавшие губернии для организации на местах продовольственных комитетов из выборщиков с привлечением в их состав уполномоченных, представителей голодающего населения и членов от общественных организаций, занимавшихся борьбой с голодом и его последствиями. Думе также следовало, по его мнению, организовать сбор денежных средств на борьбу с голодом — их предлагалось передать местным продовольственным комитетам³.

Жбанкову оппонировал член Государственной думы Н.И. Долгополов, который объяснил, что информацию об организации на местах дела

¹ X Пироговский съезд // Русские ведомости. 1907. 28 апреля.

² Вигдорчик Натан Абрамович — деятель российского революционного движения, врач, автор ряда работ по вопросам социального страхования и профессиональным заболеваниям

³ X Пироговский съезд // Русские ведомости. 1907. 28 апреля.

борьбы с голодом продовольственной комиссии Думы иметь в распоряжении весьма желательно, однако направлять ее в думскую комиссию следует не официальным путем, а частным образом, так как официальные и непосредственные сношения Думы с разными учреждениями не допускаются. Пожелание же Д. Жбанкова, чтобы «Дума взяла в свои руки продовольственное дело», депутат Долгополов счел неисполнимым, поскольку у Думы не было органов для ведения этого дела. Продовольственным делом заведовал центральный комитет при МВД под председательством статс-секретаря А.С. Ермолова. В распоряжение этого комитета Дума ассигновала 6 млн рублей, которые будут распределяться между учреждениями, ведающими продовольственное дело, Красным Крестом и общеземской организацией. Дума, как говорил Долгополов, не может самостоятельно командировать своих членов в пострадавшие губернии для организации продовольственных комитетов. Глубоко веруя в «конечный успех освободительного движения», думский депутат утверждал, что достигнуть коренной реформы всего государственного строя Дума в одиночку не сможет, и она призвана идти к заветным целям в тесной органической связи со всем населением страны¹.

На Государственную думу делали ставку и активно пытались сотрудничать с ней также женские общества. Так, Русское женское взаимно-благотворительное общество подготовило I Думе петицию с требованием распространения на женщин избирательного права и признания их равноправными с мужчинами во всех областях жизни. В Комиссии по гражданскому равенству при I Думе была создана подкомиссия по равноправию женщин под руководством юриста Л.И. Петражицкого. Петражицкий ратовал за предоставление женщинам избирательных прав на выборах в органы местного самоуправления и представительные учреждения.

По инициативе Петражицкого Государственная дума обратилась к влиятельной женской организации — «Союзу равноправия женщин» — за помощью в разработке законопроекта о женском равноправии. Было признано, что никто не знает потребностей и стремлений женщин лучше них самих. Союз откликнулся на предложение с энтузиазмом, постановив образовать особую юридическую комиссию. От Союза в нее вошли три представительницы петербургского отделения: Е.Н. Щепкина, Л.Я. Гуревич и О.Н. Клирикова. В помощь им были даны несколько профессиональных юристов. Работой руководил Л.И. Петражицкий — председатель особой думской подкомиссии по вопросу о равноправии женщин². Подкомиссия вошла в состав созданной в июне 1906 г. «Комиссии 33-х», которой Государственная дума поручила разработку проекта закона о равноправии сословий, национальностей и полов. Результатом этой работы стал объемный пакет документов, куда вошел проект закона о женском равноправии, содержащий общие положения о правах

¹ Там же.

² См. о думской деятельности Петражицкого подробно: *Соловьев К.А.* Выборгское воззвание. Теория и практика пассивного сопротивления. М., 2021. С. 213–217.

женщин. Особое место в нем занимало требование активного и пассивного избирательного права для женщин во всех установленных законом выборах — от местных до общегосударственных¹.

По данным О. Патрикеевой, в ходе проведенной при участии женщин-активисток работы в общей сложности было внесено 199 поправок в 35 уставов и положений российского законодательства. Вся работа была проделана в рекордные сроки, то есть менее чем за месяц, и 7 июля 1906 г. законопроекты были переданы в Государственную думу. Авторы проекта выразили надежду на то, что подготовленные документы послужат основой для разработки сложного вопроса о женском равноправии. Между тем последовавший вскоре роспуск I Государственной думы не позволил выполнить поставленную перед представительным учреждением задачу².

Подводя итог сказанному, отметим, что многие добровольные ассоциации активизировали в 1906 г. свою работу в направлении сотрудничества с представительными учреждениями. Государственная дума стала для неполитических обществ шансом продвинуть их проекты в части реформирования общественного и государственного строя России, решения крестьянского, рабочего, женского и иных злободневных вопросов российской жизни. А неполитические общества были для Думы возможностью пропагандировать идеи народных представителей в широких профессиональных и общественных кругах.

¹ Патрикеева О.А. Женские организации России начала XX в.: борьба за политическое равноправие // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2013. Т. 4. № 3. С. 22.

² Там же. С. 24.

НИКОЛАЙ II И П.А. СТОЛЫПИН О МЕСТЕ МОНАРХА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ

СЕЛЕЗНЕВ ФЕДОР АЛЕКСАНДРОВИЧ,
доктор исторических наук, профессор Института
международных отношений и мировой истории (ИМОМИ)
Национального исследовательского Нижегородского
государственного университета им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия
e-mail: fseleznev@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается выработка совместной позиции императора Николая II и председателя совета министров П.А. Столыпина по вопросу о судьбе II Государственной думы. Царь стремился к роспуску Думы и изданию нового избирательного закона. Столыпин пытался сохранить II Государственную думу. Он хотел сделать ее работоспособной через исключение социал-демократов. Однако Столыпину не удалось убедить Николая II в необходимости отказаться от роспуска Думы. Николай II считал, что в исключительных случаях сохраняет за собой верховные права. Примером такого применения верховных прав самодержца стало издание избирательного закона 3 июня 1907 г. в обход Думы, что противоречило Основным законам Российской империи. Столыпин до последнего противился этой акции.

Ключевые слова: Николай II, П.А. Столыпин, II Государственная дума, Третьеиюньский переворот, партия кадетов.

В ходе революции 1905–1907 гг. в России была создана законодательная Государственная дума. Государственный совет стал выборным и тоже получил законодательные функции. Совет министров был оформлен как постоянно действующий орган. В результате система высших органов власти Российской империи усложнилась, приобретя дуальный характер. С начала ее функционирования (1906) мы можем характеризовать политическое устройство Российской империи в качестве «думской», дуалистической монархии¹.

Эта дуалистическая система состояла из четырех «сдвоенных» элементов (двухпалатный парламент — верховная власть). Каждый из них обладал самостоятельностью. Подчеркнем, что это касается и совета министров. Хотя министров назначал царь, но, как справедливо отмечает К.А. Соловьев, было бы «неверным отождествлять правительство с императором»². Поэтому нельзя не согласиться с Ф.А. Гайдой, полагающим, что в Российской империи 1906–1917 гг. существовали четыре

¹ Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004. С. 14.

² Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). М., 2011. С. 131.

субъекта формирования государственной политики: император, Совет министров, Государственный совет, Государственная дума¹.

Отношения между ними регулировали Основные законы Российской империи. Однако в них были предусмотрены далеко не все возможные ситуации. Поэтому разрешение политических конфликтов в рамках этой системы являлось следствием «реальной расстановки сил» между царем, премьером, министрами, законодательными палатами. А она во многом определялась степенью «неформального влияния премьера»².

Премьер-министром, сумевшим добиться наибольшего «неформального влияния» в четырехугольнике император — Совет министров — Государственный совет — Государственная дума, безусловно, являлся П.А. Столыпин. Нас будет интересовать вопрос о том, как он представлял место Государственной думы в этой системе, а также какое влияние оказывал на процесс политической «притирки» верховной власти и Государственной думы. Но, главное, мы попробуем проследить, как выработывалась совместная позиция императора и председателя совета министров по вопросу о месте монарха и Государственной думы в системе управления.

Общий анализ отношений Николая II и П.А. Столыпина осуществил С.В. Куликов³. М.Ф. Флоринский исследовал тему «Николай II и кабинет Столыпина»⁴. Но в обеих этих ценных работах рассматривается в основном период III Государственной думы. Объектом нашего внимания будет время деятельности II Государственной думы, когда Столыпин впервые взаимодействовал с парламентом и монархом в качестве премьер-министра.

Прежде всего, зададимся вопросом: как Столыпин понимал свое место в сложившейся к 1906 г. политической системе?

Представляется важным, что для такого осведомленного современника, как П.Н. Милюков, Столыпин «является под флагом конституционализма и желания сохранить этот конституционализм, на чем основывается его союз с Гучковым и октябристами»⁵. Эта характеристика Милюкова совпадала с внутренним ощущением самого Столыпина. 26 апреля 1906 г., накануне открытия I Государственной думы, Петр Аркадьевич писал своей супруге: «Если и ждет меня неуспех, если придется

¹ Гайда Ф.А. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). М., 2016. С.33.

² Гайда Ф.А. Николай II и конституционная монархия в России (1906–1914) // Россия и мир в конце XIX — начале XX вв.: Романовы и Россия. М., 2020. С. 61–62.

³ Куликов С.В. Столыпин и Николай II: соперничество или сотрудничество // П.А. Столыпин и исторический опыт реформ в России: К 100-летию со дня гибели П.А. Столыпина: Международная научно-практическая конференция: Москва. 28–30 сентября 2011 г. / Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына: [ред. сост. Н.Ф. Гриценко]. М., 2012. С. 93–135.

⁴ Флоринский М.Ф. Николай II и кабинет П.А. Столыпина // Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX вв. СПб., 2006. С. 352–359.

⁵ Падение царского режима: стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / Ред. П.Е. Щеголева. М.; Л., 1926. Т. V. С. 300.

уйти через два месяца, то ведь надо быть и снисходительным, ведь я первый в России конституционный министр внутренних дел»¹. Свою задачу Столыпин в другом письме жене обозначил так: «поставить в какую-нибудь возможность работу совместную с народными представителями и этим оказать услугу родине»². Таким образом, абсолютно прав В.А. Демин, отметивший, что Столыпин был настроен на взаимодействие с Думой «изначально», и охарактеризовавший этого государственного деятеля как сторонника сотрудничества правительства с законодательным органом народного представительства³.

Своих взглядов Столыпин не скрывал. В применении к российскому политическому устройству им неоднократно произносилось слово «конституция». Например, в интервью английским журналистам Столыпин подчеркивал, что в России «есть конституционализм», «нынешний строй строго конституционный»⁴.

Правда, как полагает К.А. Соловьев, председатель Совета министров «признавал, что его понимание ситуации расходилось с точкой зрения императора»⁵. Это мнение является традиционным. Еще Милюков, описывая конституционализм Столыпина, подчеркивал, что «это был его личный почин, личная надежда, что он может сохранить себя у власти и сохранить некоторую видимость конституции»⁶.

Характерное для отечественной историографии противопоставление «консерватора» Николая II и «реформаторов» Витте и Столыпина было оспорено С.В. Куликовым⁷. По мнению С.В. Куликова, император на протяжении всего царствования придерживался либеральных воззрений, но не афишировал их: «Николай II, являясь либералом, рядился в тогу консерватора, на практике проводя либеральные реформы, в области ритуала обеспечивал им консервативный аккомпанемент»⁸. Ф.А. Гайда, напротив,

¹ П.А. Столыпин: Переписка. М., 2007. С. 606.

² Там же. С. 605.

³ Демин В.А. Взаимодействие П.А. Столыпина и III Государственной думы // П.А. Столыпин и исторический опыт реформ в России: К 100-летию со дня гибели П.А. Столыпина: Международная научно-практическая конференция: Москва. 28–30 сентября 2011 г. / Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына: [ред. сост. Н.Ф. Гриценко]. М., 2012. С. 31, 36.

⁴ П.А. Столыпин: Грани таланта политика. М., 2006. С. 469, 479.

⁵ Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). С. 49.

⁶ Падение царского режима. Т. V. С. 296.

⁷ Куликов С.В. Император Николай II как реформатор: к постановке проблемы // Российская история. 2009. № 4. С. 45–60; Куликов С.В. Николай II и парламентаризм (1906–1917) // Таврические чтения 2008: Актуальные проблемы истории парламентаризма в России. Всероссийская научно-практическая конференция. С.-Петербург, Таврический дворец, 16 декабря 2008 г. [Музей истории парламентаризма в России при МПА СНГ]: Сб. науч. ст. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2009. С. 16–75.

⁸ Куликов С.В. Был ли консерватором Николай II? Политические взгляды последнего самодержца и его политический ритуал // Вопросы истории. 2020. № 11 (2). С. 22.

считает, что политические взгляды Николая II были и оставались консервативными¹. Компромиссная точка зрения у В.А. Демина: он показывает, что на разных исторических этапах политические установки Николая II менялись. До 1905 г. Николай II «был последовательным сторонником неограниченной монархии». Но «уже в начале 1905 г. император изменил свою позицию». В 1906 г. он поддержал закрепление перехода к конституционной монархии и надеялся на компромисс с I Думой через создание коалиционного правительства с участием представителей крупнейшей парламентской фракции конституционных демократов. И только когда кадеты отказались как от коалиции, так и от уступок, государь согласился на роспуск I Думы. После этого отношение Николая II к Государственной думе стало отрицательным. II Думу он изначально воспринимал сугубо негативно и «был готов к решительным действиям против нее»².

Схема развития взглядов Николая II по отношению к народному представительству, нарисованная В.А. Деминим, представляется абсолютно точной. Судя по воспоминаниям государственного контролера П.Х. Шванебаха, царь уже в начале 1907 г. думал о возможном роспуске еще не созванной Государственной думы и изменении избирательного законодательства. Об этом император сообщил Шванебаху в личной беседе.

Предыстория названной встречи в рассказе сановника выглядит так: «начались прямые сношения Столыпина с кадетами, в частности, с Милюковым» (по вопросу о легализации их партии); это встревожило Шванебаха, и он «за несколько дней до Рождественских праздников» попросил государя выслушать его «доклад по общественно-политическому вопросу»; спустя «почти месяц», 13 января 1907 г., в 6 вечера, Шванебах был принят царем³.

Контакты Столыпина с кадетами, упомянутые Шванебахом, тогда действительно имели место. Вопрос «о легализации и переговорах» обсуждался ЦК Конституционно-демократической партии 22 января 1907 г.⁴. А вот время встречи с государем в воспоминаниях сановника указано неправильно: видимо, в текст вкралась описка или опечатка. 13 января 1907 г. царь, согласно записи в своем дневнике, до восьми часов читал и ни с кем не виделся. «После чая» (т.е. как раз в 6 часов) Николай II принял Шванебаха не 13, а 10 января 1907 года⁵.

¹ Гайда Ф.А. Николай II как конституционный монарх // Монарх и монархия. К 150-летию со дня рождения Николая II и 100-летию убийства царской семьи / отв. ред. А.В. Анашкин. М., 2019. С. 383.

² Демин В.А. Николай II и Государственная дума // Монарх и монархия. К 150-летию со дня рождения Николая II и 100-летию убийства царской семьи / отв. ред. А.В. Анашкин. М., 2019. С. 278–287.

³ Шванебах П.Х. Записки сановника: Политика П.А. Столыпина и Вторая Государственная Дума // Голос минувшего. 1918. № 1–3. С. 118.

⁴ Протоколы Центрального Комитета и зарубежных групп конституционно-демократической партии. В 6 т. М., 1994. Т. 1. Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1905–1911 г. С. 167.

⁵ Дневники императора Николая II (1894–1918): в 2 т. / отв. ред. С.В. Мироненко. М., 2013. Т. 2: 1905–1918: в 2 ч. Ч. 1. 1905–1913. С. 185–186.

В любом случае доклад Шванебаха «по общественно-политическому вопросу» император выслушал до начала работы II Думы. Свою речь государственный контролер начал с того, что нужно считаться с перспективой «быстрого разлада» с новой Думой, которая может оказаться еще менее работоспособной и более революционной, чем ее предшественница. Но «ропуск ее ничего не разрешает и вывести Россию из заколдованного круга революционной смуты не может». Поэтому, по мнению Шванебаха, было необходимо:

- 1) издание нового избирательного закона;
- 2) созыв на его основании новой Думы «в срок не ближе года»;
- 3) сохранение при роспуске Думы Государственного совета в качестве законосовещательного органа.

Шванебах сообщает, что государь «очень внимательно» выслушал его доклад и сказал, что о многом из сказанного «он уже сам думал». Причем упомянул, что «Крыжановскому поручена выработка нового избирательного закона»¹.

О каком избирательном законе говорил царь, становится ясно из воспоминаний самого С.Е. Крыжановского. Проект названного акта Крыжановскому поручил набросать еще в начале мая 1906 г. И.Л. Горемыкин, предшественник Столыпина на посту председателя совета министров. В конце мая 1906 г. документ был готов. Государь передал эту записку новому премьер-министру — П.А. Столыпину. Но, как пишет Крыжановский, практических последствий это начинание не имело².

Иначе говоря, Столыпин саботировал указание императора! Николай II в силу своей деликатности не стал настаивать на его выполнении. (Это был период особого благоволения самодержца к премьер-министру, на которого в августе 1906 г. было совершено покушение.) Доклад Шванебаха напомнил царю о документе Крыжановского. Но, видимо, памятуя, что этот проект был приторможен председателем Совета министра, и, не желая действовать через его голову, император спросил Шванебаха, говорил ли тот обо всем этом со Столыпиным. Получив отрицательный ответ, Николай II разрешил Шванебаху передать премьеру их разговор «во всех подробностях». Столыпин полученной информацией был раздражен. «Вы ломитесь в открытую дверь», — сказал он (по-французски) Шванебаху, «не входя, однако, в существо вопроса». Тем не менее, в ближайшем закрытом заседании Совета министров премьер-министр изложил содержание беседы Шванебаха с царем, но «в качестве программы, исходящей от него, Столыпина»³.

Дело, однако, опять не получило никакого продолжения. Таким образом, Столыпин продолжал придерживаться своей прежней тактики и тормозил изменение избирательной системы, стремясь сохранить II Государственную думу.

¹ Шванебах П.Х. Указ. соч. С. 119–121.

² Воспоминания: из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи / Подгот. текста, вступ. ст., коммент.: А.В. Лихоманов. СПб., 2009. С. 97.

³ Шванебах П.Х. Указ. соч. С. 119, 121.

Николай II, напротив, с самого начала воспринимал ее как опасного противника, с которым нужно держать ухо востро. «Будьте бодры, стойки и осторожны», — отвечал император 20 февраля 1907 г. на донесение Столыпина о состоявшемся открытии Думы¹.

Столыпин, как мог, старался преодолеть предубежденность монарха. «Настроение Думы сильно отличается от прошлогоднего, и за все время заседания не раздалось ни одного крика и ни одного свистка», — успокаивал он царя 6 марта 1907 г. после того, как прочитал в Таврическом дворце правительственную декларацию². Но Николая II это сообщение оставило равнодушным, зато порадовала ораторская победа премьер-министра над депутатами. «Принял Столыпина в первый раз после его удачной речи в Думе („не запугаете!“)», — записал 10 марта монарх в своем дневнике³. Через две недели он с гордостью сообщает матери: «Престиж правительства высоко поднялся благодаря речам Столыпина, а также Коковцова. С ними никто в Думе не может справиться, они говорят так умно и находчиво, а главное — одну правду»⁴.

Но сам Столыпин, несмотря на свою жесткую полемику с депутатами, по-прежнему был настроен на сотрудничество со II Думой. Напоминания Шванебаха о необходимости подготовки нового избирательного закона он игнорировал⁵.

Тем временем отношение императора к Думе становилось все более враждебным. Его беспокоило то, что всякое слово, сказанное депутатами «появляется на другой день во всех газетах, которые народ с жадностью читает». В результате во многих местах «уже настроение делается менее спокойным, опять заговорили о земле и ждут, что скажет Дума по этому вопросу»⁶. Подобные настроения Николая II подогревали многочисленные обращения к нему со стороны местных отделов Союза русского народа, поступавшие на его адрес в марте из разных уголков страны⁷. Царь ждал лишь повода для прекращения деятельности II Думы. «Отовсюду мне посылают телеграммы и адреса с просьбой распустить ее» (Думу), — сообщает 29 марта 1907 г. Николай II, своей матушке, императрице Марии Федоровне: «Но это еще рано. Нужно дать ей „договориться до глупости или до гадости и тогда — хлопнуть“»⁸.

¹ Переписка Н.А. Романова и П.А. Столыпина // Красный Архив. 1923. Т. 5. С. 108.

² Там же.

³ Дневники императора Николая II (1894–1918). С. 194.

⁴ Из переписки Николая и Марии Романовых в 1907–1910 гг. // Красный архив. 1932. Т. 1–2 (50–51). С. 180.

⁵ Шванебах П.Х. Указ. соч. С. 121.

⁶ Из переписки Николая и Марии Романовых в 1907–1910 гг. С. 180.

⁷ *Омельянчук И.В.* Правые и третьеиюньский государственный переворот // Таврические чтения 2018. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 6–7 декабря 2018 г. Сборник научных статей. В 2-х ч. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2019. Ч. 1. С. 244–245.

⁸ Из переписки Николая и Марии Романовых в 1907–1910 гг. С. 180.

В этой ситуации премьер-министр предпринял поистине титанические усилия, чтобы сохранить II Думу. По нашему мнению, именно ему принадлежала идея устроить встречу самодержца с председателем Государственной думы Ф.А. Головиным.

Из этих двоих никто не жаждал свидания друг с другом. Головин признавался в своих воспоминаниях: «мои поездки к государю вызывали некоторое неудовольствие левой части Думы». Поэтому Головину «надо было иметь веское основание для поездки в Царское Село, чтобы левые не сочли ее за заискивание перед властью, унижающей достоинство председателя Думы»¹. В этой ситуации письмо к Николаю II с просьбой о приеме (1 апреля 1907 г.) Ф.А. Головин мог написать только по совету Столыпина, с которым тесно контактировал.

Царь ответил согласием неохотно и не лично, а через министра двора барона В.Б. Фредерикса, поручив ему передать Головину, что прежде назначения времени приема тот должен письменно изложить на бумаге на имя государя сущность тех вопросов, о которых желает «доложить». Возможно, Николай II надеялся, что председатель Государственной думы сочтет это условие неприемлемым, и вопрос о встрече отпадет сам собой. «Я стараюсь оттянуть это скучное дело», — признался царь Столыпину в записке от 2 апреля².

Однако премьер-министр нашел такие доводы, которые заставили императора 10 апреля принять Ф.А. Головина без доклада по заранее согласованным вопросам. «Я уверен, что твердое слово вашего величества Головину будет первым грозным предостережением против революционирования народа с думской кафедры», — писал Столыпин Николаю II 9 апреля, добавляя, что ожидает царского разговора с Головиным «с нетерпением». В том же письме, видимо, закрепляя эффект от своего «долгого» свидания с царем, состоявшегося 6 апреля 1907 г.³, Столыпин доказывал монарху, что разгон Думы выгоден, прежде всего, левым, которые «желали бы роспуска теперь, чтобы создать легенду, что Дума создала бы чудеса, да правительство убоилось этого и все расстроило»⁴.

Наша уверенность в том, что Головин предварительно не посылал бумаги с изложением вопросов, о которых он желает «доложить», основывается на подробном описании им состоявшейся 10 апреля встречи с монархом. Из воспоминаний Головина следует, что он ничего не «докладывал» царю. Встреча прошла по сценарию Столыпина: она началась с «твердого слова» самодержца.

Николай II сказал, что «внимательно следит за деятельностью Думы, читает отчеты ее заседаний», но пока «не видит практических результатов от думской работы». Царь заявил, что «очень опасается, как бы Дума, поглощенная партийной борьбой внутри себя и критикой прошлой

¹ Записки Ф.А. Головина // Красный архив. 1926. Т. 19. С. 121.

² Переписка Н.А. Романова и П.А. Столыпина. С. 110.

³ Дневники императора Николая II (1894–1918). С. 199.

⁴ Переписка Н.А. Романова и П.А. Столыпина. С. 110.

деятельности правительства, не потратила дорогого времени без пользы для народа». Далее он указал, что «левые хотят использовать думскую трибуну для распространения в народе социалистических идей и подрыва престижа правительства» и, таким образом, «превращают Думу в орудие революции, а, следовательно, наносят вред государству»¹.

Передавая Столыпину запиской свои впечатления от приема Головина, император сообщил, что «высказал все, что имел на душе и в мыслях», но сделал это «не резко»². Далее царь «терпеливо, не перебивая», выслушал ответную речь Головина. Тот сказал, что «критика действий правительства не должна смущать представителей власти, если их действия правильны», что «борьба в парламенте не только неизбежна, но и составляет необходимую часть работы законодательного учреждения», а в заключение перечислил «организационную и законодательную работу, сделанную Думою»³. В интерпретации Николая II это выглядело так: Головин «старался выгораживать себя довольно слабо», но настроен был «оптимистично, думая, что Госуд[арственная] дума после пасхи заработает»⁴.

В целом Столыпин мог быть доволен результатами этого «знаменитого»⁵ по его выражению разговора. Между императором и председателем Государственной думы установились приемлемые личные отношения. «По тону речи государя, по выражению его лица я почувствовал, что государь настроен ко мне не враждебно и не тяготеет беседою со мною», — вспоминал Ф.А. Головин⁶.

Но эта подвижка в настроении царя была очень неустойчивой. Дамоклов меч по-прежнему висел над Государственной думой. Роковым днем для нее могло стать 16 апреля 1907 г., когда парламенту предстояло рассмотреть вопрос о годовой величине контингента новобранцев. Нежелание депутатов узаконить призыв в армию предоставляло верховной власти желанный повод для прекращения полномочий Думы. Царь внимательно следил за ходом дела и приказал Столыпину немедленно доложить о результатах голосования, когда они станут известны.

Чтобы выполнить это повеление, председатель Совета министров лично направился в Таврический дворец. Оттуда, еще до окончания прений, он направил успокоительное письмо Николаю II. Столыпин сообщил о своей встрече с Ф.А. Головиным, состоявшейся накануне, 15 апреля. По его впечатлению Головин был «в высшей степени» предупредителен и высказал убеждение, что «Дума поправеет». Он, по утверждению премьер-министра, «побаивался» предстоящего заседания Думы, вполне сознавая, что «в случае отказа Думы в утверждении контингента

¹ Записки Ф.А. Головина. С. 121.

² Переписка Н.А. Романова и П.А. Столыпина. С. 111.

³ Записки Ф.А. Головина. С. 120–121.

⁴ Переписка Н.А. Романова и П.А. Столыпина. С. 111.

⁵ Там же. С. 111.

⁶ Записки Ф.А. Головина. С. 121.

новобранцев она будет распущена». «Думаю, что вопрос все же пройдет, так как роспуска панически боятся», — предсказывал Столыпин¹.

Дума, в конце концов, действительно утвердила контингент новобранцев. Но, в ходе бурных дебатов, социал-демократ А.Г. Зурабов оскорбил русскую армию. Для Николая II, очень чувствительно относившегося к нападкам на вооруженные силы России, это являлось достаточным основанием для роспуска Думы. Несмотря на это Столыпин попытался спасти парламент. 17 апреля 1907 г. он, оправдывая действия руководства Думы, писал царю, что Зурабову «было сделано замечание, и он лишен был слова», и привел возможные варианты исчерпания инцидента². По его настоянию военный министр А.Ф. Редигер счел себя удовлетворенным соответствующими шагами руководства Думы.

Но император на этот раз оказался непреклонен. Поэтому совершенно прав К.А. Соловьев, когда пишет, что именно «инцидент Зурабова» предрешил судьбу II Думы³. Единственное, что смог сделать Столыпин, это оттянуть ее роспуск до подготовки нового закона о выборах. 24 апреля 1907 г., принимая доклад министра финансов В.Н. Коковцова, Николай II сказал, что понимает Столыпина, «который настаивает на том, чтобы одновременно с роспуском был обнародован новый выборный закон, и готов еще выждать несколько дней». Но при этом царь заявил председателю совета министров, что считает «вопрос о роспуске окончательно решенным»⁴.

Столыпину ничего не оставалось, как спешно начать подготовку нового избирательного закона, которую он до этого саботировал. Одновременно был начат поиск повода для разгона Думы. О нем Столыпину, одновременно занимавшему пост министра внутренних дел, сообщил начальник Петербургского охранного отделения А.В. Герасимов. От агента Шорниковой стало известно, что 29 апреля 1907 г. в общежитии Политехнического института состоялось собрание солдат, поддерживавших РСДРП, на котором присутствовал депутат II Думы социал-демократ Л.Ф. Герус. Присутствовавшими было решено от имени социал-демократической военной организации послать наказ в думскую фракцию РСДРП с изложением солдатских пожеланий. Столыпин распорядился произвести арест солдат в момент передачи ими наказа депутатам. 5 мая 1907 г. солдаты явились в квартиру депутата И.П. Озола, занимаемую фракцией РСДРП. Однако руководивший полицейской операцией полковник В.И. Еленский замешкался, и захват с поличным не получился. Тем не менее, обнаруженные документы изобличали связь думской фракции РСДРП с военными организациями партии⁵.

¹ Переписка Н.А. Романова и П.А. Столыпина. С. 111.

² Там же. С. 111–112.

³ Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). С. 50–51.

⁴ Коковцов В.Н. Из моего прошлого: Воспоминания 1903–1919 гг. В 2-х кн. М., 1992. Кн. 1. С. 229–230.

⁵ Герасимов А.В. На лезвии с террористами. Paris, 1985. С. 110–111.

После этого начались следственные действия. Параллельно в мае 1907 г. министры обсуждали новый закон о выборах в Государственную думу, призванный изменить ее будущий состав. Ввести его в действие можно было лишь через роспуск II Думы. Следовательно, вопрос об этом в мае уже был принципиально решен — такой логичный вывод делает К.А. Соловьев¹.

Существует, однако, важная неувязка, не позволяющая согласиться с тем, что П.А. Столыпин в мае 1907 г. действительно готовился выполнить повеление Николая II о роспуске Думы. Укажем на три факта, необъяснимые с этой точки зрения. Во-первых, об изъятии 5 мая документов, свидетельствующих о групповом участии членов фракции РСДРП в антиправительственном заговоре, министр юстиции И.Г. Щегловитов объявил правительству только 20 мая, а постановление судебного следователя о привлечении к ответственности всей социал-демократической фракции Думы на основании результатов обыска 5 мая было озвучено в Думе еще позже — 1 июня. Почему с этим тянули так долго?

Допустим, потому, что еще не был готов избирательный закон. Но ведь работа над ним шла с 1906 г., и в начале мая он уже начал обсуждаться с участием членов правительства, а также И.Л. Горемыкина и еще кое-кого из бывших министров. Почему Столыпин не ускорил этот процесс и позволил развернуться «длинным и нудным прениям»?²

Во-вторых, и в главных, если в мае 1907 г. председатель Совета министров готовился к роспуску II Думы, зачем он проводил регулярные встречи с членами фракции кадетов, призванные смягчить противоречия между парламентом и верховной властью?

Организатором этих секретных свиданий стал секретарь Государственной думы кадет М.В. Челноков, чьи личные отношения со Столыпиным по собственному признанию депутата были «более или менее хороши»³. Челноков устроил приезд к П.А. Столыпину товарища председателя кадетской фракции И.В. Гессена, который подробно описал этот визит в своих воспоминаниях. Встреча продолжалась четыре часа и проводила с ведома «патриарха» кадетской партии, члена ее ЦК И.И. Петрункевича⁴.

Кроме того, Столыпин активно контактировал с представителями правого крыла партии народной свободы: М.В. Челноковым, П.Б. Струве, В.А. Маклаковым, С.Н. Булгаковым⁵. Чаще всего с премьером встре-

¹ Соловьев К.А. Самодержавие и конституция: политическая повседневность в России в 1906–1917 годах. М., 2019. С. 141–142.

² Воспоминания: из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. С. 109.

³ Селезнев Ф.А. «Столыпин как всегда ничего не понимает и ломит». Премьер-министр другими глазами // Источник: Документы русской истории. 2002. № 6. С. 23.

⁴ Гессен И.В. В двух веках: Жизненный отчет // Архив русской революции, издаваемый И.В. Гессеном. Берлин, 1937. Т. XXII. С. 245.

⁵ Селезнев Ф.А. О переговорах Столыпина с кадетами в апреле–июне 1907 года // Вопросы истории. 2002. № 12. С. 167–168.

чались Струве и Челноков¹. П.Б. Струве вспоминал: «Иногда мы ездили к Столыпину вместе с Челноковым, иногда — порознь...»². Эти визиты всегда совершались скрытно, ночью.

Содержание одной из таких бесед подробно изложено М.В. Челноковым в письме к его хорошей знакомой Е.А. Уваровой, составленном в ночь с 22 на 23 мая 1907 г. — по горячим следам одной из последних встреч с премьером.

«Третьего дня, „яко тать в нощи“, был я у С.[тольпина], — сообщает в нем своей корреспондентке Челноков, — и имел с ним очень большой разговор (с 12 до 3–4 ночи). Здесь это считается предосудительным, но я жертвую своей репутацией и делаю все возможное, чтобы выяснить дело и сблизить враждующие стороны.

Сущность положения рисуется так: С.[тольпин] хочет нас разогнать, опасаясь, что мы отменим законы [изданные] по 87 ст[атье]; мы хотим спешно отменить эти законы, опасаясь, что он нас разгонит.

Получается замкнутый круг недоразумения. Его нужно устранить. Это первое и самое главное. Правительство не может допустить аграрной реформы, основанной на отчуждении [помещичьих земель], не может допустить укрепления общины. Во всем остальном можно хорошо столкнуться — раз аграрный вопрос будет решен. Тогда можно сговориться и на амнистии, и на самоуправлении, даже на автономии. На мелких столкновениях нас не распустят, если не вмешаются высшие силы.

Необходимо образовать в Думе сильный центр, с которым можно было бы торговаться. Принимаем меры к выяснению возможности сплотить такой центр»³.

Очень важны сведения Челнокова о том, что за признание своей аграрной программы Столыпин был готов заплатить кадетам очень серьезными уступками: амнистией для политических преступников, расширением прав органов местного самоуправления, предоставлением автономии окраинам Российской империи. Однако ценнее всего информация о желании Столыпина «сплотить» в Государственной думе «сильный центр». Какой в этом был смысл в случае роспуска парламента?

Особенно удивительно, что последняя тайная встреча Столыпина с депутатами-кадетами (В.А. Маклаковым, П.Б. Струве, С.Н. Булгаковым, М.В. Челноковым) состоялась уже после предъявления Думе ультиматума о привлечении к ответственности фракции РСДРП в ночь на 3 июня 1907 года. Премьер убеждал своих визитеров в том, что члены фракции социал-демократов «принимают участие в боевой организации», и «ни одно государство на свете не допустило бы, чтобы совершались такого рода действия среди членов парламента». М.В. Челноков уверял его, что

¹ Селезнев Ф.А. «Столыпин как всегда ничего не понимает и ломит». Премьер-министр другими глазами. С. 23.

² Струве П.Б. М.В. Челноков и Д.Н. Шипов (глава из моих воспоминаний) // Новый журнал [Нью-Йорк]. 1949. Кн. 22. С. 244.

³ Селезнев Ф.А. «Столыпин как всегда ничего не понимает и ломит». Премьер-министр другими глазами. С. 24.

«дело раздуто». Столыпин выразил удивление позицией собеседников, сказав: «Я думал, что вы, как кадеты, пойдете нам навстречу, потому что если мы устраним из Думы с.д., у вас будет кадетское большинство, и тогда вы можете проводить свою политику»¹.

Эти слова ясно показывают, каков был план у Столыпина. Как видно, он рассчитывал, что кадеты согласятся на исключение из Думы социал-демократов. Это позволило бы создать в Думе «работоспособный» центр. Получив опору в виде него, Столыпин, похоже, надеялся убедить Николая II отказаться от роспуска Думы. Но царь оказался непреклонен. И только благодаря его личному резкому вмешательству II Государственная дума была разогнана.

Таким образом, царский манифест 3 июня 1907 г., хотя и был написан Столыпиным, но отражал мировоззрение не его, а Николая II. Исчерпывающую характеристику взглядов императора на роль монарха в обновившейся в 1905–1906 гг. системе управления государством дал П.Н. Милюков. По мнению кадетского публициста, со стороны царя борьба шла не столько с «идеей народного представительства», сколько с «идеей конституции», т.е. жесткого очерчивания полномочий монарха законом. В системе правовых координат Николая II «народное представительство, понятое в славянофильском смысле», не мешало монархической власти. Пусть даже это народное представительство было законодательным органом власти. Нужно было лишь, чтобы законодательные функции Государственной думы не противоречили «молчаливому соглашению относительно сохранения старых прерогатив власти». Суть названного «молчаливого соглашения» по Милюкову заключалась в признании всеми участниками политического процесса того факта, что в обычных ситуациях Дума законодательствует (и ни один закон не может быть принят без ее согласия!), но «в исключительных случаях исторические права власти остаются теми же, чем они были», и «старая власть сохраняет за собой верховные права даже над законодательной властью»².

Примером такого применения верховных прав самодержца на практике стало издание избирательного закона 3 июня 1907 г. в обход Думы, что противоречило Основным законам Российской империи. Столыпин до последнего противился этой акции, поскольку являлся не консерваторм или славянофилом, а либералом и конституционалистом. Для него царь на практике являлся одним из четырех элементов системы власти, а отнюдь не стоял над ней, как мыслилось Николаю II.

Что касается Николая II, то его правильнее всего было бы охарактеризовать в качестве не либерала или консерватора, а славянофила.

¹ Падение царского режима. Т. V. С. 312.

² Там же. С. 298.

ВОЕННЫЙ МИНИСТР А.Ф. РЕДИГЕР И ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

ЕГОРОВ АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ,
доктор исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой истории и философии
Череповецкого государственного университета,
Череповец, Россия;
e-mail: anegorov65@mail.ru

Аннотация: В статье рассмотрены основные направления взаимодействия военного министра А.Ф. Редигера с российским парламентом. Отмечаются его роль в сохранении II Государственной думы в ходе «Зурабовского инцидента», тесное сотрудничество в рамках своих министерских полномочий с комиссией по государственной обороне III Думы и пр. Показано, что А.Ф. Редигер относился к тем государственным деятелям России, которые стремились провести серьезные реформы в конституционном направлении путем конструктивного диалога с законодательной властью.

Ключевые слова: Военное министерство, А.Ф. Редигер, Государственная дума, Государственный совет, парламентские законопроекты.

Проблема взаимодействия исполнительной и законодательной власти в позднеимперской России активно разрабатывается в современной историографии¹. Для ее изучения необходимо проследить взаимоотношения министров с Государственной думой, которые во многом зависели от личных качеств и мировоззренческих установок участников политического процесса. Идеи реформирования страны на основе соглашения с народным представительством не были чужды некоторым представителям высшей администрации, к числу которых относился Александр Федорович Редигер — военный министр Российской империи с 1905 по 1909 гг.

Биография А.Ф. Редигера не вполне типична для военного деятеля: он не прославился в военных кампаниях, хотя участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., не командовал крупными соединениями, не имел большого авторитета в армейской среде. Его продвижение по службе скорее напоминало карьеру административного чиновника, а в большей степени — ученого и преподавателя. Профессор Академии Генерального штаба с 1884 г., автор множества работ по военной администрации, комплектованию и устройству армии, он, по словам видного государственного деятеля В.И. Гурко, производил впечатление «не столько военного, сколько добросовестного профессора немецкой складки»².

¹ См.: Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). М., 2011.

² Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 478.

По наблюдениям С.Ю. Витте, Редигер «представлял собою тип весьма умного, толкового, характерного и энергичного военного генерала, хотя более кабинетного, нежели боевого»¹. Представитель высшей административной элиты В.Б. Лопухин охарактеризовал военного министра как типичного военного бюрократа².

Назначение А.Ф. Редигера военным министром в июле 1905 г. совпало с обсуждениями в правящих кругах планов введения Государственной думы. При этом встал важный вопрос: должна ли армия, прежде всего, офицерский корпус, принимать участие в выборах в Думу? Некоторые представители высшего военного командования считали это участие целесообразным, делая ставку на консервативно-монархические взгляды офицерства. Позиция Редигера по этому вопросу была иной: «войска должны быть чужды всякой политики и стоять вне политической агитации»³. Он указывал на опасность втягивания офицерства в политическую борьбу ради получения их голосов, сравнительно малочисленных. В ходе обсуждения на заседаниях Военного совета точка зрения военного министра получила единодушную поддержку и была реализована при разработке закона о выборах в Думу.

Считая неприемлемым для офицера заниматься политикой, А.Ф. Редигер относил это требование и к себе как министру. «Положение первого военного министра при новом режиме трудное, — писал он в одном из писем после Манифеста 17 октября 1905 г., — я должен держаться вне политики и я все же член Кабинета. Я во внутренних делах ничего не смыслю и их знать не хочу. Почти не бываю в Совете министров — и Совет за это на меня в претензии»⁴. Конечно, подобная позиция объяснялась также и стремлением сохранить независимость военного министерства.

А.Ф. Редигер приветствовал появление парламента как политическо-го института и намеревался тесно сотрудничать с ним в рамках своих министерских полномочий. Положение от 6 августа 1905 г. о введении законосовещательной Государственной думы он считал запоздалым: «будь оно издано на один-два года раньше, то внесло бы успокоение в страну и могло расширяться и улучшаться постепенно; теперь же оно никого не удовлетворяло»⁵. Об открытии I Государственной думы Редигер писал: «Великое событие совершилось. Перемена государственного строя России стала совершившимся фактом»⁶.

¹ Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 3. С. 496.

² Лопухин В.Б. Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. СПб., 2008. С. 144.

³ Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. В 2-х т. М., 1999. Т. 1. С. 442.

⁴ Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.: Материалы перлюстрации Департамента полиции / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2014. С. 47.

⁵ Редигер А.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 443.

⁶ Редигер А.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 49.

В I Государственной думе военный министр не был ни разу, что не удивительно, учитывая короткий срок ее работы. 6 мая 1906 г. в день рождения Николая II на приеме в Петергофе А.Ф. Редигер говорил С.А. Муромцеву: «Я стою вне политики и желаю лишь одного — делать свое дело»¹. Такая позиция нашла полное понимание у председателя Первой Государственной думы. В дни работы парламента к военному министру неоднократно обращались депутаты с различными ходатайствами, в основном о смягчении приговоров и отмене смертной казни. Сохраняя верность своему принципу находиться вне политики, Редигер неизменно отвечал, что все вопросы вне военного ведомства не входят в его компетенцию. Такой же ответ он давал и правым политическим деятелям, которые предлагали ему выступить с обращением в поддержку монархической власти и государя².

Логичным следствием данной позиции стало неприятие А.Ф. Редигером использования армии в подавлении революции. Военный министр писал с возмущением, что на армию смотрели «как на полицию, точно она не имела других задач, кроме восстановления и поддержания порядка в стране!»³ Кроме того, Редигер выступал против практиковавшегося П.А. Столыпиным быстрого производства в военные чины жандармов и полиции за подавление революционных выступлений, видя в этом ущемление строевых офицеров. Подобная позиция вызвала ухудшение его отношений с премьер-министром.

Неприятие А.Ф. Редигера вызывали и военно-полевые суды. Он подчеркивал, что для подавления революционного террора нужна сильная и строгая власть, но «всякая власть, раньше всего, должна уважать закон и действовать открыто, честно, принимая на себя ответственность за свои действия»⁴. Когда в августе 1906 г. ему было поручено распространить Положение о военно-полевых судах на армию, он добился важной оговорки о том, что эти суды вводятся в войсках лишь в военное время.

А.Ф. Редигеру не нравилось, что П.А. Столыпин возлагал на военное ведомство ответственность за деятельность военно-полевых судов. Так, 30 апреля 1907 г. военного министра пригласили в Государственную думу для ответа на запрос о незаконных действиях одного из подобных судов. «Задача была неблагодарная, — вспоминал Редигер, — так как никакими доводами нельзя незаконное действие обратить в законное, и мне в ответ наговорили вдоволь всякой кислоты»⁵.

На заседаниях II Государственной думы А.Ф. Редигер был 4 раза. Одно из его выступлений закончилось так называемым «Зурабовским инцидентом». 16 апреля 1907 г. обсуждался законопроект Военного министерства о величине контингента новобранцев в призыв 1907 г.

¹ Там же. С. 50.

² Киреев А.А. Дневник. 1905–1910. М., 2010. С. 111.

³ Редигер А.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 81.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 153.

С критикой проекта от социал-демократов выступил депутат А.Г. Зурабов, заявив в своей речи, что русская армия не может достойно защитить свою страну, а лишь выполняет полицейские функции: «Наша армия в самодержавном государстве не будет никогда приспособлена, сколько бы вы с этих скамей не говорили, в целях внешней обороны, что вот такая армия будет великолепно воевать с нами, и вас, господа, разгонят, и будет всегда терпеть поражения на Востоке...»¹. На этом месте его прервали и лишили слова. Особую остроту ситуации придавал тот факт, что Зурабов был армянином по национальности и говорил с кавказским акцентом. Разразился скандал, А.Ф. Редигер вместе с другими министрами демонстративно покинули зал заседаний.

Во время перерыва состоялся телефонный разговор председателя II Думы Ф.А. Головина и П.А. Столыпина. Премьер-министр сообщил, что Николай II считает оскорбленными армию и себя, и потребовал, чтобы А.Г. Зурабов был отстранен от заседаний. Головин провел совещание по этому поводу с представителями фракций и убедился, что большинство депутатов отказались поддержать исключение Зурабова. Заседание возобновилось вечером. Председатель Думы, чтобы как-то выйти из трудного положения, объявил о том, что речь Зурабова была оскорбительна для армии, лишил оратора слова и неожиданно предложил Думе одобрить его решение. Социалисты и часть трудовиков протестовали, но большинство депутатов проголосовали за предложение Головина, отмежевавшись тем самым от позиции социал-демократической фракции².

Выступление А.Г. Зурабова было воспринято правыми как оскорбление армии и послужило основанием для инициирования вопроса о роспуске Думы. Николай II полагал, что лишение Зурабова слова и замечание ему — слишком мягкие меры по сравнению с его проступком. В историографии традиционно считается, что основную роль в сохранении Думы сыграл в той ситуации П.А. Столыпин. Он, как и большинство членов правительства, действительно был против роспуска³, однако как мемуары Ф.А. Головина, так и переписка П.А. Столыпина показывают существенную роль А.Ф. Редигера в этой ситуации.

Вечером 16 апреля 1907 г. П.А. Столыпин посоветовал Ф.А. Головину обратиться к А.Ф. Редигеру с извинением за происшедшее⁴. 17 апреля в 8 утра Головин посетил военного министра, который уже в 9 часов должен был прибыть к царю, и пояснил позицию Думы по отношению к словам А.Г. Зурабова. Председатель Думы говорил, что тот не собирался оскорбить армию, а лишь неудачно высказался. Редигер сказал Головину,

¹ П.А. Столыпин: Переписка / Под ред. П.А. Пожигайло. М., 2004. С. 33.

² Речь А.Г. Зурабова не была экспромтом, а заранее обсуждалась в социал-демократической фракции. См.: Социал-демократические фракции I и II Государственных дум: протоколы фракционных заседаний и материалы. 1906–1907 гг. / Отв. ред. П.Ю. Савельев. М., 2020. С. 526–528.

³ П.А. Столыпин глазами современников / Под общ. ред. П.А. Пожигайло. М., 2008. С. 105–106.

⁴ П.А. Столыпин: Переписка. С. 32.

что «считает инцидент исчерпанным постановлением Думы и моим отношением к делу». Председатель Думы уехал от военного министра «спокойный за судьбу Думы, вполне уверенный, что доклад будет сделан государю для Думы благоприятный»¹, в чем он не ошибся. Отметим, что после визита к Николаю II Редигер захватил к Головину — завез ему визитку.

Приходилось военному министру заботиться и об отдельных технических вопросах функционирования парламента. Так, 3 марта 1907 г. в субботу на Масленицу обвалился потолок в Таврическом дворце. Поскольку, как писал А.Ф. Редигер, «вольных рабочих нельзя было добыть, так как они были пьяны», власти обратились к военному министру, под контролем которого саперы чинили потолок 4 и 5 марта².

III Государственная дума по своему составу гораздо больше подходила для сотрудничества с властью, нежели первые две. Тем не менее, определенные сложности возникали. А.Ф. Редигер вспоминал: «Положение министра в Думе было донельзя трудное: он был для Думы чужим человеком, и ему трудно было убедить ее в чем-либо, если только против этого высказывалась комиссия Думы или хотя бы несколько ее членов, пользующихся доверием Думы»³.

В такой ситуации для военного министра сотрудничество с думской комиссией по государственной обороне являлось безальтернативным. Вскоре после открытия III Думы 8 декабря 1907 г. А.Ф. Редигер пригласил к себе председателя комиссии А.И. Гучкова с его ближайшими соратниками (всего 12 человек), при которых можно было говорить откровенно, «не опасаясь оглашения сказанного». Военный министр изложил свою программу, недостатки военного ведомства, основные статьи расходов на нужды армии. Он поручил доверенным офицерам Генерального штаба взаимодействовать с членами комиссии по обсуждению различных военных вопросов, не составлявших государственной тайны⁴. Возник своеобразный кружок, собиравшийся регулярно. А.И. Гучков отмечал впоследствии: «Эти собрания чрезвычайно облегчали нам дальнейшую работу и проведение законов через законодательные учреждения, т.к. давали нам такую осведомленность в деле, которая была бы невозможна в условиях работы многолюдной комиссии или еще более многолюдного общего собрания в Государственной думе. В этом же кружке возник ряд добрых начинаний, которые в форме законодательных предположений или пожеланий значительно продвинули дело обороны»⁵.

Благодаря налаженному взаимодействию III Дума, по словам А.Ф. Редигера, «широко шла навстречу всем нуждам военного ведомства»⁶. Комиссия по государственной обороне тщательно изучала представления военного министра, убеждалась в их обоснованности, принимала

¹ Головин Ф.А. Воспоминания. 1870–1918. М., 2020. С. 460.

² Редигер А.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 153.

³ Там же. С. 216.

⁴ Там же. С. 188.

⁵ ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 737. Л. 32.

⁶ Редигер А.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 188.

положительное решение, чем предопределялось принятие соответствующих законопроектов Думой. А.И. Гучков называл А.Ф. Редигера умным, знающим и благородным человеком, с которым у него сложились «самые дружеские отношения»¹.

Очевидно, что Николаю II и его окружению не нравилось слишком тесное сотрудничество военного министра с Думой. Неудивительно, что отставка А.Ф. Редигера оказалась напрямую связана с парламентским скандалом. 23 февраля 1909 г. А.И. Гучков произнес на заседании Думы речь, посвященную многоначалию в Военном министерстве, в которой критически высказался о четырех командующих военными округами в том смысле, что они не соответствуют своему положению, не годятся для выполнения военных обязанностей. По сути, это был прямой выпад в адрес верховной власти, отвечавшей за подборку высшего командного состава. Присутствовавший на заседании министр финансов В.Н. Коковцов хотел ответить Гучкову, чтобы «отделать его», но А.Ф. Редигер ответил сам. Военный министр признал наличие проблем с кадрами: «при выборе на любую высшую должность приходится считаться с имеющимися кандидатами на такую должность. Существенного улучшения состава начальствующих лиц можно достигнуть лишь постепенно... для улучшения командного состава меры уже приняты, и мы в этом отношении, несомненно, идем вперед»².

Очевидно, что правые круги ждали совершенно иного ответа. Н.Е. Марков (Марков 2-й) резко заявил, что слова военного министра оскорбительны для русской армии³. А.Ф. Редигер ответил на этот выпад словами о том, что Военное министерство «никому очков не втирает и не заявляет, что командный состав нашей армии в настоящее время является идеальным; оно надеется этого идеала достигнуть, но оно достигает его постепенно». А.И. Гучков выступил в его поддержку, отметив, что «большим грехом старого порядка была боязнь говорить правду верховной власти в глаза», и приветствовал мужество военного министра, «признавшего наличность известных недостатков»⁴.

Отметим, что по воспоминаниям современников А.Ф. Редигер в частных разговорах с представителями комиссии по государственной обороне не раз обсуждал этот вопрос, признавал, что высшее командование было «весьма неудовлетворительно», указывал, что «ему часто приходится в этом вопросе сталкиваться с очень сильными влияниями, которые ему не всегда удается устранять»⁵.

¹ Александр Иванович Гучков рассказывает... М., 1993. С. 51.

² Редигер А.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 278.

³ Выступление Н.Е. Маркова было настолько неуважительным по отношению к военному министру, что после заседания председатель Думы Н.А. Хомяков спросил у А.Ф. Редигера, можно ли поместить в стенограмму «выходку Маркова». Военный министр ответил, что он «вычеркнет из стенограммы только имеющее вид служебных секретов» (см.: Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907–1916 гг. М., 1924. Т. 1. С. 61).

⁴ Редигер А.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 278.

⁵ Беннигсен Э.П. Записки (1875–1917). М., 2018. С. 384.

Признание А.Ф. Редигером недостатков в подготовке действующего командного состава вызвало резкие нападки правой печати и недовольство в армии. Его упрекали в нарушении принципа монархизма, неуважении к выбору царем своих генералов, непризнании царского авторитета. «Не прикасайтесь к армии, или она сомнет вас», — восклицала астраханская правомонархическая газета «Русская правда»¹.

Анализируя в мемуарах свою позицию, А.Ф. Редигер писал, что осознавал: такой не удовлетворит государя и вызовет негодование высшего командного состава армии. Но «я иначе поступить не мог. Гучков был прав, указывая с тревогой на опасность, которой нам грозил плохой командный состав армии. Из-за него мы проиграли войну с Японией, и он же мог погубить нашу армию в новой войне. Во все время управления Министерством я сам вел наиболее упорную борьбу именно по вопросу об обновлении верхов армии. Меня мало интересовал вопрос, имеет ли Дума по букве закона право касаться этого вопроса, но нравственное право ее для меня было вне сомнения, так как она вполне патриотично шла навстречу всем нуждам армии, не жалея на это средств... Я поэтому не мог заявить Думе.., что вопрос этот ее не касается, и она не имеет права затрагивать его; отвечая же на этот вопрос по существу, я не мог говорить ничего иного, как правду»². Нет ничего удивительного, что такая позиция вызвала недовольство императора и отставку военного министра, последовавшую вскоре после его выступления в Думе.

Отставка прошла вполне уважительно: А.Ф. Редигер получил за службу орден Александра Невского и назначение в Государственный совет. С 1906 г. он ежегодно назначался к присутствию в нем, но должность министра не позволяла ему принимать участие в работе верхней палаты парламента. Лишь после отставки Редигер сосредоточился на деятельности в Государственном совете, где его записали в Правую группу. Однако его взгляды явно не соответствовали общим подходам членов этой группы. «Я не принадлежал к тем крайним правым, — констатировал Редигер, — которые желали бы повернуть историю вспять и упразднить Думу; в Государственном совете я, вероятно, более всего подошел бы к правому центру (партии Нейдгарта), а в Думе — к умеренным правым или националистам»³. В результате нередко возникали ситуации, когда Редигер голосовал не так, как правые. Впрочем, в этом отношении он не выделялся: противоречий в правой группе хватало, ее члены часто голосовали по своему усмотрению⁴.

В Государственном совете А.Ф. Редигер входил в финансовую комиссию и в другие комиссии, в основном, связанные с обороной и армией. Яркой роли в работе верхней палаты он не сыграл, добросовестно занимаясь рутинной работой, отмеченной рядом наград.

¹ Правые партии. 1905–1917. Документы и материалы. В 2-х т. М., 1998. Т. 1. С. 446.

² Редигер А.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 279.

³ Там же. С. 284.

⁴ Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России. С. 205.

Будучи военным министром, А.Ф. Редигер, следуя запрещению для военнослужащих заниматься политической деятельностью, никогда не афишировал свои политические взгляды, изложив их только в своих мемуарах. По убеждениям он был монархистом, но полагал, что от самодержавия должны были исходить (как при Александре II) те реформы, «которые требовались жизнью», направленные на постепенное расширение «самодеятельности общества». Он не сомневался, что Россия со временем должна была обратиться в конституционное государство: «самодержец должен чувствовать себя слугой государства и, отлагая в сторону все свои личные интересы и симпатии, ставить впереди всего интересы России... Всем этим требованиям государь не удовлетворял, и я признавал, что ввиду этого ограничение его власти было нужно»¹. Редигер с горечью констатировал, что авторитет самодержавия в течение ряда лет «систематически подкапывался самим государем» неискренним отношением к «дарованной им конституции» и неудачным выбором министров. В итоге, «неосторожная политика» Николая II привела к мировой войне и революции².

Таким образом, А.Ф. Редигер относился к тем государственным деятелям России, которые, оставаясь в рамках существующей системы власти, не уходя в оппозицию, стремились провести серьезные реформы в конституционном направлении путем конструктивного диалога с законодательной властью. Такая позиция получила поддержку депутатов III Государственной думы, прежде всего, членов комиссии по государственной обороне, благодаря чему парламент, по словам Редигера, стал «относиться с доверием к Военному министерству»³.

¹ Редигер А.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 284.

² Там же. С. 444.

³ Там же. С. 294.

БЫЛО УЖЕ ПОЗДНО. БЕЗРАЗЛИЧНОЕ ОТНОШЕНИЕ ИМПЕРАТОРА К ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ СДЕЛАЛО РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС НЕОБРАТИМЫМ (1911–1914 гг.)

ХОЛЯЕВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры Гуманитарных наук
Ярославского государственного технического университета,
Ярославль, Россия;
e-mail: holyaevsv@ystu.ru

Аннотация: В докладе рассматриваются последствия негативного отношения императора Николая II к Государственной думе в предвоенный период, после гибели премьер-министра П.А. Столыпина в 1911 году. Отмечается, что в ходе Первой мировой войны политика Николая II в отношении либеральной оппозиции и Государственной думы была достаточно рациональной и направлялась на налаживание взаимных отношений. Но слишком многое было упущено за три предыдущих года. Главными в политике тогда были противоречия между черносотенцами и октябристами. Последние требовали усиления полномочий Думы, дарования ей права представлять в спорных ситуациях законопроекты на личную подпись главы государства, в то время как правые требовали полного упразднения нижней палаты парламента. Николай II не выбрал ни один из этих вариантов. Он полагал, что если правительство оставит все как есть, но перестанет активно взаимодействовать с депутатами, о них быстро забудут. Однако в депутатском корпусе возрастали оппозиционные настроения. Внутри октябристской партии в 1913 году, вследствие активности Гучкова, произошел раскол партии. Из фракции октябристов выделилось левое крыло, поддерживаемое Гучковым, который хоть и не вошел в состав IV Государственной думы, но пытался активно влиять на фракцию Союза 17 октября. Произошло значительное усиление в Думе позиций кадетов и прогрессистов. И даже противоречия внутри кадетской партии, вызванные стремлением правых кадетов во главе с В.А. Маклаковым противостоять П.Н. Милюкову, не сильно помогали. Ведь правые кадеты рассматривали в качестве союзников левых октябристов, а Гучков уже в то время был настроен намного радикальнее того же Милюкова. Принципиально изменить ситуацию мог лишь союз сторонников Маклакова с фракцией земцев-октябристов М.В. Родзянко. Но этот союз сторонами даже не рассматривался. Начавшаяся в 1914 году война делала неизбежным жесткое противостояние Государственной думы с Николаем II и его правительством.

Ключевые слова: Государственная дума, черносотенцы, октябристы, кадеты, прогрессисты, Николай II, П.А. Столыпин, П.Н. Милюков, В.А. Маклаков, Н.А. Маклаков, А.И. Гучков.

В эпоху бурных перемен бывают периоды, кажущиеся спокойными и тихими, но именно они зачастую являются очень важными, так как готовят

новый виток бурных событий. В истории дореволюционной России таким был период 1911–1914 годов. В 1911 году завершилась деятельность главного премьера предреволюционной России П.А. Столыпина, а до начала войны оставалось еще долгих три года. В эти три года происходила серьезная перегруппировка сил, вырабатывалось отношение разных сил друг к другу, формировались те настроения, которые проявят себя столь явно в военный период и, по сути, определяют основы их последующих действий.

В 1911 году была упущена реальная возможность сближения позиций правительства и Государственной думы. Николай II, удалив из Государственного совета двух противников главы правительства П.Н. Дурново и В.Ф. Трепова, не мешал ему продолжать реформаторскую деятельность. Столыпинным был создан механизм потенциального союза партий: теперь становилось возможным проведение конституционных преобразований, пусть пока против воли радикалов слева и справа, кадетов и черносотенцев. И хотя в марте 1911 года лидер октябристов А.И. Гучков не хотел вступать в долгосрочные соглашения с националистами (его раздражало подозрение кадетов, что инициатором возможного блока октябристов с националистами является он сам как председатель Думы), в дальнейшем можно было вовлечь в данную коалицию и ряд других партий — прогрессистов и даже кадетов¹.

Столь опасный союз остался без должного внимания со стороны верховной власти. И здесь важно выделить главную ошибку Николая II, сделанную им лично после смерти П.А. Столыпина. Перестав обращать сколько-нибудь серьезное внимание на Думу, он сохранил все ее полномочия в полном объеме. Император был уверен, что «спокойно-внепартийное» отношение к Думе окажет благотворное влияние на внутреннюю жизнь, приведет к уменьшению интереса к ее «политиканству»².

На практике же три года, с 1911 по 1914, Дума копила ненависть к главе верховной власти, видя в нем источник своего законодательного бессилия. Правительство министра финансов В.Н. Коковцова занималось реализацией принятых программ и больше не взаимодействовало с Думой по принципиальным вопросам. Негативные настроения в отношении правительства также не остались без последствий, максимально обострив критическое отношение к власти оппозиционных сил. Во время Первой мировой войны Николай II будет проводить достаточно взвешенную, и в целом разумную политику в отношении оппозиции, но политика отстраненности от действий законодательного органа в предвоенный период окончательно сформировала у либералов негативное отношение к императорской власти, и наладить за годы войны необходимое взаимодействие с ними для стабилизации положения в стране ему так и не удалось³.

¹ Санькова С.М. Русская партия в России. Образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908–1917). Орел, 2006. С. 116, 117.

² Гайда Ф.А. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). М., 2016. С. 145.

³ Смирнов А.Ф. Государственная дума Российской империи 1906–1917 гг.: Историко-правовой очерк. М., 1998. С. 440.

Вместе с тем март 1911 года привел не только к поражению П.А. Столыпина, но и провел определенную черту под попытками либеральных партий мирным путем получить власть. Данный год становится важным рубежом, знаменующим начало постепенного перехода всего либерального лагеря в оппозицию. С уходом П.А. Столыпина осталось мало легальных оснований для равноправного сотрудничества либералов с властью: правительство в последующий период недооценило влияния либеральных партий, и отношения между ними постепенно приобрели враждебный характер¹.

Со смертью Столыпина в октябристских рядах преобладало разочарование от незавершенности реформ, которые намеревался осуществить Столыпин. Один из партийных лидеров С.И. Шидловский от имени октябристской фракции заявил, что «за истекшие пять лет деятельности в этой Думе мы кроме разочарования ничего не получили»². Однако октябристы во многом были сами виноваты в своей участи, так как, отказавшись от сотрудничества, предложенного прежним главой правительства, заблокировали на тот момент малейшую возможность изменений в государственном строе Российской империи. Отвергнув альянс с ВНС, тщательно готовившийся Столыпиным, октябристы скатывались в периферийную часть оппозиции.

Сложно складывались для них и взаимоотношения с черносотенцами, но это были единственные партии, изначально намеревавшиеся поддерживать Николая II. При их терпимом отношении друг к другу сохранялась вероятность постепенного приспособления самодержавного режима к запросам элитарной общественности. Именно неприязнь между ними способствовала слому более левыми, интеллигентскими партиями политической системы императорской России.

Успешнее всего отношения двух партий развивались с осени 1906 по весну 1907 годов. Примечательно, что 13 октября 1906 года блокироваться с октябристами на выборах во II Думу предложил именно их главный противник А.И. Дубровин. Он заявил, что соединение их усилий желательно. Объяснялось это обстоятельствами его личного знакомства со Столыпиным, когда 25 августа 1906 года он оказал первую врачебную помощь пострадавшим во время известного взрыва дачи премьер-министра. Но к концу существования II Думы взаимоотношения черносотенцев и Столыпина превратились в неприкрытую вражду. Ухудшение их отношений повлияло и на отношение к октябристам³.

Черносотенцы упрямо признавали в Союзе 17 октября не меньших революционеров, чем в кадетях, и призывали октябристов отказаться от надежд на либерализацию режима. Октябристы обвинялись ими в том, что, занимая значительные позиции в бюрократическом аппарате, всячески

¹ Размолодин М.Л. О консервативной сущности черной сотни. Ярославль, 2010. С. 153.

² Цит. по: Демин В.А. Верхняя палата Российской империи. 1906–1917. М., 2006. С. 97.

³ Павлов С.Б. Опыт первой революции: Россия. 1900–1907. М., 2008. С. 558, 590–591, 602.

ограничивали деятельность Союза русского народа и мешали ему свободно развиваться. «Октябристов не мало среди чиновников... И каждый из этих чиновников... готов допустить или запретить все что угодно, только бы не прослыть покровителем черной сотни... Русский народ уже понял это, и потому... каждое упущение правительства, приносящее пользу революционерам, увеличивает недоверие народа к интеллигенции, к которой принадлежите и вы, гг. октябристы...»¹. Правые принципиально не хотели видеть Государственную думу площадкой, где взаимодействуют разные партии, хотя бы и черносотенцы с октябристами.

Справедливости ради следует признать, что действия черносотенцев носили преимущественно оборонительный характер, так как стратегия П.А. Столыпина в свое время также строилась на раскалывании правого фланга политического спектра и маргинализации основной, ортодоксальной, части Союза русского народа². Главным объектом критики со стороны дубровинцев стала созданная Столыпиным партия ВНС, которую черносотенцы, и не без оснований, рассматривали как средство ослабления истинно правых сил в Думе. Русские националисты признали изменения в государственном строе России, состоявшиеся 3 июня 1907 года, и выступали в качестве ситуативных консерваторов постманифестной монархии, тогда как черносотенцы находили ущербной занятую ими позицию³.

Черносотенцы полагали себя охранителями, препятствующими сговору ненадежных, не лояльных к государственному порядку элементов. Пренебрежение к соседям слева, то есть октябристам, вызывало раздражение у наиболее разумной части правых, выражавшей несогласие с упрямством правого большинства, не желавшего понимать неизбежность принятия хотя бы минимальных изменений. В знак протеста из группы правых в Государственном совете вышел граф Д.А. Олсуфьев⁴.

После смерти Столыпина отношения черносотенцев и октябристов определялись спорами по вопросу о перераспределении полномочий между Государственной думой и Государственным советом. Октябристы обвиняли Государственный совет в том, что он является оплотом правых сил, и настаивали на реформе Госсовета в виде передачи Думе права представлять законы на утверждение царя без согласия верхней палаты, если там при их утверждении не удалось получить большинства⁵. При этом октябристы подчеркивали безопасность данной меры, ведь последнее слово все равно останется за короной. «Когда говорят лица совершенно безукоризненно лояльные, когда говорят лица, для которых первым стремлением есть достижение законности и порядка, то не прислушиваться к мнению этих лиц нельзя»⁶.

¹ Русское знамя. 1907. 11 марта.

² ГА РФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 631. Л. 4.

³ Размолодин М.Л. Указ. соч. С. 150.

⁴ Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Разложение третьеиюньской системы. Л., 1988. С. 54.

⁵ Демин В.А. Указ. соч. М., 2006. С. 103.

⁶ Дякин В.С. Указ. соч. С. 48–49.

Правые заговорили о надобности полного уничтожения представительного строя. В прессе ходил слух, что главный противник Столыпина, П.Н. Дурново, доказывал наверху, что Государственный совет, тратящий столько времени на исправление думских законопроектов, ратал бы гораздо продуктивнее, если бы Думы вообще не существовало¹.

Таким образом, позиции октябристов и черносотенцев полностью разошлись: первые настаивали на передаче ключевых политических прав Думе, а вторые требовали полного упразднения нижней палаты, считая, что парламентские функции способна выполнять и одна верхняя палата. Нежелание правых идти на компромиссы нанесло окончательный урон авторитету октябристов и привело их к поражению на выборах в IV Государственную думу. Партийное представительство крупнейшей фракции в Думе сократилось в полтора раза — со 154 до 98 депутатских мест, а лидер Союза А.И. Гучков и вовсе был забаллотирован, не попав в состав IV Думы².

Стратегический курс Союза 17 октября в послестольпинский период определялся на конференции 8 ноября 1913 года, запомнившейся яркой речью официального лидера Союза А.И. Гучкова, ставшего наиболее крупной фигурой форума и потребовавшего на нем объявления об открытом переходе партии в оппозицию к правительству. «Государственная дума и, в частности, Союз 17 октября самим ходом вещей вынуждены перейти к оппозиционной тактике в отношении данного правительства и данного правительственного состава...»³.

Настроения в партии были не столь однозначными. Правой позиции, жестко осуждающей линию Гучкова, придерживалась резолюция Тверского отдела, направленная перед конференцией в ЦК. «...всякая борьба „центра с кабинетом“ не соответствовала бы... уставу Союза, учрежденного для борьбы и с революцией, и с реакцией, ибо совместная работа с правительством и после смерти Столыпина вполне возможна и необходима...»⁴.

На самом совещании с критикой радикалов в октябристских рядах выступил представитель центра Н.И. Антонов, заметивший в своем выступлении: «Парламентская фракция многочисленна — правое и левое крыло не так велики, но о них много говорили, а о многочисленном, более спокойном и уравновешенном центре умалчивали...»⁵. Детальный анализ итогового постановления конференции показывает, что мнение А.И. Гучкова здесь было учтено, но принят более взвешенный вариант резолюции. Признавалось, что правительство не стремится к реализации положений Манифеста 17 октября и, более того, противодействует его выполнению, а потому октябристской фракции в Думе надо противостоять законными средствами вредным проявлениям правительственной деятельности. Вместе с тем в постановлении указывалось, что нельзя ограничиваться «борьбою с надвигающейся реакцией» и надлежит продолжать регулярную

¹ Там же. С. 53.

² История политических партий России. М., 1994. С. 106.

³ ГА РФ. Ф. 115. Оп. 2. Д. 43. Л. 18.

⁴ Там же. Л. 4 об.

⁵ Там же. Л. 21.

законодательную деятельность, нацеленную на внесение в Думу законопроектов, обеспечивающих проведение в жизнь Манифеста 17 октября¹.

Гучков потерпел на конференции крупное поражение, не убедив в своей правоте большинство партии. Это окончательно определилось на заседании ЦК 6 декабря 1913 года, когда выяснилось, что во фракции произошел раскол. На заседание прибыли председатели новых фракций М.В. Родзянко и М.М. Алексеенко, сообщившие Гучкову, что он, как председатель ЦК, не правомочен руководить октябристской фракцией, поскольку не является членом Думы².

Раскол фракции наглядно подтвердил, что радикализм Гучкова партией пока не одобрялся. Его сторону в конфликте заняли всего 22 депутата, образовавшие фракцию Союза 17 октября. Депутатское большинство, стоявшее на центристских позициях, составило фракцию земцев-октябристов из 65 человек во главе с М.В. Родзянко, сменившим А.И. Гучкова на посту председателя Думы. Противоречия между двумя возникшими фракциями были бесспорны. Земцы-октябристы категорически не соглашались на союз с кадетами, но больше не хотели оставаться в одной фракции и с правыми октябристами. Правые октябристы, выделившиеся в группу беспартийных, по-прежнему тяготели к сотрудничеству с консервативными силами. Их группа проявляла готовность, как и ранее, быть проводником правительственных предначертаний в Думе³.

Партия переживала глубокий идейный кризис. Позиции октябристов в Государственной думе и политической жизни страны вследствие раскола слабели. Но партия, в своей основе, продолжала сопротивляться намерениям Гучкова превратить ее из проправительственной в оппозиционную⁴. Октябристское большинство еще не было готово к союзническим отношениям с фракциями, находившимися в Думе левее их⁵. В этом были и отрицательные стороны, так как союз с правыми кадетами мог улучшить ситуацию.

Обстановка 1913 года неумолимо развивалась в направлении радикализации тактики ведущих российских партий. Союз правых кадетов с левыми октябристами, становясь все более реальным, отныне не являлся перспективным для налаживания сотрудничества с властью. Ведь если правые кадеты во главе с В.А. Маклаковым и войдут в союз с ними, они вступят в коалицию с непримиримо настроенным по отношению к правительству А.И. Гучковым. В то время он уже жестко настаивал на необходимости создания блока с другими либеральными партиями.

¹ Там же. Л. 32.

² Вишневецки Э. Либеральная оппозиция в России накануне Первой мировой войны. М., 1994. С. 161.

³ Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. С. 152; Павлов Д.Б., Шелохаев В.В. Октябристы // Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993. С. 125.

⁴ Вишневецки Э. Русские буржуазные партии в период нового революционного подъема (1910–1914 гг.): Дисс. ... д. ист. н. М., 1992. С. 476.

⁵ Вишневецки Э. Либеральная оппозиция в России накануне Первой мировой войны. С. 126, 129.

Незадолго до начала войны, в 1914 году, выступая на заседании ЦК, Гучков призывал однопартийцев быть готовыми к тому, чтобы на выборах в следующую, V, Думу октябристы шли вместе с кадетами и прогрессистами. По его убеждению передовые элементы России обязаны встать на путь согласованных действий против правительства¹.

Намного продуктивнее для правых кадетов теперь выглядел бы союз с основной частью октябристов. Блок Маклакова и Родзянко потенциально был способен объединить конструктивные силы обеих партий. Ведь октябристам в целом была свойственна осторожная позиция, нацеленная на взаимодействие с правительством, что подтверждали выводы ноябрьской конференции 1913 года. «Работа оппозиции в Государственной думе и около Думы ничего кроме вреда стране не приносила... оппозиция продолжает свою прежнюю тактику... причиняющую неисчислимые ущербы делу проведения в жизнь основ, провозглашенных в Манифесте 17 октября»².

В условиях, когда крупные партии занимают враждебные позиции, возрастает роль более мелких, по современной политологической терминологии, половинных партий. Если между черносотенцами и октябристами идея половинной партии, вынашиваемая П.А. Столыпиным, в лице ВНС, не сработала, могло ли оказаться успешнее взаимодействие между кадетами и октябристами? Такая структура существовала. Партия прогрессистов образовалась в 1909–1910 годах, ее основой стала фракция III Государственной думы³. Инициативу образования прогрессивной партии взяли на себя московские капиталисты А.И. Коновалов и П.П. Рябушинский. Центральная задача прогрессистов заключалась в преодолении разногласий крупнейших либеральных партий⁴.

На практике через них происходил процесс, обратный желаемому: буржуазия стремительно левела. Вследствие кризиса в самой многочисленной думской фракции, октябристской, политическая инициатива в либеральном спектре новой IV Государственной думы все очевиднее переходила к кадетам (58 человек) и прогрессистам (47 человек). Перед выборами в Думу 1912 года обе партии действовали как союзники. Кадетский ЦК признал обязательным для своих провинциальных комитетов проводить предвыборную кампанию согласованно с прогрессистами, «во избежание раздробления сил оппозиции»⁵. А из октябристов на контакт с прогрессистами решилось преимущественно все то же левое гучковское крыло, усиливая позиции в Думе непримиримых милюковцев⁶. Вследствие деятельности «половинных» прогрессистов Государственная дума стремительно превращалась во враждебную к правительству силу.

¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 244. Д. 147. Л. 4.

² Там же. Ф. 115. Оп. 2. Д. 43. Л. 4.

³ Там же. Ф. 523. Оп. 1. Д. 30. Л. 45.

⁴ Петров Ю.А. Рябушинский П.П. // Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993. С. 312.

⁵ ГА РФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 408. Л. 33 об.

⁶ Хеймсон Л. Политический и социальный кризис в России (от кануна Первой мировой войны до Февральской революции) // Россия-XXI. 1998. № 9/10. С. 148–149.

Таким образом, к лету 1914 года произошла значительная перегруппировка политических сил. В либеральном лагере произошел значительный сдвиг влево, и лидерство в нем от проправительственных октябристов перешло к оппозиционным партиям кадетов и прогрессистов. Октябристы пока формально не разорвали соглашение с правительством, но их лидер Гучков жестко настаивал на этом, сместившись с правого на левый фланг своей партии. Все заметнее становилась антиправительственная риторика октябристских речей. С правительством сохранять прежние отношения были готовы не более десятка правых октябристов.

Кадетское руководство накануне Первой мировой войны желало привлечь Государственную думу к антиправительственной деятельности. Уже тогда в радикальной партии зрело представление о том, что все ближе подходит время, когда станет возможным напомнить власти о себе. В апреле 1914 года кадетская фракция вступила в конфликт с правительством. При обсуждении бюджета А.И. Шингарев призвал Думу не утверждать бюджет, чтобы лишить правительство средств, так как оно утратило доверие общества. Здесь уже были заметны грядущие мотивы депутатского радикализма, характерные для предфевральского поведения либеральной оппозиции. Милюков в ходе начавшегося обсуждения бросил власти прямое обвинение в том, что она опирается на черносотенных главарей и вступает в союз с хулиганами, что было неправдой. В итоге кадеты высказались за отклонение бюджета даже без постатейного обсуждения. Реальных шансов на оставление страны без бюджета не было, но кадеты в своей позиции не являлись одиночками. Их поддержали прогрессисты. Один из их фракционных лидеров И.Н. Ефремов заявил, что лишь установление политической ответственности правительства перед Думой вернет авторитет имперской власти. Пока что объединенная позиция кадетов и прогрессистов получила всего 72 голоса, но все еще было впереди. Главное уже состоялось — цель была заявлена¹.

Это дает нам основания утверждать, что тот курс, который был обозначен в 1914 году под названием политики национального единения, не являлся стратегическим и носил сугубо тактический характер с целью проникновения во власть. Война виделась либеральной оппозиции удобным трамплином для рывка во власть, тогда как власть в начальный период войны сделала реальные уступки оппозиции и предоставила ей серьезные возможности для усиления влияния на общественно-политическую жизнь страны. Что показательно, инициатором уступок стал тогдашний министр внутренних дел Н.А. Маклаков, выражавший интересы консервативных сил. Впервые, по его ходатайству, была создана организация, объединяющая деятельность разрозненных прежде земств и городских дум — Земгор, призванный решать чисто военные задачи — оказывать материальную помощь армии. А основная часть либералов могла отныне оказывать содействие государству в мобилизации промышленности на военные нужды через создание военно-промышленных комитетов, деятельность

¹ Смирнов А.Ф. Указ. соч. С. 478–479.

которых распространялась на частные предприятия, принадлежащие самим либералам. Данная структура в политическом отношении оказалась самой влиятельной во всей иерархии созданных либералами организаций. Заправляли ею «купеческие партии»: октябристы и прогрессисты, находившиеся правее и левее кадетов. Председатель ЦВПК А.И. Гучков и товарищ председателя — прогрессист А.И. Коновалов¹.

Создание сети структур, в которых оппозиционеры получали право работать на оборону страны, свидетельствовало о намерении царя создать механизм постепенного привлечения партийных активистов к управлению страной. Эти две организации станут максимально влиятельными за годы войны. Но проявят себя они не на ниве сотрудничества с властью, а на почве противодействия ей². Либералам хотелось большего: они ожидали вхождения в саму власть. Только ради этого они и примирились с властью. Их истинное лицо и показал август 1915 года. С этого времени они взяли твердый курс на свержение правительства.

Настроения, культивируемые депутатами в 1911–1914 годах, оказали решающее влияние на тактику и стратегию Думы в военный период. Этими базовыми чувствами являлись неприязнь к власти за проявленное ею равнодушие к депутатам после смерти Столыпина и общее состояние скуки и уныния. Об этом писал накануне войны, в начале 1914 года, депутат IV Думы Л.А. Велихов. «Никто не верит в будущее. Одним словом, нудно, серо и скверно. Около сотни депутатов взяли отпуска еще на 2–4 недели... Все старые слова надоели, все орудия притупились, надежда поблекла и исхода не видно»³.

Именно такие настроения предопределяют враждебность в политике. Внешней причиной открытого перехода либералов в оппозицию стали поражения на фронте. Но «великое отступление» было лишь фоном, а не причиной кризиса. Оппозиционеры, воспользовавшись неудачами на фронтах, вернулись к привычному для себя делу — кампании по разоблачению правительства⁴.

Конструкция, созданная П.А. Столыпиным, для того чтобы помочь правительству, — союз октябристов и националистов, — теперь начинала работать против него внутри Прогрессивного блока. К сложившемуся альянсу еще добавились кадеты и прогрессисты, а также часть правых — Русский народный Союз имени Михаила Архангела В.М. Пуришкевича. Но состоявшаяся консолидация депутатов не предвещала российской государственности ничего хорошего. Во время войны законодательный орган срывал работу правительства по эффективному завершению войны.

¹ ГА РФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 229. ЛЛ. 1, 3.

² Семенова Е.Г. Партии российской революционной демократии в годы Первой мировой войны. М., 1998. С. 78.

³ Новая имперская история Северной Евразии. Ч. 2. Балансирование имперской ситуации XVIII–XX вв. Казань, 2017. С. 499.

⁴ Гайда Ф. «Начинается расплата», или «Священное единение» на русский лад // Родина. 2010. № 10. С. 93.

НИКОЛАЙ МАКЛАКОВ: ПРЕДЕЛЫ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОГО АНТИПАРЛАМЕНТАРИЗМА В ТРЕТЬЕЙ ЮНЬСКОЙ ПЕРИОД

ГАЙДА ФЕДОР АЛЕКСАНДРОВИЧ,

доктор исторических наук,
доцент исторического факультета МГУ
им. М.В. Ломоносова,
ведущий научный сотрудник Отдела новейшей истории
Русской Православной Церкви ПСТГУ,
Москва, Россия;
e-mail: fyodorgayda@gmail.com

Аннотация: В докладе освещены взгляды министра внутренних дел Н.А. Маклакова (1912–1915) на Государственную думу Российской империи, а также несколько его попыток инициировать роспуск законодательной палаты (1912, 1913, 1916–1917). Автор приходит к выводу, что взгляды царя и министра на Государственную думу были близки. При этом Николай II выступал за изменение законодательного статуса палаты и порядок рассмотрения законопроектов, а Маклаков самостоятельно такие идеи никогда не формулировал, хотя и не отвергал. Тем не менее, царь так и не решился провести свои взгляды в жизнь, поскольку они не находили понимания у подавляющего большинства министров. Маклаков был более решителен, но все его попытки к результату не привели. В целом, предложения министра не выходили за рамки столыпинской практики, а сам Маклаков считался образцовым столыпинским министром.

Ключевые слова: Н.А. Маклаков, Совет министров Российской империи, Государственная дума, Николай II, В.Н. Коковцов, И.Л. Горемыкин.

Н.А. Маклаков был назначен управляющим Министерством внутренних дел в декабре 1912 г., после думских выборов, исход которых в высших сферах был признан негативным. 42-летний чиновник имел правые взгляды и пользовался большим доверием царя. Кандидатура Маклакова, рассматривавшегося П.А. Столыпиным в качестве одного из образцовых губернаторов, первоначально была выдвинута на пост главы МВД после смерти премьера, но отвергнута В.Н. Коковцовым. Перед Маклаковым стояла задача обуздания парламента, как в свое время и перед Столыпиным¹. Отношения нового министра (утвержденного после образцового проведения торжеств по поводу 300-летия Дома Романовых) и Думы стали существенно осложняться в марте 1913 г., когда в Петербурге была разогнана прославянская демонстрация (шла Первая балканская война). 20 марта палата большинством от правых до прогрессистов поддержала

¹ Гайда Ф.А. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). М., 2016. С. 143, 226–229.

соответствующий запрос¹. Маклаков впервые выступил в палате, пообещав устроить разбирательство². Через два месяца Дума приняла бюджетную смету МВД с незначительными урезками³, а 27 мая министр Маклаков был произведен в чин гофмейстера.

В тот же день в отношениях правительства и Думы произошел открытый разрыв. Правый депутат Н.Е. Марков публично обвинил премьера В.Н. Коковцова в коррупции. В ответ председатель правительства потребовал извинений и заявил, что в противном случае более в палату не явится. Марков, а вслед за ним и председатель Думы М.В. Родзянко также проявили упорство. «Министерская забастовка» могла разрешиться либо роспуском Думы, либо отставкой Коковцова. Решающее слово в этом вопросе мог сказать Маклаков. Газеты писали, что он настаивал на роспуске Думы и придании ей законосовещательного статуса⁴. В Думе ходили упорные слухи о подготовке Маклаковым и поддерживавшим его кн. В.П. Мецкерским переворота с целью восстановления «абсолютизма»⁵.

Вторая сессия Думы начиналась в октябре 1913 г. Накануне открытия заседаний, 14 октября, Маклаков написал письмо царю. Министр характеризовал положение как беспокойное, поскольку сессия начиналась на фоне растущего рабочего движения и активизации интеллигенции. Маклаков предлагал выступить в Думе от имени всего правительства с предупреждением, а затем, если понадобится, ввести ее в «законное русло крепкой рукой»: осуществить роспуск и подавить беспорядки. Такая развязка, по мнению министра, была «по-видимому, едва ли отвратима»⁶. 18 октября Николай II ответил Маклакову, что «приятно поражен» его предложением, поскольку сам хотел выступить с такой же инициативой: «Лично думаю, что такая речь мин. внутр. дел своей неожиданностью разрядит атмосферу и заставит г-на Родзянко и его присных закусить языки». Более того, самодержец принципиально развивал инициативу министра и предлагал реформу государственного строя: «Также считаю необходимым и благовременным немедленно обсудить в Совете министров мою давнишнюю мысль об *изменении* статьи учреждения Госуд[арственной] думы, в силу которой если Дума не согласится с изменениями Госуд[арственного] совета и не утвердит проекта, то законопроект уничтожается. Это — при отсутствии у нас конституции — есть полная бессмыслица! Представление на выбор

¹ Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 — февраль 1917 года // Вопросы истории. 1999. № 4–5. С. 20.

² Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1913. Ч. I. Стб. 2409–2432.

³ Там же. Ч. II. СПб., 1913. Стб. 1900–1901.

⁴ Голос Москвы. 1913. 30 мая.

⁵ Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 — февраль 1917 года // Вопросы истории. 1999. № 7. С. 7–8.

⁶ Дневники и документы из личного архива Николая II: Воспоминания. Мемуары. Минск, 2003. С. 185–187; ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1288. ЛЛ. 1–2.

и утверждение государя мнений и большинства, и меньшинства будет хорошим возвращением к прежнему спокойному течению законодательной деятельности, и притом в русском духе» [курсив авт. — Ф.Г.]¹.

Однако 21 октября Совет министров, не осведомленный о мнении царя, отверг предложение Маклакова о его выступлении в Думе. На следующий день он написал монарху новое письмо, фактически предложив ему самому инициировать реформу законодательного порядка: «Передача такого повеления Вашего председательствующему в Совете через меня, младшего из состава Совета, вызвала бы очень неосновательные, правда, но очень, к сожалению, большие отзвуки личного самолюбия, которые повредят лишь самому делу, столь большому и важному для всей последующей жизни России»². Однако личной инициативы монарха не последовало. 23 октября он лишь согласился с мнением правительства о возможном роспуске с объявлением даты новых выборов. На правительственном журнале появилась высочайшая резолюция: «Согласен. Срок созыва новой Г. Думы должен быть значительно отдален»³. Таким образом, против большинства министров монарх не пошел. Через месяц депутат-националист В.Я. Демченко посетил Маклакова, чтобы подтвердить слухи о планах роспуска. Министр признал, что такие планы были, но после восстановления деловых отношений палаты с правительством потеряли актуальность⁴. Кроме того, Маклаков дважды посетил думскую комиссию о печати (подготовленный весной 1913 г. в МВД законопроект о печати имел для министра принципиальное значение) и произвел очень хорошее впечатление на националистов и правых октябристов⁵. Последние добились внесения принципиальных поправок в правительственный проект, устранив из него все новшества Маклакова, в первую очередь, механизм предварительной цензуры⁶. Тем самым, результаты первого года в правительстве оказались для министра плачевными.

Следующая попытка была предпринята Маклаковым в разгар предвоенного международного кризиса в середине июля 1914 г. Министр вторично инициировал план роспуска Думы в связи с рабочими беспорядками в столице. С ведома царя Маклаков посетил правого публициста К.Н. Пасхалова⁷, после чего тот отправил в газету «Московские ведомости» статью о необходимости перемены статуса палат. Пасхалов просил

¹ Дневники и документы из личного архива Николая II: Воспоминания. Мемуары. Минск, 2003. С. 183–184.

² Дневники и документы из личного архива Николая II: Воспоминания. Мемуары. Минск, 2003. С. 187–188; ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1288. ЛЛ. 3–4.

³ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1913 год. М., 2005. С. 411.

⁴ Новое время. 1913. 20 ноября.

⁵ Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 — февраль 1917 года // Вопросы истории. 1999. № 9. С. 31.

⁶ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 581. ЛЛ. 9, 15, 46 об.

⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 990. Л. 936. К.Н. Пасхалов — кн. Софье Александровне Голицыной, 16 июля 1914 г.

издателя Назаревского не смягчать тональности этого текста, поскольку идея находила понимание и у Маклакова, и у монарха¹. На особом заседании Совета министров под председательством царя, посвященном общему политическому положению, Николай II неожиданно поставил вопрос о роспуске Думы и превращении ее в законсовещательный орган. Все министры, кроме Маклакова, резко возражали. Министр юстиции И.Г. Щегловитов сказал императору, что считал бы себя изменником, если бы поддержал план в такой ситуации. В результате царь произнес: «Этого совершенно достаточно. Очевидно, вопрос надо оставить»².

Третью попытку Маклаков осуществил уже после собственной отставки (июнь 1915 г.) и начавшегося думского «штурма власти». В начале ноября 1916 г. в консервативном салоне члена Государственного совета шталмейстера А.А. Римского-Корсакова, куда входили Н.А. Маклаков, Н.Е. Марков и др.³, была составлена записка о внутреннем положении России. Основным автором, по всей вероятности, был М.Я. Говорухо-Отрок⁴, однако текст прошел личную правку Маклакова. Государственная дума обвинялась в открытых революционных поползновениях и организации «государственного, а весьма вероятно, и династического переворота». Предлагалось распустить палату, а также изменить ее полномочия и порядок выборов. Монарх вновь получал право соглашаться с мнением большинства или меньшинства. Выдвигался проект одноступенчатых выборов кандидатов «от городских и уездных бытовых и сословных групп», незначительная часть которых «по жребию, а всего лучше, по Высочайшему соизволению» получала бы статус депутатов. Необходимо было выстроить в отношении Думы активную политику, для чего при премьерере должны были появиться «особое лицо, особая и притом серьезно поставленная организация и крупный специальный фонд для ведения внутренней политики в самой Думе с единственной целью создания и поддержания прочного и постоянного большинства, благоприятного правительству». Отмечалось, что правительство, «за исключением лишь слабых попыток времен Столыпина, не вело в Думе или, вернее сказать, с Думой никакой политики». Предлагалось также удалить из Государственного совета всех членов Прогрессивного блока, осуществить административную чистку, приструнить печать, поставить под военный контроль Земгор и военно-промышленные комитеты, ввести в столицах и крупных городах военное или осадное положение. Записка была вручена премьеру Б.В. Штюрмеру для передачи монарху,

¹ Там же. Л. 927. К.Н. Пасхалов — Б.В. Назаревскому, 14 июля 1914 г.

² Падение царского режима: стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / Ред. П.Е. Щеголева. М.; Л., 1925. Т. II. С. 438; Л., 1925. Т. III. С. 133–134.

³ *Стогов Д.И.* Правомонархические салоны Петербурга-Петрограда (конец XIX — начало XX века). СПб., 2007. С. 297.

⁴ Падение царского режима: стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / Ред. П.Е. Щеголева. М.; Л., 1926. Т. V. С. 289.

но премьер не сделал этого, поскольку придерживался более умеренных взглядов. Однако затем это сделал участник кружка Римского-Корсакова председатель Комитета помощи русским пленным кн. Н.Д. Голицын¹.

Вскоре после убийства Г.Е. Распутина, 21 декабря, Маклаков опять написал царю письмо, в котором вновь призывал, во избежание новой революции, призвать Думу к порядку. Он напоминал, что в 1905 г. внутренняя смута оказалась более грозным врагом, чем внешний противник. 1 января 1917 г. экс-министр был удостоен ордена Владимира II степени. 8 февраля министр внутренних дел А.Д. Протопопов передал Маклакову желание монарха о составлении проекта манифеста о роспуске Думы. Вместе они составили соответствующий текст. Кроме того, Маклаков считал необходимым разработку в Совете министров мер противодействия той части населения, которая «сбита с толку» Думой и попытается оказать сопротивление. Маклаков писал царю: «Власть более чем когда-либо должна быть сосредоточена, убеждена, скована единой целью восстановить государственный порядок, чего бы то ни стоило, и быть уверенной в победе над внутренним врагом, который давно становится и опаснее, и ожесточеннее, и наглее врага внешнего. „Смелым Бог владеет“, государь»². Однако дальнейшего развития инициатива вновь не получила. Поздним вечером 26 февраля экс-министр вместе с членами Государственного совета А.Ф. Треповым и А.А. Ширинским-Шихматовым приехал на заседание правительства с призывом принять решительные меры против думской агитации³. Через день Маклаков был арестован составшими.

Таким образом, взгляды царя и министра на Государственную думу, в целом, совпадали. Правда Николай II также выступал за изменение законодательного статуса палаты и порядок рассмотрения законопроектов, что лично от себя Маклаков никогда не формулировал. Однако решительности по проведению своих собственных предложений у него все же было больше. Причем, эти предложения не выходили за рамки столыпинской практики, а Маклаков, как уже отмечалось, считался вполне образцовым столыпинским министром.

¹ Записка, составленная в кружке Римского-Корсакова и переданная Николаю II кн. Голицыным в ноябре 1916 г. // Архив русской революции. Под ред. И.В. Гессена. М., 1991. Кн. 3. Т. 5. С. 337–343.

² ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1288. ЛЛ. 10–11 об., 19–20; Д. 1003. ЛЛ. 1–2.

³ Шаховской В.Н. Так проходит мирская слава. 1893–1917 гг. М., 2019. С. 322–323.

РЕФОРМА ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕГО СЕНАТА 1916 г. И ЛИБЕРАЛЬНАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ

ДЁМИН ВАДИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ,

доктор исторических наук,
профессор кафедры истории, философии и литературы
Российского института театрального искусства (ГИТИСа),
Москва, Россия;
e-mail: vadime_demine@mail.ru

Аннотация. В статье говорится о реформе административных департаментов Сената, проведенной в 1916 г. и вступившей в силу после свержения монархии. Разработка реформы велась с 1905 г., однако разногласия в правящих кругах, а также занятость другими преобразованиями затянули рассмотрение дела. В итоге Сенат должен был превратиться в независимый от правительства и принимающий решения в разумные сроки орган контроля над законностью в государственном управлении. Основной вклад в разработку и проведение реформы внесли «либеральная бюрократия» и октябристы IV Государственной думы.

Ключевые слова: Правительствующий сенат, Государственная дума, Государственный совет, законность в государственном управлении, либеральная бюрократия, фракция земцев-октябристов, кадетская фракция, фракция прогрессистов.

В 1916 г. был издан закон о реформе административных департаментов Правительствующего сената, направленный на превращение его в независимого блюстителя законности в государственном управлении. В условиях Российской империи преобразование старейшего из высших государственных учреждений представлялось существенным преобразованием. Оно должно было вступить в действие с 1 мая 1917 г. Однако в условиях начавшейся революции задача поддержания законности утратила актуальность. Поэтому, хотя закон о реформе формально начал действовать (с 15 мая 1917 г., новой власти потребовалось дополнительное время для политической «чистки» Сената), но сколько-нибудь существенного влияния на ход событий не оказал. Поэтому реформа не стала предметом исторических исследований.

Между тем ее изучение важно для понимания тенденций развития Российской империи в конце ее существования, соотношения усилий правительства и либеральной общественности в реформировании страны, а также деятельности различных политических сил. Предлагаемая статья преследует цель на основе опубликованных источников разработать ход обсуждения этой реформы с 1905 г., когда началась ее разработка, до утверждения в конце 1916 г., а также отношение к преобразованию либеральных и либерально-консервативных (октябристских) депутатов и публицистов.

К 1905 г. устройство административных департаментов Сената определялось Указом о правах и обязанностях Сената 1802 г. с многочисленными

дополнениями. Они признавали Сенат неотъемлемой частью высшей администрации и ставили его в фактическую зависимость от ее руководителей — министров, особенно министра юстиции как главы судебного ведомства, включающего Сенат в свой состав.

Сенаторы назначались императором по докладу министра юстиции, учитывающего предложения других министров. Единого жалования сенаторам не устанавливалось, оно определялось монархом по докладу министра юстиции индивидуально. Сенаторами обычно становились чиновники средне-высшего звена: бывшие товарищи министров, директора министерских департаментов, губернаторы и др.

Дела от имени Сената первоначально рассматривал департамент. Его члены назначались «к присутствию» в нем на 1 год императором по докладу министра юстиции. Докладывала обстоятельства дела и предлагала проект решения канцелярия во главе с обер-прокурором, подчиненным министру юстиции. Некоторые категории дел, в т.ч. жалобы на решения министров, могли рассматриваться лишь после получения отзывов заинтересованных министров. При этом срок составления документа не устанавливался, и в ряде случаев он не присылался годами.

Решения департаментов по общему правилу могли приниматься только единогласно, при этом заинтересованные министры (или заменявшие их товарищи министров) имели право решающего голоса наряду с сенаторами. Также решение нуждалось в согласии обер-прокурора, имевшего право с согласия министра юстиции его не «пропустить».

По жалобам на действия администрации и ее представлениям решения департаментов принимались 2/3 голосов. Согласие обер-прокурора оставалось обязательным. Расширявшие компетенцию Сената законы 1905–1906 гг. установили принятие его департаментами весьма важных решений (о правильности выборов в Государственную думу, толковании соответствующих законов, о регистрации («легализации») или ее отмене общественных организаций и др.) простым большинством голосов. Полномочия обер-прокурора в этом случае ограничивались представлением необязательного для сенаторов заключения.

Дела, вызвавшие в департаментах разногласия и сенаторов, и/или министров, или обер-прокурора, переносились в одно из общих собраний Сената. Кроме того, участники дела могли подать жалобы на имя императора на принятые надлежащим большинством решения департаментов. Эти обращения рассматривались Особым присутствием по предварительному рассмотрению жалоб на определения департаментов Правительствующего сената при Государственном совете в составе председателя и 4 членов, назначаемых императором ежегодно из членов Совета и сенаторов. Присутствие с формального утверждения императора или оставляло жалобу без последствий, или переносило дело в общее собрание. В 1905–1914 гг. присутствие рассмотрело 2198 дел и перенесло в общие собрание 311 (14%)¹.

¹ РГИА. Ф. 1148. Оп. 12. Д. 169. Л. 681 об.

В общих собраниях Сената доклад дел, включая составление проектов решений, также осуществляла подчиненная министру юстиции канцелярия. Влияние заинтересованных министров по сравнению с департаментами значительно уменьшалось: для решения требовалось 2/3 голосов, при этом у министра оставался один голос на несколько десятков голосов сенаторов. В то же время права министра юстиции сохранялись в неприкосновенности: он в качестве генерал-прокурора мог «не пропустить» решение общего собрания.

В случае отсутствия в нем большинства в 2/3 или несогласия с ним министра юстиции дело переходило в департамент гражданских и духовных дел, а затем в общее собрание Государственного совета и на основании его заключения утверждалось императором¹. В этом случае длившаяся несколько лет процедура обычно приводила к утрате рассматриваемым делом актуальности.

Таким образом, на решения административных департаментов Сената значительное влияние имели заинтересованные министры и очень значительное — министр юстиции и подчиненная ему прокуратура. Излишне сложная процедура могла оказаться слишком длительной. Порядок решения разных дел мог очень существенно отличаться в зависимости от времени включения их в компетенцию Сената.

Тем не менее, до 1905 г. либеральная общественность не требовала реформы Сената. В частности, ведущая либеральная юридическая газета «Право» в 1904 г. видела в кассационных департаментах Сената фактор улучшения правосудия², умалчивая о значении его административных департаментов.

Вопрос о необходимости их реформы был впервые поставлен публично принятым по инициативе министра внутренних дел кн. П.Д. Святополк-Мирского указом 12 декабря 1904 г. В его первом пункте говорилось о необходимости «принять действительные меры к охранению полной силы закона — важнейшей в самодержавном государстве опоры престола, дабы ненарушимое и одинаковое для всех исполнение его почиталось первейшей обязанностью всех подчиненных нам властей и мест»³. Гарантом соблюдения законности в государственном управлении были административные департаменты Сената, прежде всего первый, поэтому намечаемая реформа не могла не затронуть их.

Указ 12 декабря был поддержан либеральной общественностью. Уже в начале 1905 г. в «Праве» отмечалось: «Не вполне удовлетворяют научным требованиям состав и производство первого департамента Правительствующего сената, хоть он и является единственным учреждением... напоминающим администрации о необходимости соблюдать законность»⁴.

¹ После реформы 1906 г. эти дела рассматривались первым департаментом Совета. Его заключение представлялось непосредственно императору.

² Право. 1904. № 8. Стб. 489–491; № 10. Стб. 631–632.

³ Законодательные акты переходного периода. 1904–1908 гг. М., 2010. С. 11.

⁴ Горбунов А. Законность управления и ее необходимые условия // Право. 1905. № 1. Стб. 10–11.

Правительство для разработки реформы Сената создало Особое совещание во главе с членом Государственного совета А.А. Сабуровым, видным представителем т.н. «либеральной бюрократии». Он после окончания Александровского лицея служил в различных правительственных и судебных учреждениях, в правительстве гр. М.Т. Лорис-Меликова был министром народного просвещения (1880–1881), затем до 1899 г. работал в Сенате, после чего был назначен в Государственный совет. Совещание включало членов Государственного совета, сенаторов и представителей ведомств, всего около 30 членов¹, и работало с января по июль 1905 г. Оно стремилось превратить Сенат во вневедомственный независимый и эффективный орган контроля над государственным аппаратом. Предложенные преобразования можно свести к четырем пунктам. Во-первых, предлагалось создать во всех департаментах должности первоприсутствующих и возложить на них (вместо министра юстиции) доклад императору всех сенатских дел. Во-вторых, предлагалось установить определенные штаты сенатских департаментов и предоставить им право выдвигать кандидатов на вакантные сенаторские должности с представлением этих кандидатов императору первоприсутствующими. В-третьих, проектировалось подчинение сенатских канцелярий первоприсутствующим, а не возглавляемой министром юстиции прокуратуре. В-четвертых, предлагалось упростить и ускорить сенатскую процедуру, а именно лишить прокуратуру права вето на сенатские решения, ввести рассмотрение дел в отделениях департаментов, допустить объяснения частных лиц.

Довольно радикальный проект не встретил поддержки либералов. Рассуждая по его поводу, видный либеральный правовед (будущий кадет и председатель Юридического совещания Временного правительства) Н.И. Лазаревский на основе французского опыта Первой и Второй империй рассуждал о неэффективности предварительного контроля за законностью административных постановлений. Публицист выступал за сочетание предварительного и последующего (при применении) сенатского контроля над законностью постановлений властей².

В связи с начавшейся разработкой общей реформы государственного строя проект Особого совещания фактически остался без движения. С середины 1905 г. оно бездействовало и было упразднено императорским повелением от 26.04.1906 г. Материалы Совещания были переданы в министерство юстиции для направления в новом законодательном порядке³.

Министерство не торопилось это делать, и Сабуров решил воспользоваться предоставленным в 1906 г. Государственному совету правом законодательной инициативы. В нем сановник стал одним из лидеров группы центра, стоявшей на умеренно-реформистских позициях

¹ Государственный совет. Стенографические отчеты. 1907 год. Сессия вторая. СПб., 1907. Стб. 403–404.

² Лазаревский Н.И. Соображения Комитета министров по вопросу об охране полной силы закона // Право. 1905. № 5. Стб. 310–312.

³ Государственный совет. Стенографические отчеты. 1907 год. Сессия вторая. Стб. 380.

и объединявшей в 1906–1907 гг. большую часть членов верхней палаты¹. Под руководством Сабурова было подготовлено законодательное предположение 39 членов. Об его внесении было объявлено 11.04.1907 г.

Проектом предусматривалось преобразование одного первого департамента (важнейшего из административных, ведавшего общим надзором за администрацией), и предлагалось установить определенное число его членов, ввести должность первоприсутствующего, докладывающего императору о требующих его утверждения решениях и о назначении и службе сенаторов. Также проектировались право Сената представлять кандидатов в сенаторы, решение всех дел простым большинством, создание отделений, отмена обязательности заключений министров и посылки к их подписи сенатских решений с введением устного участия министров в заседаниях, допуск в заседания сторон и их поверенных с правом представления объяснений. Предлагалось возложить на сенаторов устный доклад дел и наблюдение за составлением письменного доклада и проектов решений, а также установить порядок надзора Сената за опубликованием законов и постановлений министров «в видах соответствия оных предоставленных им по закону полномочиям»².

Проект был рассмотрен Государственным советом 19 и 30 мая и 2 июня 1907 г. Реформу поддерживали центристы (члены по назначению Сабуров, бывший министр юстиции С.С. Манухин, С.Ф. Платонов, Д.Ф. Кобеко, крупный промышленник Н.С. Авдаков, представители польского кружка И.О. Корвин-Милевский и И.Е. Олизар, а также представители либеральной и либерально-консервативной общественности: члены ЦК Союза 17 октября М.В. Красовский и барон П.Л. Корф (оба возражали против выдвижения Сенатом кандидатов в сенаторы), лидер Партии демократических реформ М.М. Ковалевский и мирнообновленец кн. Е.Н. Трубецкой. Кадеты, составляющие большинство членов «университетской группы», от имени которой выступал Ковалевский, предпочли воздержаться от участия в обсуждении.

Сторонники проекта рассуждали главным образом о медленности сенатских решений и зависимости Сената от министров. Возражая правым, Красовский и представитель польского кола Е.Е. Добецкий указывали, что обеспечение законности правительственных распоряжений укрепит авторитет власти и доверие к ней населения.

Умеренным противником преобразования выступил представлявший правительство министр юстиции И.Г. Щегловитов. Министр, не отказываясь от содержательных возражений, в первую очередь, приводил формальные. Он заявил: «Будущая реформа Сената теснейшим образом

¹ Дёмин В.А. Группа центра Государственного совета: состав и деятельность // Таврические чтения 2020. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 10–11 декабря 2020 г.: сборник научных статей. В 2-х ч. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2021. Ч. 1. С. 120.

² Государственный совет. Стенографические отчеты. 1907 год. Сессия вторая. Приложения. С. 23–24.

связана с учреждением на местах судебно-административных установлений... Пока эти установления не существуют, едва ли можно преобразовать Сенат»¹. Показательно, что такие учреждения не были созданы до 1917 г. Также Щегловитов счел невозможным преобразование одного первого департамента как нарушающего единство Сената, предложил принимать решения в департаментах 2/3 голосов, установив простое большинство лишь в общем собрании, а также сохранить право жаловаться на решения департаментов императору.

Особо решительные возражения министра вызвало предложение о придании Сенату вневедомственного характера. По мнению Щегловитова, разрыв связи правительства и Сената, вероятно, приведет «к совершенной невозможности активного управления в России»².

Министра поддержали гр. С.Ю. Витте и участник революционного народнического движения 1870-х гг. Я.А. Ушаков, к началу XX в. изменивший свои взгляды и примкнувший в Государственном совете к группе правых. Бывший первый министр объявил проекты 1905 г. имеющими лишь историческое значение, а также указал, что проект предполагает передачу первоприсутствующему в первом департаменте «власти управления... в очень широких размерах»³. Ушаков рассуждал о несвоевременности преобразования.

Против всех положений реформы в принципе выступили правые члены по назначению во главе с председателем группы С.С. Гончаровым. Консервативные сановники, имевшие опыт работы в Сенате (бывший министр внутренних дел П.Н. Дурново, бывшие товарищи министра МВД Н.А. Зиновьев и А.С. Стишинский), рассуждали об успешном взаимодействии Сената с министрами, не ограничивающими самостоятельность Сената и лишь повышающими обоснованность его решений.

Дурново также настаивал на недопустимости независимого контроля над законностью действий администрации. По его мнению, «одна администрация и полиция являются наилучше организованной силой, которая сдерживает бушующие страсти, и потому нельзя ставить каждый их шаг под контроль безответственного учреждения. Мой взгляд сводится к тому, что губернаторы, дозволяя себе даже превышение власти в целях неотложного охранения порядка, исполняли свой долг, а те, которые вместо энергичных распоряжений искали в законах подходящей статьи... нарушали свою обязанность»⁴.

Также правые резко критиковали представление Сенатом кандидатов в сенаторы как вносящее в него партийную борьбу и могущее привести к преобладанию в Сенате оппозиционных сил. Отмечалось, что в случае реализации проекта первоприсутствующий займет в департаменте начальственное положение, и зависимость сенаторов от него будет

¹ Государственный совет. Стенографические отчеты. 1907 год. Сессия вторая. Стб. 388.

² Там же. Стб. 608.

³ Там же. Стб. 539.

⁴ Там же. Стб. 404.

значительно выше, чем от министра юстиции при существовавшей организации.

Несмотря на наличие у группы центра абсолютного большинства в Государственном совете и поддержку проекта левыми, он из-за неорганизованности и разношерстности центра, а также недоразумений при голосовании оказался отклонен 75 голосами против 71¹.

Неудавшаяся инициатива Сабурова ускорила работу Министерства юстиции над реформой. 8.12.1907 в III Государственную думу был внесен законопроект о некоторых изменениях в порядке производства и решения дел в департаментах Правительствующего сената прежнего устройства. Как видно из названия, из четырех основных положений проекта Особого совещания Щегловитов согласился только на упрощение сенатской процедуры. Более радикальные преобразования признавались несвоевременными из-за предстоящих реформ администрации и административной юстиции.

Министр юстиции считал необходимым сохранить право доклада сенатских дел, в т.ч. представление кандидатов в сенаторы с сохранением их неопределенного числа, а также руководство сенатской канцелярией. Указывалось, что в противном случае администрация не сможет выполнять свои задачи, а состав сенаторов может ухудшиться из-за неизвестности департаментам многих подходящих кандидатов².

Проект предусматривал создание отделений департаментов для рассмотрения однородных дел. В общем присутствии департамента предлагалось вносить лишь спорные вопросы по требованию министра или одного из сенаторов. Предусматривалось устранение возможности министров затягивать на неопределенный срок рассмотрение дел департаментом при сохранении за начальниками ведомств права переноса дел в общее собрание Сената. Проектировались надзор сенаторов за составлением канцелярией докладов и, при желании сенатора-докладчика, устный доклад дел, допуск в Сенат с правом представления объяснений участников дела и их адвокатов.

Предлагалось решать дела в департаментах 2/3 голосов (кроме вопросов, для которых уже установлено простое большинство), при его отсутствии переносить дело в общее собрание, в котором достаточно простого большинства. Подлежало отмене право вето прокуратуры на сенатские решения³.

Проблема реформы Сената была рассмотрена в изданной в 1908 г. брошюре Ф.Ф. Кокошкина⁴. По мнению одного из ведущих кадетских юристов, «нельзя сказать, чтобы вопрос о реформе Сената ставился в них [проектах особого совещания и группы центра] вполне правильно и достаточно полно». Основными недостатками назвались отсутствие

¹ Там же. Стб. 624–625.

² Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. СПб., 1914. Ч. II. Стб. 792.

³ Там же. Стб. 792–809.

⁴ Кокошкин Ф.Ф. К вопросу о реформе Сената. М., 1908.

требования юридического образования от сенаторов, а также некоторые права Сената, не соответствующие «конституционным началам»: его законодательная инициатива и участие в предании суду министров, предварительная проверка законности правительственных распоряжений. Тем не менее, признавалось, что «несмотря на слабые стороны вышеупомянутых проектов 1905 и 1907 гг., в общем вопрос о реформе Сената был поставлен в них довольно широко...»¹.

Проект же Министерства юстиции резко критиковался как направленный на сохранение Сената в качестве «орудия внутренней политики» правительства². В частности, отмечались сохранение влияния министра на личный состав сенаторов, продолжение их назначения из несведущих в праве лиц, вынужденных следовать советам обер-прокурора, отсутствие несменяемости сенаторов. Также объявлялись неприемлемыми требование принятии департаментами решений 2/3 голосов, сохранение за министрами права вето на решения департаментов (с переносом дела в общее собрание Сената) и права частных лиц приносить всеподданнейшие жалобы на решения департаментов.

По мнению кадетов, «из трех основных и неотложных задач, а именно: 1) обеспечения надлежащей подготовки и независимости личного состава административных департаментов, 2) предоставления Сенату полной самостоятельности в осуществлении его полномочий и 3) преобразования его делопроизводства согласно с современными процессуальными принципами — министерский проект первую задачу совершенно обходит, второй касается лишь в слабой степени, а третью разрешает частично и неполно».

Поэтому «проведение в жизнь проекта Министерства юстиции в его настоящем виде само по себе могло бы считаться некоторым шагом вперед сравнительно с настоящим порядком. Но оно могло бы иметь и невыгодные последствия. Можно опасаться, что с осуществлением проектированных министерством частичных улучшений вопрос о Сенате стал бы считаться разрешенным, и важнейшие части необходимой реформы были бы отложены до „отдаленного будущего“. Нельзя поэтому не пожелать, чтобы в Государственной думе законопроект министра юстиции подвергся тщательному пересмотру и главным образом в смысле расширения той постановки, которую он дает вопросу»³.

Комиссия III Государственной думы по судебным реформам, возглавляемая октябристом Н.П. Шубинским, известным адвокатом и тверским помещиком, не сочла проектируемое Щегловитовым преобразование первоочередным и, занятая другими реформами, не закончила его рассмотрение до роспуска палаты.

Министерство юстиции внесло проект и в IV Государственную думу. Она 10.12.1912 передала проект в комиссию по судебным реформам,

¹ Там же. С. 8–9.

² Там же. С. 14 (курсив оригинала).

³ Там же. С. 24.

вновь возглавленную Шубинским. Прогрессисты внесли альтернативный проект на основе работ совещания Сабурова, переданный в комиссию в качестве материала¹.

Комиссия рассмотрела дело в 6 заседаниях в марте и ноябре 1913 г. Она одобрила проект и сочла необходимым его дополнить. В частности, было предложено предоставить Сенату по аналогии с судами право представлять кандидатов на открывшиеся вакансии (не менее двух на каждую), при этом доклад этих кандидатур предлагалось возложить на министра юстиции, закрепив его право предлагать других кандидатов, назначать в Сенат только получивших высшее образование, а в его судебный департамент — только юристов, опытных в гражданском или торговом праве, установить штаты департаментов и оклад (10 000 руб. в год, для первоприсутствующих в 12 000) сенаторов, их несменяемость (относительно присутствия в департаменте). Увольнение сенаторов в дисциплинарном порядке возлагалось на общее собрание Сената. Также предлагалось окончательно разрешать все дела в департаментах простым большинством без переноса в общие собрания (в т.ч. отменялось право жаловаться на сенатские решения императору), лишить министров решающего голоса (оставив совещательный), возложить доклад дел на сенаторов и внести ряд др. поправок. В частности, на прокуратуру вместо «надзора за порядком производства дел и правильностью решений» возлагались «предъявление заключений в заседаниях Сената» и «надзор за порядком производства в канцелярии дел». Сенату предоставлялось право отменять незаконные министерские циркуляры.

Министр юстиции согласился с установлением штатного расписания департаментов и предложил создать третий департамент по финансовым делам, возникающим в результате столкновений имущественных интересов казны и частных лиц: о налогах и пошлинах, казенных подрядах и поставках, аренде государственных имуществ, назначении и выдаче жалования и пенсий и т.п. Комиссия одобрила с незначительными поправками эти предложения.

Общее собрание Думы рассмотрело проект в трех заседаниях в феврале 1914 г. по докладу земца-октябриста новгородского помещика гр. Э.П. Беннигсена. Представлявший правительство Щегловитов соглашался на некоторые уступки, однако продолжал настаивать на единстве администрации и Сената и его подчинении монарху, принимающему решения по представлению министра юстиции, но не встретил поддержки даже среди русских националистов². Октябристская газета «Голос Москвы» выступила с отповедью министру. По мнению октябристов, «надзор за закономерностью управления должен принадлежать учреждению, не зависимому от тех органов, которые оно будет контролировать... Ни

¹ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. Ч. 2. Стб. 853–857.

² Отголоски речи И.Г. Щегловитова // Голос Москвы. 1914. 13 февраля.

о какой связи Сената с Министерством, о которой так горячо говорил министр юстиции, не может, конечно, быть и речи»¹.

С консервативной критикой важнейших положений реформы выступали лишь правые. Фракция русских националистов и умеренно-правых воздержалась от участия в дебатах, ограничившись кратким заявлением А.А. Ознобишина о поддержке комиссионного проекта и неприемлемости поправок либералов². Таковую же позицию заняла близкая к правому крылу октябристов фракция центра, также воздержавшаяся от участия в дебатах.

Обе фракции октябристов, в общем, поддержали комиссионный проект, но внесли некоторые частные поправки, направленные на углубление реформы. Прогрессисты (основной оратор — бывший судья М.И. Гродзицкий) активно выступали в духе своего предположения. Их поддерживал член польского кола Л.К. Дымша.

По мнению видного кадета известного адвоката В.А. Маклакова, при правительственной политике, направленной на сохранение произвола и всевластия администрации, реформа будет бесполезной³. Тем не менее, кадеты поддерживали прогрессистские поправки и вносили собственные, несколько более радикальные. Основным оратором фракции стал ярославский помещик К.К. Черносветов 1-й, бывший прокурор, судья и адвокат.

Крайне левые, как и Маклаков, рассуждали о бесполезности реформы. В частности, лидер трудовиков адвокат А.Ф. Керенский утверждал, что для установления правового строя «необходимо, чтобы власть перешла из рук безответственных в руки законных представителей народа»⁴. Он заявил в адрес октябристов: «Вы хотите создать иллюзию законодательной работы, хотя знаете вперед, что все ваши попытки обречены на неудачу»⁵. Логичный вывод из этих посылок сделали социал-демократы, заявившие об отказе участвовать в обсуждении и голосовании.

Дума постановила перейти к постатейному чтению проекта всеми голосами против эсдеков⁶. При обсуждении цензов для кандидатов в сенаторы, несмотря на возражения правых, было одобрено требование высшего образования (для сенаторов Судебного департамента — юридического) и отклонены поправки кадетов об обязательном юридическом образовании для всех сенаторов, запрете назначения ими губернаторов и губернских предводителей дворянства и разрешении — председателей советов присяжных поверенных.

Серьезную дискуссию вызвал вопрос о порядке выдвижения кандидатов в сенаторы и представления их (кандидатов) императору. Кадеты

¹ Погосский В. О законном // Голос Москвы. 1914. 19 февраля.

² Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. Ч. 2. Стб. 856.

³ Там же. Стб. 818–837.

⁴ Там же. Стб. 1001.

⁵ Там же. Стб. 1007.

⁶ В Государственной думе // Голос Москвы. 1914. 19 февраля.

(М.С. Аджемов, Черносвитов 1-й), прогрессисты (Гродзицкий), поляки (Дымша) и левые октябристы (бар. А.Ф. Мейендорф) возражали против представления кандидатов в сенаторы императору министром юстиции, правые (П.П. Замысловский) — против выдвижения кандидатов в сенаторы департаментами. Министр Щегловитов также возражал против кооптации и представления кандидатов первоприсутствующим, не желая ставить его в положение начальника над сенаторами, но в итоге согласился с поправкой комиссии. Ее поддержал Н.П. Шубинский. М.Л. Киндяков от имени земцев-октябристов согласился с возложением доклада о кандидатах на министра, предложив убрать указание об его праве предлагать собственных кандидатов.

Совместная поправка кадетов и земцев-октябристов об отмене права министров представлять своих кандидатов в сенаторы была одобрена 142 голосами (октябристов, левого крыла и части центристов) против 104. Поправки кадетов, прогрессистов и Дымши о представлении кандидатов в сенаторы первоприсутствующими была отклонена 153 голосами (правых, националистов, центристов и земцев-октябристов) против 107 (левых октябристов и левого крыла) при воздержании социал-демократов¹.

Поправка земцев-октябристов о выдвижении кандидатов в первоприсутствующие департаментами была отклонена 117 голосами (правых, националистов и центристов) против 113 (октябристов и левых) при воздержании 8 социал-демократов². Дума одобрила поправку о праве Сената просить о назначении сенаторских ревизий.

Кадеты предлагали именовать сенаторами лишь членов Сената, упразднив таким образом почетное звание сенатора. Прогрессисты желали присваивать его лишь старшим председателям судебных палат. Докладчик возражал против этих поправок как ненужных новшеств. Они были отклонены 105 голосами против 63 при 13 воздержавшихся.

Особое недовольство либералов вызывало право Сената давать по запросам ведомств общие толкования закона вне связи с конкретными случаями. В частности, на его основании в 1906–1907 гг. был издан целый ряд «разъяснений», лишивших избирательных прав значительные группы населения. В IV Думе Аджемов и Маклаков указывали, что это право ставит Сенат в положение законодательного учреждения, а также на малую обоснованность толкований из-за представления объяснений лишь одной стороной. Была принята поправка левых октябристов об отмене такого права.

Была одобрена поправка Маклакова, поддержанная докладчиком, о закреплении сенатского контроля над законностью императорских указов и повелений. 109 голосами против 87 при 8 воздержавшихся прошла поправка земцев-октябристов о предварительном контроле сената за законностью ведомственных распоряжений.

¹ Речь. 1914. 22 февраля.

² В Государственной думе // Речь. 1914. 26 февраля.

При третьем чтении 91 голосом против 53 при 5 воздержавшихся была отклонена поправка прогрессистов и кадетов о представлении императору кандидатов в сенаторы через первоприсутствующего. Была подтверждена возможность увольнять сенаторов за недостойные поступки без суда. Была принята одобренная комиссией поправка земцев-октябристов о выдвижении департаментом двух кандидатов в первоприсутствующие, при этом отклонена поддержанная комиссией поправка прогрессистов о представлении этих кандидатов императору через старшего в чине первоприсутствующего (а не министра юстиции). 86 голосами против 58 была принята одобренная комиссией поправка кадетов об отмене права Сената давать по запросам МВД общие толкования законов о выборах.

Была отклонена поправка поляков о разделении должностей генерал-прокурора и министра юстиции. Поправка комиссии об отмене предварительного контроля Сената за законностью ведомственных распоряжений была одобрена. 78 голосами против 59 при 14 воздержавшихся была принята одобренная комиссией поправка кадетов и прогрессистов об отмене утверждения Сенатом мировых судей. Редакция проекта была одобрена 13.05.1914 г.

Ведущий юридический эксперт кадетской партии Маклаков так отзывался о преобразовании: «Этот законопроект... несомненно вызовет глубокое разочарование во всех, кто ждет этой реформы... кто хотел бы, чтобы Сенат... был действительной, настоящей опорой закона<...> Вовсе не плохие законы уронили Сенат, не законы его и поднимут. Все станет на место тогда, когда власть опять поймет то, что она понимала в 1905 г., и что она позабыла к 1913 г. Когда власть переменит политику, все станет на место, на место станет и Сенат. А если она ее не переменит, придется ждать того момента, когда эта власть исчерпает свою политику до конца, это, быть может, будет скорее, чем кажется. (Голос справа — угроза?)»¹.

Государственный совет 19.05.1914 по предложению кн. Алексея Д. Оболенского (2-го) голосами центра и левых против части правых передал проект в особую комиссию². Она одобрила думский проект с некоторыми поправками. В частности, было предложено не создавать департамент финансового контроля (по требованию прогрессивного блока³), а также сохранить право Сената издавать по запросам министров общие разъяснения закона.

Совет рассмотрел проект 24, 28, 29.11, 1 и 5.12.1916. Предложения комиссии защищали докладчик центрист Манухин, член кружка внепартийных А.Ф. Кони, председатель левой группы кадет Д.Д. Гримм, министр юстиции А.А. Макаров. Возражал правый бар. Р.А. Дистерло, настаивавший на сохранении связи Сената с правительством.

¹ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. Стб. 819–820, 836.

² Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия 9. Пг., 1914. Стб. 2285–2588.

³ Новое время. 1916. 18 ноября.

Против выдвижения кандидатов в сенаторы (числом не менее двух на место) самими сенатскими департаментами и требования высшего образования для сенаторов возражали отдельные правые и товарищ министра А.Н. Веревкин, но их поправка была отклонена 70 голосами против 25.

Создание финансового (фискального) департамента поддерживали бывший первый министр и министр финансов гр. В.Н. Коковцов (член кружка внепартийных), левый (кадет) А.В. Васильев, Кони; возражали товарищ министра Веревкин, Grimm, Манухин. Департамент был отклонен 58 голосами против 23. Была отклонена поправка Grimma о лишении Сената права публикации наказов (регламентов) законодательных палат. По предложению докладчика Манухина была отклонена поправка Дистерло о праве министров голосовать в Сенате, и принята (43 против 35) поправка Кони об их недопущении в совещательную комнату сенаторов. Также была одобрена поправка Таганцева, Grimma и Кони о публичности заседаний Сената (кроме посвященных рассмотрению предосудительных для религии, нравственности и общественного порядка дел), в то время как думский проект предлагал допускать лишь сторон и их адвокатов.

Были отклонены поправки бар. Дистерло (возражал Манухин) о праве Совета министров переносить опротестованные министрами сенатские решения в I департамент Государственного совета и сохранении права частных лиц обращаться с жалобами к императору на сенатские решения (74 голосами против 20).

Совет отклонил думское предложение назначать сенаторов только из получивших высшее образование (в судебный департамент — юридическое), предложил представлять императору предложенных Сенатом кандидатов на сенаторские должности через председателя Совета министров (а не министра юстиции, как предлагала Дума), исключил возможность привлечения сенаторов к дисциплинарной ответственности (предложенную правительством и одобренную Думой), предложил распространить на кассационные департаменты несменяемость сенаторов и право департаментов избирать кандидатов на вакансии сенаторов.

Также Совет предложил установить, что предложения Сената о назначении сенаторских ревизий представляются императору с заключением Совета министров, ввести право обер-прокурора представлять объяснения в совещательной комнате (введено общим собранием, Дума и комиссия не допускали участие прокурора в принятии решений), восстановил право Сената давать по предложениям министров общие «разъяснения» закона, отклонив предложенный Думой запрет включать сенатские указы в Свод законов¹. Закон был одобрен 5.12.1916.

В согласительную комиссию были избраны от Совета 2 правых, 2 центриста, правоцентрист, член кружка внепартийных и левый (Grimm),

¹ 4.6.1916 по докладу государственного секретаря последовало императорское повеление о запрете такого внесения (Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. Пг., 1916. Стб. 1690).

от Думы русский националист, центрист, 2 земца-октябриста (Н.И. Антонов, гр. Беннигсен), левый октябрист И.В. Годнев, прогрессист Гродзицкий и кадет Маклаков. Члены Думы возражали против поправок, указанных в предыдущем абзаце, однако проголосовали за редакцию Совета. 3 члена (Годнев, центрист В.П. Басаков и Гродзицкий) подали особые мнения (Басаков — о правах обер-прокурора, остальные — еще и об общих разъяснениях).

Дума рассмотрела доклад комиссии 13.12.1916. Предложения большинства поддерживали докладчики Беннигсен и Маклаков. Он заявил, что члены Совета были готовы пойти на уступки, однако сторонники проекта, «не желая рисковать тем, чтобы эта назревшая реформа Сената пересматривалась Государственным советом после января», проголосовали за редакцию Совета¹. Дума единогласно одобрила предложение большинства комиссии. Редакция была принята (без поправок) в тот же день. Утверждение проекта императором последовало 26.12.1916².

Из сказанного можно сделать некоторые выводы. Реформаторские возможности Российской империи не были исчерпаны до самого конца ее существования. Императорское правительство накануне своего свержения было готово решать одну из важнейших политических проблем страны — обеспечение законности в государственном управлении. Накануне свержения монархии был подготовлен ряд других реформ³. В то же время рассмотрение реформы Сената подтверждает известный вывод о затягивании правительством назревших преобразований и его постоянных конфликтах на этой почве с образованным обществом, в т.ч. его умеренной частью.

Роль либеральной общественности в целом и Государственной думы, в частности в обновлении страны, также была неоднозначной. С одной стороны, они выступали за реформы последовательнее правительства. С другой — чрезмерно длительно обсуждение реформы Сената имело место главным образом по вине Государственной думы. Также обращает на себя внимание двойственная позиция кадетской партии. С одной стороны, она, в общем, поддерживала умеренные реформы. С другой — ее ораторы признавали эти преобразования неудовлетворительными, способствуя тем самым сохранению в стране революционной атмосферы.

¹ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. Пг., 1916. Стб. 1082–1093.

² Там же. Стб. 1031, 1082–1093, 1107; Справочный листок Государственной думы. Четвертый созыв. Сессия 5. № 31. С. 6.

³ Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. М., 2016. Т. 3. С. 359–360.

ЛИЧНОСТИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДЕПУТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ В ПЕРЕПИСКЕ АЛЕКСАНДРЫ ФЕДОРОВНЫ И НИКОЛАЯ II В 1914–1917 гг.

СЮТКИНА МАРТА АЛЕКСАНДРОВНА,
независимый исследователь,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: tempustress@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена исследованию эволюции характера и частоты упоминаний думской политики и личностей думцев в переписке Николая II и Александры Федоровны в период Первой мировой войны.

Ключевые слова: Николай II, Александра Федоровна, Государственная дума, Первая мировая война, переписка Николая и Александры, думская монархия.

Сердцевиной острого политического кризиса в России в период Первой мировой войны, развивавшегося на протяжении 1915–1917 гг. и приведшего к крушению монархии, явился конфликт Прогрессивного блока Государственной думы, с одной стороны, и правительства — с другой¹. Многим современникам казалось необъяснимо абсурдной та глухота², с которой император и его министры относились к вполне разумным требованиям думского большинства, нацеленного на скорейшее достижение победы.

В действительности причины сложившегося положения лежали не только в плоскости объективных институционально-политических особенностей самодержавной системы, для которой уступки «низовым» общественным требованиям были равносильны началу процесса саморазрушения³, но и в конкретных аспектах личных отношений представителей высшей власти, в первую очередь, отношений императорской четы, учитывая, что супруга царя Александра Федоровна именно в этот период в наибольшей степени стремилась играть активную политико-консультативную роль по отношению к императору⁴.

Несмотря на то что тема отношения Николая II и его супруги к Государственной думе и ее членам, которое проявлялось на страницах их

¹ Коцюбинский Д.А., Луговская Е.П. Глава 8. Между реформой и революцией (1894–1917) // Горинев М.М., Горский А.А., Данилов А.А. и др. История России: Учебное пособие: в 2-х т. / Под ред. С.В. Леонова. М., 1998. Т. 2. С. 4–83.

² Шульгин В.В. Годы. Дни. 1920. М., 1990. С. 395.

³ Коцюбинский Д.А. Фактор Григория Распутина и кризис легитимности самодержавной власти в России в межреволюционные годы (1909–1916) // Герценовские чтения 2020. Актуальные проблемы русской истории: Сборник научных и учебно-методических трудов Всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 23–24 октября 2020 года / Редколлегия: А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.) [и др.]. СПб., 2021. С. 226–256.

⁴ Аврех А.А. Царизм накануне свержения. М., 1989.

переписки друг с другом, попадала в зону внимания историков¹, данный исторический сюжет по сей день остается затронутым лишь фрагментарно, применительно к отдельным событиям или именам, не став предметом самостоятельного исследования.

Переписка Александры и Николая II в структурном и содержательном отношении разделяется на четыре хронологически последовательных периода, каждый из которых может быть соответствующим образом охарактеризован:

19 сентября 1914 — 13 мая 1915 гг. *Поверхностно-благожелательный период.*

10 июня 1915 — 9 февраля 1916 гг. *Тревожный период.*

9 февраля 1916 — 31 октября 1916 гг. *Период осторожных надежд.*

1 ноября 1916 — 7 марта 1917 гг. *Период отчаяния.*

В каждый из этих периодов думская тематика в оценках и мнениях императора и его супруги обладала рядом специфических черт.

1. 19 сентября 1914 — 13 мая 1915 гг.

Переписка «военного» периода начинается 19 сентября, когда Николай отбывает в Ставку. В данный период Дума собиралась лишь на трехдневное заседание по бюджету 27–29 января 1915 г.

В этот отрезок времени письма в основном посвящены теме войны и работе императрицы со старшими дочерьми в лазарете. Тема Думы в этот период возникала лишь однажды: 28 января 1915 г. Александра Федоровна (далее — А.Ф.) сообщила Николаю II о выступлении М.В. Родзянко в Государственной думе², однако развернутые высказывания венценосных супругов по этому поводу в переписке отсутствуют, возможно, по той причине, что Николай II и А.Ф. могли обсудить все лично, по возвращении Императора 1 февраля 1915 г. в Царское Село из Крыма.

2. 10 июня 1915 — 9 февраля 1916 гг.

10 июня, после почти месячного пребывания с семьей, Николай II возвращается в Ставку, и царская переписка возобновляется. В обозначенный отрезок времени Дума работала с 19 июля по 3 сентября 1915 г.

¹ *Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая II / Предисловие Ю.К. Мейера. СПб., 1991. С. 568–569, 577–579; *Фирсов С.Л.* Николай II: Пленник самодержавия. М., 2017. С. 384, 390–391; *Смит Д.* Распутин. Вера, власть и закат Романовых. М., 2019. С. 453–455; *Смирнов А.Ф.* Государственная дума Российской империи, 1906–1917 гг.: Историко-правовой очерк / Предисл. Н.А. Нарочницкой. М., 2021. С. 657, 659–660; *Масси Р.* Николай и Александра. СПб., 2012. С. 358–443; *Морозова О.М.* Он и она у порога хаоса: Николай II и Александра Федоровна в годы Великой войны // Диалог со временем. 2010. № 31. С. 154–175; *Искендеров А.А.* Закат империи. М., 2001. С. 250, 252, 268, 270; *Куликов С.В.* Назначение Алексея Хвостова управляющим МВД: предыстория и механизм // Петербургский исторический журнал. 2014. № 4. С. 36–54; *Стремоухов П.* Императрица Александра Федоровна в ее письмах // Скорбный ангел: царица-Мученица Александра Новая в письмах, дневниках и воспоминаниях / сост. С. Фомин. СПб., 2005. С. 488–555.

² Переписка Николая и Александры / [сост. А.А. Сергеев]. М., 2013. С. 92.

В данный период, охватывающий более полугодя, среди прочих было написано 45 писем, в которых упоминались Государственная дума или связанные с ней сюжеты. Из них 39 писем принадлежат А.Ф., 6 — Николаю II. Самыми активными месяцами обсуждения думской проблематики стали июнь, август и сентябрь (июль и большую часть августа Николай II провел дома, переписка отсутствует).

Среди упоминаний думцев или аффилированных с Думой лиц преобладали те, что касались, во-первых, А.И. Гучкова (упомянут 24 раза), который уже не был членом Думы, но, вероятно, расценивался А.Ф. как негласный координатор не только ЦВПК, но и оппозиционных думцев, а во-вторых, председателя IV Государственной думы М.В. Родзянко (упомянут 8 раз). Также в рассматриваемый период в переписке фигурирует А.Н. Хвостов (член крайне правой партии «Русское собрание»), бывший членом Думы и одним из лидеров фракции «правых», но обративший на себя внимание А.Ф. не своими действиями в Думе, а как кандидат на роль министра внутренних дел.

3. 9 февраля 1916 — 31 октября 1916 гг.

Очередной отрезок начинается с возобновлением думской сессии, которая продолжалась с 9 февраля по 20 июня 1916 г.

В этот период писем, попадающих в фокус внимания, оказывается почти столько же, сколько и во второй период, — 46. Из них писем Николая было ненамного больше — 9. Соответственно, из-под пера императрицы вышли 37 писем, затрагивающих думскую проблематику.

«Главными героями» царской переписки снова стали А.И. Гучков (упомянут 24 раза) и М.В. Родзянко (16 раз — в два раза больше, чем в предыдущий период). В рассматриваемый отрезок времени в переписке фигурирует октябрист А.Д. Протопопов, но, как и А.Н. Хвостов, он привлекает к себе внимание А.Ф. исключительно в связи с поиском кандидата на должность главы МВД.

Трижды был упомянут один из лидеров думской фракции «правых» В.М. Пуришкевич: 13 февраля А.Ф. выразила возмущение его речью в Думе, произнесенной среди прочих «ужасающих»¹ выступлений, содержащих критику «темных сил», что имплицитно отсылало к Г.Е. Распутину и его влиянию на императрицу². 31 мая — 1 июня супруги обсуждали поезд Пуришкевича с библиотекой и полевой аптекой для офицеров и солдат, причем А.Ф. высказалась индифферентно, а Николай отозвался о деятельности Пуришкевича эмоционально-позитивно и оценил ее очень высоко³.

4. 1 ноября 1916 — 7 марта 1917 гг.

Стартом отсчета последнего отрезка времени стало начало работы очередной думской сессии, произошедшее 1 ноября и продолжавшееся

¹ Переписка Николая и Александры. С. 495.

² Руднев В.М. [Правда о русской царской семье и темных силах] // Н.А. Соколов. Предварительное следствие 1919–1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л.А. Лыкова. М., 1998. С. 148–165.

³ Переписка Николая и Александры. С. 616, 619.

до отпуска на каникулы 16 декабря. Также период включает заседания Думы 14–25 февраля, которые были приостановлены Николаем II и более официально не возобновлялись.

В заключительный период насчитывается 32 письма, из которых 26 принадлежит А.Ф. и 6 — Николаю. В них, помимо А.И. Гучкова (3 упоминания) и М.В. Родзянко, который уверенно вырывается на «первое место» (20 упоминаний), А.Ф. обращает свое внимание на П.Н. Милюкова (6 упоминаний) и А.Ф. Керенского (1 упоминание), которого ошибочно называет Кедринским.

В трех последних периодах характерно выделяется подготовка А.Ф. к созыву каждой думской сессии. Эта подготовка включала в себя:

1. Призывы к отсрочке собрания очередной сессии Думы¹. Примечательно, что подобный шаг А.Ф. нередко аргументировала соответствующим пожеланием «Нашего Друга» (Г.Е. Распутина), который, как она писала супругу, уже несколько раз оказался прав, в то время как Николай его не слушался: *«Он был против твоей поездки в Л. [Львов. — М.С.] и П. [Перемышль. — М.С.], и теперь мы видим, что она была преждевременна [российская армия потеряла Львов и Перемышль в ходе Горлицкого прорыва в июне 1915 г. — М.С.]. Он был сильно против войны, был против созыва Думы (некрасивый поступок Родзянко [имелось в виду «самовольное» решение Родзянко о созыве Думы летом 1915 г. — М.С.]) и против печатания речей [думцев. — М.С.] (с этим я согласна)»*².

2. Просьбы ввести запрет на обсуждение в Думе новых министерских назначений³: Н.Б. Щербатов сменил Н.А. Маклакова на посту главы МВД (5 июня 1915 г.), А.А. Поливанов — В.А. Сухомлинова на посту военного министра (13 июня 1915 г.), А.Д. Самарин — В.К. Саблера на посту оберпрокурора Св. Синода (5 июля 1915 г.), А.А. Хвостов — И.Г. Щегловитова на посту министра юстиции (6 июля 1915 г.).

3. Обезопасить Распутина от возможных нападок со стороны Думы⁴.

Когда очередная думская сессия начинала работать, А.Ф. всякий раз начинала убеждать Николая в необходимости как можно скорее Думу распустить⁵.

Анализ четырех периодов переписки Николая и Александры позволяет выявить несколько особенностей, которые были присущи восприятию императорской четой политической жизни в России, а также охарактеризовать эволюцию, которую претерпело указанное восприятие:

1. В позиции царской четы в отношении Государственной думы и думцев наблюдалось базовое противоречие между общим негативным отношением к ним (его можно охарактеризовать как институциональное

¹ Там же. С. 187, 204, 314, 855–857, 862–863.

² Там же. С. 168.

³ Там же. С. 187, 204.

⁴ Там же. С. 197, 202–203.

⁵ Там же. С. 229, 237–238, 240, 244, 245, 593, 632, 843–844.

отторжение Думы и ее членов как глубоко чуждых самодержавию элементов¹) и нарастающим стремлением к манипулированию ими не только извне, но и «изнутри». Особенно следует подчеркнуть, что эволюция технологий манипуляции Думой со стороны царской четы развивалась в направлении «справа налево». Сперва во главе МВД был поставлен крайне правый думец Хвостов, затем октябрист и один из лидеров думской оппозиции Протопопов. Наконец, в феврале-марте 1917 г. А.Ф. уже планировала «манипулировать» противоречиями между Думой и лево-радикальной «улицей», чтобы обе враждебные трону силы «пожрали» друг друга².

2. А.Ф. ассоциировала Думу с октябристским центром, во главе которого стоял председатель Думы Родзянко. Неотъемлемой частью октябристского центра Думы императрица продолжала считать Гучкова³, который, по ее мнению, занимая должность председателя ЦВПК, превратил Москву в альтернативный оппозиционный центр («московскую клику»).

3. Представление о Государственной думе и ее оппозиционных лидерах как важнейших субъектах текущих политических процессов у царской четы (особенно у А.Ф.) на протяжении рассматриваемого периода продолжало неуклонно крепнуть. Это проявилось, в частности, в неуклонном увеличении частоты упоминаний М.В. Родзянко (при сокращении упоминаний фамилии находившегося вне Думы А.И. Гучкова, изначально воспринимавшегося императрицей едва ли не как оппозиционная фигура № 1), а равно в постепенном фокусировании внимания на более левых, чем Родзянко, лидерах думской оппозиции: Милокове и Керенском.

4. Говоря о Думе, А.Ф. и Николай не упоминали ни крайне правых (за исключением Пуришкевича, причем его думская активность привлекла внимание А.Ф. лишь в связи с его участием в «общем хоре» оппозиционных выступлений с думской кафедры, прочие же две отсылки к имени Пуришкевича касались его активности не как члена Государственной думы, а как организатора библиотечно-санитарного поезда), ни лояльное правительству думское правое крыло в целом, хотя там было много ярких личностей (Н.Е. Марков 2-й, Г.Г. Замысловский, П.Н. Балашев и др.), которые громко заявляли о своем несогласии с позицией Прогрессивного блока. Косвенным образом это свидетельствовало о том, что царская чета не рассматривала лояльный монархический политический лагерь (включая его думскую часть) как серьезную политическую силу, на которую можно было опереться.

5. А.Ф. более внимательно следила за развитием ситуации внутри Думы, чем Николай II, и точнее, чем он, определяла степень значимости, с точки зрения дальнейшего развития политического кризиса, тех

¹ Переписка Николая и Александры. С. 245, 287–288, 802.

² Там же. С. 882–883.

³ Там же. С. 210–214, 231.

или иных думских фигур. В частности, она первой обратила внимание на опасную для правительства и царской четы «левую» эволюцию лидера думских «правых» В.М. Пуришкевича, в то время как император еще долгое время продолжал воспринимать его как деятельного и лояльного монархиста, озабоченного лишь делом помощи армии.

6. Эволюция отношения А.Ф. к Думе и думцам на всем протяжении рассматриваемого периода в наибольшей степени проявилась на заключительном этапе, когда императрица стала замечать радикально-оппозиционный и революционный элементы в думской среде, в частности, Милюкова и Керенского, и когда она пришла к мнению, что бороться с Думой надо, в том числе, противопоставляя ее «улице», т.е. простонародью. Хотя и здесь прослеживается противоречивая оценка императрицей революционного потенциала петроградских «низов»: с одной стороны, «улица» в представлении А.Ф. — это «...хулиганское движение, мальчишки и девчонки бегают и кричат, что у них нет хлеба, — просто для того, чтобы создать возбуждение, — и рабочие, которые мешают другим работать. Если бы погода была очень холодная, они все, вероятно, сидели бы по домам»¹, а с другой — мощная сила, способная «отгрызть голову» Думе: «Два течения — Дума и революционеры — две змеи, которые, как я надеюсь, отгрызут друг другу головы — это спасло бы положение»².

¹ Переписка Николая и Александры. С. 876.

² Там же. С. 882–883.

ДУМСКАЯ БИОГРАФИКА

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ К БИОГРАФИИ ЧЛЕНА III ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ А.М. КОЛЮБАКИНА В ФОНДАХ ГА РФ

МАРОВ МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ,
кандидат технических наук, старший научный сотрудник,
ведущий руководитель проектов АО «РАМЭК-ВС»,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: marov@mail.ru

Аннотация: Предоставляется обзор документальных источников из фондов Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), имеющих значение и ценность для пополнения биографических сведений об Александре Михайловиче Колюбакине, члене III Государственной думы от Санкт-Петербурга, а также проводится анализ некоторых документов, впервые вводимых в научный оборот, применительно к различным периодам его общественной и политической деятельности.

Ключевые слова: Александр Михайлович Колюбакин, III Государственная дума, партия конституционных демократов, секретарь комитета парламентской фракции, Государственный архив Российской Федерации.

Александр Михайлович Колюбакин, член III Государственной думы от Санкт-Петербурга, не оставил после себя опубликованных воспоминаний ни о своей жизни, ни о партийной деятельности, ни о работе в Думе подобно его соратникам, видным политическим деятелям того времени: П.Н. Милюкову¹, кн. В.А. Оболенскому², В.А. Маклакову³ и многим другим. Причина этого заключается в его безвременной гибели на фронте 21 января 1915 г. в возрасте неполных 47 лет. Отдельные стороны жизни и деятельности А.М. Колюбакина были освещены его соратниками по земской, партийной и думской работе в докладах, сделанных 11 марта 1905 г. на собрании, устроенном в память Александра Михайловича⁴. Имеется и ряд современных публикаций, посвященных памяти этого,

¹ Милюков П.Н. Воспоминания / [вступительная статья Натальи Думовой]. М., 2017.

² Оболенский В.А. Моя жизнь, мои современники. Париж, 1988.

³ Маклаков В.А. Из воспоминаний. Уроки жизни. М., 2011.

⁴ Гражданин-воин А.М. Колюбакин. 1868–1915. М., 1915.

безусловно, незаурядного человека¹. Однако подробная биография А.М. Коллюбакина еще не написана, и поиск источников сведений о нем является актуальной задачей.

Целый ряд документальных источников, позволяющих охарактеризовать А.М. Коллюбакина как политического и государственного деятеля, отложился в фондах ГА РФ. Цель статьи — с опорой на эти источники проиллюстрировать на примерах деловые и личные качества А.М. Коллюбакина, охарактеризовать его отношение к поручениям ЦК партии конституционных демократов, к обязанностям члена Государственной думы и секретаря парламентской фракции этой партии.

По хронологии документы, о которых пойдет речь, относятся к периоду с октября 1894 г. по июль 1915 г., то есть охватывают весь этап активной деятельности А.М. Коллюбакина после увольнения с военной службы 4 июля 1894 г. Все эти источники можно разделить на следующие группы:

1. Документы из фондов Отделения по охране общественной безопасности и порядка в Москве (Охранное отделение) при московском градоначальнике (ф. 63²), Департамента полиции Министерства внутренних дел (ф. 102³) и Уголовного отделения Первого департамента Министерства юстиции (ф. 124⁴). Некоторые дела этой группы уже были рассмотрены ранее⁵.

2. Документы из фонда партии народной свободы (кадетов) (ф. 523⁶). В числе документов этой группы письма и телеграммы А.М. Коллюбакина, а также письма, адресованные ему, в том числе, в ответ на его запросы.

¹ Канищева Н.И. Коллюбакин Александр Михайлович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 263–264; ее же. Александр Михайлович Коллюбакин: «Превратить конституционную партию в самую разветвленную организацию...» // Российский либерализм: Идеи и люди / 3-е изд., испр. и доп., под общей ред. А.А. Кара-Мурзы. М., 2018. Т. 2: XX век. С. 651–659; Маров М.Н. К 100-летию со дня гибели А.М. Коллюбакина // Александр Михайлович Коллюбакин: Сборник / Науч. ред. В.М. Воробьев. Тверь, 2014. С. 8–42; Маров М.Н. Депутат III Государственной думы А.М. Коллюбакин: к 150-летию со дня рождения // Таврические чтения 2018. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 6–7 декабря 2018 г.: Сборник научных статей. В 2-х ч. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2019. Ч. 2. С. 104–110.

² ГА РФ. Ф. 63. Оп. 29. Д. 431 (1909); Оп. 50. Д. 49 (1914); Д. 76 (1915); Д. 248 (1913).

³ Там же. Ф. 102. Оп. 70. Д. 37 (1913); Оп. 95. Д. 248 (1897); Оп. 233а. Д. 2544 (1905); Оп. 235. Д. 869 (1906); Оп. 308. Д. 209 (1913).

⁴ Там же. Ф. 124. Оп. 45. Д. 1704 (1907); Оп. 53. Д. 282 (1915).

⁵ Там же. Ф. 124. Оп. 53. Д. 282. См.: Маров М.Н. Депутат III Государственной думы А.М. Коллюбакин. С. 104–110; ГА РФ. Ф. 124. Оп. 45. Д. 1704. См.: Тимохина Д.А. «...насильственно оторван от того дела, в которое он вкладывал так много душевного пыла»: К истории исключения А.М. Коллюбакина из числа депутатов III Государственной думы // Таврические чтения 2015. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Сборник научных статей / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2016. Ч. 2. С. 75–80.

⁶ ГА РФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 170 (1905–1908); Д. 336 (1910); Д. 340 (1910); Оп. 2. Д. 9 (1910).

3. Документы из фондов личного происхождения. В их числе письма из переписки А.М. Коллюбакина с Дмитрием Дмитриевичем Протопоповым, депутатом I Государственной думы и членом ЦК партии конституционных демократов (ф. 585¹), с Елизаветой Никандровной Тимирязевой, сотрудницей газеты «Уральский край» и членом конституционно-демократической партии (ф. 593²), с князем Дмитрием Ивановичем Шаховским, земским деятелем, организатором «Союза освобождения» и членом ЦК конституционно-демократической партии (ф. 635³), Александром Александровичем Корниловым, секретарем ЦК конституционно-демократической партии (ф. 5102⁴).

Особо следует отметить документы из личного фонда Павла Николаевича Миллюкова, лидера конституционно-демократической партии, депутата III и IV Государственных дум (ф. 579⁵). Среди этих документов не только переписка, но и обширные отчеты А.М. Коллюбакина о его поездках по поручениям ЦК конституционно-демократической партии кадетов в губернские комитеты с агитационно-организационными целями в 1906–1907 гг., его записки и тезисы к докладам, сделанным в этот же период, и ряд других источников.

Наконец, в эту же группу входят документы из личного фонда самого Александра Михайловича Коллюбакина (ф. 563). Этот фонд включает 54 дела, из которых подавляющее число, 49, составляют письма и телеграммы различных лиц, адресованные Александру Михайловичу и относящиеся к периоду с 11 сентября 1905 г. по 19 августа 1913 г. Среди них письма Коллюбакину Алихана Нурмухамедовича Букейханова, члена ЦК партии конституционных демократов, члена I Государственной думы, подписавшего в числе других Выборгское воззвание⁶; профессора Сергея Александровича Муромцева, председателя I Государственной думы⁷; Александра Александровича Корнилова, секретаря ЦК конституционно-демократической партии⁸; Льва Александровича Велихова, члена IV Государственной думы⁹ и целого ряда других известных и малоизвестных лиц. Несколько дел содержат письма и черновики докладов и записок самого Александра Михайловича. Эти документы позволяют составить представление о круге вопросов, в обсуждение которых был вовлечен А.М. Коллюбакин в указанный период.

¹ Там же. Ф. 585. Оп. 1. Д. 7 (6/д).

² Там же. Ф. 593. Оп. 1. Д. 86 (1910–1911).

³ Там же. Ф. 635. Оп. 1. Д. 434 (1912).

⁴ Там же. Ф. 5102. Оп. 1. Д. 620 (1908); Оп. 2. Д. 56 (1907).

⁵ Там же. Ф. 579. Оп. 1. Д. 797 (1906); Д. 801 (1907); Д. 853 (1906); Д. 1045 (1906); Д. 1162 (1910); Д. 2803 (1906); Д. 4671 (1912); Д. 6530 (6/д); Оп. 3. Д. 261 (1907); Оп. 3. Д. 303 (6/д).

⁶ Там же. Ф. 563. Оп. 1. Д. 6 (1906).

⁷ Там же. Д. 32 (1909).

⁸ Там же. Д. 26 (1907).

⁹ Там же. Д. 8 (1909).

Кроме этого, в фонде 1742 (Коллекция фотографий) и фонде Меера Хаимовича Бомаша (ф. 9458) хранятся несколько фотографий А.М. Колюбакина.

Следует отметить, что некоторые из упомянутых документов описаны в диссертационной работе Д.А. Тимохиной¹.

Ограниченный объем статьи не позволяет детально проанализировать все упомянутые документальные источники. Поэтому, рассмотрев общую характеристику документов из фондов ГА РФ, используем их для детализации представления о нескольких эпизодах общественной и политической деятельности А.М. Колюбакина.

После увольнения с военной службы в июле 1894 г. Александр Михайлович Колюбакин вернулся из Санкт-Петербурга в дом своих родителей в сельце Тюлькино Весьегонского уезда Тверской губернии и был определен кандидатом на должность земского начальника при Весьегонском уездном съезде. В связи с этим Департаментом полиции в октябре 1894 г. было заведено рутинное дело по проверке благонадежности кандидата, в котором содержится переписка начальника Земского отдела Министерства внутренних дел Александра Семеновича Стишинского с директором департамента полиции Николаем Николаевичем Сабуровым². Препятствий к назначению найдено не было, и А.М. Колюбакин приступил к работе в уездном земстве. Быстро продвинувшись, он в январе 1897 г. был избран в члены Новгородской губернской земской управы. Колюбакин хотя и проживал постоянно в Весьегонском уезде Тверской губернии, но являлся землевладельцем Устюженского уезда Новгородской губернии. В связи с этим исполняющий должность новгородского губернатора граф Оттон Людвигович Медем в феврале 1897 г. отправил обращение в Департамент полиции с просьбой сообщить, не имеется ли препятствий к утверждению в избранной должности Колюбакина, дав ему при этом такую характеристику: «Колюбакин поведения и нравственных качеств хороших, что же касается его политической благонадежности, то такая, в виде знакомства его и сношений с лицами противоправительственного направления, сомнительна»³. Департамент полиции сообщил, что неблагоприятных сведений о Колюбакине не имеется, и назначение состоялось. Отметим, однако, что либеральные взгляды А.М. Колюбакина с самого начала его общественной деятельности вызывали у властей сомнения в его политической благонадежности.

Александр Михайлович проработал в земстве почти 12 лет, последние из которых пришлось на период создания в России предпартийных образований, таких как «Союз земцев-конституционалистов» и «Союз освобождения», в работе которых он принимал активное участие.

¹ Там же. Ф. 124. Оп. 45. Д. 1704; Ф. 523. Оп. 1. Д. 336. Л. 98; Там же. Д. 340; Там же. Ф. 563. Оп. 1. Д. 19. См.: Тимохина Д.А. Санкт-Петербургская организация конституционно-демократической партии в 1905–1917 гг.: Дисс. ... к. ист. н. СПб., 2017. С. 38, 40, 106, 154.

² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 95. Д. 248. ЛЛ. 1–4.

³ Там же. Л. 5.

Свидетельством этого является письмо от 23 сентября 1905 г. председателю Новгородской губернской земской управы А.М. Коллюбакину от кн. Павла Дмитриевича Долгорукова, будущего председателя ЦК конституционно-демократической партии и члена II Государственной думы, а на тот момент одного из создателей «Союза освобождения». В письме содержится приглашение прибыть в Москву на заседание комиссии для выработки программы по экономическому и, в частности, аграрному вопросу, которое должно было состояться 5 октября 1905 г. в квартире кн. П.Д. Долгорукова по адресу Волхонка, дом гр. Орлова-Давыдова¹. На момент написания письма еще не был издан Манифест 17 октября 1905 г. об усовершенствовании государственного порядка, предоставляющий населению России права и свободы собраний и союзов. Участники подобных комиссий собирались нелегально на частных квартирах под видом частных собраний и бесед. Участие Коллюбакина в нелегальных собраниях по выработке элементов программы будущей конституционно-демократической партии в первых числах октября 1905 г., в преддверии Первой русской революции, характеризует его как человека волевого и решительного, ставившего общественные и политические интересы выше личных.

В сентябре 1905 г. Департаментом полиции было заведено дело об участниках новгородского педагогического кружка, в числе которых был указан и А.М. Коллюбакин. Прокурором Новгородского окружного суда в августе 1906 г. проводилась проверка речей Коллюбакина, произнесенных им в октябре 1905 г. на митинге в городе Новгороде и на собрании волостных старшин в городе Устюжне². Хотя по этому делу Александру Михайловичу не было предъявлено обвинения, оно, безусловно, сыграло свою роль при отстранении его от должности председателя Губернской земской управы в 1906 г.

После обнародования Манифеста 17 октября в целом ряде городов Российской империи, в том числе и в Новгороде, произошли погромы на национальной и политической почве. Возникшую острую ситуацию характеризует письмо от 21 октября 1905 г. соратника А.М. Коллюбакина по работе в новгородском земстве Александра Матвеевича Тютрюмова, который сообщает, что его не пустили из Санкт-Петербурга в Новгород, пока не разъяснятся обстоятельства «Новгородского разгрома»³. По результатам этих событий А.М. Коллюбакин как председатель Новгородской губернской управы был вызван в Санкт-Петербург на доклад к управляющему Министерством внутренних дел Сергею Юльевичу Витте. В ГА РФ хранятся черновые наброски письма А.М. Коллюбакина С.Ю. Витте с прилагавшейся к нему докладной запиской о погроме, который был произведен в Новгороде толпой, следовавшей по улицам

¹ Там же. Д. 13. Л. 1.

² Там же. Ф. 102. Оп. 233а. Д. 2544. Л. 57 (см. об этом деле также: *Маров М.Н.* Депутат III Государственной думы А.М. Коллюбакин. С. 106).

³ ГА РФ. Ф. 563. Оп. 1. Д. 42. Л. 1.

с пением национального гимна и национальными флагами¹. Были разгромлены здания мужской и женской гимназий, реального училища и Губернской земской управы. Текст записки был обсужден Колюбакиным на созванном им совещании с земскими деятелями новгородской губернии, находящимися в Санкт-Петербурге. Из документов можно получить представление о масштабах погрома и ответственности, грозившей за это Колюбакину как председателю Губернской управы. Как известно, в феврале 1906 г. он был освобожден от должности председателя Управы.

Формальным поводом для увольнения стало обвинение в продаже брошюр революционного содержания с книжного склада при Губернской земской управе, происходившей, по мнению властей, с ведома А.М. Колюбакина. В деле Департамента полиции «О бывшем председателе Новгородской земской управы Александре Михайлове Колюбакине», которое велось в 1906 г., указывается, что в связи с этим обвинением у Колюбакина в январе 1906 г. был произведен обыск, в ходе которого, впрочем, «ничего преступного не было обнаружено»². Дело по обвинению в продаже брошюр слушалось в феврале 1906 г. в Новгородском окружном суде и закончилось оправдательным вердиктом. Однако Санкт-Петербургской судебной палатой в ноябре 1907 г. А.М. Колюбакин был приговорен к выговору. Как указывал П.Н. Милуков, это привлечение к суду стало политическим приемом борьбы местной администрации с Колюбакиным как общественным деятелем, в результате чего он не попал в число выборщиков ни в первую, ни во вторую Государственную думу³.

А.М. Колюбакин был в числе организаторов конституционно-демократической партии, на ее учредительном съезде в октябре 1905 г. избран в Центральный комитет⁴, где состоял до самого момента гибели. Александр Михайлович с его опытом земской работы, возможно, лучше многих членов конституционно-демократической партии, понимал необходимость укрепления связей партии с простым народом, донесения партийных идей до местного населения российской глубинки. Поэтому он с готовностью откликнулся на предложение ЦК совершить объезд ряда губерний России для организации работы партийных комитетов на местах. По поручению ЦК Колюбакин возглавил агитационно-организационную работу в огромном Северо-Восточном округе, в который вошли все северные губернии, весь Уральский край и все Среднее и Нижнее Поволжье. Он совершил в 1906 г. в период подготовки к выборам в Думу первого созыва, в ходе работы Думы и после ее роспуска поездки в города двенадцати приволжских и северных губерний России, а в 1907 г.

¹ Там же. Д. 50.

² Там же. Ф. 102. Оп. 235. Д. 869. Л. 1.

³ Милуков П.Н. Общественные идеалы и деятельность А.М. Колюбакина // Гражданин-воин А.М. Колюбакин. 1868–1915. М., 1915. С. 9.

⁴ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3-х тт. М., 1997. Т. 1. 1905–1907. С. 27–29, 43, 149, 198, 354, 501, 668, 674.

после роспуска II Думы и в ходе подготовки к выборам в III Думу посетил еще семь северных, восточных и сибирских губерний¹.

Имеющиеся в ГА РФ в личном фонде П.Н. Милюкова отчеты Коллюбакина об этих поездках позволяют не только познакомиться с практическими предложениями и рекомендациями, выработанными Александром Михайловичем по результатам этих поездок, но и глубже осознать всю сложность организации и осуществления таких поездок, а также оценить его усилия для их успешного осуществления.

В ходе подготовки Коллюбакиным были разработаны 4 варианта маршрутов, рассчитанных на посещение 12–14 губернских городов с остановкой в каждом от 1 до 2,5 суток и переездом из города в город на поезде или на пароходе². В каждом городе были запланированы встреча с местным комитетом партии, на которую предполагалось загодя пригласить представителей из уездов, а также проведение митинга или открытого собрания с приглашением всех желающих.

График поездок был очень напряженным. Иногда собрания заканчивались далеко после полуночи, а ранним утром Коллюбакин уже уезжал в следующий пункт своей командировки. Связь и оперативная корректировка маршрутов осуществлялась по телеграфу, и целый ряд таких телеграмм хранится в фондах ГА РФ³.

Коллюбакин начал объезд губерний до открытия Думы и в три рейса с марта по май посетил губернии: Новгородскую, Симбирскую, Самарскую, Вологодскую, Пермскую и Вятскую, а также проездом на сутки оставался в Ярославле⁴. В этот период основной целью поездок была агитация, и в отчетах содержатся сведения о происходивших на митингах диспутах с представителями социал-демократов, призывавших к бойкоту Думы⁵.

Следующая поездка в Нижегородскую, Казанскую и Архангельскую губернии состоялась в июне 1906 г. в ходе работы Думы первого созыва. В этой поездке главной задачей была организация партийной работы на местах. Говоря о цели этой поездки, Коллюбакин неоднократно подчеркивает: «Главная цель поездок не *публичные митинги* (что дело второстепенное), а вопрос об организации и партийной работе», «агитационные цели при этом ставятся на 2-й план, главная же задача — организация»⁶.

Наконец, третья командировка в Саратов и Астрахань состоялась в августе 1906 г., уже после роспуска I Думы и подписания ее членами «Выборгского воззвания». Как известно, по результатам выступления с речью на съезде конституционно-демократической партии в Саратове 9 августа 1906 г. Коллюбакин был позднее в октябре 1907 г. обвинен в распространении призывов «Выборгского воззвания», подвергнут суду

¹ Там же. С. 517–518, 522–523.

² ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 797. ЛЛ. 2–2 об., 7–7 об.

³ Там же. ЛЛ. 30–33; Ф. 5102. Оп. 2. Д. 56. ЛЛ. 8–12.

⁴ Там же. Ф. 579. Оп. 1. Д. 797. Л. 20.

⁵ Там же. ЛЛ. 21, 28–29.

⁶ Там же. ЛЛ. 6, 14 об.

и в апреле 1909 г. устранил из III Государственной думы, членом которой на тот момент являлся¹.

А.М. Коллюбакин обвинения в произнесении противоправительственных речей не признал, но были ли эти обвинения обоснованы? Текст его речи на съезде в Саратове не сохранился. Однако в ГА РФ хранятся разрозненные наброски, сделанные Коллюбакиным при подготовке речей, произнесенных им в Саратове и на митинге в Астрахани в августе 1906 г.² Анализ этих набросков показывает, что Коллюбакин планировал в своей речи призвать местных представителей партии к поддержке «Выборгского воззвания». Тезисы речи в Саратове, датированные 6 августа, имеют заголовок «Под напряженным давлением населения». Среди тезисов к речам находим такие: «распространение Выборгского воззвания», «Выборгское воззвание и его значение», «до набора остается 1½–2 м-ца возможность столкновений при недаче рекрут», «бойкот стражников», «бойкот рекрутами а) во время призыва, неявка на пункты, б) отказы и беспорядки на сборных пунктах»³.

Сложно сказать, были ли эти тезисы согласованы Коллюбакиным с ЦК партии. Известно, что месяцем позже, 24 сентября 1906 г., П.Н. Миллюков в своем докладе о предстоящей деятельности партии в связи с роспуском I Думы, сделанном на IV съезде конституционно-демократической партии, пришел к выводу, «что приходится признать невозможным практическое осуществление Выборгского воззвания в настоящее время»⁴.

По итогам поездок Коллюбакиным были составлены три обширных доклада в ЦК, в которых обобщен опыт встреч с партийными комитетами на местах и сформулированы предложения по улучшению организационной работы и укреплению связи партии с местным населением. В этих докладах Коллюбакин настаивал на необходимости выстраивания вертикали организационной структуры партии, включающей в себя не только губернские, но и уездные и волостные комитеты, а там, где на местах отсутствуют подготовленные кадры для создания комитетов, — на назначении уполномоченных. Фактически, именно такую действенную партийную структуру впоследствии удалось создать партии социал-демократов. В докладах сформулирован целый ряд организационных предложений: о необходимости создания курсов по подготовке местных кадров, о снабжении местных комитетов партийной

¹ Тимохина Д.А. «...насильственно оторван от того дела, в которое он вкладывал так много душевного пыла». С. 75–80; Маров М.Н. Тактика действий фракции народной свободы III Государственной думы по вопросу исключения депутата А.М. Коллюбакина // Таврические чтения 2019. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 5–6 декабря 2019 г.: сборник научных статей. В 2-х ч. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2020. Ч. 1. С. 139–147.

² ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1045 (1906).

³ Там же. ЛЛ. 1, 7, 8.

⁴ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 1. С. 363–365.

литературой, о важности закрепления персональной ответственности членов местных комитетов за работу в уездах и волостях и по многим другим вопросам¹.

К периоду между роспуском I Думы и выборами во II Думу относится сделанный А.М. Коллюбакиным в 1906 г. в Женском медицинском институте доклад под названием «Роль общественных учреждений в освободительном движении», план и тезисы которого хранятся в фонде ГА РФ². Примечательно, что в такой напряженный и сложный период подготовки к выборам во II Думу Коллюбакин нашел время сделать доклад перед женской аудиторией, лишенной на тот момент избирательного права. Однако это не удивительно, ведь вопрос о всеобщем и равном избирательном праве был одним из краеугольных в системе политических взглядов либеральной интеллигенции, к которой принадлежал Коллюбакин. В тезисах доклада он отмечает реакционные течения в земстве, неорганизованность населения и его бессилие перед произволом властей, в качестве пути преодоления этих проблем указывает на необходимость реорганизации земства «на началах всеобщего избирательного права и полной свободы и самостоятельности их действия».

После устранения из Государственной думы в апреле 1909 г. А.М. Коллюбакин был в мае избран на должность секретаря парламентской фракции партии конституционных демократов, а с сентября того же года возглавил столичный комитет партии. В этот период за А.М. Коллюбакиным был установлен негласный полицейский надзор, в ходе которого отслеживались все его поездки и перемещения. В фонде ГА РФ сохранились многочисленные свидетельства этой слежки³.

Работа секретаря комитета думской фракции предполагала, помимо прочего, подготовку и проведение регулярных заседаний комитета, разработку и рассылку повесток этих заседаний, вычитку корректур партийных брошюр и информационных изданий, организацию совещаний с приглашением как членов фракции-депутатов Думы, так и других «сведущих» лиц. Все эти задачи требовали от А.М. Коллюбакина постоянных усилий. В ГА РФ сохранилась повестка заседания комитета 19 января 1910 г., отправленная Коллюбакиным Е.Н. Тимирязевой, члену партии кадетов и сотруднице газеты «Уральский край». Планировалось 6 вопросов: «1) Повестка на заседание Думы 20/1. 2) По предложению Г[ородского] к[омитета] — Об ускорении рассмотрения законопроекта об отмене смертной казни. 3) Хозяйственные вопросы. 4) По переданному ц. к. вопросу о подготовке цензов к будущим выборам. 5) Привлечение двух юристов в юридическую комиссию при бюро (пост. фракции 15/XII 1909 г.). 6) Доклад ревизионной комиссии по обревизованию отчета казначая за 1908/09 хозяйственный год»⁴. Несмотря на большое количество и се-

¹ ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 797. ЛЛ. 3–5 об.; 8–10 об., 12–14 об., 20–29.

² Там же. Д. 853. ЛЛ. 1–2 об.

³ Там же. Ф. 63. Оп. 29. Д. 431 (1909–1910).

⁴ Там же. Ф. 593. Оп. 1. Д. 86. ЛЛ. 1–4.

рзность вопросов, заседание было запланировано на 9 часов вечера, что говорит о напряженности работы комитета и его секретаря.

В 1910 г. А.М. Коллюбакин активно занимался подготовкой к выборам членов конституционно-демократической партии в Государственную думу IV созыва. В частности, в ГА РФ сохранилось письмо Коллюбакина в должности председателя Петербургского комитета партии от 2 декабря 1910 г., с которым были разосланы всем членам комитета списки кандидатов на выборы по 1-й курии¹. Из текста письма следует, что работа по подготовке к выборам и составлению списков была начата еще весной 1910 г. К декабрю был сформирован список, включавший более 90 кандидатов. Из них предлагалось оставить троих для окончательного подсчета голосов, который планировалось произвести не позднее 11 декабря 1910 г. Критериями отбора указывалось считать членство в партии, приемлемость кандидата с партийной точки зрения и вероятность его прохождения на выборах. Усилия Коллюбакина по столь тщательному многоступенчатому отбору кандидатов свидетельствуют о понимании им и партией конституционных демократов важности вопроса о выборах в IV Думу после провала выборной кампании кадетов в Думу III созыва. Как известно, в связи с изменившейся политической обстановкой эти усилия не принесли существенных результатов. Партия кадетов сумела провести в IV Думу только 59 своих кандидатов, всего на 10% больше, чем было в III Думе².

Для проведения собраний парламентской фракции партии кадетов с приглашением значительного числа депутатов Думы и других лиц А.М. Коллюбакиным была арендована квартира в Санкт-Петербурге по адресу Сергиевская ул., д. 83/7. В этой квартире 26 мая 1913 г. им было организовано собрание, посвященное итогам деятельности парламентской фракции партии народной свободы за истекшую сессию IV Думы. Во время доклада П.Н. Милюкова в помещение прибыли направленные градоначальником представители полиции, потребовавшие прекращения собрания. Обстоятельства этого инцидента известны из дела Департамента полиции, хранящегося в ГА РФ³. Был составлен протокол, в котором собрание объявлялось публичным и неразрешенным. Все присутствующие были опрошены полицией и переписаны. В списке оказалось 58 лиц, из которых 28 — члены Государственной думы от партии народной свободы, а 30 — посторонние⁴.

Фракция народной свободы 27 мая 1913 г. опубликовала в газете «Речь» статью об этом инциденте, в которой связывала его с «новым курсом» министра внутренних дел Н.А. Маклакова, известного своими крайне правыми взглядами. А.М. Коллюбакину как арендатору квартиры

¹ Там же. Ф. 523. Оп. 3. Д. 9. ЛЛ. 1–4; Ф. 579. Оп. 1. Д. 1162. Л. 1.

² Демин В.А. Четвертая Государственная дума // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. — М., 2008. С. 677; его же. Третья Государственная дума // Там же. С. 619.

³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 70. Д. 37 (1913).

⁴ Там же. ЛЛ. 3–5.

и организатору собрания грозило наказание в виде ареста на срок от одного до трех месяцев или штрафа до 300 рублей. Он пояснил полиции, что в квартире происходило собрание членов фракции народной свободы с приглашенными сведущими людьми по вопросам, касающимся деятельности фракции в Государственной думе, что аналогичные собрания устраивались фракцией народной свободы в начале и по окончании каждой сессии Думы на протяжении последних шести лет, разрешения на них не испрашивались, и препятствий со стороны властей такие собрания также не встречали¹. Фактически, от наказания его уберегло только то, что Департамент полиции не смог найти убедительных доказательств того, что собрание было публичным, запросив дополнительных разъяснений понятия публичного собрания со стороны Правительствующего сената².

В ГА РФ имеется и ряд других документов, относящихся к деятельности Колюбакина вплоть до его ухода добровольцем на фронт и гибели в январе 1915 г. Эти документы еще требуют своего внимательного изучения.

Рассмотренные материалы характеризуют А.М. Колюбакина как партийного деятеля, преданно служившего идее конституционного преобразования политического строя России, ставившего общественные интересы выше личных, не жалевшего сил и энергии для достижения своих идеалов, а также как передового гражданина и патриота своей страны, отдавшего свою жизнь в бою на той войне, которую считал освободительной.

¹ Там же. ЛЛ. 6–6 об., 11.

² Там же. ЛЛ. 25–26.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ А.П. САПУНОВА — ЧЛЕНА III ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ, ИСТОРИКА, АРХЕОГРАФА, КРАЕВЕДА ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX ВВ.)

ЗАБЛОЦКАЯ МАРИНА ВАЛЕНТИНОВНА,
старший преподаватель кафедры иностранных языков
МГУ имени А.А. Кулешова
Могилев, Республика Беларусь;
e-mail: zablotckaia_mv@msu.by

Аннотация: Алексей Парфенович Сапунов (1851–1924 гг.) — известный историк, археограф, краевед, общественный и политический деятель второй половины XIX — начала XX вв. Патриота, увлеченного историческим прошлым родного края, А.П. Сапунова по праву считают исследователем, который создал целую эпоху в белорусской историографии. Его перу принадлежат сборники исторических материалов, акты и документы, отзывы на работы современных ему исследователей Полоцко-Витебского края, десятки статей и брошюр, предназначенных не только для представителей научных кругов, но и для широкого круга читателей. По политическим воззрениям А.П. Сапунов примыкал к «Союзу 17 октября», был избран депутатом в III Государственную думу от Витебской губернии, являлся оратором, в чьих выступлениях переплетались установки западнорусизма и передовых подходов к изучению исторического процесса. В начале XX в. в сложной политической ситуации, популяризируя собственные взгляды и изыскания, А.П. Сапунов стремился синтезировать многообразие идеологических установок, глубоко анализировать исследуемые темы, выявлять наиболее важные звенья, воссоздавать полную картину исторического развития белорусского народа.

Ключевые слова: III Государственная дума, Витебская губерния, политический и общественный деятель, Витебский отдел «Союза 17 октября».

Исследование событий, происходивших в России, частью которой были и белорусские земли, во второй половине XIX — первой четверти XX веков, когда страна переживала период модернизации общественно-политического устройства, установления новых форм отношений, продолжает вызывать повышенный интерес со стороны исследователей. Безусловно, научное познание закономерностей происходивших на рубеже веков событий требует всестороннего изучения как деятельности представителей широкого спектра политических партий и примыкавших к ним организаций, так и наиболее заметных политиков, мыслителей, общественных лидеров, ученых, сохранивших в разнообразных вещественных памятниках и источниках сведения о ходе исторического процесса и игравших заметную роль в жизни Беларуси.

В числе других ученых, активно работавших и невольно участвовавших в политической жизни белорусского края в рассматриваемый период времени, был Алексей Парфенович Сапунов (1852–1924) — известный историк, археограф, краевед, общественный и политический деятель. Уроженец местечка Усвяты Велижского уезда Витебской губернии, по окончании историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета Алексей Парфенович преподавал древние языки в Витебской гимназии, служил в Москве помощником инспектора в университете. В 1907 г. был избран депутатом в III Государственную думу от Витебской губернии. С 1913 г. А.П. Сапунов — профессор, почетный член многих научных обществ и комиссий в Витебске, Москве, Петербурге, Могилеве. С 1917 г. возглавлял статистический отдел исполнительного губернского комитета. Помимо этого, продолжал читать лекции в Витебском отделении Московского археологического института и в Институте народного образования.

Сегодня имя А.П. Сапунова можно встретить в ряде энциклопедических¹ и юбилейных изданий, брошюрах и памятных книгах, научных статьях и монографиях белорусских и российских исследователей. На сегодняшний день самыми крупными исследованиями по данной теме являются монографии Л.В. Хмельницкой² и А.Н. Подлипского³, которые позволяют проследить степень участия А.П. Сапунова в общественно-политической и культурно-просветительской жизни края. Отличительной особенностью данных работ стало обращение к различным сторонам жизни и деятельности Алексея Парфеновича, широкое привлечение архивного материала, впервые вводимого в научный оборот. О жизненном и творческом пути А.П. Сапунова повествуют энциклопедические статьи Л.В. Алексеева⁴, Г.А. Кохановского⁵, А.М. Подлипского⁶, Е.Н. Филатовой⁷. Общественную и политическую жизнь, научное и публицистическое наследие историка и краеведа А.П. Сапунова позволяют проследить документы и материалы, содержащиеся в фондах Государственного

¹ Сапунов Алексей Парфенович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 548–549.

² Хмельницкая Л.В. Гісторык з Віцебска. Мінск, 2001.

³ Падліпскі А.Н. Летпісец Віцебшчыны. Мінск, 1993.

⁴ Алексеев Л.В. А.П. Сапунов (1852–1924) // Археология и краеведение Беларуси в XVI–30-е гг. XX в. / Под ред. Б.А. Рыбакова. Минск, 1996. С. 140–143.

⁵ Кахановіцкі Г.А. Сапуноў Аляксей Парфенавіч // Энциклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі: у 5 т. / рэдкал.: І.П. Шамякін [і інш.]. Мінск, 1986. Т. 4. С. 644; Кахановіцкі Г.А. Сапуноў Аляксей Парфенавіч // Археалогія і нумізматыка Беларусі: энциклапедыя / рэдкал.: В.В. Гетаў [і інш.]. Мінск, 1993. С. 556–557.

⁶ Падліпскі А.М. Віцебскія сябры Глеба Успенскага (У.К. Стукаліч і М.У. Рамезаў) // Віцебскі рабочы. 1974. 7 снежня; яго же. Летпісец Віцебшчыны. Мінск, 1993; яго же. Сапуноў Аляксей Парфенавіч // Беларуская Савецкая Энциклапедыя: у 12 т. / рэдкал.: П.У. [і інш.]. Мінск, 1973. Т. 9. С. 359.

⁷ Філатава А.М. Сапуноў Аляксей Парфенавіч // Асветнікі зямлі Беларускай: Х — пачатак XX ст.: энциклапедычны даведнік / рэдкал.: Г.П. Пашкоў [і інш.]; маст. У.М. Жук. Мінск, 2001. С. 369–370; Філатава А.М. Сапуноў Аляксей Парфенавіч // Энциклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: Г.П. Пашкоў [і інш.]; маст. Э.Э. Жакевіч. Мінск, 2001. Т. 6. Кн. 1. С. 229.

архива Российской федерации (ф. 102, 115), Российского государственного исторического архива (ф. 869, 1278, 1284, 1288, 1327, 1409), Национального архива Республики Беларусь (ф. 60П, 622, 623), Национального исторического архива Беларуси (ф. 2496, 2502, 2554, 2558, 2771, 2790), Государственного архива Витебской области (ф. 170, 204, 289, 967, 1947), Национального исторического архива Беларуси в г. Гродно (ф. 103, 366, 369), Витебского областного краеведческого музея (КП 7294, 7295).

В целом репрезентативность источниковой базы по теме исследования достаточно высока и во взаимосвязи с анализом отечественной и российской историографии позволяет получить объективную картину исторических взглядов А.П. Сапунова, а также общественно-политической деятельности в период 1905–1918 гг.

Человек с активной жизненной позицией, А.П. Сапунов не смог остаться в стороне от событий начала XX в. В 1905 г. в Российской империи началась революция, стали образовываться легальные политические партии, и А.П. Сапунов решает примкнуть к «Союзу 17 октября», являясь, наряду с В.В. Богдановичем, В.К. Стукаличем, А.А. Воскресенским, Н.Н. Евреиновым, священником Н.К. Серебрянниковым, одним из его активных членов, участвовавших в разработке устава и программы витебской организации октябристов.

Выступая на организационных собраниях, А.П. Сапунов всегда аргументированно высказывал свое мнение на волнующие разные слои население вопросы: крестьянский и рабочий, национальный и конфессиональный. Одной из первоочередных задач для А.П. Сапунова виделось решение аграрного вопроса¹. Именно с крестьянского вопроса, по мнению историка, и должна была начать свою созидательную деятельность Государственная дума. «Пора, давно пора вспомнить про „свободный труд свободного народа“, о чем возвещено уже в великом акте 19 февраля 1861 г. Поменьше опеки, побольше доверия. Необходимо поставить наше крестьянство на твердую почву, необходимо, чтобы крестьяне перестали быть „черным и серым“ народом, надо, чтобы они были просто народом без обидных и унижительных эпитетов. Надо открыть народу широкий путь к образованию, надо, чтобы во время болезни у него были под рукой и лечебница, да и врач не за тридевять земель и полей, чтобы голодовка отошла в область преданий. Кто кормит нас, кормит всю интеллигенцию, тот, конечно, не должен голодать сам!»² — заявлял А.П. Сапунов. Говоря о положении старообрядцев, историк отмечал: «Россия для них должна стать любящей матерью, а не мачехой!»³ По рабочему вопросу А.П. Сапунов акцентировал внимание на необходимости улучшения быта рабочего до такой степени, чтобы и он «чувствовал себя человеком»⁴.

¹ В Санкт-Петербургский ЦК «Союза 17 октября» // ГА РФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 63. Л. 34 об.

² *Поленов А.Д.* Объяснение к программе «Союза 17 октября» по крестьянскому и земельному вопросу. М., 1907. С. 4.

³ Там же.

⁴ Там же.

Подробно изучив положение купечества, банкиров, крупных промышленников, вообще еврейской буржуазии, историк пришел к выводу, что оно далеко не положение угнетенных, каким его рисуют в большинстве случаев. Далее А.П. Сапунов нарисовал картину существования другой половины еврейства: его низших трудящихся слоев, ютящихся, как и бедное крестьянство, по жалким лачугам и живущих, подобно последним, впроголодь. О них, по мнению оратора, следовало подумать. «И я не знаю, — говорил он, — почему бы этим беднякам, если они пожелают, не дать известного надела земли. Не следует лишь повторять печальных опытов, которые производились во времена Николая I, когда евреям давали в Малороссии десятки десятин земли, а те сдавали ее без выгоды потом в аренду: таких фиктивных „землевладельцев“, будь то евреи или русские, не следует разводить. Наконец, пресловутая черта оседлости по глубокому убеждению оратора не выдерживала решительно никакой критики: если евреи „плохи“, то зачем же налагать такое бремя на плечи бедного белоруса, если же они „хороши“, к чему тогда стеснения»¹.

Во многом благодаря личным качествам историка, информационно-просветительской работе, развернувшейся на страницах печатных изданий Витебска, А.П. Сапунову все же удалось набрать необходимое количество голосов, чтобы представлять интересы выборщиков от Витебской губернии в III Государственной думе — высшем законодательном органе Российской империи².

В Санкт-Петербург Алексей Парфенович приехал в конце октября 1907 года. Стараясь не пропускать ни одного думского заседания, за исключением периодов обострения хронической болезни, историк целиком посвятил себя политической деятельности³.

К новой работе А.П. Сапунов подошел с чувством огромной ответственности. На трибуну Алексей Парфенович поднимался всего 6 раз. Объясняя причины своего отклонения от ораторских упражнений, А.П. Сапунов писал в редакцию «Витебских губернских ведомостей» следующее: «Наскучив слушать бесконечные, никому положительно не нужные, субъективные речи, часто не относящиеся к обсуждаемой теме, некоторые из думских ораторов самоотверженно отказываются от произнесения своих речей. Чтобы напрасно и без пользы не утомлять членов думы, говорить должны только известные и признанные ораторы и по 2–3 от фракции, не больше. Остальные могут и обязаны выступать лишь тогда, когда в распоряжении имеются достаточный материал, запас фактических данных и разработанные тезисы»⁴.

¹ Там же.

² Депутаты в Государственную думу от Витебской губернии // Витебские губернские ведомости. 1907. 15 октября.

³ Личное дело Сапунова Алексея Парфеновича от Витебской губернии (15 октября 1907 — 22 мая 1912) // РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 703. ЛЛ. 14, 16, 22.

⁴ Стукалич В.К. Вторая беседа с А.П. Сапуновым // Витебские губернские ведомости. 1907. 6 декабря.

Первую речь А.П. Сапунов произнес на заседании 17 января 1908 г., на котором он выступал от лица 35 членов Государственной думы, ходатайствовавших о неотложном рассмотрении законопроекта «Об упразднении в Белоруссии остатков чиншевого владения и чиншевого права и выродившегося из него городского и местечкового домового арендного владения»¹. Докладчик отметил, что чиншевое право в Беларуси и Западном крае — общепризнанный юридический институт, освященный Литовским статутом, и после присоединения к Российской империи признанный и русскими законами. Однако с течением времени, с развитием инфраструктуры городов и местечек интересы вотчинника и чиншевика нередко становились враждебными. Вотчинники стали стремиться перевести чиншевиков на отношения более или менее краткосрочной аренды. В огромном количестве случаев договоры заключались словесно. Спорность и неопределенность чиншевых правоотношений, по мнению докладчика, еще более увеличилась в силу крайней скудности письменных доказательств чиншевого права; искусственного создания письменных доказательств, относящихся к моменту установления этого права; неравенства житейской и процессуальной борьбы между вотчинниками-чиншевиками. Общие суждения о тяжелом положении арендаторов-чиншевиков и бывших чиншевиков оратор подкрепил кратким сводом законоположений по данному вопросу, конкретными примерами из дел, которые рассматривались в Витебском окружном суде², а также мнениями ученых, изучавших чиншевой вопрос³. Предполагалась полная отмена чиншевого права. Арендкуемые чиншевиками земли должны были выкупаться государством у владельцев и предоставляться в собственность арендаторам, которые в течение 30 лет были обязаны возместить затраченные на выкуп денежные средства⁴.

На заседании Думы 2 апреля 1908 г. А.П. Сапунов еще раз разъяснил высказанную ранее позицию по чиншевому вопросу, подчеркнув, что «арендные отношения в Белоруссии иного порядка, что они существенно отличаются от арендных отношений в иных местностях»⁵. Обратив внимание, что «центральные власти обыкновенно имеют наклонность подводить все под один уровень, устанавливая одинаковые нормы», докладчик призвал относиться к местным властям с большим доверием⁶.

Тема, поднятая А.П. Сапуновым, вызвала оживленную дискуссию, и для принятия окончательного решения была создана специальная комиссия, в состав которой вошел и Алексей Парфенович⁷.

¹ От наших депутатов // Витебские губернские ведомости. 1907. 5 декабря.

² Сапунов А.П. Речи в Государственной думе 3-го созыва. СПб., 1912. С. 12–14.

³ Там же. С. 2–4.

⁴ Законотворчество думских фракций. 1906–1917 гг.: Документы и материалы / под ред. П.А. Пожигайло. М., 2006. С. 95.

⁵ Сапунов А.П. Речи в Государственной думе 3-го созыва. С. 28.

⁶ Там же. С. 31.

⁷ Списки членов различных комиссий фракции «Союза 17 октября» в Государственной думе // ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 22. Л. 9.

Несмотря на то что переданный на рассмотрение комиссии законопроект имел местное значение, касаясь лишь белорусских губерний, по мнению председателя чиншевой комиссии Г.Е. Червинского, вопрос затрагивал интересы весьма многих частей империи, вследствие чего было решено приступить к поэтапному рассмотрению законопроекта с целью выработать основное положение, «долженствующее в будущем регулировать отношения между собственниками земли и непосредственными их владельцами по долгосрочным арендам и иным договорам»¹.

В очередной раз вопрос о вечночиншевом владении в городах и местечках белорусских губерний был поднят на заседании 20 февраля 1910 г. Рассматривая сущность института чиншевого владения, некоторые члены комиссии выступали за его сохранение, руководствуясь тем историческим значением, которое оно имело в истории Западного края; другие считали необходимым либо полностью, либо частично прекратить дальнейшее существование рассматриваемого института.

Первым за полную отмену чиншевого права на всем пространстве Беларуси выступил А.П. Сапунов. Выкуп земель докладчик предложил производить «на тех же основаниях и началах, тем же самым путем, способами и средствами, какими он был произведен правительством в Привислинском крае в 1864–1870 годах, по закону 19 февраля 1864 года, 28 октября 1866 года и 30 мая 1870 года, с некоторыми изменениями и приспособлениями сообразно с местными белорусскими особенностями и изменившимися со времени 1860-х годов условиями землевладения в Белоруссии и земельными ценами, на предмет определения их выкупной стоимости»². Находящиеся в арендном владении у чиншевиков, городских и местечковых землевладельцев-арендаторов земли подлежало выкупить на государственный счет у их собственников — казенных, церковных, монастырских и общественных учреждений и частных лиц, с предоставлением выкупленных земель в собственность чиншевиков и арендаторов с возвращением затраченных на выкуп земель денежных средств в течение 30 лет. Для приобретения денежных средств на операцию выкупа земель правительством предполагалось выпустить внутренний 4% займ на сумму до 100 миллионов рублей с погашением их в течение 30 лет³. Обращаясь к условиям установления выкупа, комиссия предлагала разграничить его для городов и местечек, ввиду разницы имущественного положения населения, и производить через кредитные либо казенные установления⁴. После длительных прений на рассмотрение думы было решено предоставить следующий законопроект:

¹ Комиссия об упразднении чиншевого права. Журналы заседаний комиссии. 7 марта 1908 г. — 20 мая 1908 г. // РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3450. Л. 1 об.

² Там же. Л. 14

³ Законопроект об упразднении в Белоруссии последних остатков чиншевого права и выродившегося из него городского и местечкового домового арендного владения // Витебские губернские ведомости. 1907. 31 июля.

⁴ Комиссия об упразднении чиншевого права. Журналы заседаний комиссии. 7 марта 1908 г. — 20 мая 1908 г. ЛЛ. 15–15 об.

1. На всем пространстве Беларуси существующие там остатки чиншевого владения и чиншевого права и его вырождения — белорусского городского и местечкового домового арендного владения — отменить.

2. Находящиеся в арендном владении у вечночиншевиков и городских и местечковых домовладельцев — арендаторов — земли выкупить на государственный счет у их собственников: казенных, церковных, монастырских и общественных учреждений и частных лиц, с предоставлением выкупленных земель в собственность теперешних их владельцев — чиншевиков и арендаторов, с возложением на них возврата правительству в течение тридцати лет затраченных им на выкуп тех земель денежных средств.

3. Реформу эту и выкуп земель произвести на тех же самых началах и тем же самым путем, способом и средствами, какими была произведена правительством в Привислинском крае такая же отмена чиншевого сельского, городского и местечкового владения и права, с государственным выкупом чиншевых земель в 1864–1870 годах по законам 19 февраля 1864 г., 28 октября 1866 г. и 30 мая 1870 г., с некоторыми изменениями и приспособлениями сих законов, в деталях и подробностях, сообразно с местными белорусскими особенностями и изменившимися со времени 60-х годов условиями землевладения в Белоруссии и земельными ценами, на предмет определения выкупной их стоимости.

4. Для приобретения денежных средств на операцию выкупа земель предоставить правительству выпустить внутренний займ, из 4% на необходимую сумму, с погашением его в течение 30 лет.

5. Поручить правительству, в лице г. председателя Совета министров, в полугодовой со дня утверждения Государем императором сего закона срок, по собрании всех надлежащих статистических и экономических сведений по вопросу о приспособлении вышеупомянутых законов 19 февраля 1864 г., 28 октября 1866 г. и 30 мая 1870 г. к современным белорусским условиям и земельным ценам, выработать и представить на утверждение Государственной думы подробные правила о производстве и стоимости выкупной операции по этой реформе¹.

Внесенный в III Государственную думу 4 декабря 1907 г. депутатами-октябристами только 4 июня 1911 г. законопроект думской комиссии по упразднению чиншевого права получил одобрение общего собрания депутатов, но из-за позиции Государственного совета законом так и не стал.

Последующие выступления А.П. Сапунова касались разных вопросов, но по существу затрагивали тему «белорусской народности». Следует отметить, что октябристы белорусов вообще не считали отдельным народом, полагая, что они являются частью русского суперэтноса. Такое мнение долгое время разделял и А.П. Сапунов. Так, в одной из своих краеведческих работ историк писал: «Говоря о Белоруссии, мы говорим: русский край, русская народность; говорим мы так, потому что белорусская

¹ Законотворчество думских фракций. 1906–1917 гг. С. 94–95.

народность — одна из основных народностей русского племени»¹. В то же время он поддерживал стремление белорусского народа к самоопределению, полагая, что «упрочнение национального среди белорусской массы, несомненно, приведет к единению с остальной Русью»². Отмечая, что белорусский язык является диалектом русского, А.П. Сапунов подчеркивал древность первого, утверждая, что «главнейшие особенности современных белорусских говоров в большей или меньшей степени сложились не позже XIII в.»³. Тем самым исследователь опровергал мнение о неисторичности, забитости, угнетенности и рабской психологии белорусов, подчеркивал самостоятельное развитие белорусского народа, наличие у него собственной истории, особенностей общественной и культурной жизни⁴.

Своим новым видением судьбы белорусского народа Алексей Парфенович поделился на заседании Думы 30 мая 1909 г., на котором главной темой стала законодательная правка, призванная изменить закон о выборах в 9 губерниях Западного края, в которых не было земского самоуправления. В соответствии с законом выборы проводились губернским съездом землевладельцев, которые имели необходимый земельный ценз, а так как крупными землевладельцами на территории Беларуси были преимущественно поляки, то все 9 депутатов Государственного совета оказывались поляками, притом, что польское представительство в этих губерниях было незначительным. О справедливости, своевременности и законности решения поднятого вопроса говорили не только депутаты Северо-Западного края, но и председатель Совета министров П.А. Столыпин.

В своем выступлении А.П. Сапунов, избегая сложных статистических вычислений, подошел к вопросу с иной стороны. Докладчик выступил против того, чтобы «о нуждах русского народа в Государственном совете говорили господа, сплотившиеся в польское коло, которые являются представителями не общегосударственных, а своих племенных и сословных интересов»⁵. Обращаясь к членам Государственной думы, Алексей Парфенович старался развенчать убеждение в том, что «поляки-католики являлись основной и стародавней народностью Западного края и всегда хорошо относились к белорусам», как, например, утверждал выдающийся деятель польских кругов И.О. Корвин-Милевский, и чье авторитетное мнение разделяли некоторые депутаты⁶. Отмечая, что поляков, как основной народности, в Западном крае нет вовсе, да и не было никогда, А.П. Сапунов заявлял: «Не более трех веков тому назад все население

¹ Сапунов А.П. Очерк исторических судеб православия и русской народности в Белоруссии вообще и в пределах Полоцкой епархии в частности. Витебск, 1910. С. 28.

² Сапунов А.П. Белоруссия и белорусы. Витебск, 1910. С. 1.

³ Там же. С. 16.

⁴ Там же. С. 20.

⁵ Сапунов А.П. Речи в Государственной думе 3-го созыва. С. 40.

⁶ Там же. С. 38.

Белоруссии было сплошь белорусским, сплошь православным»¹. Причисление к полякам белорусов-католиков историк считал недопустимым, а преподавание закона Божьего римско-католического исповедания в учебных заведениях Западного края на польском языке — целенаправленной полонизацией белорусов-католиков². Ратую против неосновательных претензий поляков на «исконно русский край», историк призывал к взаимному справедливому отношению к правам славянской нации. Желая полякам достигнуть широких прав в этнографической Польше, оратор выразил надежду, что в ближайшем будущем о нуждах русского народа будут говорить не господа, «сплотившиеся в польское коло и представляющие свои сословные и племенные интересы», а истинные хозяева Западного края, каковыми, по мнению историка, являются православные белорусы³. Слова А.П. Сапунова о том, что «все даже самые незначительные народности стремятся к самоопределению, и за ними все признают право на это. Только одна народность, народность белорусская, не смеет и думать про это»⁴, стали своего рода манифестом в защиту самоопределения белорусов и прозвучали как призыв к выходу из состояния угнетенности и порабощения. Из представленных цитат видно, насколько А.П. Сапунов понимал опасность, которая исходила со стороны Запада по полонизации белорусского населения.

Продолжением данной темы явилось выступление витебского депутата 11 мая 1910 г. в защиту законопроекта, внесенного в Государственную думу министром внутренних дел, о применении Положения о земских учреждениях 12 июня 1890 г. к губерниям Витебской, Волынской, Киевской, Минской, Могилевской и Подольской. Говоря о культурном влиянии Польши на Беларусь, докладчик привел историческую справку о двухвековой просветительской деятельности поляков. Оказалось, что для образования детей купцов и мещан не было сделано ничего, об образовании детей крестьян речи даже не шло. Количество учащихся в открытых в Полоцке, Витебске и Двинске школах было незначительным, и, преимущественно, образование в этих школах получали дети шляхты⁵. Польский характер школы носили и при императоре Александре I. Отмечая, что то, что возможно в одной области земского дела (в деле народного просвещения), возможно, конечно, и в других областях, А.П. Сапунов выступал против преувеличения как силы, так и объема участия поляков в жизни земств. Главным тезисом его выступления явилось высказывание: «В члены училищных советов от земства и городов земством и городским общественным управлением могут быть избираемы только лица русского происхождения»⁶. Несмотря на приложенные усилия, одобренный Государственной думой законопроект о введении земства в шести

¹ Там же. С. 34.

² Там же. С. 34–35.

³ Там же. С. 38.

⁴ Там же. С. 37.

⁵ Там же. С. 43–44.

⁶ Там же. С. 48.

Западных губерниях Государственным советом был отклонен. В ответ на это высочайшими указами от того же числа занятия Государственной думы и Государственного совета были прерваны в порядке ст. 99 Основных законов на три дня, а с 14 марта в Собрании узаконений и распоряжений правительства был проведен именной указ об издании, согласно особому журналу совета министров, в порядке ст. 87 Основных законов, закона о введении выборного земства в некоторых губерниях Северо-Западного и Юго-Западного края, в том числе в Витебской, Могилевской и Минской¹.

Находясь в Петербурге, Алексей Парфенович принимал активное участие в общественных акциях, собраниях различных политических клубов, партий и организаций, являлся почетным членом различных обществ².

Напряженная работа в Думе негативно отразилась на состоянии здоровья Алексея Парфеновича. Базедова болезнь не давала витебскому ученому участвовать во всех заседаниях. Он часто подавал заявления о внеочередном отпуске по причине болезни³.

9 июня 1912 г. Алексей Парфенович вернулся в Витебск. О своей деятельности в Думе историк писал: «Четыре года я работал в Государственной думе. Два вопроса особенно интересовали меня: чиншевый, или арендный, и введение земства в Западном крае. Я не оратор, однако, пришлось выступать раз 6. К удовольствию моему и моих выборщиков оба выше обозначенных вопроса Государственная дума провела успешно и до конца, и именно так, как хотели этого мои выборщики и я. Правда, Государственный совет значительно изменил эти законопроекты, и изменил, с нашей точки зрения, не в лучшую сторону. Однако и в нынешнем виде они, безусловно, полезные»⁴.

Революционные события 1917 г. А.П. Сапунов встретил в Витебске. В прошлом октябрист и «верноподданнический монархист» Алексей Парфенович, в отличие от большинства своих прежних соратников, предпочел отойти от политики, сосредоточив все силы на педагогической и культурно-просветительской деятельности. Историк активно включился в работу Витебской ученой архивной комиссии, создание музея и библиотеки комиссии, выступал в учреждениях, организациях, на страницах печатных изданий.

¹ О запросах председателю Совета министров по поводу издания в порядке ст. 87 Основного закона, Указа 14 марта 1911 г., о применении Положения о губернских и уездных земских учреждениях 12 июня 1890 г. к губерниям Витебской, Волынской, Киевской, Минской, Могилевской и Подольской (15 марта 1911 — 27 апреля 1911) // РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2607. Л. 5.

² *Хмельницкая Л.В.* Гісторык з Віцебска. Мінск, 2001. С. 138.

³ Личное дело Сапунова Алексея Парфеновича от Витебской губернии (15 октября 1907 — 22 мая 1912) // РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 703. ЛЛ. 7–12, 17–18, 21.

⁴ *Хмельницкая Л.В.* Гісторык з Віцебска. Мінск, 2001. С. 134–135.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДЕПУТАТА-ТРЕЗВЕННИКА М.Д. ЧЕЛЫШЕВА В ТРЕТЬЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

СТОГОВ ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ,

кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры истории государства и права
Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета
«ЛЭТИ» имени В.И. Ульянова (Ленина),
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: bel-grigorij@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается думская деятельность известного депутата от Самарской губернии, сторонника абсолютной трезвости Михаила Дмитриевича Челышева. Впервые в историографии осуществлен комплексный анализ выступлений депутата в стенах Думы, а также его книг и брошюр, посвященных борьбе с пьянством. Отмечается, что депутат нашел себе ряд сторонников, прежде всего, в среде представителей умеренных и консервативных политических партий (октябристы, черносотенцы). Выступая за серьезные ограничительные меры, связанные с оборотом и продажей алкоголя, Челышев подвергался жесткой критике со стороны сторонников винной монополии, в том числе премьер-министра и министра финансов В.Н. Коковцова. В результате большинство трезвеннических инициатив депутата остались нереализованными, хотя часть из них и получила одобрение большинства членов Государственной думы.

Ключевые слова: Российская империя, Государственная дума, Государственный совет, правые, депутаты, пьянство, трезвость, законопроект.

Член III Государственной думы Михаил Дмитриевич Челышев (Челышов, 1866–1915) получил поистине всероссийскую известность на почве предлагавшихся им инициатив, направленных на борьбу с народным пьянством и поддержку трезвеннических инициатив. Обращение к дореволюционным трезвенническим традициям представляется весьма актуальным и в настоящее время, поскольку проблема пьянства и алкоголизма по-прежнему остается острой.

Отметим, что в современной историографии хотя и имеются отдельные работы, посвященные жизни и деятельности М.Д. Челышева, тем не менее, их количество весьма ограничено, и они, как правило, отражают далеко не все аспекты, связанные с трезвенническими инициативами знаменитого парламентария. К примеру, в трезвеннической газете «Соратник» в 2015 г. вышла небольшая заметка публицистического характера, посвященная деятельности депутата, содержащая весьма поверхностные сведения о нем и его работе в Думе¹. В 2016 г. вышла в свет брошюра, содержащая в себе отдельные высказывания М.Д. Челышева

¹ Памяти М.Д. Челышева // Соратник. 2015. № 6 (220). С. 12.

по алкогольной проблематике¹. Книгу предваряет предисловие известного современного борца за трезвость, президента Международной академии трезвости А.Н. Маюрова, в котором даются общие биографические сведения о депутате. Стоит также отметить, что отдельные думские речи депутата начали переиздавать еще в перестроечное время². Опубликован ряд статей, посвященных думской деятельности М.Д. Чельшова³. Томский исследователь истории трезвеннического движения А.Л. Афанасьев выделил четыре этапа деятельности выдающегося борца за трезвость⁴. Многочисленные упоминания имени М.Д. Чельшова содержатся в ряде работ, посвященных истории борьбы с пьянством и истории трезвеннического движения в России в конце XIX — начале XX вв.⁵. Статья о М.Д. Чельшове опубликована в энциклопедии «Государственная дума Российской империи»⁶. Вместе с тем, отмечая несомненные заслуги представленных работ, стоит отметить, что они носят весьма фрагментарный характер, касаются отдельных сторон жизни и деятельности парламентария (хронология событий, связанных с биографией М.Д. Чельшова, участие общественного деятеля во Всероссийских съездах по борьбе с пьянством, принадлежность М.Д. Чельшова к единоверию⁷ и др.). В настоящей работе впервые в историографии осуществлена попытка комплексного анализа выступлений депутата в стенах Думы, а также его книг и брошюр, посвященных борьбе с пьянством.

М.Д. Чельшов происходил из крестьян Владимирской губернии, родился 26 сентября (ст. ст.) 1866 г. в деревне Ворынино Давыдовской

¹ Чельшов Михаил Дмитриевич (высказывания депутата Государственной Думы Российской империи) / Предисловие, составление и научная редакция профессора А.Н. Маюрова. Н. Новгород, 2016.

² Чельшов М.Д. Пощадите Россию // Для чего люди одурманиваются. М., 1988. С. 50–75.

³ Бажанов Е. М.Д. Чельшов (1866–1915) // Трезвость и культура. 1991. № 12. С. 58–59; Афанасьев А.Л. Всероссийские съезды по борьбе с пьянством, III Государственная дума и трезвенное движение в Сибири и на Дальнем Востоке в 1910–1912 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2010. Июнь. № 335. С. 63–67; Афанасьев А.Л. Трезвенное движение в России в 1907–1914 гг.: характер, этапы, значение // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 5 (31). С. 27–32; Афанасьев А.Л. М.Д. Чельшов — выдающийся деятель трезвенного движения в России: хроника 1866–1915 гг. // Основа здоровья нации — трезвое мировоззрение: материалы XVIII Национальной научно-практ. конференции ОД «Союз УСТ «Трезвый Урал» с междунар. участием (г. Тюмень, 22–23 февраля 2020 г.). Тюмень, 2020. С. 135–141.

⁴ Афанасьев А.Л. М.Д. Чельшов — выдающийся деятель трезвенного движения в России: хроника 1866–1915 гг. С. 135–136.

⁵ См., напр.: Афанасьев А.Л. Трезвенное движение в России в период мирного развития. 1907–1914 годы: опыт оздоровления общества. Томск, 2007. С. 72–77.

⁶ Карнишин В.Ю. Чельшев Михаил Дмитриевич // Государственная дума Российской империи, 1905–1917 гг.: энциклопедия. М., 2008. С. 672–673.

⁷ Обухович С.А. Старообрядчество Самаро-Саратовского Поволжья второй половины XIX — начала XX вв.: вклад в экономику и культуру края: Автореф. дисс. ... к. ист. н. М., 2008.

волости Владимирского уезда Владимирской губернии¹ в единоверческой семье и до 1877 г. жил в родной деревне, затем переехал вместе с отцом в Самару, где занимался в качестве подрядчика малярными работами. Позже стал купцом, владел торговыми заведениями и банями, стал совладельцем «Торгового дома Челышев с сыновьями». 24 июня 1892 г. был избран гласным Самарской городской думы, оставаясь им вплоть до своей кончины².

Трезвеннические убеждения М.Д. Челышева, как отмечает А.Л. Афанасьев, ссылаясь на собственное позднейшее свидетельство депутата, сформировались примерно к 1899–1900 гг.³ После этого он выступал в Самарской думе с законодательными инициативами по полному запрету оборота алкогольной продукции, которые, однако, не находили одобрения в правительстве⁴. Вступив в конце 1905 г. в «Союз 17 октября» и возглавив ее самарский отдел, Челышев неоднократно выступал с речами о необходимости активной борьбы за трезвость⁵. В 1910–1912 гг. политик и общественный деятель являлся городским головой Самары, однако из-за конфликта со значительным числом гласных городской думы был вынужден оставить эту должность.

Стоит также отметить, что Челышев участвовал в работе ряда правых (монархических, черносотенных) организаций. В частности, он выступал в прениях по докладу другого пламенного борца с пьянством, Н.Н. Шипова, в «Русском собрании» 23 ноября 1907 г.⁶. Михаил Дмитриевич тогда убежденно доказывал «необходимость запрещения потребления спиртных напитков и допущения таковых к продаже разве в виде лекарственного средства, отпускаемого из аптек». Его речь была встречена публикой шумными аплодисментами.

Являлся М.Д. Челышев и почетным членом Казанского общества трезвости, которое основал и возглавлял монархист, черносотенец А.Т. Соловьев.

14 октября 1907 г. М.Д. Челышев был избран депутатом Государственной думы третьего созыва от Самарской губернии⁷. Уже 16 ноября того же года после выступления председателя Совета министров П.А. Столыпина депутат выступил в прениях с призывом бороться с пьянством⁸.

¹ 3-й созыв Государственной Думы. Портреты. Биографии. Автографы. СПб., 1910. С. 80.

² Афанасьев А.Л. М.Д. Челышов — выдающийся деятель трезвенного движения в России: хроника 1866–1915 гг. С. 137.

³ Там же. С. 137. См. также: *Челышов М.Д.* Речи М.Д. Челышова, произнесенные в Третьей Государственной Думе о необходимости борьбы с пьянством. СПб., 1912. С. 131.

⁴ Афанасьев А.Л. М.Д. Челышов — выдающийся деятель трезвенного движения в России: хроника 1866–1915 гг. С. 137.

⁵ Там же.

⁶ Шипов Н.Н. Алкоголизм и революция // Вестник Русского собрания. 1907. № 32. С. 3–5; № 33. С. 7; 1908. № 35. С. 5–7.

⁷ 3-й созыв Государственной думы. Портреты. Биографии. Автографы. С. 80.

⁸ *Челышов М.Д.* Речи М.Д. Челышова, произнесенные в Третьей Государственной думе о необходимости борьбы с пьянством. С. 13–15.

13 февраля 1908 г. в Царском Селе состоялся прием Николаем II 310 членов Государственной думы. Император «удостоил <...> разговором <...> Чельшова, известного своей пропагандой против пьянства»¹.

Именно по инициативе М.Д. Чельшева в нижней палате парламента была образована комиссия «О мерах по борьбе с пьянством», он же стал товарищем (заместителем) председателя этой комиссии и фактически ее главным идеологом. 21 и 22 января 1911 г. депутат выступил в Думе по вопросу о борьбе с пьянством как содокладчик барона А.Ф. Мейендорфа². 16 ноября 1911 г. Дума приняла законопроект, подготовленный комиссией, под названием «Проект закона об изменении и дополнении некоторых, относящихся к продаже крепких напитков, постановлений»³. Законопроект вводил ряд существенных ограничений продажи алкоголя, а также предлагал введение просветительских мер по борьбе с пьянством.

Приведем ряд характерных мер, которые были введены в России этим законом. В частности, «волостным, гминным, станичным, сельским, селенным, аульным и т.п. сходам и сборам, а в городах и посадах — городским думам и заменяющим их учреждениям» предоставлялось «право составления запретительных по продаже крепких напитков приговоров и постановлений для подведомственной им местности»⁴. Полностью запрещалась торговля крепкими напитками «как в казенных, так и в частных местах продажи питей» в субботные и предпраздничные дни после двух часов дня, «если обязательными постановлениями городских или земских органов самоуправления не установлены более ранние часы прекращения торговли», а также в течение всего дня в первые три дня Святой Пасхи, по воскресеньям и в двенадцатые праздники, а также в Великую Пятницу и в Великую Субботу, в Радоницу, 1 и 5 января, 19 февраля, 9 мая, 29 июня, 20 июля, 29 и 30 августа, 26 сентября, 1, 17 и 22 октября, 6, 24, 26 и 27 декабря, в дни рождения и тезоименитства императора, императриц и наследника престола и в дни восшествия на престол и коронования императора, а также в местные и храмовые христианские праздники, в дни крестных ходов, в дни призыва новобранцев и сбора запасных, в дни сельских ярмарок, волостных, гминных, станичных, сельских, селенных, аульных и прочих сходов и сборов и разбирательства дел в волостных, гминных, станичных, сельских и прочих судах⁵.

Налагавшиеся на нарушителей закона денежные взыскания и деньги, которые выручались от продажи конфискованных предметов, а также суммы, которые составляли стоимость питей, отпущенных с сокрытием

¹ Цит. по: *Афанасьев А.Л.* Чельшов — выдающийся деятель трезвенного движения в России: хроника 1866–1915 гг. С. 138.

² *Чельшов М.Д.* Речи М.Д. Чельшова, произнесенные в Третьей Государственной думе о необходимости борьбы с пьянством. С. 374–576.

³ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. СПб., 1911. Ч. 1. Стб. 3615–3625.

⁴ Там же. Стб. 3615.

⁵ Там же. Стб. 3618.

от оплаты акцизом, поступали в специальные средства Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей и предназначались «для выдачи наград открывателям, доносителям и поимщикам, а равно чинам общей полиции и должностным лицам волостного и сельского и соответствующих им управлений». Остававшиеся в конце каждого года невыданные суммы обращались в доход казны¹.

Закон, принятый Думой, поступил в соответствующую комиссию Государственного совета, его рассмотрение затянулось вплоть до 1914 г., затем его вернули в IV Думу. В итоге он так и не был утвержден².

Причины отклонения законопроекта, равно как и других подобного рода ограничительных мер, связанных с оборотом алкоголя, лежат, прежде всего, на наш взгляд, в поддержке идеи винной монополии С.Ю. Витте в правительстве и других бюрократических структурах Российской империи. В этой связи впоследствии тогдашний председатель Совета министров и министр финансов В.Н. Коковцов отмечал в мемуарах: «<...> постоянно говорилось совершенно открыто, что одни полицейские запреты, одно сокращение числа мест торговли, как и мысли изменений в духе рецепта депутата Чельшева, не спасут положения и приведут только к вопиющим злоупотреблениям и углублению порока»³.

Сам М.Д. Чельшев, оценивая деятельность комиссии «О мерах борьбы с пьянством», указывал, что благодаря ее работе «пробудилось население», сошла «пелена с глаз народных», рассеялся туман, «душивший сознание», а также появилась «огромная волна антиалкогольной идеи, которая, прокатываясь сейчас по России, растет и ширится, и которая истоком своим имеет Государственную думу»⁴. «В этом таится самый ценный, самый лучший результат, достигнутый пятилетнею пропагандою трезвости с законодательной трибуны. Даже если бы за эти пять лет не было бы достигнуто ничего иного, кроме указанного пробуждения народного сознания, то и тогда можно было бы антиалкогольные усилия Государственной думы считать ненапрасными»⁵.

Отметим, что многочисленные думские речи депутата М.Д. Чельшева ярко характеризуют его как пламенного патриота, борца с пьянством и за утверждение в народе трезвого образа жизни.

Позиция М.Д. Чельшева по алкогольному вопросу изложена как в стенографических отчетах заседаний Государственной думы, так и в многочисленных брошюрах и книгах, изданных автором⁶. В частно-

¹ Там же. Стб. 3622.

² *Афанасьев А.Л.* Трезвенное движение в России в период мирного развития: 1907–1914 годы: опыт оздоровления общества. Томск, 2007. С. 77.

³ *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1911–1919 / Сост., авт. вст. ст., коммент., имен. указ. С.С. Волк. М., 1991. С. 343.

⁴ *Чельшов М.Д.* Речи М.Д. Чельшова, произнесенные в Третьей Государственной думе о необходимости борьбы с пьянством и по другим вопросам. С. 757.

⁵ Там же.

⁶ См., напр.: *Чельшев М.Д.* Речь депутата Чельшева по вопросу пьянства. СПб., 1909 и др.

сти, в брошюре «Главная причина нашего несчастья» (1907 г.)¹ М.Д. Чельшев изложил программу борьбы с пьянством. Депутат подчеркивал, что нужно «не полумерами бороться с народным пьянством, с этим величайшим всенародным злом, в котором, как в эфире, растворится все, что есть самого чистого и светлого в человеке, а совсем уничтожить этот закон, издав новый — о совершенном запрещении в России винокурения, пивоварения и приготовления вообще алкоголя во всех его видах и о запрещении ввоза его в пределы Империи»².

Брошюра также свидетельствует о верноподданнических и монархических убеждениях ее автора. Он подчеркивал, что царь, «наш неусыпный и неустанный заботник о благе народном, войдет в рассмотрение вопроса об искоренении сильно всосавшегося в плоть и кровь его верноподданных яда и даст этому делу нужное направление». «Не следует забывать, что царь тогда только может быть покоен за свой народ и Царство, когда этот народ будет здоров, силен, сыт и материально обеспечен; следовательно, не может быть и тени сомнения в том, чтобы его императорскому величеству неугодно было решение Думы, направленное к достижению народного благосостояния»³, — писал парламентарий.

Подведем некоторые итоги. Депутат-трезвенник М.Д. Чельшев, пребывая в составе Третьей Государственной думы, нашел себе ряд сторонников, прежде всего, в среде представителей умеренных и консервативных политических партий (октябристы, черносотенцы). Вместе с тем, выступая за серьезные ограничительные меры, связанные с оборотом и продажей алкоголя, Чельшев подвергался жесткой критике со стороны сторонников винной монополии, в том числе премьер-министра и министра финансов В.Н. Коковцова. В результате большинство трезвеннических инициатив депутата остались нереализованными, хотя часть из них и получала одобрение большинства членов Государственной думы.

¹ Чельшов М.Д. Главная причина нашего несчастья. Издание второе. Самара, 1907.

² Там же (предисловие, номер страницы не указан).

³ Там же. С. 28.

А.А. БУБЛИКОВ — КОМИССАР ВРЕМЕННОГО КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ В МИНИСТЕРСТВЕ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ

НИКОЛАЕВ АНДРЕЙ БОРИСОВИЧ,

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой русской истории (XIX–XXI вв.)
Института истории и социальных наук
Российского государственного
педагогического университета имени А.И. Герцена,
заместитель председателя НМС
Центра истории парламентаризма МПА СНГ,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: abnikolaev@herzen.spb.ru

Аннотация: Статья посвящена работе члена IV Государственной думы А.А. Бубликова на посту комиссара Временного комитета Государственной думы в Министерстве путей сообщения 28 февраля — 6 марта 1917 года. Деятельность комиссара А.А. Бубликова была предельно эффективна. Существенную роль для развития революции сыграла его первая телеграмма (телеграмма Бубликова-Родзянко) от 28 февраля 1917 г., благодаря которой на местах стало известно о революционных событиях в Петрограде. Бубликовым за время его комиссарства в МПС лично было подписано 24 документа руководящего характера, разосланных им по линиям железных дорог. Они были направлены на поддержание и усиление движения на железных дорогах, обеспечение безопасности Петрограда, порядка и охраны на железных дорогах, реформирование деятельности путейского ведомства, улучшение материального положения служащих и рабочих железных дорог. Все распоряжения комиссара Бубликова исполнялись практически полностью. Отказ Бубликова стать товарищем министра путей сообщения объясняется его нежеланием войти в состав слабого, по его мнению, Временного правительства, а также, видимо, личными обстоятельствами — обидой на то, что министром путей сообщения был назначен Н.В. Некрасов, тогда как Бубликов сам рассчитывал занять эту должность.

Ключевые слова: А.А. Бубликов, комиссар ВКГД, Министерство путей сообщения, Февральская революция 1917 года.

В отечественной историографии есть работы, посвященные депутату IV Государственной думы Александру Александровичу Бубликову. Не раз обращался в своих трудах к его фигуре крупнейший историк русского политического масонства и революции 1917 года В.И. Старцев. Говоря о Бубликове, он утверждал, что принадлежность его к масонству не доказана¹. Несколько раз В.И. Старцев упоминал А.А. Бубликова в своей монографии «Внутренняя политика Временного правительства», изданной в 1980 году². В ней В.И. Старцев справедливо заметил, что важнейшей де-

¹ Старцев В.И. Тайны русских масонов. Изд-е третье, доп. СПб., 2004. С. 184.

² Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава / Под ред. О.Н. Знаменского. Л., 1980. С. 51, 74, 189, 190, 193.

тельностью Временного комитета Государственной думы (ВКГД) было назначение комиссаров в министерства и государственные учреждения. Виталий Иванович писал в связи с этим: «Первым был назначен член Государственной думы А.А. Бубликов (прогрессист) особым комиссаром» в Министерство путей сообщения. Старцев дал высокую оценку деятельности Бубликова в МПС: «Благодаря его энергичной деятельности работа железнодорожного транспорта не была нарушена в ходе революции, не прерывалось даже пассажирское сообщение между Петроградом и Москвой»¹. В одной из своих статей, написанной в соавторстве, В.И. Старцев уже пишет о том, что Н.В. Некрасов «вместе с депутатом Думы А.А. Бубликовым принял эффективные меры для овладения МПС и аппаратом управления железными дорогами»². Бубликову посвящены специальные статьи в словарях³ и энциклопедиях⁴, а также работы, в которых изучается его участие в «охоте» за царским поездом⁵. Краткий очерк деятельности комиссара Бубликова в Министерстве путей сообщения содержится в монографии А.С. Сенина⁶ и статье В.В. Фортунатова⁷. Вместе с тем есть необходимость дать более полную картину тех мероприятий, которые провел Бубликов в качестве комиссара ВКГД в МПС.

В ночь с 27 на 28 февраля ВКГД принял решение о взятии власти в свои руки. Тогда же он направил комиссаров в министерства и правительственные учреждения. Одним из первых комиссаров стал депутат Государственной думы А.А. Бубликов (прогрессист). «Утро России» писало, что «А.А. Бубликов указывал председателю Государственной думы М.В. Родзянко на необходимость захвата Временным правительством железных дорог как жизненного нерва страны»⁸. В своих же воспоминаниях Бубликов писал о том, что неоднократно обращался не только к М.В. Родзянко, но и к А.Ф. Керенскому, Н.С. Чхеидзе и Н.В. Некрасову «с указанием на то, что пора уже брать власть в руки, иначе царь может

¹ *Старцев В.И.* Внутренняя политика Временного правительства первого состава. С. 51. См. также: *его же.* 27 февраля 1917. М., 1984. С. 179.

² *Козлова К.В., Старцев В.И.* Николай Виссарионович Некрасов — радикальный политик (1905–1917) // Из глубины времен. Альманах. СПб., 1996. № 7. С. 92.

³ *Сахаров Н.А.* Бубликов Александр Александрович // Политические деятели России 1917: Биографический словарь / Гл. ред. П.В. Волобуев. М., 1993. С. 46–47.

⁴ *Николаев А.Б.* Бубликов Александр Александрович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 68–69.

⁵ *Борин А.* Остановился поезд: как император Николай II, железнодорожник Ломоносов и член IV Государственной думы Бубликов пустили империю под откос // Родина. 2017. № 2. С. 54–56; *Николаев А.Б.* Как комендант К.Ф. Греков и комиссар А.А. Бубликов «охотились» за царским поездом (28 февраля — 1 марта 1917 г.) // Февральская революция 1917 года: проблемы истории и историографии: сб. докл. международной науч. конф. 3 марта 2017 / Отв. редактор проф. В.В. Калашников; под ред. канд. ист. наук Д.Н. Меньшикова. СПб., 2017. С. 305–315.

⁶ *Сенин А.С.* Министерство путей сообщения в 1917 году. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2009. С. 22–29.

⁷ *Фортунатов В.В.* Как Бубликов царя сверг // История в подробностях. 2017. № 1 (79). С. 26–29.

⁸ А.А. Бубликов в Москве (беседа) // Утро России. 1917. 19 марта (Москва).

собраться с силами, прислать войска с фронта и быстро подавить все движение, что захват власти всего легче осуществить через занятие Министерства путей сообщения (МПС), которое обладает своей собственной телеграфной сетью, не подчиненной Министерству внутренних дел». В ответ на повторное обращение Бубликова к Родзянко тот, наконец, дал ему разрешение занять МПС. Бубликов вспоминал, что в ответ на это он предложил Родзянко подписать заготовленное заранее «поручение» от ВКГД «занять» Министерство путей сообщения¹.

Ю.В. Ломоносов сообщал, что А.А. Бубликов отправился в МПС, имея в своем распоряжении военный отряд, который состоял из солдат, набранных им на улице. К отряду присоединился ротмистр В. Сосновский². Бубликов в 1921 г. писал, что в его распоряжении было 30 солдат³. Как выяснилось, помощь ему в занятии МПС оказала Военная комиссия ВКГД. Бубликов вспоминал по этому поводу: «В невероятнейшем шуме и толкотне стоило великого труда добиться от Военной комиссии Государственной думы назначения в мое распоряжение пары грузовиков с солдатами. Третий грузовик я уже сам взял на улице и на легковом автомобиле во главе этой своеобразной армии из солдат разных частей без одного офицера направился в поход на государственную власть России»⁴. Заметим, что о ротмистре Сосновском Бубликов ничего не сообщил, т.к. тот присоединился к отряду Бубликова позднее. Имеются документы, подтверждающие активное участие Военной комиссии ВКГД в оказании помощи комиссару Бубликову. Так, в 2 часа 30 мин. 28 февраля председатель Военной комиссии приказал Эдуарду Шмусскесу «принять команду в 50 человек» и «занять» МПС. Десятью минутами позже (в 2 часа 40 мин.) председатель ВК ВКГД приказал подпоручикам Волкову и Кулакову «выступить на охрану Министерства путей сообщения в распоряжение члена Гос[ударственной] думы Бубликова»⁵.

Что касается времени занятия МПС, то в этом вопросе существует некоторая неясность. В одной из публикаций ведомственной путевой печати сообщалось, что А.А. Бубликов занял здание Министерства путей сообщения с помощью военной силы около полудня 27 февраля⁶. Н.А. Са-

¹ Бубликов А.А. Русская революция (ее начало, арест царя, перспективы). Впечатления и мысли очевидца и участника. Нью-Йорк, 1918. С. 20–21.

² Ломоносов Ю.В. Воспоминания о Мартовской революции 1917 г. // Станкевич В.Б. Воспоминания. 1914—1919. Ломоносов Ю.В. Воспоминания о Мартовской революции 1917 г. / Сост., вступ. ст., примеч. А.С. Сенина. М., 1994. С. 229.

³ Бубликов А. По поводу воспоминаний о Февральской революции // Общее дело. 1921. 29 марта (Париж).

⁴ Бубликов А.А. Русская революция. С. 22. В беседе с корреспондентом газеты «Утро России» Бубликов рассказывал, что он отправился в Министерство путей сообщения, «взяв с собой три грузовых автомобиля с вооруженной милицией и солдатами» (А.А. Бубликов в Москве (беседа) // Утро России. 1917. 19 марта (Москва)).

⁵ Ф.Д. Февральская революция в Петрограде (28 февраля—1 марта 1917 г.) // Красный архив. 1930. Т. 4—5 (4—42). С. 88.

⁶ Революция и путейцы // Вестник Александровской железной дороги. Неофициальный отдел. 1917. 30 мая. № 10. С. 71.

харов замечает, что Бубликов был направлен в МПС «в ночь с 27 на 28 февр[аля] <...> с отрядом солдат»¹. А.С. Сенин, ссылаясь на ведомственное издание 1917 года², пишет, что Бубликов прибыл на автомобилях с отрядом солдат к зданию МПС «около 3 час. ночи 28 февраля»³. Помощник комиссара Ю.В. Ломоносов вспоминал, что Бубликов прибыл в МПС около 3 часов⁴, но не уточнял — дня или ночи. Такого уточнения нет и относительно времени отдачи приказов ВК ВКГД Шмусскесу, Волкову и Кулакову (ночь или день). Правда, известно, что утром 28 февраля здание МПС уже охранялось военным караулом и было занято комиссаром Бубликовым. Об этом рассказывал помощник начальника Службы пути Юго-Западных дорог инженер Е.А. Плющ⁵. Министр путей сообщения Э.Б. Кригер-Войновский, придя утром 28 февраля к зданию МПС, увидел, что оно охраняется военным караулом, «который без особых разрешений никого не впускал». Кригер-Войновскому пришлось пробираться в МПС «с черного двора дома министра». Он сумел проникнуть в свой служебный кабинет и «немедленно вызвал к себе секретаря, начальника Управления ж[елезных] д[орог] и других лиц и от них узнал, что в Министерстве распоряжается А.А. Бубликов». В 12 часов Кригер-Войновский провел телефонный разговор с председателем Московского порайонного комитета, который сообщил министру «о ходе за последние сутки перевозок через Московский узел». Кригер-Войновский сообщил своему собеседнику, что «у нас полный переворот, новая временная власть», и только после этого состоялась его встреча с комиссаром Бубликовым⁶.

В мемуарах Бубликова есть прямое указание на то, что он только утром 28 февраля получил разрешение от М.В. Родзянко занять МПС⁷. Что касается приказов Волкову и Кулакову, то они, действительно, могли быть отданы днем 28 февраля, а не в ночь с 27 на 28 февраля. В пользу этого утверждения говорит следующий факт: Бубликов вспоминал, что поехал брать МПС с отрядом, в котором не было офицеров, а Волков и Кулаков — подпоручики. Т.е. они в момент взятия МПС Бубликовым отсутствовали. Собранные свидетельства позволяют согласиться с тем, что А.А. Бубликов занял Министерство путей сообщения утром 28 февраля.

¹ Сахаров Н.А. Бубликов Александр Александрович. С. 47.

² Известия Собрания инженеров путей сообщения. 1917. № 4. С. 76.

³ Сенин А.С. Министерство путей сообщения в 1917 году. С. 23–24.

⁴ Ломоносов Ю.В. Указ. соч. С. 229.

⁵ По словам Е.А. Плюща, занятие здания МПС происходило так: «Вскоре к Министерству подкатил автомобиль, эскортируемый целым отрядом драгун. Солдаты заняли все входы и выходы здания Министерства и никого не пропускали. Все служащие столпились в коридорах и ждали дальнейших событий. Ждать пришлось недолго» (М. К-в. Рассказ очевидца о событиях // Последние новости. 1917. 6 марта (утр. вып.) (Киев)).

⁶ Кригер-Войновский Э.Б. Записки инженера. Воспоминания, впечатления, мысли о революции // Кригер-Войновский Э.Б. Записки инженера. Воспоминания, впечатления, мысли о революции. *Спроге В.Э.* Записки инженера. М., 1999. С. 93–94.

⁷ Бубликов А.А. Русская революция. С. 22.

Как правило, комиссар ВКГД, прибыв к месту исполнения своих обязанностей, издавал соответствующий приказ, которым подчинял себе всех служащих в министерстве, главном управлении и т.д. Заметим, что письменного приказа Бубликова о вступлении в МПС не выявлено. Видимо, он ограничился тем, что сообщил об этом на совещании с начальствующими лицами МПС, которое проходило в кабинете помощника начальника Управления железных дорог. В совещании приняли участие многие старшие агенты Министерства путей сообщения во главе с товарищем министра Д.П. Козыревым и начальником Управления железных дорог С.М. Богашевым. Бубликов объявил им, что «по поручению Государственной думы он занимает Министерство п[утей] с[ообщения] и вступает в распоряжение ведомством»¹. Какого-либо протеста со стороны чинов МПС не последовало, а наоборот: они «встретили Бубликова заявлением о готовности служить народу и Временному правительству»². Вслед за этим Бубликов арестовал начальника Управления железных дорог С.М. Богашева. Ломоносов передавал с чужих слов: «<...> он (Бубликов. — А.Н.) отвел в сторону начальника управления Богашева и объявил ему, что в его же интересах он его арестовывает и отправляет в Таврический дворец»³. Инженер Е.А. Плющ вспоминал об аресте С.М. Богашева: «На парадной лестнице появился неизвестный господин, который направился прямо в кабинет начальника (Управления. — А.Н.) железных дорог Богашева. Что произошло там, в кабинете, я не знаю. Через несколько минут неизвестный, оказавшийся комиссаром Гос[ударственной] думы Бубликовым, вышел в сопровождении начальника российских железных дорог Богашева и заявил нам, что именем Исполнительного комитета он арестовал начальника Управления»⁴. Арест Богашева Бубликов объяснял тем, «чтобы с ним не случилась какая-либо неприятность со стороны некоторых враждебных к нему элементов»⁵. Подчеркнем, что именно после ареста Богашева Бубликов просил остальных чинов Министерства «сохранять спокойствие»⁶, «оставаться на своих местах и приступить к работе». Чины МПС в ответ «изъявили полную готовность подчиняться его приказаниям»⁷.

После ареста Богашева Бубликов, как писал анонимный автор статьи «Революция и путейцы», «стоя у стола, бледный и решительный, <...> продиктовал следующую телеграмму: Военная. По всей сети, всем

¹ Революция и путейцы // Вестник Александровской железной дороги. Неофициальный отдел. 1917. 30 мая. № 10. С. 71.

² А.А. Бубликов в Москве (беседа) // Утро России. 1917. 19 марта (Москва).

³ Ломоносов Ю.В. Указ. соч. С. 229.

⁴ М. К-в. Рассказ очевидца о событиях // Последние новости. 1917. 6 марта (утр. вып.) (Киев).

⁵ Революция и путейцы // Вестник Александровской железной дороги. Неофициальный отдел. 1917. 30 мая. № 10. С. 72.

⁶ М. К-в. Рассказ очевидца о событиях // Последние новости. 1917. 6 марта (утр. вып.) (Киев).

⁷ А.А. Бубликов в Москве (беседа) // Утро России. 1917. 19 марта (Москва).

начальствующим. «По поручению Комитета Государственной думы я сего числа занял Министерство путей сообщения»¹. Т.е., на местах о том, что Бубликов стал во главе ведомства путей сообщения, узнали из его первой телеграммы. Провинциальная печать называла Бубликова министром путей сообщения, которого временно назначил Исполнительный комитет Государственной думы².

Укажем, что А.А. Бубликов, кроме Богашева, арестовал также и министра путей сообщения Э.Б. Кригер-Войновского. Думский Комитет, кстати, не предполагал отстранять от исполнения обязанностей министра путей сообщения. Поэтому комиссар Бубликов, по свидетельству Ю.В. Ломоносова, предложил министру «от имени Думы» «оставаться на посту». Кригер-Войновский «отказался, ссылаясь на расстроенные нервы». Только после этого Бубликов объявил министру «под домашним арестом и приставил стражу к дверям его кабинета»³. В начале марта 1917 г. Бубликов рассказывал, что предложил министру путей сообщения «подчиниться мне», но он отказался, «заявив, что подал в отставку»⁴. А.А. Бубликов тоже вспоминал, что Кригер-Войновского он «задержал в его же собственном кабинете в Министерстве, чтобы охранить его от возможных эксцессов со стороны толпы»⁵. Министр путей сообщения вспоминал, что Бубликов предложил ему «поехать сейчас в Думу и заявить там свою покорность новой власти». Кригер-Войновский ответил: «пока существует на престоле государь, которому я присягал, я этого сделать не могу». После этого Бубликов арестовал министра, но предложил ему выбрать место заключения. Он решил остаться под арестом в своем кабинете⁶. Кстати, по словам Бубликова, Кригер-Войновский сообщил ему, что «Совет министров в последнем своем заседании решил исключить А.Д. Протопопова из своего состава и не считать его более своим товарищем»⁷.

Последнее распоряжение об аресте было отдано Бубликовым уже после отречения Николая II. Оно касалось генерал-майора Отдельного корпуса жандармов начальника Петроградского жандармского полицейского

¹ Революция и путейцы // Вестник Александровской железной дороги. Неофициальный отдел. 1917. 30 мая. № 10. С. 71. Текст телеграммы был опубликован в прессе: Приказ председ[ателя] Государственной думы Родзянко // Последние новости. 1917. 3 марта (утр. вып.) (Киев); Телеграммы по линиям железных дорог / Государственный переворот. Новое правительство // Городской вестник. 1917. 3 марта (Самара).

² Впечатление в Кишиневе // Бессарабская жизнь. 1917. 4 марта (Кишинев); П.Д. Первые дни революции в Кременчуге // Приднепровский голос. 1917. 14 марта (Кременчуг); Телеграммы по линии железных дорог // Волжское слово. 1917. 2 марта (Самара).

³ Ломоносов Ю.В. Указ. соч. С. 230.

⁴ Беседа с А.А. Бубликовым / В Министерстве путей сообщения / К возобновлению деятельности министерств // Утро России. 1917. 5 марта (Москва).

⁵ Бубликов А.А. Русская революция. С. 20.

⁶ Кригер-Войновский Э.Б. Указ. соч. С. 94.

⁷ Беседа с А.А. Бубликовым / В Министерстве путей сообщения / К возобновлению деятельности министерств // Утро России. 1917. 5 марта (Москва).

управления железных дорог П.И. Фурса. Он обвинялся в том, что, во-первых, 26 и 27 февраля 1917 г. руководил расстрелом восставших на Знаменской площади¹, во-вторых, покинув Петроград, «ездил по линии и пропагандировал сопротивление»². Затем Фурса скрылся в Ставке, откуда его и «вытребовал» Бубликов. В ответ П.И. Фурса «уведомил телеграфно о своем выезде в Петроград»³. То ли Фурса ехал в столицу самостоятельно «под арест»⁴, то ли его «везли» уже арестованным⁵, сказать трудно. Но уже 6 марта генерал-майор Фурса был препровожден из ВК ВКГД в Следственную комиссию Государственной думы⁶, задержан и содержался в министерском павильоне Таврического дворца⁷. Заметим, что иногда Бубликову приходилось освобождать арестованных служащих железных дорог. Известен один такой случай. Так, он освободил арестованных 1 марта принцем А.П. Ольденбургским служащих Черноморской железной дороги⁸. В киевской прессе сообщалось, что по распоряжению комиссара А.А. Бубликова в Харькове из тюрьмы были освобождены политические заключенные⁹. Харьковский «Южный край» писал 3 марта: «Вчера ночью была освобождена первая партия политических. Около 2 часов ночи первые освобожденные стали подъезжать к зданию Городской думы, встречаемые громким „ура“»¹⁰. О том, что политические были освобождены по распоряжению Бубликова газета, не упоминала.

Комиссары ВКГД, поставленные над правительственными учреждениями, предпринимали шаги, направленные на защиту чиновников и служащих от революционного насилия (обысков, арестов и т.д.). В частности, комиссары выдавали им удостоверения от имени ВКГД «для свободного прохода и проезда по городу Петрограду». Кроме этого, думские комиссары выдавали «охранные» удостоверения и лицам, которые в этот момент не служили в том или ином министерстве (управлении), и делали это в знак уважения к прошлым заслугам, по знакомству и т.д. Документы делопроизводства МПС не дают оснований утверждать, что комиссар

¹ В.В. Как готовились к революции // Русский инвалид. 1917. 12 марта (Петроград).

² Аресты // Киевская мысль. 1917. 7 марта.

³ Ген[ерал] Фурса // Последние новости. 1917. 7 марта (утр. вып.) (Киев).

⁴ Ген[ерал] Фурса // Последние новости. 1917. 7 марта (утр. вып.) (Киев).

⁵ Аресты // Киевская мысль. 1917. 7 марта.

⁶ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 55. Л. 25. Речь идет о Высшей следственной комиссии. См. о ней: Николаев А.Б. Комиссия по принятию задержанных военных и высших гражданских чинов // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 277.

⁷ П.И. Фурса, в числе 16 сановников — узников министерского павильона, подписал «заявление о желании принести присягу на верность новому строю» (Последние известия // Речь. 1917. 23 марта (Петроград)).

⁸ В Министерстве путей сообщения / Хроника // Врачебная газета. 1917. 19 марта. № 11. С. 181.

⁹ В Харькове // Последние новости. 1917. 5 марта (веч. вып.) (Киев).

¹⁰ Освобождение политических / В Харькове // Южный край. 1917. 3 марта (Харьков).

Бубликов позаботился о выдаче соответствующих удостоверений лицам, служащим в МПС. Во всяком случае, таких удостоверений не выявлено. Но «охранные» удостоверения для посторонних лиц Бубликов выдавал. К.А. Кривошеин вспоминал, как его отец — А.В. Кривошеин — «сопроводил» А.Ф. Трепова в Министерство путей сообщения, где в это время «заправлял делами думский депутат Бубликов», которого они (т.е. А.Ф. Трепов и А.В. Кривошеин) знали давно. По словам К.А. Кривошеина, «Бубликов принял их хорошо, т.к. Трепов был противником А.Д. Протопопова, и выдал им своего рода „охранные грамоты“¹, чтобы оградить их от всяческих неприятностей»². В некоторых случаях «охранные грамоты» Бубликова действительно спасали их обладателей от расправы³.

А.А. Бубликов в силу сложившихся обстоятельств был вынужден провести новые назначения. Начальником Северо-западных железных дорог, вместо убитого Ф.М. Валуева⁴, был назначен В.С. Павловский⁵.

¹ Ни подлинников, ни копий/отпусков «охранных грамот» за подписью А.А. Бубликова в путевском делопроизводстве не обнаружено. Но в делопроизводстве ВКГД выявлен отпуск свидетельства на имя А.Ф. Трепова. Судя по всему, этот документ был выдан не комиссаром Бубликовым, а председателем Государственной думы М.В. Родзянко: «Временный комитет Государственной думы ... марта 1917 г. № 154. Свидетельство. Выдано сие члену Государственного совета Александру Федоровичу Трепову в том, что доступ в означенную квартиру воинских чинов и обыск в квартире могут быть произведены не иначе, как по письменному приказу Временного комитета Государственной думы или председателя Военной комиссии, а также для свободного проезда, прохода и проживания в г. Петрограде и окрестностях. Председатель Государственной думы (без подписи). Управляющий делами (без подписи)». Ниже от руки в столбец приписано: «Тоже. Владимиру Федоровичу Трепову № 155 / Александру Васильевичу Кривошеину № 156 / и члену Гос[ударственной] думы [А.Г.] Раткову-Рожнову № 157» (РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 6. Л. 12).

² А.Н. Наумов, по словам К.А. Кривошеина, вспоминал, что Трепов и Кривошеин явились в МПС для того, чтобы предложить свои услуги новой власти. К.А. Кривошеин писал по этому поводу: «Утверждение по меньшей мере нелепое. Сам скрывавшийся Трепов вряд ли мог рассчитывать быть использованным новой властью, то прогноз моего отца о будущем этой власти был настолько пессимистичен, что сотрудничество с ней было бы лишено всякого смысла» (Кривошеин К.А. А.В. Кривошеин (1857–1921). Его значение в истории России начала XX века // Судьба века. Кривошеины. СПб., 2002. С. 291).

³ В частности, пропуск, подписанный А.А. Бубликовым, спас жизнь полковнику по Адмиралтейству И.М. Ребову. 23 октября 1917 г. Ребов писал, что вечером 1 марта квартира его была подвергнута обыску, а самого его вывели во двор и хотели расстрелять. По словам Ребова, «после долгих переговоров и моих указаний на пропуск, подписанный членом Государственной думы Бубликовым, толпа объявила меня арестованным и отправила в Государственную думу, где меня сейчас же освободили» (ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 4. Д. 29. Л. 167).

⁴ Бубликов А.А. Русская революция. С. 22.

⁵ Бубликов А. По поводу воспоминаний о Февральской революции // Общее дело. 1921. 29 марта (Париж). В прессе сообщалось, что начальником Северо-Западных железных дорог назначен А.А. Павловский (В Министерстве путей сообщения // Известия Комитета петроградских журналистов (далее — Известия КПЖ). 1917. 2 марта. № 5 (Типография Т-ва А.С. Суворина — «Новое время», Эртелев пер., д. 13). Позднее министр путей сообщения Н.В. Некрасов отправил

Ю.В. Ломоносов вспоминал, что Бубликов предварительно переговорил с Павловским по телефону. О назначении Павловского «по дороге была дана соответственная депеша» за подписью И.Н. Борисова. Тот же Ломоносов писал, что начальник Службы движения Северо-западных железных дорог М.А. Берх «совершенно потерял голову», поэтому всю распорядительную власть пришлось временно возложить на помощника Берха — С.С. Лобанова¹. Известно, что 1 марта Н.Н. Андреевский вследствие назначения его начальником Вытегорского округа путей сообщения сдал свои обязанности начальника Петроградского округа путей сообщения инженеру Н.Ф. Чалееву, который вступил в эту должность в тот же день².

А.С. Сенин пишет, что в Москве «из начальствующих лиц был арестован начальник Александровской железной дороги А.Л. Чернай»³. По словам же Ломоносова, на Александровской железной дороге (Москва) «служащие арестовали начальника дороги и начальника движения»⁴. Вместе с тем арестованы были и другие путейцы. 2 марта под председательством начальника Московско-Курской железной дороги В.Н. Щегловитова состоялось собрание начальников и управляющих дорогами Московского узла «для разрешения вопроса о производящихся теперь массовых арестах служащих и начальствующих лиц на железных дорогах». Собранию было доложено об арестах начальника товарной станции и начальника движения Рязанско-Уральской железной дороги, начальников движения и материальной службы Александровской дороги, а также начальника Северных железных дорог В.П. Шмидта. Кстати, в этом собрании принимал участие и начальник Александровской железной дороги, который уже разыскивался «группой студентов, намеревавшихся арестовать его». «Утро России» сообщало, что причиной принятия «репрессивных мер» против Чернай было то, что «он, а также и его ближайшие помощники, покровительствовали черносотенцу Орлову и помогали в организации черносотенных кружков среди служащих Александровской дороги»⁵. Чернай был арестован не ранее 2 марта. Ломоносов тут

телеграмму за № 2756 в адрес В.С. Павловского с благодарностью за его деятельность в дни революции: «Считаю долгом министра и гражданина принести Вам глубокую благодарность за Ваше умелое и энергичное руководство Северо-Западными дорогами [в] трудное время завоевания свободы и перехода [к] новому строю[,] на служение которому Вы с первых же дней переворота отдали все свои силы и свой ценный опыт» (РГИА. Ф. 273. Оп. 1. Д. 3807. Л. 63).

¹ Ломоносов Ю.В. Указ. соч. С. 232.

² Приказы по Петроградскому округу путей сообщения // Известия Петроградского округа путей сообщения. 1917. 11 марта. № 7. С. 1.

³ Сенин А.С. Железные дороги в марте-октябре 1917 г.: от кризиса к хаосу // Вопросы истории. 2004. № 3. С. 33; его же. Министерство путей сообщения в 1917 году. С. 27.

⁴ Начальником службы движения Александровской дороги был инженер Г.П. Чурилов.

⁵ Совещание железнодорожных деятелей // Утро России. 1917. 3 марта (Москва).

же доложил Бубликову «о необходимости назначить начальника узла и его помощника». Комиссар согласился, но телеграмму о назначении подписывать отказался: «Пусть подписывает [Д.П.] Козырев или [И.Н.] Борисов»¹, товарищи министра путей сообщения, которые подчинились А.А. Бубликову.

В конце своей комиссарской деятельности А.А. Бубликов произвел назначение в Управлении Юго-Восточных железных дорог. Так, начальником Эксплуатационного отдела был назначен Руденков. Кстати, в телеграмме от 5 марта Бубликов обещал начальнику Управления Юго-Восточных железных дорог А. Давыдову, что порекомендует его новому министру путей сообщения Н.В. Некрасову «как прекрасного работника [и] человека»². Неизвестно, выполнил или нет свое обещание Бубликов, но Давыдов остался в должности начальника Управления Юго-Восточных дорог³.

Известно одно перемещение начальствующих лиц, инициированное Бубликовым. Он вспоминал, что телеграфировал наместнику на Кавказе великому князю Николаю Николаевичу о необходимости удалить главного инженера этой Черноморской железной дороги как неспособного ускорить ее постройку. Бубликов предложил назначить новым главным инженером «чрезвычайно энергичного строителя» Б.А. Перлова. Великий князь Николай Николаевич, в конечно счете, был вынужден признать власть комиссара Бубликова и через два дня дал ему свой ответ⁴.

Бубликов информировал начальствующих лиц о назначениях, произведенных Временным правительством. Так, телеграммой от 3 марта комиссар Государственной думы Бубликов сообщил, что генерал-лейтенант С.С. Всеволожский «по постановлению Временного правительства продолжает исполнять должность начальника отдела военных сообщений Генерального штаба»⁵.

28 февраля в МПС был создан комиссариат⁶, права и обязанности которого, конечно, оформлены не были. Так что он носил неофициальный характер. Скорее всего, в него входили лица из числа ближайших помощников и сотрудников комиссара Бубликова. Фамилии этих помощников и сотрудников были названы Бубликовым в циркулярной телеграмме, которая была разслана им перед уходом с поста комиссара над МПС: помощник комиссара, профессор Ю.В. Ломоносов, бывшие

¹ Ломоносов Ю.В. Указ. соч. С. 233.

² Видимо, были еще какие-то кадровые перемещения на Юго-Восточных дорогах. О них говорят следующие слова Бубликова в этой телеграмме: «<...> Полозова не обидят. В среду переговорит [с] тобой Матренинский» (РГИА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 1633. Л. 6).

³ 30 мая 1917 г. в МПС из Воронежа сообщили о смерти начальника Управления Юго-Восточных железных дорог Давыдова (РГИА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 1634. Л. 416).

⁴ Бубликов А.А. Русская революция. С. 24–25.

⁵ РГИА. Ф. 273. Оп. 1. Д. 3746. Л. 47.

⁶ По комиссариату путей сообщения // Известия КПЖ. 1917. 3 марта. № 8 (Типография Т-ва А.С. Суворина — «Новое время», Эртелев пер., д. 13).

товарищи министра И.Н. Борисов и Д.П. Козырев, помощник начальника Управления В.П. Рейслер, начальник Эксплуатационного отдела МПС А.С. Тухин, его помощники П.П. Карелин и С.М. Тюменев, временно назначенный начальником Северо-Западных железных дорог В.С. Павловский и помощник начальника службы движения этой же дороги С.С. Лобанов, управляющий Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги М.Е. Правосудович и начальник службы движения и телеграфа этой же дороги Л.А. Гринчук-Лукашевич, а также состоявшие в непосредственном распоряжении комиссара Э.Н. Рулевский, Э. Шмусскес, Г.В. Лебедев, инженер Б.А. Перлов и присяжный поверенный Е.Ф. Сидельников¹.

Комиссариат разместился в кабинете начальника Управления железных дорог. Бубликов 28 февраля выступил перед его членами с речью, в которой заявил, что «в тех условиях, в которых находится страна, армия и Петроград, прекращение движения хотя бы на один только день может принести неисчислимы бедствия, и потому все усилия ведомства и нового правительства должны быть направлены на сохранение и увеличение движения». Он подчеркнул, что «в настоящий момент как нельзя более уместно скинуть те путы, какие в виде канцелярщины и различных формальностей, установленных старым порядком, мешали работе ведомства». Комиссар Бубликов предложил «тотчас же своей властью провести в жизнь все те меры, какие могли бы облегчить работу Министерства в это ответственное время». Присутствовавшие в кабинете начальника Управления немедленно подвергли «совместному обсуждению необходимые мероприятия». План выработанных мероприятий состоял в подготовке и рассылке распорядительных депеш по разным вопросам: 1) о том, что «ни одно телеграфное распоряжение не могло последовать без разрешения и подписи комиссара»; 2) углепромышленникам Донецкого бассейна «с убеждением усилить добычу и погрузку угля для нуждающихся в том железных дорог»; 3) о передаче «власти железнодорожной полиции — железнодорожным агентам»; 4) «об усиленном ремонте подвижного состава, и вводилась за это усиленная премировка»; 4) «об усилении власти начальников железных дорог»; 5) «о приостановлении действий советов при управлениях железных дорог»; 6) «о сокращении переписки»; 7) «об уничтожении подачи излишних статистических справок и сведений». Кроме этого, видимо, позднее, т.е. уже после 28 февраля 1917 г., «обсуждались вопросы об экстренном заказе необходимых запасных частей», а также «делались сношения об отмене призыва на военную службу железнодорожных мастеров и рабочих»².

1 марта в МПС появился еще один комиссар ВКГД — А.А. Добровольский (кадет). Ломоносов отметил любопытную деталь: «Думой опубликован список для заведования министерствами. Бубликова в этом списке нет. Комиссаром путей сообщения назначен Добровольский».

¹ Телеграмма А.А. Бубликова // Воронежский телеграф. 1917. 19 марта. См. также: Ломоносов Ю.В. Указ. соч. С. 278.

² Революция и путейцы. С. 72.

Несомненно, что этот факт говорил о том, что против Бубликова велась политическая игра, целью которой был пост министра путей сообщения. Расчет авторов комиссарского списка, вероятно, состоял в том, что Бубликов, обидевшись, оставит свою комиссарскую должность. Но Бубликов поступил иначе. Ломоносов вспоминал: «Долго они говорили о чем-то с Бубликовым, запершись в его кабинете. Как они (Добровольский и Бубликов — *А.Н.*) поделили свои обязанности, осталось неизвестным <...>»¹. Вместе с тем в ведомственной печати сообщалось о «разделении труда», которое «тотчас же установилось» между Бубликовым и Добровольским: «*А.А. Добровольский* занялся, главным образом, наблюдением за движением и подвозом продовольственных грузов к Петрограду, ежедневно сообщая Думе сведения по этому, чрезвычайно важному вопросу <...>». Подчеркнем, что все функции по наблюдению за работой Министерства, а также распорядительные действия на местах остались за *А.А. Бубликовым*². В некоторых случаях комиссары Бубликов и Добровольский совместно подписывали документы.

28 февраля комиссар Бубликов установил свой контроль над Центральной телеграфной станцией МПС. Он распорядился допускать «к передаче по телеграфу депеши за подписью или за грифом следующих лиц»: товарищей министра: *И.Н. Борисова* и *Д.П. Козырева*; помощников начальника Управления железных дорог: *В.П. Рейслера*, *Л.А. Устругова* и *Л.Н. Бажанова*; начальников Эксплуатационного отдела *А.С. Тухина*, Технического отдела *И.Я. Маноса*, Хозяйственного отдела *Е.П. Иванова*, Счетной части *Т.П. Кунделекова*, начальника Управления по сооружению железных дорог *А.В. Ливеровского*, а также *Г.В. Лебедева* и *Ю.В. Ломоносова*³. Установлено, что *И.Н. Борисов* подписал постановление от 28 февраля⁴, циркуляр от 1 марта 1917 г.⁵ и ряд других распоряжений⁶. *Ю.В. Ломоносов* подпи-

¹ *Ломоносов Ю.В.* Указ. соч. С. 239.

² Революция и путейцы. С. 72.

³ РГИА. Ф. 273. Оп. 1. Д. 3807. Л. 4.

⁴ Постановление называлось «Временные особые правила перевозки по железным дорогам некоторых продовольственных и фуражных грузов». В примечании к публикации постановления указывалось: «Это последнее постановление дореволюционного времени, опубликованное после переворота, до сих пор формально не отменено Министерством путей сообщения» (*Борисов И.* Постановление управляющего Министерством путей сообщения / VI Отдел официальный // Известия по продовольственному делу. 1917. № 1 (32). С. 30–31). См. также: *Борисов И.* Постановление управляющего Министерством путей сообщения от 28 февраля 1917 года № 7084 // Вестник путей сообщения. Указатель правительственных распоряжений по Министерству путей сообщения. 1917. 25 марта. № 12. С. 142–144.

⁵ *Борисов И.* Циркуляр по ведомству путей сообщения // Известия Петроградского округа путей сообщения. 1917. 28 марта. № 8. С. 2.

⁶ Так, *И.Н. Борисов* приостановил деятельность отрядов главноуполномоченного министра путей сообщения по расследованиям железнодорожных злоупотреблений *К.И. Савича* (Падение старой власти / Общая хроника // Вестник Рязано-Уральской железной дороги. Часть неофициальная. 1917. 12 марта. № 10. С. 112). См. об отрядах *Савича* подробн.: *Сенин А.С.* Железнодорожный транспорт России в эпоху войн и революций (1914–1922 гг.). М., 2009. С. 44.

сал за комиссара А.А. Бубликова распоряжение начальнику Юго-Западных железных дорог, в котором сообщалось, что 6 марта из Петрограда выехали инспекторы Окунев и Попов с пакетами от Временного правительства «для передачи начальникам дорог и местным комиссарам». Всем «агентам движения» предписывалось «оказывать командированным Временным правительством лицам полное содействие и следить за тем, чтобы они нигде не задерживались бы в пути»¹. Естественно, что второй комиссар ВКГД в МПС А.А. Добровольский рассылал депеши за своей подписью².

1 марта Ю.В. Ломоносов организовал Службу связи, которая обслуживала комиссара Бубликова. В нее, по словам Ломоносова, вошли три человека: Г.В. Лебедев и Э.Н. Рулевский, а со 2 марта — чиновник МПС Арапов (кадет). С середины дня 1 марта, стараниями Ломоносова, деятельную помощь оказывали Службе связи около 20 студентов Института путей сообщения. Служба связи также обзавелась своим транспортом. В ее распоряжении оказалось три автомобиля: два с Николаевской железной дороги и один от Электрического общества 1886 г.³

Не обошлось и без авантюристов, которые заняли важные должности при комиссаре Бубликове. Так, охрана здания МПС оказалась в руках уголовников, выдававших себя за революционно настроенных офицеров. Среди них начальник охраны ротмистр В. Сосновский (И. Рогальский)⁴ и его помощники поручик Маковский и прапорщик Стародубцев⁵.

Взятие под свой контроль Центральной телеграфной станции МПС позволило Бубликову начать рассылку по железным дорогам телеграмм, первой из которых стало воззвание к железнодорожникам, за подписью М.В. Родзянко (телеграмма Бубликова-Родзянко). В этом воззвании сообщалось о том, что старая власть «оказалась бессильной», а ВКГД, «взяв в свои руки образование новой власти», призывает поддерживать движение поездов «непрерывно с удвоенной энергией»⁶.

¹ Пакеты Временного правительства // Последние новости. 1917. 8 марта (утр. вып.) (Киев).

² В частности, за подписью комиссара Государственной думы А.А. Добровольского начальникам железных дорог была послана депеша следующего содержания: «По соглашению с заведующим передвижением войск озаботьтесь установлением воинской охраны артельщиков[-]плательщиков» (Телеграммы, полученные и отправленные н[ачальни]ком дороги, в связи с текущими событиями // Вестник Екатеринбургской железной дороги. Часть неофициальная. 1917. 4–12 марта. № 489/9–10. С. 19).

³ Ломоносов Ю.В. Указ. соч. С. 234.

⁴ См. подробн.: Николаев А.Б. Начальник охраны Министерства путей сообщения ротмистр В. Сосновский (И. Рогальский): февраль — апрель 1917 г. // Политическая история России XX века: к 85-летию профессора Виталия Ивановича Старцева: Сборник научных трудов / Ред.-сост. Б.Д. Гальперина, А.Б. Николаев. СПб., 2016. С. 18–204.

⁵ Николаев А.Б. Думская революция: 27 февраля — 3 марта 1917 года: в 2 т. СПб., 2017. Т. 1. С. 484.

⁶ Обращение к железнодорожникам // Известия КПЖ. 1917. 28 февраля. № 2 (Типография Т-ва А.С. Суворина — «Новое время», Эртелев пер., д. 13).

В.И. Старцев пишет, что это воззвание было разослано по железнодорожному телеграфу¹.

Управляющие железных дорог пытались понять, что происходит, и обращались за разъяснениями в Министерство путей сообщения по железнодорожному телеграфу. Так, в Управлении Юго-Западных железных дорог «выражалось сомнение в подлинности телеграммы» Бубликова-Родзянко. По сообщению «Утра России», «на посланный в Петроград запрос был получен ответ, подтверждавший подлинность телеграммы»². Нам удалось обнаружить запись телеграфных переговоров управляющего Московско-Киево-Воронежской железной дорогой³ и инженера П.П. Карелина, которые происходили 28 февраля. Управляющий дорогой сообщил, что «получил депешу члена Государственной думы Бубликова», и спросил, «что это значит». Карелин проинформировал управляющего о том, что комиссар ВКГД Бубликов «с вооруженной силой занял Министерство, и эта депеша написана под его диктовку». Карелин дал полномочия управляющему действовать «дальше так, как это требуется по обстоятельствам момента по Вашему усмотрению». На вопрос, «где же министр», Карелин разговор прервал: «Разговор дальнейший продолжать не могу, снимайте ленту»⁴.

Перед нами, пожалуй, единственная сохранившаяся запись телеграфных переговоров между начальством железной дороги и лицом из окружения комиссара Бубликова. Этот документ, во-первых, говорит о том, что первую телеграмму Бубликова отправлял по железнодорожному телеграфу инженер Карелин, он же вел переговоры с начальством железных дорог. Можно предположить, что Московско-Киево-Воронежской железной дорогой дело не ограничилось. Во-вторых, судя по содержанию переговоров, Карелин не настаивал на том, чтобы о телеграмме Бубликова было доведено до сведения служащих, мастеровых и рабочих этой дороги. Кстати, управляющий Московско-Киево-Воронежской железной дорогой в своем обращении «по линии начальствующим» ни слова не сказал о телеграмме Бубликова, а призвал служащих, мастеровых и рабочих, «не смущаясь никакими телеграммами и сведениями, честно и твердо выполнять свой долг»⁵. По сообщению периодической печати телеграмма Бубликова-Родзянко действительно была задержана и доведена до сведения служащих Московско-Киево-Воронежской дороги позднее⁶. По-

¹ *Старцев В.И.* Внутренняя политика Временного правительства первого состава / Под ред. О.Н. Знаменского. Л., 1980. С. 51.

² В Киеве / В провинции // Утро России. 1917. 3 марта (Москва).

³ Находилась в арендном пользовании общества Юго-Восточных железных дорог (Московско-Киево-Воронежская железная дорога // Корпоративная энциклопедия РЖД [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://rzd-company.ru/index.php/Московско-Киево-Воронежская_железная_дорога).

⁴ РГИА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 1633. Л. 270.

⁵ Там же. Л. 269.

⁶ Телеграмма А.А. Бубликова / В провинции // Утро России. 1917. 4 марта (Москва).

пытка «замолчать» телеграмму Бубликова-Родзянко была предпринята также управляющим Южных железных дорог¹. Но уже 4 марта в прессе сообщалось, что начальник Южных железных дорог Б.Н. Языков предложил вывесить ее «на видных местах для ознакомления»². 20 марта телеграмма Бубликова-Родзянко была опубликована Языковым в ведомственном издании³. 12 мая 1917 г. в Управлении Северо-Донецкой железной дороги Н.В. Некрасову рассказали о том, что «в первые дни революции по распоряжению инженера [М.Л.] Семкова-Савойского (начальника дороги. — А.Н.) была сорвана лента с телеграммой Бубликова, чтобы не дать возможность распространить эту телеграмму, и телеграмма была задержана на несколько дней»⁴. Кстати, об этом же сообщали телеграммой министру Н.В. Некрасову еще 19 марта уполномоченные паровозных бригад депо Основа Северо-Донецкой дороги З. Цыбульник и Т. Горбунов⁵.

В большинстве случаев первая телеграмма Бубликова передавалась управляющими по линиям железных дорог. Так, эта телеграмма была получена в Москве уже в 12 часов дня во вторник, т.е. 28 февраля, и затем передана по всей линии Николаевской железной дороги⁶. С разрешения командующего войсками Московского военного округа и начальника Северных железных дорог эта телеграмма была разослана по всем линиям дороги⁷. Заметим, что существуют и другие датировки отправки телеграммы из Петрограда: в ночь с 27 на 28 февраля⁸, в 12 часов 50 мин.⁹, в 1 час 50 мин. дня 28 февраля¹⁰.

¹ Бубликов А.А. Русская революция (ее начало, арест Царя, перспективы). С. 26.

² Телеграммы по Южным ж[елезным] д[орогам] // Полтавский день. 1917. 4 марта.

³ Телеграмма / Местная жизнь // Вестник Южных железных дорог. Часть неофициальная. 1917. 20 марта. № 12. С. 81.

⁴ В Управлении Северо-Донецкой жел[езной] дор[оги] / Министр путей сообщения Н.В. Некрасов в Харькове // Вестник Южных железных дорог. Часть неофициальная. 1917. 29 мая. № 22. С. 120.

⁵ РГИА. Ф. 273. Оп. 1. Д. 3827. Л. 11.

⁶ Сообщение из Москвы // Известия КПЖ. 1917. 1 марта. № 4 (Типография Т-ва А.С. Суворина — «Новое время», Эртелев пер., д. 13).

⁷ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 114. Л. 5.

⁸ Именно такую датировку телеграммы Бубликова дал меньшевик К.С. Гриневич (Шехтер) на Государственном совещании в ходе вечернего заседания 15 августа 1917 г. (Государственное совещание. Стенографический отчет. М.; Л., 1930. С. 274).

⁹ Телеграмма подана 28-го февраля 1917 года в 12 час[ов] 50 мин. № 89. По всей сети, военная (Приказ министра путей сообщения по железным дорогам) // Бюллетень революции. 1917. 1 марта (Москва). См. также: ОПИ ГИМ. Ф. 424. Оп. 1. Д. 164. Л. 1).

¹⁰ «Из Министерства путей сообщения № 2932. Подана 28[февраля], в 13 час[ов] 50 мин. Военная. По всей сети всем начальникам» (Воззвание к железнодорожникам // Утро России. 1917. 2 марта (Москва); Ставка и революция. Штаб верховного главнокомандующего и революционные события 1917 — начала 1918 года. По документам Российского государственного военно-исторического архива: Сборник документов: В 2 т. / отв. ред.: И.О. Гаркуша; сост.: М.В. Абашина, Н.Г. Захарова, С.А. Харитонов, О.В. Чистяков. М., 2019. Т. 1. С. 182).

Исследователи отмечают, что телеграмма Бубликова сыграла важную роль в революционизации страны. В.И. Старцев заметил: «Во многих местностях России телеграммы Бубликова от 28 февраля явились первой весточкой о революции»¹. В.Л. Харитонов утверждал, что телеграмма Бубликова стала первым сигналом к началу революции на местах². Итак, эта телеграмма — «первая весточка о революции» или «первый сигнал к революции на местах»? В пользу утверждения Харитонова говорят, например, воспоминания В.С. Войтинского, находившегося в начале марта 1917 года в Иркутске. Он позднее писал: «А всем населением Сибири бубликовская телеграмма была принята, как благая весть об избавлении от ненавистного общественного строя и вместе с тем как сигнал устранять старое начальство, брать в свои руки дело управления»³. Материалы же провинциальной прессы говорят о том, что в большинстве случаев телеграмма Бубликова была «первой весточкой о революции»⁴. Вместе с тем сам Бубликов считал (или так понял его корреспондент «Утра России»!), что она «сыграла громадную роль в деле успешного завершения революции»⁵.

Телеграмма Бубликова информировала местные власти о серьезности событий, происшедших в столице. Реакция была различной. В одних случаях она привела даже к бегству местных высших властей. Так, по сообщению прессы, Курский губернатор А.К. Багговут, «ознакомившись с телеграммой Бубликова, спешно выехал в Евпаторию»⁶. В других — давала повод к принятию на местах мер, направленных против развития революции. Так, жандармы станции Великие Луки Раннев и Оловянов показывали, что прокурор Великолуцкого окружного суда В.В. Колпенский «в первых числах марта приезжал на вокзал и уже после получения телеграммы от комиссара Государственной думы приказывал им оставаться на своих постах и не отдавать оружие»⁷. Генерал-майор И.И. Федоров, получив копию этой телеграммы от начальника Архангельского отделения Северных железных дорог ночью 1 марта, дал ему (за главного начальника Архангельска) следующие указания: «Линия Архангельск-Вологда находится на военном положении[,] а потому ко всем служащим применяются требования, как и [к] войскам армии. Войска политикой заниматься не имеют права и по существу дела не могут, на обязанности же их лежит

¹ *Старцев В.И.* Внутренняя политика Временного правительства первого состава. С. 51.

² *Харитонов В.Л.* Февральская революция в России (попытка многомерного подхода) // Вопросы истории. 1993. № 11—12. С. 24.

³ *Войтинский В.С.* 1917-й. Год побед и поражений / Под ред. Ю.Г. Фельштинского. Wenson (Vermont), 1990. С. 8—9.

⁴ В Бендерах // Бессарабский южный край. 1917. 6 марта (Бендеры, Бессарабская губ.); В Вятке // Вятская речь. 1917. 4 марта; Впечатление в Кишиневе // Бессарабская жизнь. 1917. 4 марта (Кишинев); События последних дней // Пермская жизнь. 1917. 3 марта; М.А. Впечатления // Голос. 1917. 3 марта (Ярославль).

⁵ А.А. Бубликов в Москве (беседа) // Утро России. 1917. 19 марта (Москва).

⁶ В Курске / По России // Киевская мысль. 1917. 3 марта.

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 255. ЛЛ. 9, 11.

свято исполнить данную им присягу <...> предлагаю вам это разъяснить и указать всем служащим подведомственного вам отдела <...>»¹.

Любопытна реакция на телеграмму Бубликова-Родзянко военных властей. Так, начальник штаба верховного главнокомандующего М.В. Алексеева писал 28 февраля главнокомандующему войсками Петроградского военного округа Н.И. Иванову: «<...> Воззвание нового министра путей [сообщения] Бубликова к железнодорожникам, мною полученное кружным путем, зовет к усиленной работе всех, дабы наладить расстроенный транспорт». Алексеев просил Иванова: «Доложите его величеству все это и убеждение, что дело можно привести мирно к хорошему концу, который укрепит Россию»². Начальник штаба армий Западного фронта М.Ф. Квецинский сообщил 1 марта по прямому проводу генерал-квартирмейстеру при верховном главнокомандующем А.С. Лукомскому, что по телеграмме Бубликова-Родзянко «сделано распоряжение не допускать ее распространения». На что Лукомский заявил, что эта телеграмма «не страшна, ибо призывает к порядку»³. Напомним, что в телеграмме Бубликова-Родзянко не только содержался призыв поддерживать движение поездов «непрерывно с удвоенной энергией», но и сообщалось, что старая власть «оказалась бессильной», а Временный комитет Государственной думы взял «в свои руки образование новой власти». Иначе говоря, давая телеграмме Бубликова-Родзянко положительную характеристику, представители военной верхушки заявляли о своей поддержке революции, о фактическом переходе на ее сторону. И сделано это было еще до отречения императора Николая II от престола.

Телеграмма Бубликова-Родзянко была горячо поддержана на местах. Так, 1 марта в Ярославле на собрании железнодорожных рабочих и служащих эта телеграмма «была встречена с энтузиазмом». Участники собрания «единодушно приветствовали новое управление и решили учетверить свои усилия для служения Родине при новом народном правительстве»⁴. На собрании служащих и правления общества Московско-Киево-Воронежской железной дороги 2 марта была решено послать телеграмму председателю Государственной думы М.В. Родзянко, в которой указывалось: «<...> Послушные Вашему призыву, переданному нам членом Государственной думы А.А. Бубликовым <...> мы не пожалеем трудов и усилий, чтобы дружной работой содействовать скорейшему наступлению светлого будущего дорогой Родины»⁵. Укажем, что телеграмма Бубликова-Родзянко привела к созданию организаций железнодорожников. Так, на Съезде делегатов Юго-Западных железных дорог (5–7 апреля 1917, Киев) выступил Роханский, который в своем докладе изложил историю железнодорожной организации в Киеве. Начало ее он отнес к 1 марта 1917 г., «когда железнодорожники откликнулись на телеграмму комиссара Госуд[арственной]

¹ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 114. Л. 5.

² Ставка и революция. С. 171.

³ Там же. С. 183.

⁴ Собрание железнодорожников / Исторический день в Ярославле // Голос. 1917. 3 марта (Ярославль).

⁵ Киево-Воронежская жел[езная] дорога — М.В. Родзянко // Утро России. 1917. 3 марта (Москва).

думы Бубликова, призвавшего служащих и рабочих железнодорожников к работе на пользу Отечества». В этот день «группа служащих Управления приступила к организации по службам, организовав ячейки, которые со временем должны были превратиться в местные комитеты служб»¹. Маляк (2 участок службы тяги, ст. Сарны), выступая на съезде, рассказывал: «Как только получилась депеша Бубликова, все взялись за работу. Начались организационные собрания. Хорошо организовалось депо. Розни между служащими не было»². Вместе с тем комиссар А.А. Бубликов каких-либо распоряжений о деятельности общественных организаций железнодорожников не делал, специально поддержки их не искал.

Призыв к железнодорожникам работать «с удвоенной энергией», содержащийся в первой телеграмме Бубликова (Бубликова-Родзянко) от 28 февраля, дополнялся другими его телеграфными распоряжениями. Во второй телеграмме, полученной в Управлении юго-западных железных дорог³, А.А. Бубликов обращался к начальникам мастерских всех дорог, служащим, мастерским и рабочим железнодорожных мастерских с просьбой «<...> во имя спасения Родины <...> напрячь вашу энергию еще сильнее и справиться с ремонтом разрушенного ненормальной работой подвижного состава». О введении за этот труд «усиленной премировки» в телеграмме речи не шло, но было указано, что «труд Ваш не будет забыт»⁴. Телеграмма была отправлена Бубликовым 28 февраля 1917 года⁵. Он подписал ее не как комиссар ВКГД в МПС, а «по поручению Комитета Государственной думы — член Государственной думы»⁶. Это, несомненно, было сделано для того, чтобы придать телеграмме больший вес. По сообщению прессы, в ответ на эти первые две телеграммы комиссар А.А. Бубликов «получил со всех концов сети депеши, <...> выражающие готовность не допустить перерыва движения и удвоить усилия по ремонту подвижного состава»⁷.

В ответ на приветственные телеграммы железнодорожных служащих и рабочих комиссар Бубликов в депеше от 2 марта за № 189 не только

¹ Доклад тов[арища] Роханского / Отчет о Съезде делегатов Юго-Западных железных дорог 5–7 апреля в г. Киеве // Вестник Юго-Западных железных дорог. Еженедельный журнал. 1917. 15 апреля. № 13–14. С. 83.

² Тов[арищ] Маляк / Второй день Съезда / Отчет о Съезде делегатов Юго-Западных железных дорог 5–7 апреля в г. Киеве // Вестник Юго-Западных железных дорог. Еженедельный журнал. 1917. 15 апреля. № 13–14. С. 86.

³ Телеграммы А.А. Бубликова / В Киеве // Киевская мысль. 1917. 3 марта.

⁴ Начальникам мастерских всех дорог / Телеграммы члена Государственной думы А.А. Бубликова // Вестник Юго-Западных железных дорог. Еженедельный журнал. 1917. 28 февраля. № 8. С. 49; Обращение А.А. Бубликова к служащим, мастерским и рабочим жел[езно]дор[ожных] мастерских // Южный край. 1917. 3 марта (Харьков); Телеграммы управляющего дорогой // Вестник Рязано-Уральской железной дороги. Часть официальная. 1917. 12 марта. № 10. С. 120.

⁵ Телеграммы по линиям железных дорог / Государственный переворот. Новое правительство // Городской вестник. 1917. 3 марта (Самара).

⁶ См., напр.: Телеграммы управляющего дорогой // Вестник Рязано-Уральской железной дороги. Часть официальная. 1917. 12 марта. № 10. С. 120.

⁷ Телеграммы (от Петроградского телеграфного агентства) 4 марта // Саратовский вестник. 1917. 5 марта.

поблагодарил их, но и вновь призвал «поддержать непрерывность и срочность движения и возобновить полностью ремонтные работы». О премиях за ремонтные работы Бубликов не упомянул, а лишь подчеркнул, что «этого требует долг перед Родиной[,] ибо правильное движение возможно лишь при поддержании паровозов и пути в исправности»¹. Кроме этого, отдельным распоряжением он запретил рассылку приветственных телеграмм в форме служебных бесплатных сообщений, разъяснив, что «их многочисленность явно вредит <...> исправному действию дорог»².

Комиссар Бубликов также предпринял ряд других шагов «к поддержанию и усилению движения на железных дорогах». По сообщению «Известий Комитета петроградских журналистов», он послал в адрес Харьковского каменноугольного комитета телеграмму «с просьбой усилить погрузку угля»³. Речь шла о телеграмме, в которой А.А. Бубликов призывал «к организации самой интенсивной погрузки минерального топлива» «для поддержания правильного движения на железных дорогах». Бубликов подчеркивал, что снабжение железных дорог угольным топливом будет способствовать поддержанию «силы армии на прежней высоте и для продвижения продовольствия для населения». Телеграмма такого же содержания была получена Советом съезда горнопромышленников Юга России. Подчеркнем, что Бубликов подписал ее не как комиссар над МПС, а «по поручению Комитета Гос[ударственной] думы, член Гос[ударственной] думы»⁴. Телеграмма датирована 28 февраля⁵.

1 марта комиссар Бубликов послал в Москву телеграмму, в которой призывал рабочих железнодорожных мастерских Казанской и Северной железных дорог не устраивать забастовки и не выходить на улицы, т.к. «уличные выступления уже не нужны», а «вся власть в Петрограде перешла в руки Государственной думы». В телеграмме также говорилось, что «величайшая нужда момента» — «усиленная починка разрушенного подвижного состава»⁶. О каких-либо дополнительных выплатах рабочим за «усиленную починку» в телеграмме не сообщалось. Московский

¹ Телеграммы управляющего дорогой // Вестник Рязано-Уральской железной дороги. Часть официальная. 1917. 4 марта. № 9. С. 120.

² Телеграммы, полученные и отправленные н[ачальни]ком дороги, в связи с текущими событиями // Вестник Екатеринбургской железной дороги. Часть неофициальная. 1917. 4–12 марта. № 489/9–10. С. 19. Приветственные телеграммы железнодорожников Временному правительству, а также «протесты против действий своих сослуживцев» разрешалось посылать на платной основе.

³ В Министерстве путей сообщения // Известия КПЖ. 1917. 2 марта № 5 (Типография Т-ва А.С. Суворина — «Новое время», Эртелев пер., д. 13).

⁴ Телеграмма А.А. Бубликова совету съезда горнопромышленников Юга России // Южный край. 1917. 3 марта (Харьков).

⁵ Известия Особого совещания по топливу. 1917. Апрель. № 3. С. 45.

⁶ Телеграмма А.А. Бубликова // Утро России. 1917. 2 марта (Москва); От нашего корреспондента // Саратовский вестник. 1917. 3 марта; Телеграммы управляющего дорогой // Вестник Рязано-Уральской железной дороги. Часть официальная. 1917. 12 марта. № 10. С. 119. См. также: *Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция. Москва. Фронт. Периферия. М., 1971. С. 24–25.

городской голова М.В. Челноков, которому эта телеграмма была адресована, направил ее начальникам железных дорог Московского узла. 2 марта 1917 г.¹ начальство Северных железных дорог разослало эту телеграмму по всей линии². Управляющий Московско-Курской, Нижегородской и Муромской железными дорогами В.Н. Щегловитов, получив это сообщение телефонограммой, распорядился ее «разослать по всем службам и отделам»³.

Меры, принятые Бубликовым, дали свой результат. Председатель Государственной думы М.В. Родзянко 1 марта писал в телеграмме за № 113 генерал-адъютанту Н.В. Рузскому: «Сообщение по железным дорогам поддерживается тщательно и непрерывно»⁴. 2 марта в прессе сообщалось, что «движение на всех железных дорогах поддерживается нормально»⁵. В.Н. Щегловитов, выступая уже после Февральской революции в Московском комитете общественных организаций, утверждал, что железные дороги Московского узла за март 1917 г. «вывозили больше, чем за январь и февраль, под влиянием циркуляра Бубликова, заставившего принять меры к усилению транспорта»⁶. Министр путей сообщения Н.В. Некрасов 6 марта 1917 г. сообщил представителям печати, что на Рязано-Уральской и Юго-Восточных железных дорогах «в первые дни революции погрузка даже превышала норму»⁷. Поручик Родин, сравнивая, по поручению ВК ВКГД, работу почты и железных дорог в дни революции, в апреле 1917 г. дал высокую оценку железнодорожникам. Он писал, что «железнодорожные служащие ни на минуту не прерывали своей высокополезной деятельности, а [,]наоборот[,] развивая и повышая деятельность дорог»⁸. Бубликов вспоминал: «<...> наша сеть работала как никогда. В Петербург, напр[имер], подавалось до 2000 вагонов, чего не бывало ни до ни после революции. Благодаря этому Петербург в дни борьбы не испытывал голода»⁹. Это утверждение подтверждается данными Порайонного комитета: если за весь февраль 1917 г. в Петроград прибыло 5505 вагонов продовольственных продуктов, то за первые семь дней марта — 1927 вагонов¹⁰.

¹ От нашего корреспондента // Саратовский вестник. 1917. 3 марта.

² ГМ ПИР. Ф. II. № 21421.

³ Телеграмма А.А. Бубликова // Утро России. 1917. 2 марта (Москва).

⁴ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 5. Л. 4.

⁵ В Министерстве путей сообщения // Известия КПЖ. 1917. 2 марта. № 5 (Типография Т-ва А.С. Суворина — «Новое время», Эртелев пер., д. 13).

⁶ О положении железных дорог / Общая хроника // Вестник Рязано-Уральской железной дороги. Часть неофициальная. 1917. 27 апреля. № 16. С. 176.

⁷ Н.В. Некрасов о ближайших задачах путейского ведомства / Из газет // Голос Калуги. 1917. 16 марта. По словам «Вестника Юго-Западных железных дорог», Н.В. Некрасов 6 марта привел в пример Рязано-Уральскую и Юго-Восточные железные дороги, которые «работали во время революции <...> интенсивнее, чем прежде» (Задачи министра путей сообщения Н.В. Некрасова // Вестник Юго-Западных железных дорог. 1917. 31 марта. № 12. С. 74).

⁸ РГИА. Ф. 1289. Оп. 12. Д. 2720. Л. 140.

⁹ Бубликов А.А. Русская революция. С. 40.

¹⁰ Известия по продовольственному делу. 1917. № 1 (32). С. 75, 108.

Вместе с тем некоторые железные дороги так и не смогли наладить нормальную работу. В частности, эта ситуация сложилась на Юго-Восточных железных дорогах (Воронеж). Начальник Управления Юго-Восточных железных дорог А. Давыдов вечером 4 марта отправил в адрес министра путей сообщения телеграмму, в которой сообщал, что «Управление дорог сознавало и сознает всю важность для государства срочных перевозок грузов[,] особенно[,] продовольственных и[,] не щадя ни здоровья[,] ни силы[,] прилагает всевозможные усиления (так в тексте. — *А.Н.*) к осуществлению этой задачи <...>». Давыдов признавал, что Юго-Восточные дороги «не в полной мере» выполняют все те требования, которые к ним предъявляются. Вместе с тем он подчеркнул, что недостатки в работе дорог объясняются сложившимися обстоятельствами, которые «от Управления дорог» не зависят. Давыдов был даже готов подать в отставку. Судя по тексту этой телеграммы, ей предшествовала телеграмма за подписью товарища министра путей сообщения И.Н. Борисова за № 1559, в которой и высказывались претензии в адрес Давыдова как начальника Управления¹. Давыдов не сообщил о том, каким числом была датирована телеграмма Борисова. Также не удалось обнаружить и текста ее ни в периодической печати, ни в архивных делах МПС. Не исключено, что эта телеграмма была послана Борисовым уже в комиссарство Бубликова².

Отметим еще одну характерную черту деятельности комиссара Бубликова — вмешательство в деятельность частного предпринимательства. Так, он предоставил начальникам частных железных дорог «необходимые полномочия для усиления их деятельности»³. Конечно, и эта мера Бубликова была направлена на создание условий для улучшения деятельности частных дорог, по которым тоже проводились перевозки различных грузов.

Бубликов отдал распоряжения, направленные на обеспечение безопасности Петрограда. Он, по свидетельству Ю.В. Ломоносова, разослал телеграмму «о недопущении движения каких бы то ни было воинских

¹ РГИА. Ф. 1289. Оп. 12. Ф. 229. Оп. 2. Д. 1633. Л. 7. Заметим, что содержание телеграммы Давыдова вступает в противоречие с той высокой оценкой деятельности в дни Февральской революции, которую дал Юго-Восточной железной дороге министр путей сообщения Н.В. Некрасов.

² В пользу этого утверждения говорит то, что телеграмма в адрес управляющего Юго-Восточными дорогами с требованием наладить нормальную работу была отправлена еще 19 февраля 1917 г. (№ 183) за подписью управляющего МПС Э.Б. Кригер-Войновского, а не товарища министра путей сообщения И.Н. Борисова. В телеграмме говорилось следующее: «Обращаю Ваше внимание на то, что все дороги уже оправились от последствий метелей и по работе почти вошли в норму точка Вверенная Вам дорога все еще работает крайне неудовлетворительно, что тормозит работу соседних дорог». Кстати, телеграммы такого же содержания были отправлены за № 184 в Курск, управляющему Московско-Киево-Воронежской дорогой и за № 185 в Харьков, управляющему Северо-Донецкой дорогой (РГИА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 1632. Л. 205).

³ В Министерстве путей сообщения // Известия КПЖ. 1917. 2 марта. № 5 (Типогр. Т-ва С.М. Проппера «Биржевые ведомости», Петроград, Галерная ул., д. 40).

поездов в районе 250 верст от Петрограда»¹. В тексте этой телеграммы, опубликованной в газетах, речь шла о 200 верстах, ближе которых «ни один эшелон не должен быть пропущен» к Петрограду «иначе как с разрешения комиссара Гос[ударственной] думы»². Комиссар Бубликов также сыграл важную роль в противодействии карательной экспедиции генерала Н.И. Иванова. Он предпринял «срочные меры, чтобы поезд с генералом Ивановым был задержан в пути»³. Бубликов рассказывал, что он приказал прервать движение на одной железнодорожной ветке около Петрограда, когда к столице «приближался генерал Иванов со своим отрядом георгиевских кавалеров»⁴.

Нельзя не напомнить и то, что Бубликов участвовал в так называемой «погоне за литературными поездами»⁵. 25 мая 1917 г. Н.В. Некрасов рассказывал Комиссии опросов Таврического дворца, что Бубликов, охотясь за царским поездом, выполнял приказы думского Комитета⁶. Позднее Некрасов вспоминал, что одним из наиболее ярких воспоминаний революционных дней была «погона за царским поездом», которой ему «довелось управлять из Государственной думы, давая распоряжения Бубликову»⁷. Заметим, что помощник комиссара Бубликова профессор Ломоносов о «руководящей» деятельности в этом вопросе Н.В. Некрасова в своих воспоминаниях не обмолвился ни разу. По словам Ломоносова, руководящие указания исходили от председателя Думы М.В. Родзянко⁸. Бубликов обошел молчанием факт руководства своей деятельностью во время погони за царским поездом с чьей бы то ни было стороны. Он рассказывал, что «приходилось с особенной внимательностью следить за лихорадочным передвижением по разным направлениям литературных поездов „А“ и „Б“»⁹. Он вспоминал, что отдал распоряжение не пускать царский поезд «севернее линии Бологое-Псков, разбирая рельсы и стрелки, если он вздумает проезжать насильно». Бубликов позднее признавал, что все его мероприятия оказались ненужными. Он писал: «<...> как только царь узнал, что на сети командуя я, а вокзал Николаевской ж.д. занят каким-то Грековым¹⁰, он как-то сразу

¹ Ломоносов Ю.В. Указ. соч. С. 230.

² Движение воинских эшелонов // Южный край. 1917. 4 марта (Харьков).

³ Попытка ген[ерала] Иванова / Последняя почта // Вестник Пермского края. 1917. 12 марта.

⁴ Беседа с А.А. Бубликовым / В Министерстве путей сообщения / К возобновлению деятельности министерств // Утро России. 1917. 5 марта (Москва).

⁵ См. подробн.: Куликов С. Февральская «революция сверху» или фиаско «генералов для пронунсиамента» // Россия XXI. 2004. № 4. С. 152–157; Ломоносов Ю.В. Указ. соч. С. 232–239.

⁶ Lyandres S. The Fall of Tsarism. Untold stories of the February 1917 revolution. Oxford, 2013. P. 152.

⁷ Из следственных дел Н.В. Некрасова 1921, 1931 и 1939 гг. / Публикация В.В. Поликарпова // Вопросы истории. 1998. № 11–12. С. 20.

⁸ Ломоносов Ю.В. Указ. соч. С. 233.

⁹ А.А. Бубликов в Москве (беседа) // Утро России. 1917. 19 марта (Москва).

¹⁰ См. о К.Ф. Грекове подробн.: Николаев А.Б. Поручик К.Ф. Греков: некоторые эпизоды из жизни революционера (1917 год) // Петербургские военно-историче-

сдался»¹. Действительно, некоторые исследователи считают, что предыдущая деятельность комиссара Бубликова заложила основы для принятия царем решения отказаться от плана проследовать до Царского Села. В.И. Старцев, например, считает, что уже рассылка по железнодорожному телеграфу первой телеграммы Бубликова (телеграмма Бубликова-Родзянко) стала одним из поводов «к принятию решения царя в Малой Вишере в ночь на 1 марта о повороте на Псков»².

Добавим, что не все мероприятия Бубликова, реализуемые во время «погони» за царским поездом, были успешны. С.В. Куликов ввел в исторический оборот сообщение инженера Л.А. Гринчук-Лукашевича о неудачной попытке задержать литерные поезда по распоряжению комиссара А.А. Бубликова³. Начальник Службы движения Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги Гринчук-Лукашевич рассказал корреспонденту газеты «Утро России» о том, как он утром 1 марта вызвал старших лиц администрации ст. Дно и передал им распоряжение Бубликова: «всеми способами стремиться к задержанию поезда и преградить ему дорогу на ст. „Дно“»⁴. Фамилий этих служащих Гринчук-Лукашевич не назвал. Нам удалось выявить в ЦГАИПД СПб. воспоминания начальника станции Дно И. Зубрилина, который и был одним из служащих, принявшим распоряжение Бубликова через Гринчука-Лукашевича. Кроме Зубрилина, по его же словам, при телеграфном разговоре с Гринчуком-Лукашевичем присутствовал также начальник движения Брундуковский, несколько позднее появились инженеры Михайлов, Соболев, Красовский

ские чтения. Всероссийская научная конференция с международным участием. С.-Петербург, 21 марта 2014 г. Сб. науч. ст. / Ред. кол.: А.Б. Николаев (отв. ред. и сост.) и др. СПб., 2015. С. 117–125; *его же*. Как комендант К.Ф. Греков и комиссар А.А. Бубликов «охотились» за царским поездом (28 февраля — 1 марта 1917 г.) // Февральская революция 1917 года: проблемы истории и историографии: сб. докл. международной науч. конф. 3 марта 2017 / Отв. ред. проф. В.В. Калашников; под ред. канд. ист. наук Д.Н. Меньшикова. СПб., 2017. С. 305–315; *его же*. Константин Федорович Греков (1890–1947): первая биография революционера // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2021. Vol. 14. P. 174–222.

¹ Бубликов А.А. Русская революция. С. 24.

² Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. С. 51.

³ Куликов С. Февральская «революция сверху» или фиаско «генералов для пронунсиаменто». С. 155–157.

⁴ А.Т. Как был задержан поезд Николая II. Рассказ участника задержания поезда инж[енера] Л.А. Гринчук-Лукашевича // Утро России. 1917. 21 апреля (Москва). Не позднее 11 час. 1 марта 1917 г. комиссар ВКГД А.А. Бубликов отдал начальнику движения Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги предписание о прекращении движения поездов между станциями Бологое и Дно. Бубликов потребовал «немедленно отправить со ст. Дно в направлении на Бологое два товарных поезда следом друг за другом, занять ими какой-либо разъезд возможно восточнее ст. Дно и сделать фактически невозможным движение каких бы то ни было поездов в направлении от Бологое в Дно». Комиссар грозил «за неисполнение или недостаточно срочное исполнение настоящего предписания» ответственностью «как за измену п[е]ред отечеством» (Ставка и революция. С. 197–198).

и Щуровский, т.е. все начальствующие лица ст. Дно. Подчеркнем, что инженер Михайлов о содержании переговоров сообщил коменданту станции Фрейману, который в ответ заявил: «делайте, что хотите, а я как бы не знаю об этом ничего». Зубрилин выработал план действий: отправить в Полонку поезд из порожних вагонов, «а за ним послать вдогонку паровоз, дабы догнать и разбить поезд, чем вызвать задержку императорского поезда». Выписав фиктивный путевой лист и отправив порожний поезд, Зубрилин и Щуровский на паровозе выехали вслед за ним. Но, не доезжая до путепровода, паровоз был остановлен комендантом станции. Машинист Суворов, по словам Зубрилина, не был поставлен в известность о его плане, и поэтому подчинился приказу коменданта. Паровоз вместе с Зубрилиным и Щуровским был возвращен на ст. Дно¹. Бубликов тогда отдал новое распоряжение Гринчук-Лукашевичу: «воспрепятствовать отправлению царских поездов со ст. „Дно“ на юг по направлению к Ставке»². Но выполнять это распоряжение не пришлось. По словам И. Зубрилина, в ходе телеграфных переговоров В.Н. Воейкова с М.В. Родзянко они договорились, что встреча председателя Государственной думы и императора Николая II состоится в г. Пскове, куда вскоре и отправился царский поезд³.

По словам Н.В. Некрасова, Временный комитет Думы готов был пропустить царский поезд со ст. Дно в Петроград, но неожиданно для думских лидеров литерный поезд отправился в Псков. Некрасов говорил: «Мы отдали приказ, чтобы он смог пойти в направлении Петрограда, [а] не вернулся в Ставку. Он не мог направиться на юг, но его путь на север был открыт. Было неожиданностью для всех, что он отправился в Псков. Ему разрешили поехать туда, потому что это было безопасно для нас — мы были уверены в настроении в Пскове. Он застрял там и отрекся от престола»⁴.

Обеспечению безопасности новой власти должны были послужить и другие распоряжения комиссара Бубликова. Среди них разосланное 2 марта 1917 г. по всем дорогам всем заведующим телеграфными станциями о прекращении приема и передачи шифрованных телеграмм, вне зависимости от того, какое ведомство отсылает депеши. Исключение было сделано только для телеграмм, адресованных лично комиссарам Бубликову и Добровольскому⁵. По мнению прессы, распоряжение ставило своей целью «не допустить сторонников старого режима внести

¹ Зубрилин И. В Дновский райком. Некоторые воспоминания о Февральской революции в бытность мою ДС ст. Дно, 1929 // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 1463. ЛЛ. 1–2.

² А.Т. Как был задержан поезд Николая II. Рассказ участника задержания поезда инж[енера] Л.А. Гринчук-Лукашевича // Утро России. 1917. 21 апреля (Москва).

³ Зубрилин И. Указ. соч. Л. 3.

⁴ Lyandres S. The Fall of Tsarism. P. 152.

⁵ Деша А.А. Бубликова // Утро России. 1917. 3 марта (Москва); Телеграммы, полученные и отправленные н[ачальни]ком дороги, в связи с текущими событиями // Вестник Екатеринбургской железной дороги. Часть неофициальная. 1917. 4–12 марта. № 489/9–10. С. 19.

дезорганизацию в работу дорог и прекратить всякую попытку к провокационным выступлениям»¹. Заметим, что на местах полностью это распоряжение Бубликова выполнено не было. В частности, Коалиционный комитет общественных организаций г. Омска отдал распоряжение местной почтово-телеграфной конторе прекратить прием и передачу шифрованных телеграмм, за исключением депеш почтово-телеграфного ведомства².

Кроме этого, комиссаром МПС было сделано распоряжение начальникам железных дорог о воспрещении предоставления отдельным лицам специальных вагонов-салонов и экстренных поездов без согласия Временного комитета Думы³. Известно, что это распоряжение работало. Так, 3 марта комиссар по МПС разрешил пропуск в Петроград «поезда, с которым следует принц Ольденбургский»⁴. 4 марта 1917 г. генерал-лейтенант Л.Г. Корнилов, выезжая из Могилева, просил комиссара А.А. Бубликова распорядиться «о безостановочном следовании поезда на Петроград»⁵.

Комиссар Бубликов озаботился вопросами обеспечения порядка, безопасности и охраны на железных дорогах. Они, при отсутствии жандармской полиции (ввиду ее устранения⁶), возлагались телеграммой Бубликова от 2 марта⁷ на железнодорожных служащих⁸. Вместе с тем, по словам нового министра путей сообщения Н.В. Некрасова, там, где «временные исполнительные комитеты признали возможность сохранить» железнодорожную жандармскую полицию «временно для ограждения местного порядка, там она и оставлена, пока вопрос о наблюдении за дальнейшим порядком на железных дорогах не будет урегулирован»⁹.

Комиссар Бубликов предпринял шаги, направленные на реформирование самого путейского ведомства. В частности, были упразднены Советы при начальниках дорог. При этом начальникам дорог было «предписано действовать самостоятельно». Комиссар Бубликов также

¹ Воспрещение передачи шифрованных депеш / С железной дороги // Волжское слово. 1917. 4 марта (Самара).

² РГИА. Ф. 1289. Оп. 11. Д. 729. Л. 1.

³ Экстренные поезда / Пути сообщения // Новое время. 1917. 7 марта (Петроград).

⁴ Распоряжения комиссаров // Киевская мысль. 1917. 5 марта.

⁵ Ставка и революция. С. 437.

⁶ В дни революции в МПС было получено «около 50 телеграфных донесений с дорог» о разоружении железнодорожными служащими жандармской полиции (Вестник путей сообщения. Неофициальная часть. 1917. 18 марта. № 11. С. 52).

⁷ Распоряжение Бубликова // Последние новости. 1917. 5 марта (утр. вып.) (Киев).

⁸ Телеграммы, полученные и отправленные начальником дороги, в связи с текущими событиями // Вестник Екатеринбургской железной дороги. Часть неофициальная. 1917. 4–12 марта. № 489/9–10. С. 20; Телеграммы управляющего дорогой // Вестник Рязано-Уральской железной дороги. Часть официальная. 1917. 12 марта. № 10. С. 120.

⁹ Беседа господина министра путей сообщения с представителями печати / Хроника путей сообщения в России // Вестник путей сообщения. Неофициальная часть. 1917. 18 марта. № 11. С. 50.

приказал уничтожить канцелярскую волокиту¹. Видимо, на основе этого приказа И.Н. Борисов 1 марта издал за своей подписью циркуляр, который обязывал всех служащих ведомства путей сообщения «неуклонно заботиться о всемерном сокращении переписки по ведению порученным им дел». Служащим предлагалось вместо канцелярской переписки использовать «личные переговоры и телефонограммы». Когда же требовалось закрепить состоявшееся между должностными лицами или учреждениями устное соглашение, то служащие должны были составлять «краткие акты за надлежащими подписями»². 4 марта комиссар Бубликов вновь поднял вопрос о сокращении переписки. В телеграмме за № 396, посланной в этот день начальникам дорог, Бубликов писал: «Прошу принять самые решительные меры к сокращению переписки. Телеграммы должны подаваться в действительно необходимых случаях, избегая многословия»³. Эта телеграмма была доведена начальниками дорог до сведения железнодорожных служащих. Из Харькова (Южные

¹ В Министерстве путей сообщения // Известия КПЖ. 1917. 2 марта. № 5 (Типография Т-ва А.С. Суворина — «Новое время», Эртелев пер., д. 13). Заметим, что еще до Февральской революции было обращено внимание на рост количества исходящих бумаг по ведомству Министерства путей сообщения. В справке «О количестве исходящих бумаг за три года» от 13 февраля 1917 г., составленной Щербаковым, приводились следующие сведения: за 1914 г. из МПС вышло 217 924 документа, за 1915 г. — 256 320, а за 1916 г. — 482 450 (РГИА. Ф. 273. Оп. 1. Д. 4391. Л. 16).

² Борисов И. Циркуляр по ведомству путей сообщения // Известия Петроградского округа путей сообщения. 1917. 28 марта. № 8. С. 2. См. также: РГИА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 1633. Л. 579. Укажем, что положения этого циркуляра были развиты уже в министерство Н.В. Некрасова. 14 апреля 1917 г. Управление железных дорог разослало в адрес начальников казенных железных дорог циркуляр за № 11125/99/23 «Об отмене для казенных железных дорог циркуляра Управления жел[езных] дор[ог] [от] 10 апреля 1915 г. № 9076/102». В циркуляре сообщалось следующее: «Ввиду разосланной по всем железным дорогам телеграммы комиссара Государственной думы инженера Бубликова о принятии самых энергичных мер к сокращению переписки, сим отменяется представление сведений о командированных служащих в пределах каждой казенной дороги, согласно формам А и Б, предложенным циркуляром 10 апреля 1915 года № 9076/102». Циркуляр был подписан за начальника Управления П.А. Малевинским, управляющим Мобилизационной частью В.В. Арнольдом и скреплен делопроизводителем де Шуданом (Там же. Ф. 273. Оп. 1. Д. 3774. Л. 144). 5 мая 1917 г. Управлением был издан циркуляр за № 8006/7097/13480 в адрес начальников казенных, управляющих и директоров частных железных дорог, инспекторов по эксплуатации железных дорог и инженеров-инспекторов. Циркуляр «в целях освобождения местных управлений железных дорог от излишней переписки и отчетности» отменял «установленное циркуляром от 12/13 августа 1899 г. за № 13630 обязанность представлять в Эксплуатационный отдел ежемесячные краткие отчеты по жалобам, которые заносились «в станционные жалобные книги». Циркуляр был подписан начальником Управления железных дорог Э.П. Шуберским, начальником Эксплуатационного отдела Э.В. Ландсбергом и скреплен делопроизводителем Пензулаевым (Там же. Л. 190). В этом документе уже нет отсылки к циркуляру Бубликова «о сокращении переписки», но общее направление его сохранено и развито.

³ Телеграммы управляющего дорогой // Вестник Рязано-Уральской железной дороги. Часть официальная. 1917. 12 марта. № 10. С. 121.

железные дороги) сообщали, что «приказ комиссара путей сообщения А.А. Бубликова об упразднении бюрократического способа служебной переписки вызвал восторг и усилил прилив работоспособности в железнодорожных кругах»¹. Вместе с тем в ряде случаев комиссар А.А. Бубликов как бы «насаждал» переписку. Это происходило тогда, когда с железных дорог поступали просьбы о личной встрече с комиссаром, с целью внести то или иное предложение, усовершенствование и т.д.².

Судя по всему, в дни революции некоторые структурные подразделения МПС прекратили свою деятельность³. Только этим можно объяснить циркулярную телеграмму за № 199 от 2 марта 1917 г. в адрес начальников Управления внутренних водных путей, Управления шоссейных дорог и управляющих Учебным отделом и Отделом статистики, в которой содержалось предписание: «Распорядитесь немедленно возобновлением занятий вверенного Вам Управления». Телеграмму подписал за управляющего МПС И.Н. Борисов⁴. Кроме этого, 1 марта во все управления Министерства путей сообщения была разослана еще одна телеграмма за подписью Борисова, которая «вследствие чрезвычайных обстоятельств [и] впредь до отмены» предписывала «во изменение существующего порядка начинать служебные занятия <...> с 9 час[ов] 30 мин[ут] утра, о чем объявить агентам канцелярий, управлений, отделов, частей служб и делопроизводств»⁵. Заметим, что до этого служащие управлений должны были являться на работу к 11 часам утра⁶. Комиссар Бубликов предпринял шаги по наведению трудовой дисциплины в управлениях ведомства путей сообщения. Он распорядился собрать и представить к 12 часам дня 2 марта сведения об общем количестве служащих в отделах и частях управлений и количестве служащих, «присутствующих сегодня на занятиях»⁷. По нашим подсчетам 2 марта в различные

¹ Харьков, 5-го марта (ПТА) / Революция в провинции // Биржевые ведомости. 1917. 7 марта (утр. вып.) (Петроград); Хроника путей сообщения в России // Вестник путей сообщения. Неофициальная часть. 1917. 18 марта. № 11. С. 52.

² Так, 4 марта 1917 г. помощник начальника станции Батраки Московско-Казанской железной дороги Г. Зайцев обратился к Бубликову с просьбой: «<...> прошу вызвать меня в Петроград для доклада вам [о] ненормальностях наблюдающихся <...> [на] передаточных узловых станциях [и] о мероприятиях[,] могущих улучшить вагонооборот[,] экономию паровозов[,] личного состава<...>». 5 марта за подписью и.о. секретаря Н.Н. Григорьева на имя Зайцева была отправлена телеграмма следующего содержания: «По приказанию комиссара члена Государственной думы Бубликова сообщаю, что в такое время отлучки недопустимы, тем более по вопросам, которые могут быть доложены письменно» (РГИА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 1633. ЛЛ. 9, 10).

³ В частности, Временный распорядительный комитет по водным перевозкам был вынужден перенести свое заседание, назначенное на 8 часов 30 мин. вечера 27 февраля, на 2 часа дня 1 марта. Телеграмма об этом была отправлена, например, члену Комитета В.В. Милютину 27 февраля в 4 часа 21 мин. дня 27 февраля 1917 г. (РГИА. Ф. 975. Оп. 1. Д. 38. Л. 335).

⁴ РГИА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 1633. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 578; Ф. 273. Оп. 1. Д. 3807. Л. 5.

⁶ Там же. Ф. 273. Оп. 1. Д. 3777. Л. 2.

⁷ Там же. Л. 7.

структуры Управления железных дорог вышли 824 человека из 1234 лиц, состоявших на службе в этом Управлении, или 66% от общего списочного состава. 3 марта явка составила 1080 человек (87%), 4 марта — 1123 (91%), а 6 марта явка почти сравнялась со списочным составом — 1154 человека (93%)¹.

Некоторое внимание комиссар Бубликов уделял вопросу об улучшении материального положения служащих и рабочих казенных и частных железных дорог. В прессе был опубликован его приказ, разосланный начальником Юго-Западных железных дорог по линиям, в котором объявлялось, что «77 миллионов (рублей. — А.Н.) ассигновано на улучшение материального положения железнодорожных служащих»². Широкую огласку в прессе получила телеграмма Бубликова, разосланная им начальникам железных дорог, которой «ввиду дороговизны и недостатка сукна и других предметов обмундирования» комиссар разрешил всем служащим «носить старую форму»³ и «совершенно не носить наплечников»⁴. Бубликов также «предложил правлениям обществ частных железных дорог принять срочные меры к увеличению содержания служащим, мастеровым и рабочим» и «озаботиться выдачей этим служащим дополнительного вознаграждения в соответствии с нормами, установленными, на сей предмет, на казенных дорогах»⁵.

4 марта 1917 г. комиссары А.А. Бубликов и А.А. Добровольский направили в адрес начальников железных дорог телеграмму за № 399, в которой сообщалось об отречении Николая II и отказе великого князя Михаила Александровича от восприятия верховной власти. В телеграмме также указывалось, что председателем Совета министров состоит князь Г.Е. Львов, а министром путей сообщения — Н.В. Некрасов. Заканчивалась она словами: «Спокойствие в столицах полное»⁶.

С созданием Временного правительства и назначением министром путей сообщения Н.В. Некрасова встал вопрос о комиссаре Бубликове. Некрасов предложил ему остаться в МПС товарищем министра.

¹ Там же. ЛЛ. 8—19, 21—22, 24, 29, 35, 36, 38, 45.

² Новый приказ А.А. Бубликова // Трудовая газета. 1917. 3 марта (Николаев).

³ Телеграммы, полученные и отправленные н[ачальни]ком дороги, в связи с текущими событиями // Вестник Екатеринбургской железной дороги. Часть неофициальная. 1917. 4—12 марта. № 489/9—10. С. 20.

⁴ Ношение форменной одежды / Хроника // Саратовский листок. 1917. 17 марта.

⁵ Увеличение содержания железнодорожным служащим // Известия КПЖ. 1917. 4 марта. № 9 (Типография Т-ва А.С. Суворина — «Новое время», Эртелев пер., д. 13); Меры правительства // Последние новости. 1917. 5 марта (утр. вып.) (Киев); Распоряжения комиссаров // Киевская мысль. 1917. 5 марта; Увеличение содержания железнодорожным служащим / Хроника путей сообщения в России // Вестник путей сообщения. Неофициальная часть. 1917. 11 марта. № 9—10. С. 44; А.А. Бубликов в Москве (беседа) // Утро России. 1917. 19 марта (Москва).

⁶ Телеграммы думских комиссаров // Последние новости. 1917. 6 марта (утр. вып.) (Киев); Телеграммы управляющего дорогой // Вестник Рязано-Уральской железной дороги. Часть официальная. 1917. 12 марта. № 10. С. 121; Хроника Юго-Западных дорог // Вестник Юго-Западных железных дорог. 1917. 28 февраля. № 8. С. 63.

Но Бубликов отказался. Он вспоминал: «Главным моим мотивом было то, что <...> с таким (выделено курсивом Бубликовым) председателем (кн. Г.Е. Львов. — А.Н.) Временное правительство должно будет свалиться через каких-нибудь два месяца<...>»¹. Ю.В. Ломоносов вспоминал, что Бубликов отказался, т.к. не может с «хаммами служить»². Не исключено, что одной из причин отказа от должности товарища министра стала личная обида Бубликова, который рассчитывал получить портфель министра путей сообщения.

5 марта Н.В. Некрасов издал приказ о вступлении «сего числа» в управление Министерством путей сообщения³. Последние распоряжения и другие руководящие документы по ведомству Министерства путей сообщения Бубликов подписал 6 марта⁴. Кроме того, этот день А.А. Бубликов разослал по линиям железных дорог прощальную телеграмму⁵. Укажем, что Бубликов поставил перед Временным правительством вопрос об утверждении его распоряжений по МПС. 15 марта 1917 г. Временное правительство рассмотрело это ходатайство комиссара ВКГД А.А. Бубликова и постановило: «Признать такое утверждение излишним»⁶.

Любопытно, что министр путей сообщения Н.В. Некрасов на встрече с представителями столичной и провинциальной печати 9 марта, «касаясь минувших революционных дней», отметил, что «почти повсюду начальники железных дорог оценили положение правильно и не препятствовали организации служащих и рабочих для завоевания народом свободы»⁷. Н.В. Некрасов остановил свое внимание на следственных отрядах главноуполномоченного министра путей сообщения по расследованиям железнодорожных злоупотреблений К.И. Савича, деятельность которых была приостановлена И.Н. Борисовым во время комиссарства Бубликова. По сообщению корреспондента «Речи», Некрасов предложил Савичу «поставить дело расследования в широком масштабе и привлечь в отряды расследований представителей общественности»⁸. Подчеркнем, что Н.В. Некрасов ни словом не обмолвился о деятельности комиссара А.А. Бубликова в МПС в дни революции. И дело было не только в том, что между ними существовала неприязнь, или она возникла

¹ Бубликов А.А. Русская революция. С. 39.

² Ломоносов Ю.В. Указ. соч. С. 274.

³ Некрасов Н. Приказ по Министерству путей сообщения 5-го марта 1917 года // Известия Петроградского округа путей сообщения. 1917. 11 марта. № 7. С. 1.

⁴ Приказ по МПС от 6 марта 1917 г. за № 15/45 (о номенклатуре вяжущих (цементных) веществ) (Вестник Московско-Курской, Нижегородской и Муромской казенных железных дорог. Часть Официальная. 1917. 12 мая. № 18. С. 10).

⁵ Телеграмма А.А. Бубликова // Воронежский телеграф. 1917. 19 марта.

⁶ Журналы заседаний Временного правительства. Март—октябрь 1917 г. В 4-х т. М., 2001. Т. 1. Март—апрель 1917 года / Отв. ред. тома Б.Ф. Додонов. Сост.: Е.Д. Гринько, О.В. Лавинская. С. 77. См. также: РГИА. Ф. 229. Оп. 4. Д. 1997. Л. 1.

⁷ Беседа г[осподина] министра путей сообщения с представителями печати / Хроника путей сообщения в России // Вестник путей сообщения. 1917. 18 марта. № 11. С. 50.

⁸ Беседа с министром путей сообщения // Речь. 1917. 10 марта (Петроград).

в связи с назначением министром путей сообщения не Бубликова, а Некрасова. Важнее было то, что речь шла о разных подходах в решении важнейших вопросов путей сообщения. Бубликов опирался в своей деятельности на профессионалов-управленцев¹, а Некрасов делал ставку на общественность, общественные организации железнодорожников².

Оценивая деятельность комиссара А.А. Бубликова, можно утверждать, что она была предельно эффективна. Существенную роль для развития революции сыграла его первая телеграмма (телеграмма Бубликова-Родзянко), благодаря которой на местах стало известно о революционных событиях в Петрограде. Укажем, что Бубликовым за время его комиссарства в МПС с 28 февраля по 6 марта включительно лично было подписано 24 документа руководящего характера, разосланных им по линиям железных дорог. Они были направлены на поддержание и усиление движения на железных дорогах, обеспечение безопасности Петрограда, порядка и охраны на железных дорогах, реформирование деятельности путейского ведомства, улучшение материального положения служащих и рабочих казенных и частных железных дорог. Все распоряжения комиссара Бубликова сразу же (или с некоторой задержкой) исполнялись практически полностью. Исключение составляет предписание о прекращении движения поездов между станциями Бологое и Дно с целью задержки царского поезда, которое выполнено не было. Отличительной особенностью его комиссарства в МПС стало то, что Бубликов опирался в своей деятельности на профессионалов-управленцев, получая поддержку железнодорожных рабочих и служащих благодаря самому факту победоносного развития революции, которое усиливало революционные настроения среди железнодорожников. Подчеркнем, что Временное правительство считало излишним утверждать все распоряжения Бубликова, тем самым признав их состоявшимися. Отказ же А.А. Бубликова занять должность товарища министра путей сообщения объяснялся, во-первых, его нежеланием входить в состав слабого, по его мнению, Временного правительства князя Г.Е. Львова, которое продержится не более двух месяцев, во-вторых, различием подходов в решении вопросов путейского ведомства с министром Н.В. Некрасовым, ставившего на первое место опору на общественность, и, в-третьих, личные амбиции А.А. Бубликова, считавшего, что именно он, а не Н.В. Некрасов, должен был стать министром путей сообщения.

¹ Н.Н. Суханов в связи с этим писал: «Были, естественно, большие опасения за транспорт. Но низший железнодорожный персонал оказался на высоте положения, продолжая работу в полном объеме <...> все же высшие служащие и технический персонал официально выразили покорность думскому Комитету и отдали свои силы его работе под предводительством Бубликова. Здесь дело обстоит как нельзя лучше» (Суханов Н.Н. Записки о революции / Предисл. и примеч. А.А. Корникова. М., 1991. Т. 1. Кн. 1—2. С. 187).

² См., напр.: Козлова К.В. Деятельность Н.В. Некрасова в 1917 году // Герценовские чтения 1998. Актуальные проблемы социальных наук. СПб., 1998. С. 72.

ПРАВЫЙ ДЕПУТАТ Н.Е. МАРКОВ В ЗЕРКАЛЕ СОВЕТСКОЙ ПРЕССЫ 1920–1930-х гг.

ИВАНОВ АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ,

доктор исторических наук,
профессор Института истории
Санкт-Петербургского государственного университета,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru

Аннотация: В статье впервые рассматривается образ правого депутата Государственной думы Российской империи Н. Е. Маркова, формировавшийся советской периодической печатью в 1920–1930-е гг. На материалах центральных и региональных газет и журналов («Правда», «Известия», «Курская правда», «Огонек», «Крокодил» и др.) представлены основные сюжеты, в связи с которыми советская пресса вспоминала о черносотенном политике, показана специфика формирования его образа, проведен сравнительный анализ информации, приводившейся в коммунистической печати, с материалами эмигрантской и иностранной прессы того же периода, а также с публикациями выступлений Маркова. Показывается, что в рассматриваемый период Марков оставался одним из самых популярных символов «черной реакции», его хорошо узнаваемый образ широко эксплуатировался советской пропагандой, а сюжеты, в связи с которыми о нем вспоминали журналисты и карикатуристы, были самыми разнообразными: черносотенное движение, антисемитизм, Государственная дума, прошлое Курского края, деятельность эмиграции, внешнеполитические события, фашизм и др. Подавляющее большинство материалов, приведенных в статье, вводится в научный оборот впервые.

Ключевые слова: Н.Е. Марков, правые, черносотенцы, Государственная дума, Курская губерния, советская пресса, эмиграция, фашизм.

Николай Евгеньевич Марков (1866–1945), один из лидеров фракции правых в III–IV Государственной думе и председатель Главного совета Союза русского народа (СРН) в 1912–1917 гг., был хорошо известен в дореволюционной России. Колоритная внешность, сильно напоминая облик императора Петра Великого, ораторский талант, непоколебимая твердость в отстаивании черносотенных принципов сделали его имя нарицательным. По узнаваемости и частоте упоминания в прессе он находился в ряду самых известных русских политиков начала XX века; правому политику было посвящено немало фельетонов и карикатур, а данные ему прозвища: «Марков 2-й», «Марков-валяй», «курский зубр», «медный всадник» — были широкоизвестны и надолго запомнились современникам¹. Его имя стало одним из символов контрреволюции, что

¹ Иванов А.А. «Он силен волею и темпераментом...». Правый депутат Н.Е. Марков глазами современников // Таврические чтения 2012. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2013. Ч. 2. С. 32–47.

нашло отражение даже в шахматном наборе, подаренном В.И. Ленину сотрудниками ЦК РКП (б). Как писала «Правда», фигуры этого набора, выполненные в красном и черном цвете, изображали «крупнейших политических деятелей», олицетворявших революцию и контрреволюцию. В числе черных фигур оказался и Марков-второй¹.

После революции и победы большевиков в Гражданской войне имя Маркова не было предано забвению: образ правого политика, ставшего видным деятелем русской монархической эмиграции, оказался востребованным советской пропагандой для обличения крайней реакции, пытавшейся на чужбине продолжать борьбу с большевизмом. Для иллюстрации той части эмигрантских настроений, которые выражали взгляды дореволюционного русского черносотенства, образ Маркова подходил как нельзя лучше. Из всех узнаваемых вождей черной сотни в живых оставался он один: А.И. Дубровин был расстрелян большевиками, В.М. Пуришкевич скончался в годы Гражданской войны от тифа, а остальные правые политики не были столь известны. Поэтому в 1920–1930-е годы Марков оказывается довольно популярным объектом для карикатур в сатирическом журнале «Крокодил», конкурируя с такими известными политиками-эмигрантами, как А.Ф. Керенский, П.Н. Милоков, В.М. Чернов и др. Карикатуры на Маркова рисовали такие известные советские художники, как И.А. Малютин, Д.И. Мельников, Д. Моор (Д.С. Орлов), Б.Е. Ефимов (Б.Х. Фридлянд) и др. На этих карикатурах Марков предстает то как враг инородцев², то как комично выглядящий реставратор монархии³. Иногда карикатуристы помещали его в весьма «сомнительные» компании, якобы, единомышленников. Так, на карикатуре И.А. Малютина «Калики переходные» Марков оказался выпивающим за одним столом вместе с бывшим председателем Государственной думы октябристом М.В. Родзянко⁴; на рисунке Д.И. Мельникова «Три грации эмиграции» в одном ряду с другими критиками большевизма на букву «М»: Ю.О. Мартовым (Цедербаумом) и П.Н. Милоковым⁵, а на карикатуре Б.Е. Ефимова «Европейская джаз-банда» вместе с великим князем Николаем Николаевичем, П.Н. Милоковым, Б. Муссолини, С. Болдуином и рядом других европейских политиков⁶.

Карикатуры на Маркова появлялись не только в сатирическом «Крокодиле», но и в более серьезных изданиях, причем почти всегда в исполнении Б. Ефимова. В 1923 г. в «Известиях» была опубликована его карикатура «Сумасшедший дом „Европа“», на которой Марков изображался в компании Муссолини, Пилсудского, Хорти, Керзона, Бурцева, Савинкова и др.⁷; наряду с другими правыми: В.М. Пуришкевичем и В.В. Шульги-

¹ Музей Ленина в Октябрьскую годовщину // Правда. 1927. 27 октября.

² Крокодил. 1922. № 18 (30). С. 484.

³ Крокодил. 1923. № 12 (42). С. 678.

⁴ Крокодил. 1923. № 33 (63). С. 1070.

⁵ Крокодил. 1923. № 12 (42). С. 683.

⁶ Там же; Крокодил. 1924. № 24 (104). С. 8–9.

⁷ Известия. 1923. 4 февраля.

ным — Ефимов изобразил его как лидера СРН на страницах первого тома «Истории гражданской войны в СССР» (1935)¹, а в 1936 г. тот же карикатурист представил вождя русских правых в образе зубра, римским салютом приветствующим фашиста в рогатом шлеме². На страницах же киевской газеты «Большовик» 1937 года Марков предстал в виде черносотенного громилы: угрожающая поза, засученные рукава, волосатые руки, держащие бутылку и дубину, на груди знак с двуглавым орлом и большой крест, на поясе — кобура, а за спиной — кабак и церковь³.

Интересно, что если на всех советских карикатурах 1920–1930-х гг. Марков изображался в хорошо узнаваемом образе, который был присущ ему в дореволюционный период, то в статьях и новостных заметках, опубликованных в газетах, нашло отражение радикальное изменение внешнего вида правого политика. В 1926 г. «Известия» писали: «Вот Марков 2-й. Он постарел, запустил бороду и совершенно утратил свое былое сходство с Петром I»⁴ (как отмечал по этому поводу сам Марков в письме к племяннику: «...не заблуждайся в отношении моей нынешней наружности: не только на Петра Великого я больше не похож, но даже и на Екатерину II, ибо все ж ношу бороду»⁵).

Однако к образу Маркова обращались не только в карикатурно-сатирическом ключе. В 1920–1930-е гг. его имя неоднократно упоминается на страницах крупнейших советских газет «Правда» и «Известия». Поводы, по которым советские журналисты вспоминали о вожде черной сотни, были разными. Иногда они были чисто информационными, когда речь шла об эмигрантских мероприятиях с участием Маркова или его публичных выступлениях в зарубежье⁶; иногда его имя использовалось как нарицательное и для сравнения с европейскими правыми политиками 1920–1930-х гг. (например, с основателем *Action française* Леоном Доде⁷, министром внутренних дел Великобритании Уильямом Джойнсоном-Хиксом⁸ и редактором германской нацистской газеты

¹ История Гражданской войны в СССР. М., 1935. Т. 1. Подготовка Великой пролетарской революции (от начала войны до начала Октября 1917 г.). С. 18.

² «Встреча двух зубров». Карикатура Б. Ефимова на Н. Маркова. 1936 год // Жуков Д.А., Ковтун И.И. Русские эсесовцы. М., 2010. (Вклейка с иллюстрациями.)

³ Большевик (Київ). 1937. 21 жовтня.

⁴ Белоэмигрантские гадания и мечты // Известия. 1926. 7 октября.

⁵ Иванов А.А., Машкевич С.В., Пученков А.С. Неизвестные страницы эмигрантской биографии Н.Е. Маркова (по материалам личных писем политика) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 1. Ч. 2. С. 83.

⁶ Марков II за работой // Известия. 1921. 12 января; Вардин Ил. От Маркова — до Мартова // Правда. 1921. 3 апреля; Мих. К[ольцов]. Движение монархистов // Правда. 1922. 30 ноября; Мих. К[ольцов]. По белой прессе // Правда. 1922. 5 декабря; Всероссийский поместный собор // Известия. 1923. 8 мая; Рыклин Г. Спасают... // Известия. 1925. 1 октября; Мих. К[ольцов]. Русский фашизм! // Правда. 1926. 28 апреля и др.

⁷ Раппопорт Х. Парижские письма // Известия. 1924. 5 января.

⁸ Английские Пуришкевичи // Известия. 1926. 3 марта.

«Штурмовик» Юлиусом Штрейхером¹); иногда — при обращении к дореволюционному и революционному прошлому², а порой это были материалы, специально посвященные «курскому зубру».

Продолжая вслед за дореволюционными левыми пренебрежительно именовать правого депутата «Марковым-валяй»³, советские газеты вместе с тем обращали внимание, что это «наиболее энергичный, решительный и практичный» политик⁴; писали о его «величественном» облике и характеризовали как «вдохновенного трибуна»⁵; приписывали ему огромное влияние на эмиграцию, которого бывший лидер СРН не имел, и даже договаривались до того, что под влиянием Маркова находится эмигрантская либеральная пресса. Писатель и журналист Г.Е. Рыклин писал на страницах «Известий»: «Личность сия нам известна по выступлениям в Государственной думе. Тогда во всей так называемой „левой“ прессе очень зло вышучивали этого царского комедианта. Теперь многие сотрудники либеральных газет ходят под началом Маркова 2-го, а пикнуть не смеют. Теперь это — их начальство. Ибо горький хлеб свой они зарабатывают в газетах, которые идейно руководятся Марковым и людьми, созданными по его образу и подобию. И в таком погромном черносотенном листке, как „Возрождение“, откуда бежали даже такие матерые реакционеры, как П. Струве и В. Шульгин, продолжают до сих пор работать в качестве служащих у господ Марковых и Гукасовых некоторые сотрудники „Киевской мысли“ и других „левых“ изданий»⁶. На деле же либеральные эмигрантские газеты ничего общего с Марковым не имели: влияние правый политик имел лишь на своих немногочисленных единомышленников, да и то к моменту выхода статьи в «Известиях» из-за расхождений со своими соратниками он был вынужден покинуть пост председателя Высшего монархического совета (ВМС). Что же касается «Возрождения», то этот умеренно-правый орган русской эмиграции также никоим образом не зависел от Маркова, и хотя был по отношению к нему куда более сдержанным и корректным, нежели издания, стоявшие левее, тем не менее, отзывался о крайне правом политике не без иронии⁷.

¹ *Комп. И. Валяй-Штрейхер* // Правда. 1935. 2 ноября.

² У истоков Октября (Февральский переворот 1917 года) // Правда. 1926. 12 марта; Нужда и плеть ходили за нами. Рассказы колхозников артели имени Урицкого Щигровского района Курской губернии // Правда. 1937. 10 марта; *Леонтьев А.* Политические партии в Февральской революции // Правда. 1937. 12 марта и др.

³ Это прозвище закрепилось за лидером думских правых в связи с тем, что во время выступления думских оппозиционных ораторов он нередко позволял себе делать возглас с места: «Валяй!» В ответ левые стали тем же словом комментировать речи самого Маркова. См.: *Седова Я.А.* Октябрьский режим. М., 2018. Т. 1. С. 371–372.

⁴ *Окунев Я.* Лик зверя // Правда. 1923. 23 августа.

⁵ *Колосов Ал.* Октябрь в вотчине Маркова 2-го // Известия. 1927. 29 октября.

⁶ *Рыклин Г.* О престоле и блюстителе // Известия. 1928. 4 апреля.

⁷ См., напр.: *Иудо-масонство в мировой истории.* На докладе Н.Е. Маркова // Возрождение. 1926. 5 декабря; *Малаев Н.* Колониальный проект // Возрождение. 1931. 4 июля.

Отслеживая настроения русской эмиграции, «Известия» в 1924 г. поместили пересказ беседы Маркова, бывшего в это время председателем ВМС, с одной из берлинских газет¹. В частности, «Известия» отмечали, что Марков заявил, «что восстановление монархии не является первой и главной задачей монархистов», что великий князь Николай Николаевич, на которого он тогда ориентировался, «выступает не как претендент на престол, а лишь как хранитель трона и диктатор». «Николай Николаевич намеревается, — заявил Марков, — возвратиться на родину не для мщения, а лишь для наведения порядка. Остатки русской армии — врангелевской в Болгарии и Юго-Славии, генерала Глебова в Восточной Азии — ждут его приказания», — цитировали «Известия» слова эмигрантского политика. Также указывалось, что Марков с сожалением отмечал отсутствие единства между великими князьями Николаем Николаевичем и Кириллом Владимировичем, но при этом выражал удовлетворение тем, что получаемые им сообщения из СССР «чрезвычайно благоприятны» для монархистов, «ибо они подтверждают, что монархическое движение, несмотря на все преследования, разрастается». Пересказав интервью Маркова и дав из него отдельные цитаты, «Известия» ограничились лишь таким редакционным комментарием: «Печать срединных партий иронизирует по поводу оптимизма русских монархистов»². Надо отметить, что «Известия» передали содержание беседы Маркова с берлинским изданием достаточно точно, за исключением сюжета о вере Маркова в разраставшееся монархическое движение в СССР — об этом в оригинальной публикации не говорилось ни слова. Кроме того, советская газета опустила и некоторые детали. Так, в публикации в «Deutsche Allgemeine Zeitung» говорилось, что «последователи великого князя Николая не оспаривают права великого князя Кирилла на наследование трона а priori (хотя и выдвигают некоторые весомые возражения), но желают, чтобы вопрос престолонаследия был отложен, пока великий князь [Николай] не выполнит свою задачу [по наведению порядка в России]»; что смерть императора Николая II «еще не доказана окончательно» (хотя сам Марков в ней не сомневается); что великий князь Николай Николаевич, несмотря на то что в годы Первой мировой войны был Верховным главнокомандующим Русской армии, не является врагом Германии, как Гинденбург и Людендорф не являются «врагами русских»; что «Германия и Россия зависят друг от друга и должны друг друга дополнять», и «русский, любящий свое Отечество, не может быть врагом Германии»³. Впрочем, понятно, что такие частности советскую газету не интересовали, а потому и были опущены.

Не обошла вниманием советская пресса и участие Маркова в работе Российского зарубежного съезда в Париже в 1926 г. Характеризуя

¹ См. оригинал: *U. St. Aktivität russischer Monarchisten. Unterredung mit Markow // Deutsche Allgemeine Zeitung. Tägliches Rundschau*. 12.06.1924. Выдержки из этой беседы также приводились в эмигрантской кадетской газете «Руль» (13.06.1924).

² Надежды русских монархистов // *Известия*. 1924. 14 июня.

³ *U. St. Aktivität russischer Monarchisten*. Автор благодарит за перевод материала с немецкого К.Д. Котельникова.

выступление правого политика, «Известия» писали, что Марков требовал «успокоить крестьянскую совесть, посадив на нее верхом помещика, земского начальника и черносотенного попа». Иронизируя по поводу речи Маркова, «Известия» приглашали его приехать в родную Курскую губернию, где он сравнительно недавно еще «царствовал», обещая ему, что стараниями курских крестьян, о которых вспоминает политик-монархист, его представления об их настроениях нашли бы «свое вечное упокоение»¹. Сравнивая выступления на съезде эмигрантских политиков различных направлений, автор статьи в «Известиях» констатировал: «Марков занимает крайний правый фланг: он за полную откровенность, „за распояску перед целым миром“, как укоризненно пишут „Дни“. Он оправдывает репутацию, нажитую им еще в хлеве Государственной думы: „Марков-валяй“. Валяй в тактическую резолюцию всю „нашу общую цель“: вознаграждение помещикам, иностранную оккупацию, виселицы и порку»². Однако, как и следовало ожидать, выступления Маркова на Зарубежном съезде были поданы советским изданием весьма тенденциозно и с явными искажениями. На деле же политик говорил о том, что ради объединения антибольшевистской эмиграции правые монархисты готовы на время свернуть свои знамена, что «ни политическая, ни имущественная реставрация в России невозможна», и что «Россия после тяжелых испытаний явится совершенно новой и обновленной»³. И если «Известия» утверждали, что Марков призывал на съезде к реставрации крепостнических порядков, то на деле политик говорил совершенно иное: «Тут пытались ... бросить на нас клеймо „реставраторов“. Да, мы реставраторы. Мы люди, которые хотят восстановить. Но что восстановить? Отечество! Свободу своего народа! Мы хотим вернуть порядки, когда народ умножается и богатеет. И не только мы, правые, вы все — реставраторы. (Аплодисменты.) Но словом „реставраторы“ лукаво играют. Говорят, что мы хотим вернуть помещиков, кабалу русского народа. Этой реставрации мы не хотим. (Шумные аплодисменты, голоса: „Браво!“)»⁴.

В 1926 г. «Известия» сообщили о лекции Маркова, в которой он обличал... «жидомасонов». Решив, видимо, что такой информационный повод как нельзя лучше подходит для окончательной компрометации в глазах советского человека монархической эмиграции, рупор ЦИК СССР не жалел красок: «Марков 2-й прочел лекцию „о жидомасонах“. Разумеется, лекция была не только философско-научной; это была сама жизнь, жгучая и яркая, и руки с резинами и кистенями поднимались кверху, вдохновленные великим оратором, политиком и вождем. Завтра же результаты были налицо. На вечере, посвященном памяти Винавера, марковские молодцы пустили в ход свои дубинки и очутились в парижском участке за дробление скул и прочее членовредительство. Они забыли,

¹ Шпилька И. «Умолчание мысли» и Марков-валяй // Известия. 1926. 16 апреля.

² Там же.

³ Российский зарубежный съезд. 1926. Париж: Документы и материалы / Сост. М.А. Котенко, И.В. Домнин. М., 2006. С. 508.

⁴ Российский зарубежный съезд. 1926. Париж: Документы и материалы. С. 601.

что прикрытия, вроде, например, Департамента полиции или Корпуса жандармов, — там, в изгнании (увы и ах!), нет для них»¹. Антисемитизм, которым Марков действительно славился, неоднократно становился поводом для того, чтобы вспомнить его имя на страницах советских газет. Но иногда это получалось у советских журналистов весьма своеобразно. Так, например, автор «Правды» писатель Я.М. Окунев (Окунь) в статье «Лик зверя», обличая «погромные подвиги белогвардейщины», умудрился поместить в одну компанию и антибольшевистски настроенных еврейских деятелей, и черносотенца Маркова. «...Идеологи еврейской буржуазии: Гессен, Винавер, Слиозберг, сионист Пасманик — шли единым строем с погромным шефом Валяй-Марковым, с „чего изволите“ Сувориным, с жидоедом Шульгиным. <...> Гессены, Винаверы, Пасманики направляли дубину, нож и пулю погромщиков вместе с Валяй-Марковыми. Но Марковы, по крайней мере, откровенно провозглашали лозунг „бей жидов — спасай Россию“, а Гессены и Слиозберги, прикидываясь плакальщиками еврейского народа, славили под хулиганский посвист дубину, кромсавшую еврейскую бедноту»². Данный пассаж, конечно, не имел ничего общего с действительностью. Ни перечисленные деятели еврейского происхождения, ни вождь черной сотни Марков³ в еврейских погромах, а тем более в погромах, совершенных в годы Гражданской войны, повинны не были. Да и приписанный Маркову лозунг, несмотря на крайний антисемитизм правого политика, никогда им не провозглашался. Впрочем, историческая правда не сильно интересовала газету «Правда», а для демонизации еврейских деятелей, не пошедших вместе с большевиками, Марков подходил как нельзя лучше.

Трудно было не вспомнить о Маркове, когда советская пресса публиковала материалы о Курском крае. «В прошлом Курская область, — говорилось в одной из публикаций, — классический пример и крестьянского оскудения, и пережитков крепостничества, идеологом которых был щигровский помещик, член Государственной думы Марков 2-й — фигура, ярко воплотившая в себе все отвратительные черты русской реакции и мракобесия»⁴. В одном из материалов «Известий», посвященном успехам социалистического строительства на местах, подчеркивалось, что успехи эти достигнуты «в том самом Курске, известном своими „курскими зубрами“ (Марков 2-й и К^о)»⁵. А в «Правде» в статье «Экскурсия в прошлое» повествовалось о том, как известный «хулиганскими речами» Марков превратил Курскую губернию «в свою вотчину», «губернию бешеных помещиков и купцов-мракобесов» и «цитадель Союза русского народа», сделав Курск «городом мрака, невежества, городом

¹ Ольшевец М. Десятый белоэмигрантский... // Известия. 1926. 27 ноября.

² Окунев Я. Лик зверя // Правда. 1923. 23 августа.

³ См.: Иванов А.А. Черносотенный террор в оценках и трактовках лидера Союза русского народа Н. Е. Маркова // Известия лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 3. С. 180–190.

⁴ Мощная поступь колхозных побед // Курская правда. 1934. 7 ноября.

⁵ На местах // Известия. 1921. 11 августа.

черносотенных дум и управ»¹. В 1936 г. в ходе обсуждения проекта новой советской Конституции один из курских колхозников заявлял: «Колхозники нашего сельсовета и района хорошо помнят звериный режим царского правительства. <...> Нагайками казаков Марковы осуществляли свою власть, издевались над народом. Все это сейчас ушло безвозвратно в далекое прошлое»².

Но не всегда оценки деятельности Маркова-помещика выходили однозначно негативными (хотя, безусловно, советские авторы стремились именно к этому). Племянник курского депутата А.Л. Марков в эмиграции вспоминал, что в 1923 г. «Правда» удостоила его дядю статьей, послав в Щигры «одного из своих корреспондентов, Кольцова»: «Этот последний, после изложения своих длинных разговоров с крестьянами о прошлом, ничего не нашел лучшего, как обвинить отца и дядю в том, что они, будучи врагами революции, энергично работали по проведению столыпинской реформы выделения на хутора крестьян, благодаря чему, по выражению Кольцова, на „сцену вышел крепкий кулак-хуторянин, верная опора царского режима и враг всякой общины“». «Это заключение советского борзописца является лучшей аттестацией той полезной для России деятельности, которую вели в их родных местах мой отец и дядя», — заключал А.Л. Марков³.

Обнаружить статью М.Е. Кольцова в «Правде» за 1923 г., посвященную Н.Е. Маркову, нам не удалось. Но вполне возможно, что память подвела мемуариста, и речь идет о статье спецкора «Известий» А. Колосова, вышедшей в 1927 г. к 10-летию Октябрьской революции⁴. Посетивший бывшее имение «курского зубра» советский журналист пообщался с местными крестьянами и по их рассказам составил портрет помещика-черносотенца. «Ну, чистый, можно сказать, Петр Великий. По обличию, конечно, а кишкой бандит вышел», — так в интерпретации спецкора «Известий» отзывался о бывшем барине крестьянин Емельяныч. Марков в этом рассказе представал строгим и жестоким помещиком-самодуром, «человеком бычьей физической силы», за любую провинность матерившим и бившим крестьян, из-за чего, мол, последние после революции даже посылали ходяков к Ленину с просьбой, чтобы «Маркова на деревню предоставить, и чтобы суд ему — в Щиграх. <...> Тогда у мужиков даже тоска была: желали Маркова на месте судить. Жена, конечно, осталась, но ее не тронули: словно тоже как забитая была. Однажды ночью оделась монашкой и дочери тоже... ну, сиганули, конечно»⁵. Напомнив о том, как не без стараний правого политика в Курской губернии была подавлена революция 1905 года, Колосов далее характеризовал деятельность Маркова-помещика во время столыпинских преобразований:

¹ Рыклин Г. Экскурсия в прошлое // Правда. 1936. 30 октября.

² Блестящая страница в истории нашей родины // Курская правда. 1936. 29 июня.

³ Марков А.Л. Родные гнезда. Сан-Франциско, 1962. С. 65–66.

⁴ Колосов Ал. Октябрь в вотчине Маркова 2-го // Известия. 1927. 29 октября.

⁵ Там же.

«Волей Маркова, пред чьим именем трепетали губернаторы и епископы, управы и банковские чиновники, в Лобановке — так называется часть Охочевки, примыкающая к усадьбе, — вырос и вышел на улицу, на сход и в поле крепкий кулак. Марков сумел наделить его землей за счет разорявшихся односельчан, бежавших затем в Сибирь, Семиречье и на Кубань или ушедших на отхожие промыслы. С 1912–13 годов — в период предельного расцвета погромной славы Маркова — усадьба его и земли охранялись не только урядником, жандармом и стражниками, но и кулаком-лобановцем, сменившим рюриковский лапоть на смазной сапог, этот пресловутый символ „первоначального накопления“ в дореволюционной деревне»¹. Но поскольку обвинения Маркова в том, что он был причастен к росту благосостояния части местных крестьян и созданию крепких хозяйств, звучали не очень убедительно, автор статьи напирал на социальное расслоение, усилившееся в деревне в результате этих преобразований: «Марков 2-й на потрясающей и возрастающей нищете сотен крестьянских семей поднимал к сытой православной жизни два десятка верных и благодарных сынов „Союза русского народа“. Курские, орловские, воронежские захребетники имели полное основание славословить своего учителя и вождя, чей гений указал им путь, ведущий, казалось, прочь от мятежных смерчей 1905 г.»². Другим «грехом» Маркова-помещика, который обличал советский журналист, являлась его рационализаторская деятельность по переводу поместья на «капиталистические рельсы». Перечисляя экономические инициативы и задумки Маркова, Колосов заключал: «Этот процесс был приостановлен войной, но он нес в себе физически ощутимые перспективы сказочного обогащения помещиков»³. Завершая статью, автор приводил слова местных активистов: «Марков хотя и помер⁴, но сук еще за границей много», «перебить их зараз», «вот на то и аэропланы с газом...»⁵. И в качестве последнего, видимо, призванного стать «убийственным» аргументом, Колосов сообщал, что по итогам схода, на котором помимо прочего вспоминали «козни» бывшего помещика, крестьяне собрали 50 рублей на постройку аэроплана, «взрывающего вождения Марковых и крепящего мощь и величие рабоче-крестьянского Октября». «Марков, вам нравится этот символ?» — завершал риторическим вопросом свой материал Колосов, полагая, видимо, что сбор денег с крестьян на аэроплан является ярким примером преимущества социалистической системы хозяйствования над дореволюционной — «марковской».

При этом советских журналистов, описывавших марковское наследие в курской деревне, похоже, не особо беспокоили явные противоречия и нестыковки. И если один из них утверждал, что «курские зубры, марковские черносотенные „соловьи“, щигровские помещики <...> оставили в этих ...

¹ Колосов Ал. Октябрь в вотчине Маркова 2-го // Известия. 1927. 29 октября.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Марков умер значительно позже, 22 апреля 1945 г.

⁵ Колосов Ал. Октябрь в вотчине Маркова 2-го.

местах мрачные следы азиатской дикости и первобытного варварства»¹, то другой, описывая те же края, сообщал, что накануне революции, когда Марков посетил Щигры и свое поместье, «в последний раз несли его „кровки“, несказанные орловские рысаки, по безмерным разливам ржаных, овсяных, гречишных полей; по-прежнему крестьянские руки лихо-радочно срывали с седых, рыжих, бурых голов шапчонки; по-прежнему благоухали для него вишневые сады, клумбы нарциссов и хризантем, сбегавшие по усадебным склонам к тихим водам громадного пруда, где „водились серебряная карпия и налимы с двухгодовалого ребенка“»². И хотя все это, как пояснял советский автор, было исключительно для помещика Маркова, а не для крестьян (видимо, вплоть до благоухания садов и цветов), то все равно очевидно, что считать такое хозяйство «азиатской дикостью» и «первобытным варварством» было бы совершенно несправедливо. Между тем, как сообщал автору курский краевед Б.М. Голованов, сам являвшийся потомком одного из «марковских» крестьян, память о барине среди местных была жива еще долго: в частных разговорах они отзывались о нем уважительно; старики вспоминали, что вел он себя с крестьянами достойно (хотя подворовывавшим у него лес мог и «в ухо дать»), не гнушался помочь мужику поднять опрокинутый воз, да и вообще нередко оказывал помощь «своим» крестьянам. Так, железная крыша, которую прадед Голованова установил в 1911 г. на новом доме на деньги, полученные от Маркова после случившегося пожара, простояла аж до 1987 г.³ На то, что Марков при всей сложности и крутости своего характера был для крестьян «своим», обращал внимание А.И. Куприн. В малоизвестном фельетоне, написанном в 1923 г.⁴, Куприн, отмечая, что помещик Марков жил «около мужика, вплотную, близко», писал: «...даст Бог, придет время возвращения на родину, и Марков чудесно столкнется со своими соседними мужиками. Правда, руготни будет много. „Земля Царева“, — скажет Марков. „Ан нет, Божия и наша“, — упрется мужик. „Тебя, подлеца, мало драли“, — скажет Марков. „А теперь руки коротки“, — скажет мужик. „Слепороды вы, рубленые головы!“ — крикнет Марков. А мужик ответит почтительно: „Сам ты, батюшка, барин-дворянин — черная спина“». И после этого мирного торгашеского диалога приступят к затейливому торгашескому дележу земли. И та и другая сторона взмокнут и охрипнут от усталости. Однако потеснятся и заживут в ладу без урядника и полицейского. Мужики придут к Маркову в ведренную погоду на помощь, а на свои именины он поставит для них столы с пирогами. А когда мужики в день святого Медосия, или святого Языконта, или просто во Вздумьев день сварят брагу, то лучшим гостем у них будет на беседе Марков. И еще припрашивать станут: „Что, барин, скоро уходишь? Побеседуй еще. Или

¹ Римский Л. Золотые семена // Огонек. 1930. № 11 (363). С. 8.

² Колосов Ал. Октябрь в вотчине Маркова 2-го.

³ Иванов А.А. «Он силен волею и темпераментом...» С. 44–45; Письмо Б.М. Голованова — А.А. Иванову // Личный архив автора.

⁴ Выявлен Е.А. Осьминой. См.: Осьминина Е.А. «Русская газета» // Литература русского зарубежья. 1920–1940. М., 2004. Вып. 3. С. 151–152.

брезгуешь?« И пианино ему возвратят. Правда, чуть подпорченное курами и без струн. Почему так выйдет? Да просто потому, что они между собою свои, родные, говорящие и думающие на одном языке, сосавшие одну и ту же грудь матери-земли в продолжение столетий. А что ссорились, так это давно известно, что чем ближе родня, тем острее и жгучее ссора»¹.

Курская пресса также не могла не напомнить и про выборы в III и IV Государственную думу, на которых неизменно побеждали правые. Объясняя своим читателям, как такое могло произойти, «Курская правда» рисовала картины злоупотреблений и фальсификаций, объясняя их диктатурой Маркова — «душителя и палача народа» — и послушных ему «пьяных мелкопоместных землевладельцев», которые «всякого, кто мало-мальски внушал опасения, разделявали под орех»². Характеристики, которых удостаивался правый депутат в этих материалах, были вполне в духе времени: «известный мракобес», «черносотенный зубр», «вожак черносотенной своры», «дворянин-палач», «черносотенный заправила», «кровоавый громила», «держиморда» и т.п.³. Прославляя «подлинный демократизм» выборов 1937 г. в Верховный Совет СССР, печать Курска в очередной раз вспомнила о Маркове, сообщив читателям, что выбирала его в царскую Думу «ясно буржуазия»⁴.

Иногда советская печать вспоминала и «черносотенные афоризмы» Маркова. Так, известный советский писатель Л.А. Кассиль в очерке, посвященном 15-летию ЦАГИ — Центрального аэрогидродинамического института в Москве, желая подчеркнуть прогрессивность СССР по сравнению с «отсталой» и «реакционной» царской Россией, напоминал слова Маркова о том, что «надо сначала обучить летать полицию, прежде чем разрешить полеты обывателям»⁵. Эти слова депутата советская (да и эмигрантская⁶) печать неоднократно повторяла и позже⁷. Однако, вырванные из контекста, они несколько искажали смысл сказанного правым политиком. Выступая с думской трибуны 18 февраля 1910 г., Марков говорил не просто об обывателях, а о неблагонадежных элементах, и высказывание его было направлено не против прогресса, а против того, чтобы государство устранилось от контроля над начавшей стремительное развитие авиацией. «Член Государственной думы Маклаков возмущался, как это у нас нет ни одного авиатора, еще де ни один русский человек не полетел, а полиция уже устанавливает всякие правила безопасности для летания, — говорил Марков. — Что

¹ Куприн А. Знатоки // Русская газета. 1923. 4 июня.

² Финк В. «Выборы» // Курская правда. 1936. 7 ноября.

³ Мысли избирателей // Курская правда. 1937. 9 августа; Б.С. Курская деревня перед Октябрем // Курская правда. 1937. 5 ноября; Б.С. Курские депутаты в Государственной думе // Курская правда. 1937. 12 декабря.

⁴ Мысли избирателей; Верховный Совет СССР // Курская правда. 1938. 12 января.

⁵ Кассиль Л. Труба Николая Егорыча // Известия. 1933. 23 декабря.

⁶ Марков 2-й об авиации // Возрождение. 1939. 13 октября.

⁷ См., напр.: Бобров Н. Пионер русской авиации // Советская молодежь. 1949. 17 марта.

же тут дурного? Во-первых, кой-кто уже и летает, а во-вторых, надо смотреть и вперед. Ведь этак, если поступить по маклаковскому рецепту, какой-нибудь Стенька Разин полетит на аэроплане и бросит бомбу в Царском Селе. А кто будет виноват? Я думаю, что сам Маклаков тогда первый скажет, что вот такая у нас скверная полиция. Нет, прежде чем вас пустить летать по воздуху, надо научить летать за вами полицейских»¹. И хотя эти слова Маркова были подняты на смех еще дореволюционной прогрессивной печатью и охарактеризованы ею как «невежество и мракобесие»², очевидно, что фраза правого депутата о «летающих полицейских» была лишь фигурой речи и ораторским приемом, а вовсе не призывом остановить развитие авиации. Комментируя слова Маркова, Кассиль писал: «Забавно читать это сейчас, когда забыт Марков 2-й со своими черносотенными афоризмами, когда в мастерских опытного завода ЦАГИ отращивает крылья гигант „АНТ-20“»³. Однако справедливость требует заметить, что в СССР, в отличие от дореволюционной России, контроль над авиацией и пилотами как раз оказался всецело в государственных руках, то есть то, что имел в виду Марков, и было воплощено в жизнь.

Впрочем, и попытка Кассиля представить Маркова как совершенно забытого персонажа русской истории получилась не особо убедительной, поскольку и сам писатель, и его читатели понимали, о ком шла речь, да и советская пропаганда не спешила предавать образ правого политика забвению. В 1937 г. на экраны вышла вторая часть популярной трилогии о рабочем-революционере Максиме — художественный фильм «Возвращение Максима», в котором было показано заседание Государственной думы в 1914 году и, в частности, выступление Н.Е. Маркова, посвященное рабочему вопросу. В этой картине Марков в исполнении актера Н.В. Чистякова, хоть и был представлен довольно карикатурно (но при этом весьма похоже внешне), находился в кадре несколько минут, олицетворяя собою силы реакции. Показательно, что и советская пресса, написавшая о выходе кинофильма, не обошла вниманием факт появления в нем правого депутата. Пересказывая сюжет картины, автор «Известий», литературовед, переводчик и публицист М.С. Живов писал: «Рабочий Питер бурлит. Марков 2-й вопит в Государственной думе, требуя репрессий против рабочих, правые от попов до кадетов аплодируют черносотенцу, а Чхеидзе нерешительно поднимает руки, не зная, настал ли уже час, когда он должен аплодировать Маркову 2-му»⁴. И хотя описанная советским автором трогательная сцена единения всех «контрреволюционных» сил от черносотенцев до Чхеидзе⁵ была крайне далека

¹ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия третья. СПб., 1910. Ч. II. Стб. 1816.

² [Передовая статья] // Библиотека воздухоплавания. 1910. № 5. С. 5.

³ Кассиль Л. Труба Николая Егорыча.

⁴ Живов М. «Возвращение Максима» // Известия. 1937. 5 мая.

⁵ М.С. Живов немного ошибся: в фильме Н.С. Чхеидзе собирался рукоплескать не лидеру правых, а порывался присоединиться к устроенной черносотенцами обструкции выступавшему вслед за Марковым депутату-большевику.

от действительности, обращение к образу Маркова, что в фильме, что в статье о нем, было весьма показательным.

Не остался незамеченным советской прессой и переезд Маркова из Парижа в Берлин, связанный с началом его сотрудничества с германскими национал-социалистами. Сравнивая немецких нацистов с русскими дореволюционными правыми, «Правда» в 1935 г. писала: «Теперь в Германии у власти немецкие черносотенцы, и без всякого удивления мы читаем о том, что в Берлин прибыл и пользуется особым расположением Штрейхера известный погромщик царского времени Марков-второй. Кому же лучше и понимать дух и существо фашистского национализма, как не ему, бывшему курскому помещику, дополнявшему доходы от имени казенной субсидией на патриотизм. За Марковым-вторым укрепилась кличка „Валяй-Марков“. Он действительно валял дурака на потеху людям. Он ничего другого и не мог делать. С этими Валяй-Марковыми и пошла ко дну царская монархия. Теперь Валяй-Марков вынырнул в Берлине. Конечно, тут не только сродство душ германского и русского черносотенства. Валяй-Марков понадобился Геббельсу, как он нужен был в свое время царским министрам. Прикармливая русских белогвардейцев, германский фашизм сколачивает особую антисоветскую свору. Но роковым для себя образом он копирует стиль прогнившей насквозь и провалившейся царской монархии. Своего собственного Пуришкевича германский фашизм уже имеет в лице шута Розенберга. Теперь есть Валяй-Штрейхер. Скоро объявится свой Распутин. Если среди белоэмигрантов есть бывшие сибирские конокрады, они могут сделать в Германии неплохую карьеру»¹.

Накануне Второй мировой войны упоминания о Маркове в советской периодической печати встречаются все реже, а позже фактически и вовсе сходят на нет. Во многом это объяснялось постепенной утратой интереса к когда-то известному политику. Место сильно постаревшего Маркова заняли новые герои и антигерои, да и сам бывший лидер СРН и правой монархической эмиграции к этому времени из активного политика превратился в рядового «писателя» (как он сам себя аттестовал в немецкой анкете 1944 г.²), работавшего в нацистском информационном агентстве Welt-Dienst («Мировая служба») и его одноименном издании, занимавшихся борьбой с «мировым еврейством». Но деятельность Маркова в последние годы его жизни не нашла никакого отражения в советской прессе. На фоне новых смертельных врагов СССР — германских национал-социалистов — Марков, которому перевалило за седьмой десяток, смотрелся блекло и не вызывал уже никакого интереса.

¹ *Комп. И. Валяй-Штрейхер* // Правда. 1935. 2 ноября.

² *Петров И.Р.* От Союза русского народа до «зголошения побуту чужинця» // Livejournal.com [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://labas.livejournal.com/1216907.html>

Таврические чтения 2021

Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность

Международная научная конференция

Часть первая

Дизайн обложки *Г.В. Метеличенко*
Компьютерная верстка ЦНИТ «Астерион»
Корректор *Е.С. Русанова*

ЦНИТ «Астерион»

Заказ № 160. Подписано в печать: 28.10.2022 г. Бумага офсетная.

Формат: 70×100 $\frac{1}{16}$. Объем: 22,74 п.л. Тираж: 100 экз.

Санкт-Петербург, 191015, а/я 174,

тел.: (812) 685–73–00, 970–35–70

✉: asterion@asterion.ru 🌐: <https://asterion.ru/>

📱: https://vk.com/asterion_izdatelstvo